

ЛЕОНИД ПЛАТОВ
ДОРОГА
ЦИКЛОНОВ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕОНИД ПЛАТОВ

ДОРОГА ЦИКЛОНОВ

РАННИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020

СИМФОНИЯ

Рассказ

Журнал «СМЕНА», №10, 1938 г.

Композитор бродит у входа в фойе бледный, осунувшийся от волнения. «Мясковский прошел, - шепчет он товарищам, нервно косясь на двери. - Штейнберг! Глядите, Шостакович!!». Тревога его растет с каждой минутой. Его беспокоят музыканты, которые репетировали всего два раза. В отчаянии бедняга принимает-ся объяснять это товарищам, чтобы подготовить их к провалу своей симфонии. Провал кажется ему почти неминуемым.

Тем временем наполняется зал. Рядом с профессорами - экзаменаторами усаживаются студенты, пришедшие послушать выпускника. Все в Консерватории знают и любят Володю Бунина, старого комсомольца. Девушки приветственно машут ему цветами. Бодрее, Володя, бодрее! Выше голову! Бунин поднимает голову. «Что бы там ни было, - говорит он, пробираясь в дальний угол, - я уверен в одном: никто не скажет, что симфония надумана. В ней нет ни одного звука, которого я бы не пережил сам».

И пока оркестр настраивает инструменты, а опоздавшие музыканты, гремя пюпитрами, рассаживаются по местам, нам рассказывают историю жизни, которая легла в основу симфонии.

... Часто ночью Володя Бунин вскакивает с постели. Он порывается куда - то бежать, его держат за руки. «Нервы», - говорит он потом, очнувшись, - но правильнее было бы сказать «воспоминания». Они поднимаются со дна памяти, точно болотный туман, зыбкий, призрачный, пугающий.

Иногда Володя боится проснуться. Ему чудится, что он дома, в Скопине, что он еще ребенок, и если откроет глаза, то увидит склоненное над собой злое лицо снохи. Так было однажды. Сноха не могла добудиться его: сон в эти годы крепок. Тогда она ударила его наотмашь. Он ощутил вкус крови на губах - все лицо стало мгновенно мокрым, и испугался. Он выскочил в одном белье на двор, страшно крича, и побежал вдоль улицы. Был март, у заборов лежал желтый снег.

Он жил у братьев из милости, был нянькой, судомойкой, прачкой. Почти не помнил родителей. Отец, колесный мастер, умер, когда Володе не было двух лет, мать - когда исполнилось шесть. А здесь его даже не называли по имени, ему просто говорили «Эй!»

Он помнит себя стоящим среди дровяного сарая и с недоумением разглядывающим старый, заржавленный наган. Только что, опустившись на колени, он приставил дуло к животу и несколько раз нажал курок. Наган остался безответным: что - то в нем, по-видимому, испортилось. Зачем же брат прятал его среди дров? А может быть, Володя просто не умел обращаться с оружием?

Он был тогда подростком. На самоубийство его толкнула зверская порка - наказание за игру без спроса на гармони (ему разрешалось только тренькать на балалайке). Как - то, когда никого не было дома, он попробовал бархатные басы, замирая от наслаждения. Брат узнал о совершенном от соседей, когда вернулся.

Шевеля желваками, он приказал бледному преступнику самолично снять с гвоздя и подать ему его солдатский пояс с тяжелой металлической пряжкой...

Скоро Володя Бунин ушел в беспризорные.

Матово блестя на дожде, тянулись к горизонту рельсы. Все вокруг пропахло карболкой. Под выбеленными стенами вокзалов, на мешках, корчились и бредили тифозные. То был 1919 год. На одной из станций - было это, кажется, в Рязске - Володя пошел на рынок воровать. От голода подвело живот, на лотках лежала соблазнительная требуха, но внимание отвлекла балалайка. Очарованный ею, он топтался подле продавца и приценивался хриплым голосом, хотя в рваных карманах гулял ветер. Сыграв все, что знал, он со вздохом положил инструмент на место.

В это время несколько красноармейцев подошло к ним. Подмышками они несли буханки хлеба, у пояса бренчали солдатские котелки. Они выбирали на рынке хорошую балалайку, но никто из них не умел играть. Продавец, расхваливая свой товар, сделал перебор, сфальшивил, смутился. «Вот мальчишка хорошо играет», - сказал он, указывая на робкую фигурку, жавшуюся к лотку.

Володя сыграл несколько полек, вальс «Ландыш». Красноармейцы похваливали, удивлялись, а после окончательно растрогавшей их песни «Умер бедняга в больнице военной» решили, что и мальчишка должен ехать с эшелоном. С базара они ушли, обнявшись, и счастливый Володя играл на балалайке приличествующий случаю «маршок».

Эшелон двигался на колчаковский фронт с песнями и смехом. Красноармейцы учились у Володи игре на балалайке. Сдвинув в кружок стриженные и бритые го-

ловы, с напряженным вниманием следили они за проворными пальцами своего юного учителя. Колеса аккомпанировали в быстром темпе. Позвякивали в стойке винтовки. Колеблющийся свет фонаря выхватывал из темноты добрые суровые лица, озаряя на секунду, и опять погружал во мрак.

На одном из полустанков Володя случайно отстал от эшелона. Оборвалась струна на балалайке, он отправился на поиски новой, возвратился - и не увидел родной теплушки. Перрон был пуст. Опять он остался один.

Семафоры кивали ему своими круглыми головами. Он ехал, слезал, снова ехал, спрашивая у встречающих, как добраться туда, где лучше жить. Он устраивался на буферах, на крыше или выкапывал среди дров в тендере ямку и свертывался там в клубок. Вокруг кипела гражданская война, а однажды целую ночь они мчались сквозь горевшие леса, зажженные артиллерийским огнем. Полыхавшие оранжевые стены стояли по обеим сторонам пути, в небо летели искры; Володя несколько раз просыпался и снова засыпал в своей ямке, только под утро исчез удушливый запах гари.

На одном из перегонов, где - то под Сызранью, его сбросили с товарного поезда, шедшего под уклон.

Это случилось так.

Пьяный кондуктор - дюжий мужчина с щегольскими усами - ночью разыскал Володю в его норе и пообещал ссадить, если еще увидит. Володя тихонько пробрался по крышам на заднюю площадку. Он очень боялся кондуктора, но колеса успокоительно стучали, и он задремал, прикорнув на ступеньке. Потом открыл глаза. Мимо проносились березки. Он стал тихонько насвистывать печальную, очень понравившуюся пе-

сенку «Позабыт, позаброшен с молодых юных лет...» и вдруг смолк.

Неосторожным движением он обнаружил себя. Раздалась мерзкая ругань, и он увидел кондукторские усы. «Слезай, приехали», - крикнул кондуктор и удалил его по голове...

Наутро его подобрали в беспамятстве крестьяне и выходили с трудом.

В городе Кургане Володю определили, наконец, в детдом.

К 1923 году Володя был уже комсомольцем, столяром - краснодеревцем. Кроме того, он выучился играть по слуху на пианино и был нарасхват на всех курганских танцевальных вечерах. На испытания в Омский музыкальный техникум он поехал со всем своим столярным скарбом, так как еще не был уверен, что из него выйдет музыкант. Закончив техникум, он поступил в Московскую консерваторию на композиторское отделение... Идея симфонии пришла к нему три года назад. Он спешил на лекции в Консерваторию. Вдруг в мозгу явилась простенькая музыкальная фигура, начальные такты симфонии. Он так был оглушен ими, что не расслышал предостерегающего гудка и чуть не попал под троллейбус. Да, он помнит даже место. Это было рядом с Центральным телеграфом. Прекрасное весеннее утро, свежая, ясная голова, приподнятое настроение. Он пошел медленнее, прислушиваясь к самому себе. Внутри клубился хаос звуков, контуры мелодии делались то резче, то вновь расплывались.

Вернувшись с лекции домой, Бунин присел к пианино. В открытые окна неся многоголосый шум. Это был третий этаж общежития студентов Консерватории. От стены дома, стоявшего напротив, звуки отра-

жались, как от огромного экрана. Львиный бас разучивал арию варяжского гостя. Колоратурное сопрано старательно выводило рулады. Пиликали скрипки, рычали трубы, мимо струились нескончаемые гаммы, перегоняя друг друга. То был как бы музыкальный срез этого трудолюбивого дома. Но внешний шум уже не отвлекал Бунина от мыслей.

Симфония все громче и громче звучала в нем. Полузакрыв глаза, ощупью, бережно касаясь клавиш, продвигался композитор такт за тактом в неизвестность. Пришли соседи по комнате, увидели Володю за клавиатурой, занялись молча своими делами: сейчас рано было расспрашивать...

Он поделился своими мыслями с товарищами по комсомолу на открытом комсомольском собрании, когда были готовы первые две части симфонии. Коротко он рассказал свою жизнь. Это было как бы прологом к симфонии, немного суховатым, сбивчивым, - Бунин был куда красноречивее в музыке. Когда он сел на место, пианист тронул клавиши, - и перед собранием предстала только что описанная жизнь, но уже в звуках, могучих и простых!...

... Да, тогда симфонию встретили очень хорошо, много аплодировали, но, может быть, они просто не хотели расстраивать товарища обидным невниманием? Как отнесутся сегодня к его симфонии суровые экзаменизаторы? Сумеют ли понятно рассказать о его жизни скрипки, валторны и виолончели? Бунин старался не глядеть по сторонам, чтобы не выдавать своего волнения. Наступил самый страшный миг его жизни. Дирижер, прямой, празднично щеголеватый, взошел на возвышение и поднял палочку. По залу разлилась тишина.

Первые такты симфонии ми - минор проносятся под сводами, как дуновение ветра. Утро. Утро жизни. Свежесть. Звуки прозрачны и чисты. Мир - такой, каким он отражен в душе ребенка, в светлом - светлом, зеркально спокойном озере.

Но вдруг по озеру проходит рябь.

надвинулись тучи. Все помертвело вокруг. Длинные холодные тени легли на залитые солнцем луга. Валторны! Мрачное рокотанье барабанов!

Как трудно дался ему в свое время этот переход! Он ходил совсем больным от чувств и мыслей, которые не могли найти выхода, потому что он не умел облечь их в нужную форму.

А потом, после многих бессонных ночей, перечеркнув несколько десятков нотных листов, он нашел то, что искал, и с легким сердцем двинулся дальше.

Бунин искоса осматривает зал. Слушают хорошо. Один из профессоров записывает что - то в блокнот. Студентка склонилась на руку, прикрыла ладонью глаза. Неужели слезы? Его симфония доходит, волнует, заставляет плакать?! С неожиданным приливом симпатии он взглядывает на первую скрипку, только что - прекрасно проводшую свою партию. «Чудесные они все - таки люди, эти музыканты! - шепчет он в экстазе. - Хорошо, дирижер! Здесь немного быстрее темп, пожалуйста! Гобои не отстают, нет? Прекрасно!»

Раздается знакомая мелодия. Сначала только силуэт ее, первый намек. Потом мотив становится яснее, подземный родник выбился на поверхность, течет, позванивая по камням. «Эх, позабыт, позаброшен...» Мрачный аккорд обрывает фразу на середине.

Это песенка беспризорного, печальная, хватающая за душу. Сколько раз доводилось мальчику в рваной кацавейке хриплым голосом петь ее в теплушках и на

вокзалах, коротать с нею долгие ночи на тендерах или под скирдой сена! И как мастерски гармонизирована она сейчас!

«...я остался сиротою, счастья - до - ли мне нет!» И басы угрюмо поддакивают: правильно, нет тебе счастья - доли, нет! И далекое эхо с грубой издевкой, с гримасами и кривляньем передразнивает мотив. Ого, счастья захотел, еще чего?

Но уже вновь, откуда - то из глубины, поднимается жизнерадостный лейтмотив начала. Он стал сильнее, размах его крыльев теперь широк. Ну - ка, поборемся!

Бунин слушает себя. В памяти мелькают лица. Всплыло и исчезло, как пузырь над водой, одутловатое лицо кондуктора. Задержались какие - то хихикающие злобные рожи. Возникли добрые, спокойные лица старых его друзей - красноармейцев. Потом закивали ободряющие лица учителей и заискрились улыбки товарищей.

Смелые, триумфальные аккорды, шаги марширующих колонн! Масса идет! Громяхают тяжелые, уверенные шаги. Ничто не страшно коллективу. Безнадежной песенки уже нет: она растаяла, растворилась в солнце...

Да, мысль ясна. Человек, сшибленный с ног, встал, поддерживаемый товарищами, и пошел вперед. Он высоко несет голову, он свободен, силен и счастлив сейчас. Он готов обнять целый мир.

- Автор! Автор! - кричат в зале.

Бунин поднимается на эстраду. Да, человек счастлив, Володя Бунин счастлив сейчас, как никогда! Он пожимает руки дирижеру, первой скрипке, благодарит оркестр: «Нет, вы играли отлично. Спасибо! Большущее вам спасибо!»

Публика выходит в фойе. Бунин стоит подле двери, как хозяин, провожающий гостей. К нему подходят товарищи, поздравляют, благодарят за прекрасный вечер. Значит, удалось, - да? Если так, он сделает то, о чем давно уже втайне мечтал. На заглавном листе своей первой симфонии он надпишет посвящение. Конечно, симфония не закончена, предстоит еще много работы, но если она достойна этого, он посвятит ее 20 - летию комсомола! Коммунистический союз молодежи поднял беспризорного из пыли, поставил на ноги, помог стать композитором, - ему и первое творение композитора.

«И не забыт и не заброшен!» - вот главная мысль его симфонии. Понятна она? Тогда чудесно! И Бунин улыбается хорошей улыбкой. Какое счастье, и впрямь, выпало на его долю - в звуках могучего оркестра отблагодарить родину за все, что она сделала для него!

Композитор по-прежнему еще очень бледен. В левой руке заметно дрожат цветы, подаренные ему только что товарищами по консерватории.

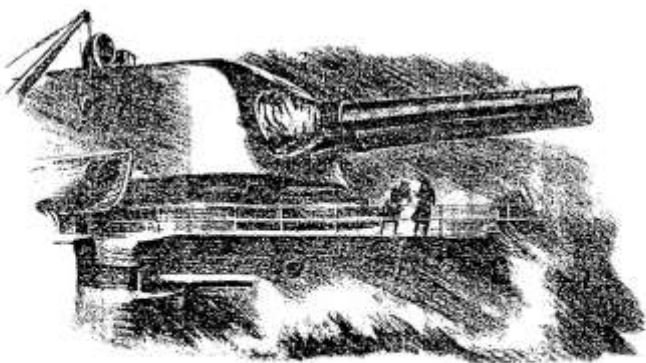

ДОРОГА ЦИКЛОНОВ

Фантастическая повесть

Вся команда вышла на палубу. Мичманский флаг на мачте (стр. 20)

ДОРОГА ЦИКЛОНОВ

Повесть Л. ПЛАТОВА

Рисунки Г. ФИТИНГОВА

Никто в мире не относится к молодым ученым с такой заботливостью, никто так смело не вкладывает им, как у нас. Двухдипломатные профессора нередко встречаются в наших университетах: слева молодой в жиде докто ру изобретения наук, Герои Советского Союза, метеоролог комсомолец Федоров всего двадцать восемь лет.

Уже сейчас в Советском Союзе начинают климат, осуща блага, обирая пустыни, расширя лесные массивы. Этих замечаете пока метеорологи и энтомологи. Метеорологи лишь пробуют предсказывать изменения погоды. Однако можно представить себе в недалеком будущем непосредственное вмешательство метеорологов в циркуляцию воздушных масс. Метод может быть иным, более эффективным, чем тот, который предложил молодой физик и математик в «Дороге циклонов» — именно в том, что советские люди смогут управлять погодой в Арктике и восточнее ее служить человечеству.

ПРОЛОГ

...Вокруг клубится снег. Сумерки. Скрежет льдин, зловеший треск, шорох. Ветер холодный, пронизывающий. Дрейфующую станцию гонит к югу...

Ледяной домик, где работает в одиночестве метеоролог, светится изнутри, как китайский фонарик. Скрип приближающихся шагов. Широкоплечий человек, пригнув голову, переступил порог.

— Поздравляю, дружище, — говорит он густым басом. — У тебя родился сын. Только что принял об этом радиogramму с Большой земли...

В палатке, выстланной мехами, пиршество. Вверх подняты жестяные кубки.

— Ну, всяческого счастья юному гражданину!— кричат из-за стола.— Пусть будет хорошим советским патриотом, ура!

Отец сидит на почетном месте, улыбается своим мыслям, смотрит, не отрываясь, на прыгающие огоньки керосинки.

— Ты что, Женя?

— Да все думаю, какой он станет, когда подрастет. Может быть, как и мы, уйдет странствовать в Арктику.

Арктика ревет за порогом, непокорная, злая. Шквал за шквалом налетает на утлую льдину.

Ученые похитили тайны Арктики, и кажется, что вдогонку за ними мчатся осатаневшие полярные ветры, стаи ветров...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вызов в штаб. — Северо-Восточный
проход. — Ветроустановки и гелиокап-
чаны. — «Медвежата на полюсе». —
Старинный снимок.

Много льда выплеснулось с тех пор в Атлантиче-
ский океан через беспокойное Гренландское море, а с
сыном метеоролога, когда он возмужал и сам по при-
меру отца стал метеорологом, произошло вот что...

Приглашение явиться в штаб застало его на комсо-
мольском собрании, где он делал доклад о предстоя-
щей научной экспедиции к полюсу льдистости. Собра-
ние, понятно, пришлось прервать. Он умчался, захва-
тив с собой на всякий случай ворох синоптических
карт. Комсомольцы разошлись по лабораториям в
приподнятом настроении: казалось несомненным, что
этот вызов находится в какой-то связи с обострением
тихоокеанского конфликта.

По дороге в штаб он обратил внимание на то, что
прохожие замедляют шаги у радиорупоров. Подле
огромного телевизорного экрана стояла внимательная
толпа. До слуха донеслись обрывки передачи:
«...обострилось вновь за истекшие сутки... потоплены
два торговых теплохода... рецидив подавленной в свое-
время агрессии...»

Он о многом передумал, сидя в автомобиле. И все
же вопрос, с которым к нему обратились в штабе, за-
стал молодого ученого врасплох. Его спросили, каковы
сейчас ледовые условия вдоль берегов Сибири. Он от-
ветил недоумевающе, — что в марте, как обычно, усло-
вия неблагоприятны.

Моложавый флагман ободряюще улыбнулся:

— Так вот, Евгений Евгеньевич, надо сделать их благоприятными. Придется вам в Арктическом институте похлопотать.

И потом с прекрасной военной точностью сформулировал задачу:

— Требуется провести эскадру военных кораблей из Балтики в Тихий океан. Кратчайший путь — вдоль берегов Сибири, то есть, через Великий Северо-Восточный проход. В это время года он забит льдом? Освободите его ото льда. — И после паузы: — Привлеките для помощи химиков, энергетиков, гидрологов. Встряхните все научные институты, какие могут оказаться полезными. Мы ждем ответа завтра, к утру.

В тот день против обыкновения во всех комнатах института были включены репродукторы: сообщения о событиях на Тихом океане передавались через каждые два часа. В напряженной тишине лабораторий звучал одинокий голос диктора; сейчас это не мешало, наоборот, заставляло думать напряженнее, сосредоточеннее.

Итак, лед можно было либо растопить, либо раздвинуть. Но где найти для этого достаточно мощные источники энергии?

Энергетики предложили использовать ветроустановки Заполярного круга. Еще в 1937 году шуплый ветрячок на дрейфующей льдине заряжал аккумуляторы кренкелевской рации, выжимая энергию из глупой пурги. С той поры потомство работающего ветрячка разрослось. По всему побережью с запада на восток протянулась длинная вереница долговязых ветровых установок, хлопотно завертели лопасти винтов, и новые заводы и шахты Советской. Арктики заработали на «голубом угле».

На первый взгляд, проект был как будто неплох, но расчеты были сделаны небрежно.

— Не потянете, ребятки, нет — сказал Евгений, проверяя многоэтажные столбы цифр. — Видите, вот! Дело, умножаю, а никак не тает!

Действительно, энергии существовавших станций не хватало для того, чтобы растопить лед по всему побережью Ледовитого океана.

Взамен забракованного проекта огорченные энергетики выдвинули новый, названный ими «солнечным вариантом». Предположено было перебросить электрический ток к Ледовитому океану из Средней Азии. Там давно уже промышленность и сельское хозяйство были переведены на энергию, доставляемую солнечными машинами.

Журналисты прозвали их «гелио-капканами». Это были исполинские вогнутые зеркала, угол наклона которых меняется соответственно движению солнца по небу. Их попробовали впервые применить в начале 30-х годов, и за счет энергии пойманных в «капканы» солнечных лучей были пущены в Ташкенте водоподъемник, механическая прачечная, опреснитель и баня. О бане сейчас вспоминали с улыбкой.

Подсчеты энергетиков оказались на этот раз верными, но обнаружился другой изъян. Как можно было выводить из строя народное хозяйство среднеазиатских республик, лишая его энергии даже на короткий срок, даже на несколько дней.

— Зато у нас с этим в порядке! — сказали бодрыми голосами гидрологи, давно уже дергавшие Евгения за рукав.

И они потащили его в нижний этаж института, где пахло йодом, солью, водорослями, а в углу, в чане с водой, находилась модель Гольфштрема.

Дождь стучался все определеннее, настойчивее, пока он не вылез вон из
с внутреннего дна балкона! «Шквал»

— Предполагаем штурмовать льды теплым течением, — сказали гидрологи. — Мы закроем ему выход к полюсу, отожмем к нашим берегам...

— Минуту! — остановил их Евгений. — Слышали когда-нибудь о том, как пуля попадает в человека и не имеет силы пробить тело? Она застревает в складках гимнастерки или падает на землю, потому что вся выдохлась. Тоже с Гольфштремом. Оказывая еще влияние на климат западной части Арктики, он уже на излете. Подумайте, подле полюса он проползает едва милю в сутки! Нет уж, не теребите вы Гольфштрем. Дайте ему в конце пути уйти на покой, в глубину океана. Ладно?

Гидрологи засмеялись. Что поделаешь — он был прав, и шутка была к месту. Хорошая шутка спланивала в работе, поднимала дух, выравнивала настроение. Так повелось еще со времен легендарного папанинского дрейфа — полярному ученому встречать неудачи и трудности улыбкой!

— Не унывайте, товарищи! — повторял Евгений, обходя комнаты и заглядывая через плечи химиков, синоптиков, океанографов, склонявшихся над своими приборами, картами, схемами. — Мы совладаем со льдом! Куда ему против нас...

Но, поднявшись наверх в свой кабинет и взглянув на стенные часы, брюзгливо, со стариковской педантичностью отсчитывавшие минуты, он подумал, что времени осталось совсем мало и, может быть, институту и впрямь удастся к сроку «пробиться сквозь льды».

За окном была ночь. Отбросив штору, он долго смотрел на тускло поблескивавшую Фонтанку, на отороченные снеговой опушкой перила, на крутившуюся на мостовой поземку. Холодный в этом году март, не приветливый.. Когда еще пожалует в далекие студеные

края весна, когда-то она еще промчится над бескрайней равниной льдин, растормошит их, разметет, как озорной всадник, врезавшийся на полном скаку в медлительную толпу пешеходов. Проклятая лентяйка! Если бы можно было схватить ее за шиворот, волоком протащить, как пленницу, в Арктику!

Он просвистел несколько тактов бодрой песенки «Медвежата на полюсе», но только очень медленно, в минорном тоне. Если бы кто-нибудь из друзей Евгения услышал его сейчас, то значительно покачал бы головой — «Медвежата» служили признаком тщательно скрываемого огорчения.

Он поймал себя на том, что свистит, и усмехнулся. Смешная манера! Повелась с детства, с поры подражания взрослым.

— Что, не ладится, папа? — спрашивал маленький Женя, слыша, как начинает насвистывать в своем кабинете отец.

— Не ладится, сынок! — соглашался тот, и добавлял веселее: — Наладится!

Он очень нужен был сейчас, отец. Нужны были его советы, неуклюжая мужская заботливость, неизменный оптимизм. Он выслушал бы, помолчал, затем сказал бы неторопливо: «Ну, а что ежели эти льды да зацепить каким-нибудь таким крючком...» и продолжал бы думать вслух.

О самых сложных явлениях природы он всегда говорил как-то по-домашнему, запросто. Ученые такого типа могли позволить себе подобную простоту в обращении. То, что для других кабинетных ученых было только схемой, понятием, для него было зримо, вещно. Молодые кандидаты наук говорили о нем восторженно: «Он наощупь пробовал Гольфштрем у полюса!», и мечтали еще о большем.

Как рассуждал бы отец, будучи на его месте? Ничего, что пришлось отвергнуть столько проектов, они загромождали путь, теперь легче идти вперед. Что, если забросить крючок с воздуха? Ударить по упрямым льдам сверху, швырнуть на них бурю, шквал? Льды отступили бы тогда от берега. Открылся бы узкий коридор чистой воды.

Итак, нужны ветры с юга, упорные, сильные, послушные воле метеоролога. Поищем этих ветров...

Евгений продолжал стоять у окна и глядеть на пустынную улицу. Щека его, прижатая к холодному стеклу, онемела. Он подумал об этом, и тотчас же забыл. Внимание его привлекла поземка. В колеблющихся отсветах уличного фонаря маленькие бойкие вихри неслись, кружась вдоль набережной. Что в этом показалось ему интересным?

Он неуверенно засмеялся, а догадка становилась все определеннее, настойчивее, пока он не сказал вслух с некоторым даже удивлением: «Циклоны!» Да, конечно, он заметил сходство. Гигантские вихри должны были возникнуть вдоль всего Северо-Восточного прохода, чтобы протолкнуть эскадру на восток!

Он вызвал для консультации химиков и теплотехников — никто в институте в эту ночь не ложился спать — и, кроме того, отправил радиogramму к берегам Аляски, где на дрейфующей понтонной станции № 212/а находился его отец.

Ответ из Аляски пришел, когда в окнах брезжил рассвет.

В институте по бильду приняли старинный фотографический снимок и несколько слов приписки: «Что-нибудь в этом направлении. Желаю удачи». На фотографии был снят город в момент пожара. Над домами висело клубящееся зарево.

Синоптики, химики, энергетики долго ломали голову над загадочной бильдграммой. Что хотел сказать этим немногословный профессор! Что означал горящий город и зарево над ним?

Кое-кто вполголоса сетовал на якобы излишние предосторожности, — его резко обрывали: «Что ты? Время военное! Столько любопытных в эфире! Разве можно без шифра?».

Но шифр, конечно, был довольно своеобразный.

Только после долгих споров догадались, наконец, что ключ к шифру надо искать в самой метеорологии. Припомнили, что снимок был в свое время опубликован, и изображал пожар Токио во время грандиозного землетрясения в 1923 году. То, что посчитали вначале заревом, на самом деле было огромным облаком.

— Начинаю понимать — сказал Евгений. — Принесите из библиотеки описания наиболее сильных извержений вулканов и землетрясений!

В описании извержения вулкана Кракатау в 1883 году было сказано, как и ожидал Евгений, что во время извержения поднялся ужасный ураган, и был так силен, что донес пыль с Индийского океана до России. Обнаружено было и происхождение облака над горящим Токио. То был след циклона, запечатленный на пленке каким-то бесстрашным наблюдателем. Циклон возник в результате грандиозного пожара.

Совет с берегов Аляски был толчком, который сразу привел в равновесие все беспорядочные и разрозненные предложения. План операции был теперь совершенно ясен. Пожары в Арктике! Костры невиданной величины, разложенные вдоль побережья! А что должно было послужить топливом для них?

Молодой советский химик незадолго перед этим открыл катализатор необычайной силы, который спо-

собствовал бурному соединению силиция с кислородом воздуха, иначе — заставлял землю гореть. До поры, до времени открытие это не опубликовывалось.

Утром, мимо застывших часовых, по сверкающей мраморной лестнице в штаб поспешно поднялись двое — метеоролог и химик. Первый был по-прежнему нагружен картами, второй нес несколько пробирок и щепоть земли для опыта...

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Искусственный ураган. — «Воздушные
истопники». — Пожар в тундре. —
Действие Теплой горы.*

Корабли, плававшие в Норвежском, Северном и Балтийском морях, а также скандинавские метеостанции получили извещение от главной геофизической обсерватории в Ленинграде о том, что послезавтра, в 13 часов, следует ожидать в этом районе шторма. Между тем, собственные их наблюдения говорили о ясной, спокойной погоде. Морозы были устойчивы, и в ближайшие дни не ожидалось никаких перемен.

К мнению советских метеорологов привыкли прислушиваться с уважением, но этот прогноз был настолько неправдоподобен, настолько шел вразрез со всеми синоптическими данными, что его сочли попросту чьей-то неуклюжей мистификацией. Никто из фельетонистов не удостоил его даже плоской шутки; внимание всего мира в те дни было поглощено целиком событиями на Тихом океане — там уже шли бои.

Тем более все были поражены, когда в Гренландском море, точно в назначенный срок, возник шторм. В журнале записей метеорологической станции на острове Ян-Майен дальнейшие события описаны так:

«К полудню погода начала неожиданно портиться. Стал сгущаться туман. Задул резкий норд-вест, и заметно ускорилось движение дрейфующего льда.

«К 13 часам вокруг острова бушевал сильнейший шторм. Ветер выталкивал льдины, бил о скалы, гро-

моздил одну на другую. Грохот был так силен, что наблюдателям пришлось заткнуть уши ватой, чтобы работать с должной продуктивностью.

«В 18 часов 20 минут ураган стих так же внезапно, как и начался. Ледяные валы оцепенели на своих местах. Их стянуло крепким морозом. Мы притушили прожектора, так как луна, выглянувшая из-за разорванных туч, достаточно хорошо освещала все вокруг.

«В 24 часа белое ледяное поле, медленно проплывавшее мимо, вновь заколебалось. Налетел второй, еще более разрушительный ураган, который закончился к 3 часам утра.

«В 3 часа 25 минут директор станции, преодолев естественные колебания, решил, наконец, послать в Ленинград запрос о причине шторма, на что Главная геофизическая обсерватория ответила радиограммой:

«Меняем краткий срок погоду части Арктики. Создавая необходимый отток льда, задеваем рикошетом вас. Скоро закончим. Сожалею причиненном беспокойстве».

Тем временем, балтийская эскадра, назначенная в дальнее плавание, прошла каналом Сталина из Балтики в Белое море и, соединившись с частью Северного флота, накоплялась у мыса Канин Нос. Южная часть Баренцева моря, обогреваемая Гольфштремом, не представляла серьезного препятствия, лед был мелкий, непрочный, но Карские Ворота были забиты наглухо. Флагман, поглядывая на часы, ждал попутных циклонов.

Последние приготовления заканчивались в тундре под Мурманском. Под костер был отведен участок земли вдаль от города — конусообразная гора, верхушку которой решено было сжечь примерно на 11-14 метров. Огонь не мог перекинуться дальше отведенных ему

границ; земля, «не удобренная» катализатором, не горела, пожар, таким образом, был строго локализован.

Евгений решил наблюдать начало пожара с воздуха, хотя это было и не совсем безопасно.

Утро выдалось морозным, солнечным. Евгения знобило от волнения, он кутался в шубу. В голову лезли нелепые страхи. Вдруг циклон вырвется из рук и пойдут вихри совсем не по тому направлению, куда его стараются погнать? Чепуха, глупости! Это было бы нарушением всех законов геофизики. Так же нелепо, как если бы земля стала вращаться не с запада на восток, а обратно.

Затем у него возникало недоверие к катализатору. Что, если он откажет, вызовет не пожар, а всего лишь вялое тление, подобно тому, как горят торфяные болота? Но когда он сунулся со своими опасениями к химику, тот только досадливо отмахнулся и побежал к самолетам. Сейчас их нагружали чудодейственным химическим составом.

...Геликоптер Евгения повис над обреченной горой на большой высоте.

Все внизу неподвижно и бело.

Вот мелькнули силуэты самолетов, сделали над горой один круг, другой, третий. Они поднимаются расширяющейся спиралью, и за каждым стелется легкий кудрявый дымок. Летчикам химической службы не в диковинку это занятие. Точно так же они тушили пожары в сибирской тайге, только тогда они были «воздушными пожарными», а сейчас превратились в «воздушных истопников».

Гору медленно застилал туман. Снег таял, смоченная катализатором земля постепенно накалялась. Кое-где проглядывали проталины. Гора стала пятнистой, с каждой минутой она меняла окраску. Черные пятна

засветились изнутри, точно кто-то подбросил горсть углей.

Туман сделался гуще, в редкие просветы Евгений видел, как гора покрылась желтыми потоками, таяла, оплывала, как свеча.

Обеспокоенный летчик тронул Евгения за рукав. Геликоптер швыряло из стороны в сторону, начиналась сильнейшая болтанка. Нагретый воздух устремлялся от земли вверх. Давно пора было уходить от этого опасного «воздуховорота».

Все же ураган настиг самолет у самого аэродрома и чуть не перевернул во время посадки.

Ступив на землю, Евгений первым делом сбросил с плеч ставшую ненужной шубу. Было очень тепло. Всюду текли ручьи. Колеса автомобиля сразу забуксовали в грязно-желтом месиве. В Мурманске была оттепель, капало с крыш; мурманцы, отдуваясь, сдвигали на затылки свои тяжелые шапки-ушанки.

— Жара! — сказал пилот, обмахиваясь шлемом. — Парит как в бане. За веничком, может, сбежать?

— Не успеете! — засмеялся Евгений.

— Ветерку бы сейчас! — снова сказал пилот.

И снова Евгений засмеялся. Былых сомнений как не бывало. Работа ладилась, все шло великолепно!

— А вот он, ветерок! — сказал он, указывая на небо, по которому быстро неслись на северо-восток легкие перисто-кучевые облака. — Вот он, ветерок нашей с вами работы, по специальному государственному заказу. Следует к месту своего назначения!

И потом добавил уже серьезно:

— Отдохните. Примите ванну. Заправьте самолет. Через полчаса полетим вслед за циклоном. Застанем эскадру верно в Баренцевом, либо в преддверии Карского.

А в открытом море стоял немолчный грохот канонады.

Льдины на Баренцевом море начали беспорядочное отступление. Карские Ворота еще держались. Под ударами могучего тарана поддались и они, раздвинулись со скрипом и шорохом и открыли Карское море, по которому медленно перекатывались тяжелые ледяные валы. Море корежил жестокий шторм.

Сильно кренясь на левый борт и перекликаясь сиренами, во все расширяющийся проход между льдами и берегом двинулись военные корабли.

По палубе все теперь ходили бочком, заходя правым плечом вперед; соленые брызги летели справа. А в бортовой журнал начали неизменно записывать с этого дня: «Ветер постоянный, южных и юго-западных румбов». Он стал отныне неотлучным спутником эскадры на все время похода.

— Спасибо, погодой довольны, — встретил Евгения оживившийся флагман. — Претензий нет.

Правильнее, правда, было бы назвать это непогодой: небо затянули тучи, ветер ревел и свистел в снастях. Но старый моряк был счастлив. Попыхивая коротенькой трубкой, он не уходил из рубки, разглядывая в бинокль смятенные полчища льдов, медленно отползавшие к горизонту.

Действие Теплой горы, как прозвали ее военморы, по мере продвижения эскадры на восток стало ослабевать.

К тому времени на полуострове Ямал были уже закончены подготовительные работы и поставлена вторая «батарея» циклонов, которые одним рывком взломали льды в проливе Вилькицкого. До сих пор Евгений только подхлестывал стихию, заставлял существовавшие слабые циклоны быть живее, поворотливее. После

Таймыра задача осложнялась. Здесь приходилось почти что протаптывать путь заново. Тяги природных циклонов уже нет, в этих местах царит мертвенное спокойствие устойчивых, малоподвижных антициклонов.

Поэтому на Таймыре, а потом на Новосибирских островах тепловые вентиляторы надо было сделать особенно мощными. Евгений ждал осложнений. В дополнение ко всему его стали одолевать журналисты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

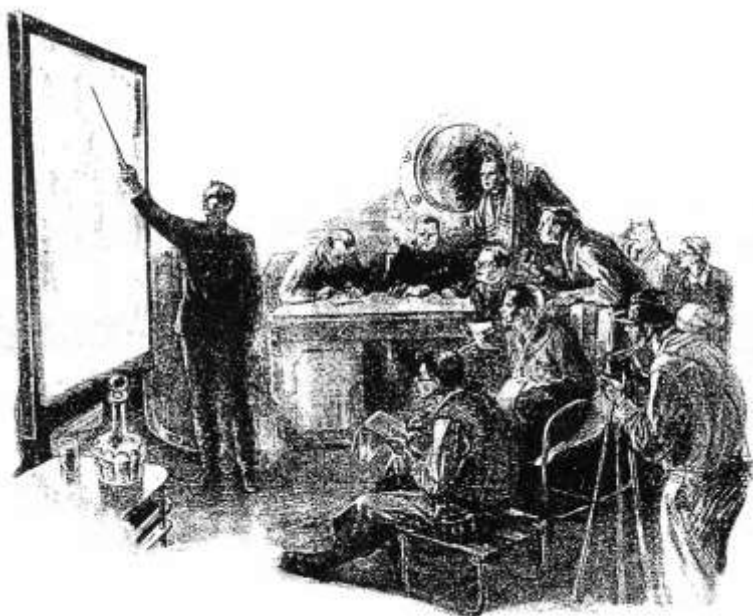
Секрет «ручного» циклона. — Битва гигантов. — Синие и красные. — Открытие Леверрье. — Сизое пятно.

Сведения о небывалом зимнем походе проникли в печать. В условиях военного времени делать этого по-настоящему не следовало бы, но передвижка больших воздушных масс была слишком явной; рикошетные волны докатывались до Европы, вся синоптика полетела кувырком, Арктику внезапно «залихорадило». Поэтому разрешено было взять на борт нескольких военных корреспондентов.

Евгений сумел выкроить для них время тогда, когда эскадра миновала уже Новосибирские острова.

При беседе пожелал присутствовать и флагман, расположившийся со своей трубкой у иллюминатора, и с улыбкой наблюдавший счастливое оживление журналистов. Кое-кто из них пощелкивал фотоаппаратами. Эффектный снимок: главный синоптик эскадры у рельефной светящейся синоптической карты! Карта была похожа на волнующийся океан, видный с птичьего полета. По нему ходили ходуном синие холмы, сдвигались и раздвигались красноватые ложбины, странные серебристые молнии мелькали на гребнях.

— Вот рельеф окружающей нас атмосферы на данном участке пути, — начал Евгений, беря в руки указку. — Светящаяся трехмерная синоптическая карта сконструирована совсем недавно и установлена впервые на нашем корабле. С помощью сложных автоматов на ней отражается вся динамика процесса, происхо-

— Вот рисунок окружающей нас атмосферы по данным рисунка карты, — начал Лентин, бросив руку на карту.

дящего в атмосфере. Кстати, напомним значение слова «синоптика». Слово это можно перевести так: одновременное глядение, обозрение. На основании метеорологических наблюдений, поступающих из разных мест, составляются общие сводки. На карту наносятся условные обозначения. Карта превращается в зеркало погоды в данном районе в данный момент времени, и с полным правом поэтому может называться синоптической.

— Однако раньше на простой двумерной карте отражалась только часть процесса. Предсказывать дальнейшее его течение было трудно. На этой же светящейся рельефной карте вы видите непрерывное развитие во времени атмосферных процессов.

— В метеорологии — науке о погоде — совсем неслучайно применяются военные термины: фронты, линии раздела, прорывы. Самый вид синоптических карт напоминает о сражениях: всюду обозначения высот, стрелки с оперением, указывающие направления ударов и контр-ударов. Мы наблюдаем с вами подлинную битву гигантов.

— В атмосфере идет извечная борьба двух начал: тепла и холода. Вертикально падающие лучи солнца сильно прогревают землю у экватора. Воздух, нагреваясь у земли, делается менее плотным и поднимается вверх. А где-то в другом месте воздух холоднее, он плотен и тяжел. Возникает так называемая разность давлений, градиент. В атмосфере образуется как бы скат, движение воздушных масс.

— Воюющие воздушные потоки вовлекают в свою борьбу моря и океаны. Они тащат воду за собой, создают постоянные морские течения. Например, Гольфстрем — могучая и теплая река, текущая через Атлантический океан, водяное отопление Европы — всей своей громкой славой обязан ветру.

— Воздушный океан находится в беспрестанном движении. Карта всем видна? Смотрите, как меняется барический рельеф атмосферы... «Барюс» по-гречески значит давление... Холодный воздух — плотен, тяжел. Области высокого давления называются максимумами, или антициклонами, области же низкого давления — минимумами, или циклонами. Из самих названий видно, каковы между ними взаимоотношения. Война! Вражда во веки веков!

— Раньше для обозначения барического рельефа приходилось прибегать к условным линиям — изобарам; «изос» по-гречески — равное. Изобарические линии соединяют места с одинаковым давлением в дан-

ный момент времени.

— Вот старая карта для сравнения. Видите концентрические замкнутые линии? Подле каждой изобары — цифры. Сколько здесь — 730? Это у самой крайней внешней изобары. А у самой внутренней, ближе лежащей к центру? 710. Давление понижается внутрь фигуры. Перед нами минимум, или циклон.

— На рельефной карте это видно без цифр. Перед нами — котловина. Это не образ, это термин в синоптике. Видите, как постепенно мелеет циклон, более тяжелый воздух заполняет воронку, впадина делается менее глубокой? Не беда, вдогонку за этим циклоном с Таймыра посылают уже другой! Но об этом дальше.

— Теперь займемся антициклоном. На старых синоптических картах цифры подле изобар возрастают к центру — 740, 755, 770; чем дальше от края, тем воздух тяжелее. Что это? Антициклон. С чем вы можете сравнить его? С курганом, горой! Перед нами нагромождение тяжелого холодного воздуха!

— Есть и переходные формы. Вот эта ложбинка, — определение подходит, не правда ли? — она тянется в сторону от впадины циклона. Дайте срок, линии изобар сомкнутся, и возникнет новый, самостоятельный циклон. Однако, может случиться и другое. Не перекроет ли ложбинку вот тот,двигающийся сюда отрог воздушной горы? Мы называем их иначе: гребнями высокого давления. Следите за картой! Нет, отрог тает под натиском ложбины. И сам антициклон медленно отползает назад. Понятно, почему? В этой области сейчас перетягивает теплый воздух, он сильнее благодаря нам, благодаря действию наших «батареи».

— Хотите взглянуть, где находится сейчас эскадра? Одну минуту. Какие наши координаты в данный мо-

мент? Так, спасибо. Ну, вот мы где. Видите, мы идем не с краю циклона, а отступя. Нас размолотило бы в порошок, если бы мы сунулись чуть дальше, где ветер наиболее силен. Обратите внимание, это очень важно, все время эскадра движется в передней восточной части циклона. Я объясню, почему надо идти именно здесь.

— Циклоны и антициклоны зарождаются от столкновения встретившихся масс холодного и теплого воздуха. В месте стычки от сильного удара образуется вихрь. Если перетянул холодный воздух, вихрь получает движение по направлению часовой стрелки — это антициклон. Если одолел теплый воздух, вихрь вращается против часовой стрелки, вот так — это циклон.

— Теперь разберемся в том, что происходит вокруг нас, поскольку мы находимся внутри циклона. Мы стараемся держаться все время, повторяю, в передней части циклона. Здесь — теплые потоки, нужный нам ветер. Он дует с юга и юго-запада, неся запасы влаги и тепла. Он способствует разрежению воздуха в восточной передней части циклона. Создается тяга на восток. В тыловой же, западной части циклона дуют по кругу северный и северо-западный ветры. Они несут с собой плотный, холодный воздух, спрессовывают воздух в тыльной части циклона, и это, в свою очередь, толкает его вперед, на восток.

— Понятно теперь, почему надо было только поставить циклоны на проторенную дорогу, а дальше они двинулись на восток сами, как заведенные? Да, в отличие от часов, заведенных в другую сторону.

— Но почему же так опасно для нас отстать и очутиться в западной части нашего «ручного» циклона? Потому, что там восстанавливается нарушенное равновесие. Норд и норд-вест гонят обратно дрейфующий

лед, отжатый в сторону зюйдом. Вслед за эскадрой захлопывается ледяная дверь, которую с таким трудом нам удалось слегка приоткрыть.

— Поэтому так напряженно работают машинисты, кочегары, электрики. Поэтому так часто проверяет командование состояние машин. Малейшая неисправность, потеря темпа, заминка, и отставшее судно будет зажато сдвинувшимися льдами. Тогда ему придется беспомощно дрейфовать в ожидании лета, мощных ледоколов-спасателей. Видите, товарищи, не все так просто и легко в этом походе, как может показаться со стороны. Арктика укрощена, покорена, но не замирена. И каждую минуту можно ждать от нее какого-нибудь подвоха.

— Обычное место зарождения циклонов? На этой карте я не могу его показать — это гораздо западнее и южнее, примерно пространство между Англией и Исландией. Оттуда циклоны двигаются над всей Европой, тоже проторенными путями, редко отклоняясь от обычных маршрутов.

— При движении циклона, — вы видите это на карте, — в него вливаются снизу массы воздуха, поднимаются вверх и, дойдя до высоты нескольких километров, вытекают. Если приток вверх больше, чем отток, циклон растет, воронка углубляется. Если же отток превышает приток, циклон гаснет, то есть заполняется холодным воздухом.

— Нужно ли объяснять, отчего меняются цвета на нашей карте? Смотрите, какой гаммой красок переливается эта вот мелеющая ложбина. Цвет ее из темно-красного делается синим, густо-синим, — это значит, что сюда вливается арктический холодный воздух, вытесняя теплый. Понятно, это условные цвета, принятые в международной синоптике.

— Атмосферную циркуляцию можно представить себе так. Каждое полушарие имеет четыре кольца, четыре зоны воздуха. В первой зоне, экваториальной, господствуют пассаты — южные ветры. Это — глубокий тыл южан, их военная база, кузница, где куются мечи для битвы гигантов. Дальше — тропическая зона. Здесь уже начинаются стычки между противниками. Северяне — синие, и южане — красные высылают сюда свои дозоры. Но самое поле битвы расстилается в зоне полярного воздуха между сорока пятью и семидесятью градусами северной широты, то есть прямо над нами. Здесь возникают, живут и умирают циклоны. Сюда из арктической зоны выходят и сторожевые Арктики — холодные массы воздуха, антициклоны.

— Издавна люди пытались предугадать исход страшных битв над своими головами. Вначале вестниками были птицы. Замечено было, что весенний прилет стрижей оповещает о переломе погоды, оттепели, теплых ветрах. Стрижи идут в авангарде попутного циклона. С наступлением осени птиц оттесняют на юг надвигающиеся северо-восточные ветры. Первыми «начинают осень» журавли. Еще тепло и солнечно, ничто не говорит еще как будто о том, что лето кончилось, но в ночь после отлета журавлей обычно падают морозы.

— Предсказывали изменение погоды и по виду заката, форме облаков, их движению.

— Директор Парижской обсерватории Леверрье подошел к решению задачи иначе. Все вы, наверное, слышали фамилию Леверрье в связи с одним необыкновенным открытием в астрономии. Леверрье был действительно дальновидным человеком. В 1846 году, сделав вычисления за своим письменным столом, не подходя к телескопу, он открыл новую планету Нептун

и указал астрономам совершенно точно, где ее надо искать. Присутствие Нептуна он обнаружил благодаря поведению других планет — его соседей.

— Спустя несколько лет необычайно сильная буря разметала французский флот, находившийся у берегов Крыма. Франция вела в то время с Россией войну! Леверрье заявил, что можно было бы избежать катастрофы и подготовиться к появлению бури.

— Для этого надо было знать путь, которым она шла.

— Оказалось, что еще задолго до катастрофы шествие бури наблюдали на Балканах и в Италии. Она мчалась, вращаясь вокруг своей оси, и путь от берегов Италии к берегам Крыма покрыла за два дня. Если бы с Балкан своевременно подали весть о ней, можно было бы принять меры предосторожности.

— После этого Леверрье организовал во Франции государственную службу погоды. Сведения из различных пунктов передавали в Париж по телеграфу. Отсюда и началась синоптика.

— Мы — советские синоптики — находимся в наиболее выгодном положении. Прежде чем дойти до СССР, циклоны проходят над всей Европой. Сигналы о них стекаются к нам со всех сторон, и легче предугадать дальнейший маршрут циклонов. Кроме того, великая фабрика погоды — Арктика — расположена совсем по соседству с нами.

— Помните старинную шутку по адресу смельчаков, высадивших десант на Северном полюсе? Случайно в те дни в Москве было очень ветрено, и москвичи острили: «Открыли наши полюс, а дверь за собой забыли прикрыть».

— Настало время, когда нечто вроде этого можно сказать всерьез. Нам понадобилось устроить сквозняк

вдоль берегов Сибири, и мы распахнули двери настежь — пусть продувает! Не страшно то, что ради этого нам пришлось сжечь некоторое количество земли и пригладить кое-где топорщившиеся горные гребни.

— В будущем, может быть, найдут еще более доступные и дешевые источники энергии для преобразования воздушной циркуляции. Так или иначе, мы, советские ученые, уже вмешались в битву гигантов.

— Здесь, на данном небольшом пространстве полярного побережья, мы заставили гигантов воевать в нашу пользу, не так ли?

...Корреспонденты скрипели перьями. Интервью подходило к концу, и в блокнотах все чаще возникали патетические восклицательные знаки. Отставляя в сторону указку, Евгений мельком взглянул на карту и вдруг оборвал фразу на середине. Странное сизое пятно медленно расползлось на карте, как посаженная впопыхах клякса. Что бы это могло значить? Как втепались сюда морозы вразрез со всей синоптической обстановкой! Сдвинулись с мест гигантские холодные оползни, синий цвет стал оттеснять красный к югу. Подле Новосибирских островов выросла гряда холодного воздуха, опасные воздушные рифы.

Они неуклонно подвигались к островам.

Перья повисли в воздухе. Корреспонденты выжидающе смотрели на Евгения. Флагман отложил трубку в сторону и встал, прервав паузу.

— На этом, видимо, придется кончить, — сказал он любезно. — Не будем вас больше отрывать от вашей работы, товарищи...

Когда дверь захлопнулась за последним корреспондентом, он обернулся к Евгению.

— Скверная штука эта гряда! — сказал он. — Может перерезать наши коммуникации и лишить питания

ветром. Откуда она взялась?

— С неба, — ответил Евгений в раздумье. — Сверху обрушиваются массы холодного воздуха. Интересно, как это делается? Надо полагать, что за этой холодной грядой скрывается враг.

Флагман снял трубку телефона:

— Командира отряда истребителей, пожалуйста. Да, говорит флагман...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Морозные бомбы. — Воздушный бой. —
Статья проф. Клобукова. — Понтонная
станция № 212/а. — Дрейф во льдах.*

В комнате — тишина. Кто-то кашлянул, на него зашикали и придвинулись ближе к репродуктору.

Голос рассказчика нетороплив и спокоен:

«..и тогда мы погнали бомбовозы к северу. Превосходя их намного в быстроте, маневренности и компактности удара, наши истребители все время вертелись вокруг, пикировали, свечой поднимались вверх, делали перевороты. Приказано было, во что бы то ни стало, отжать самолеты противника от Новосибирских островов, и вместе с тем, не дать уйти обратно в стратосферу.

«По прошествии пятнадцати минут с начала операции, когда мы были уже далеко от маршрута экспедиции, командир решил кончать и таранить бомбовозы сверху, прямым пике. Известно, что нервы господ фашистов не выдерживают такой психической атаки. Бомбовозы пошли камнем вниз. Мы вышли из пике и снова повторили маневр.

«Мы не дали им возможности выбросить весь запас своих бомб, начиненных морозом. Они сбросили только несколько штук, на большой высоте, подходя к Новосибирским островам. Замысел нашего командира заключался в том, чтобы посадить противника на его собственные бомбы. Мы продолжали давить их к земле. Первый бомбовоз ударился об лед, за ним второй. Станный сизый туман заволок все внизу.

Бомбовозы камнем пошли вниз.

«Мы перестали их клевать и пошли вверх, как можно быстрее. Надо было уходить от обледенения. Думаю, что большинство пилотов противника долетело до льда уже мертвыми. Судя по тому, что мне пришлось видеть, сила морозных бомб необычайна, почему и сбрасывать их надо с большой высоты, где обледенение не страшно для самих пилотов.

«Таким образом, авиация противника попала в яму, которую копала другим. Достаточно было взорваться несколькими бомбовозам, чтобы на остальных, находившихся на значительном расстоянии, моторы и сердца пилотов превратились в лед.

«Закончив операцию, мы возвратились на корабли».

После паузы, привычный голос диктора:

«Только что мы транслировали рассказ участника воздушного боя старшего лейтенанта Сердюка. Прослушайте теперь высказывание профессора химии Клобукова, к которому редакция «Последних известий по радио» обратилась с вопросом по поводу так называемых морозных бомб.

«На основании свидетельств очевидцев, — пишет товарищ Клобуков, — можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с расширением какого-то газа, весьма сильно сжатого, может быть, даже до кристаллического состояния, и герметически закупоренного в бомбы. Известно, что углекислый газ, спрессованный в жидкость, при возвращении в нормальное газообразное состояние охлаждает все вокруг со значительной силой. По-видимому, процесс охлаждения воздуха посредством применявшихся бомб протекает таким же путем, но только во сто крат сильнее. Можно думать, что наши враги намеревались впервые использовать это страшное оружие уничтожения при бомбардировке городов во время глубоких рейдов в тыл. Обстоятельства, однако, вынудили их пустить морозные бомбы в ход для того, чтобы попытаться преградить путь циклонам.

«Разбомбив базу экспедиции на Новосибирских островах и прекратив подачу циклонов, враги рассчитывали внезапно изменить циркуляцию воздуха в восточном секторе Арктики и запереть эскадру во льдах. Маневр не удался, благодаря бдительности синоптиков и молниеносным действиям нашей авиации. Цепкие ледяные пальцы, тянувшиеся к балтийцам из глубин Арктики, обрублены».

Диктор замолк. В комнате сразу стало шумно. Зашаркали, задвигали стульями, засмеялись. Оживленно обменивались впечатлениями, вставая из-за стола. «..Охладили военный пыл...», «.получилось вроде ледяного харакири...», «..как здорово жали их к земле...» Среди смеха и восклицаний раздался негромкий спокойный голос:

— Ну-с, а планктон кто будет брать? И так двадцать минут просрочили, не хотел отрывать вас от репродуктора.

Невысокий пожилой человек в унтах и кожанке стоял посреди комнаты и, притворно нахмурив густые нависшие брови, указывал на часы. Все заспешили к выходу. Были это в большинстве юноши, веселые краснощекие крепыши, казавшиеся еще шире от меховой одежды. За стеной что-то скрипело, лязгало, комнату чувствительно трянуло.

Так же точно собирались в этот час у репродукторов люди в больших, залитых голубоватым светом неоновых ламп городах, в горных колхозах заснеженного Памира, в знойном Сухуми, где уже цвели мимозы, на отдаленных пограничных заставах и даже в вагонах стремительно мчавшихся электропоездов. Сцена же, описанная выше, произошла в восточном секторе Арктики, приблизительно на сто семидесятом меридиане к западу от Гринвича, на дрейфующей понтонной станции № 212/а, начальником которой был старый метеоролог — отец Евгения.

Издавна уже всю тяжесть будничной службы погоды несли на себе станции-автоматы, путешествовавшие по Арктике в гордом одиночестве, без людей. Это являлось дальнейшим логическим развитием идеи радиозондов, небольших воздушных шаров, самостоятельно отправлявшихся в далекую разведку ввысь и

передававших оттуда радиосигналами лаконичные сообщения о температуре, давлении, силе ветра.

Автоматическая метеорологическая станция представляет собой большой, полый металлический шар с антенной, который вмерзает в дрейфующий лед, и вместе с ним пересекает Северный Ледовитый океан. Внутри шара помещаются приборы и рация. Аккумуляторы обычно располагаются подо льдиной в воде, где относительно теплее. Регулярно, в определенные часы, станция передает коротенькие сводки погоды. Координат своих она, правда, передавать не может, и поэтому радистам, принимающим сигналы, приходится определять местонахождение дрейфующего автомата по пеленгу.

Первый метеоавтомат был спущен на воду осенью 1938 года.

Вскоре вся Арктика покрылась густой сетью двигавшихся вместе со льдом автоматов. Они отчаливали от берегов Аляски у самых истоков дрейфа, и потом проходили всю Арктику насквозь через полюс и огибая его.

Очень давно, еще до папанинского дрейфа, ученый Сандстрем предположил, что арктический лед как бы вальсирует вокруг полюса, совершая свой путь по замкнутой кривой. Сандстрему вторили некоторые метеорологи, изображавшие Арктику как область гигантского застойного антициклона. Папанинский дрейф показал, что и Арктику продувает ветерком, и постоянные потоки гонят лед с запада на восток. Огромнейший, на тысячи километров ледоход!

Автоматы двигаются рядами, одна цепочка за другой. Их спускают на лед через определенные промежутки времени. Проходит три-четыре года странствия в белой пустыне, пока автомат не выходит, наконец, к

устью потока в Гренландском море, где его разыскивают дежурные экспедиционные суда. А вслед идет вторая волна автоматов, третья, и так все время.

Помощь автоматов — чернорабочих метеослужбы — дала возможность полярным исследователям, следовавшим также вместе со льдом на понтонах, заняться с тем большей продуктивностью комплексными научными работами.

Понтон напоминает низенький бастион, построен из железобетона, отлично держится на воде — ему не страшны ни полыньи, ни открытое море. Он прочен, вместителен — на понтоне № 212/а находилось 35 человек, это был настоящий поселок с лабораториями, клубом и даже парниками для выращивания свежих овощей.

Собственно, дрейф на понтоне № 212/а был учебным, в составе экспедиции находилось много студентов-практикантов. Но были и старые полярники, которые не в первый раз уже пересекали Ледовитый океан вместе с начальником понтона. Они, правда, не могли восклицать у иллюминаторов, как другие путешественники: «А, узнаю знакомые места!», потому что пейзажи вокруг беспрестанно менялись. Там, где в прошлый дрейф красовались причудливые горы, сейчас темнела полынья или расстилалась однообразная равнина. Зато они со вкусом припоминали другое. «Тут вот, на этих самых координатах, — говорили они, сверяясь по карте, — мы опровергли гипотезу об островах Холлиса. Промеры дали 2400 метров до дна, какие уж тут острова! А дальше мы нащупали глубоководными термометрами струйку теплого течения, проскользнувшую из Берингова пролива». Таковы были «ориентиры» старых понтонщиков к тому времени.

Никому из них Арктика не казалась безлюдной и безмолвной. Эти эпитеты сейчас были явно не точны, а ученые во всем любят точность. Как можно было назвать Арктику безлюдной, когда во льдах кочевали понтонные станции, а высоко над облаками проносились трансарктические рейсовые самолеты? Как можно было назвать Арктику безмолвной, когда эфир над ней ежеминутно колебали настойчивые радиосигналы из самых отдаленных ее закоулков?

С полюса настоятельно требовали прислать лыжи для самолетов. Залив Бофора предупреждал о надвигающейся магнитной буре. Его прерывал бранчливой морзянкой полюс льдистости — прежнее название «полюс недоступности» было заменено, как устаревшее. И все это покрывали тоненькие писк метеоавтоматов, напоминавшие веселое птичье щебетанье. О, радистам, принимавшим Арктику, не полагалось лениться! С Арктикой, шумной, многоголосой, надо было держать ухо востро!

Однако неправильно было бы думать, что дрейф во льдах стал теперь похож на беззаботную прогулку по бульвару. Нет, опасностей было вдоволь даже для самых горячих, романтических голов! Арктика продолжала оставаться «хитрой бестией», как запросто отзывался о ней начальник понтон № 212/а.

События на Тихом океане застигли понтон в самом начале его пути. Молодежь переполошилась. Как так будут воевать без нас? Наши товарищи, оставшиеся на Большой Земле, отправятся на фронт, отшвырнут врага от священных рубежей, беспощадно расправятся с ним, и все это произойдет без нас! Особенно кипятился юный радист, ровесники которого этой осенью должны были призываться в армию. Во главе целой делегации он заявился к начальнику станции.

— Очень просим отправить нас на Большую Землю! — сказал он ненатуральным басом, отводя взгляд от светлых глаз начальника, в упор смотревших на него из-под нависших бровей. — Кровное дело, поймите! А сюда пусть пришлют более пожилых...

— Чепуха! — сказал начальник станции, не дослушав. — Бредни! Можете писать на меня записку в стенгазету, я все-таки скажу — бредни! Научную работу прерывать не позволю. Пока что мы здесь на мирном положении, и каждый должен делать то дело, которое ему доверили. Дадут в руки винтовку — воюйте, а пока не дали — сидите себе и черпайте на здоровье планктон из океана, ловите рыбку, любуйтесь звездами у теодолитов! Все, до свидания.

А все уже знали, — если начальник что-нибудь решил, спорить с ним бесполезно. Он вежливо выслушает возражения, кивая головой, затем скажет негромко: «Нет, а вы сделайте все же так..» Собеседник вновь примется убеждать, доказывать, начальник будет слушать со вниманием и даже как будто сочувствием, потом снова заметит спокойно: «Лучше, знаете, все-таки будет так, как я просил...»

Радист после разговора надулся, как могут это делать только очень добрые и наивные молодые люди, перестал помимо служебных дел разговаривать с начальником станции, а про себя начал называть его «зарвавшимся академиком».

Вскоре на понтоне узнали о дерзкой передвижке циклонов, которую осуществлял молодой метеоролог. Вечерами в клубе только и говорили об этом. Отец сидел, прислушиваясь к разговорам, изредка вставлял деловые замечания, называя при этом сына официально «главным синоптиком эскадры», чтобы невзначай не прорвалась сентиментальная нотка. Он очень

верил в своего мальчика, но для него тот был еще мальчиком, и втайне он все-таки боялся, как бы тот чего-нибудь не напутал.

Юный радист ораторствовал, не глядя в его сторону:

— Да, это смелый ученый! Живой ум! Без академичности, без педантичности... Такой бы на понтоне в военное время не усидел.

Суровые глаза начальника при этих словах теплели, в них прыгали искорки смеха. Обидчивый мальчишка ему определенно нравился. Немножко дисциплины, солидности — и в будущем выйдет толк!

А радио продолжало регулярно оповещать население понтон о событиях в далеком мире — эскадра двигалась уже к Чукотскому морю, когда получено было сообщение о большом морском сражении у южной оконечности Сахалина. Флот противника, ждавший подкреплений от своих союзников с запада, вынужден был принять бой, и отступил к югу. Только две или три подводные лодки прорвались к северу. Наши миноносцы и гидропланы преследовали их почти до острова Лаврентия, но там беглецы шмыгнули в нейтральные американские воды, и след их был потерян.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Показания эхолота. — Нечто вроде
производственного совещания. — Сковы-
вающая группа. — Торнадо. — Радио-
грамма флага.*

Утром начальник станции делал обычный обход кабинетов и лабораторий, когда его остановил научный сотрудник, занимавшийся промером глубин.

— Не понимаю, профессор, — сказал он недоумевающе, — с чего бы врать эхолоту? Так отлично работал все время. А теперь...

И он протянул ленту эхолота с отчерченной на ней прерывистой кривой.

Эхолот — прибор, с помощью которого измеряют глубину до дна. В воду опускают нечто вроде трещотки — начальник фамильярно называл это «дрыгалкой». Трещотка давала звуковую волну, которая спустя некоторое время, ударившись о дно океана, возвращалась обратно. Скорость звука известна, время, которое требовалось звуковой волне для того, чтобы дойти до дна и вернуться, также: нетрудно подсчитать и расстояние до дна.

Но сейчас показания эхолота были совершенно иными, чем обычно. Начальник молча изучал запись на ленте. Потом задал вопрос, казалось, не имевший никакого отношения к капризам эхолота:

— Как далеко от нас до острова Лаврентия?

Все еще держа ленту в руке, он рассеянно просвистел несколько тактов и остановился. Сотрудник, ведавший промером глубин, не смог удержаться от улыбки.

— И слух же у вас, профессор!— заметил он. — Фальшивите. Это ведь «Медвежата на полюсе»?

Начальник смотрел на запись, не отрываясь.

— «Медвежата», — сказал он странным голосом, откладывая ленту в сторону. — Соберите-ка, голубчик, всех сотрудников в кабинет. Можете сказать, что у нас будет нечто вроде производственного совещания. Да, по поводу неисправности вашего эхолота...

Из кабины гидрологов начальник, шагая через две ступеньки, взбежал в радиорубку.

— Передайте в эфир без адреса, — сказал он, набросав на клочке бумаги несколько слов. — Адресат найдется...

И он поспешно вышел, оставив молодого радиста одного разбираться в радиограмме, текст которой был так странен, что радист от волнения не смог сразу попасть на нужную волну, чего с ним давно уже не случилось.

— Должен сообщить вам неприятную новость, товарищи, — сказал начальник собравшимся. — В Чукотском море находятся вражеские подводные лодки. Эхолот случайно обнаружил их приближение.

В кабинете стало очень тихо.

— Метят они, понятно, не в нас. Что мы для них? Штатский понтон. Видимо, хотят преградить выход нашей эскадре, может быть, атаковать ее или минировать пролив. Если предупредить эскадру, противник уйдет под лед в глубь Арктики. Ищи его там! А искать надо, иначе левый фланг продвигающейся эскадры будет все время в опасности. Не забывают, проход во льдах не широк, балтийцы не смогут развернуться в боевой порядок. Представляете опасность? В лучшем случае, это задержит поход на несколько дней, то есть

нарушит планы высшего военного командования. Кто может этому помешать?

Он взглянул на часы.

— Мы! План такой. В сражениях, кроме ударной группы, есть еще сковывающая. Она связывает движения врага, обессиливает его, отвлекает внимание. Тем временем ударная группа идет в наступление. Я предлагаю взять на себя функции сковывающей группы, отвлечь внимание подлодок и стать щитом для эскадры.

Профессор говорил обстоятельно, спокойно, точно читал лекцию студентам. И студенты, не прерывая, слушали своего учителя с привычным вниманием, хотя речь шла о жизни каждого из них.

— Итак, в эфир забрасывается приманка. Мы даем ложные радиogramмы. Из них фашисты должны заключить, что справа нависает над ними угроза, миноносцы. Здравый смысл говорит за то, что в таких условиях они не решатся атаковать эскадру, и атакуют нас. Ваше мнение, товарищи?

Он испытующе взглянул на молодые, покрасневшие от волнения лица. Все давно уже встали с мест и теснились у его стола. Минуту длилось молчание.

За железной обшивкой понтона скреблись и шуршали льдины. Где-то шли на сближение с балтийской эскадрой вражеские подлодки. Острые хищные носы их с яростью рассекали воду...

За всех ответил молодой гидролог. Мальчишески-ломкий голос его стал внезапно гулким, как колокол.

— Не может быть сомнений, профессор! — сказал он резко. — Никаких колебаний. Мы обязаны принять удар на себя! Правильно, товарищи? Разве тут могли возникнуть сомнения?

На пороге стоял радист. Он был бледен, но улыбал-

ся жизнерадостно, как всегда, и озорно подмигнул товарищам.

— Повернули в нашу сторону, начальник! — отрапортовал он. — Идут по пеленгу, как по ниточке.

Начальник коротко пояснил:

— Я был уверен в вашем патриотизме, товарищи, и уже отдал приказ. Подлодки идут на понтон.

И, вставая из-за стола, он сказал деловым тоном:

— Теперь прошу всех разойтись по кабинетам и лабораториям. Подготовьте все, что можно, из записей и научных дневников станции. Закупорьте в стальные цилиндры. Завхоза прошу немедленно выдать цилиндры из склада. Надо выбросить все это на лед не позже, чем через двадцать минут.

...Начало апреля. Рассвет занимается над Арктикой. Предутренние сумерки. Скоро наступит долгий полярный день — шесть месяцев неяркого солнца, которое без усталости будет колесить над горизонтом.

Черная громада понтонной станции медленно подвигается на восток. В кабинетах и лабораториях кипит лихорадочная работа. Надо сберечь для мира все, что удалось узнать об Арктике за время дрейфа. Цилиндры один за другим выбрасываются на лед. Найдут ли их когда-нибудь, узнают ли по ним о подлинных причинах трагической гибели понтона № 212/а? Возможно! Так же вот много лет назад прошел через всю Арктику обломок лодки раздавленной льдами «Жанеты», последний вестник погибшей экспедиции Де Лонга...

Начальник станции — в радиорубке. Радист прекратил передачу. Подводные лодки близко. Еще несколько минут, и сковывающая группа выполнит свою задачу. Радисту жаль только, что он не сможет послать родине прощальный привет от себя и от своих товари-

щей. Начальник строго-настрого запретил открывать свое присутствие. Иначе на подлодках догадаются о хитрости. До самого конца понтон № 212/а должен остаться для эфира «особой группой миноносцев».

Радист смотрит на серьезное лицо начальника — суровый узел морщин над переносицей, упрямо наклоненный лоб... Напоследок, в немногие оставшиеся

минуты жизни, ему хочется сказать профессору что-нибудь очень приятное и доброе. И вдруг он находит нужные слова:

— Послезавтра эскадра, верно, выйдет в Берингов пролив, — говорит он задумчиво. Он хорошо помнит о том, что послезавтра не будет уже ни его, ни начальника, но, в конце концов, это менее важно — послезавтра эскадра будет на самом пороге Тихого океана!

— Великолечно разработана операция с циклонами, — продолжает он. — Подумать, люди командуют ветрами, вертят ими, как хотят. Ваш сын — замечательный ученый и с громадным будущим. Евгений Константинович! Нелепо было бы, если бы все это сорвалось из-за каких-то подлодок, тем более, что...

Радиорубка качнулась, со звоном полетели осколки стекла. Гром прокатился над понтоном.

Когда радист и начальник станции, оглушенные взрывом, поднялись с пола, понтон швыряло из стороны в сторону, но грохот удалялся. Все население понтона выбежало наверх. В тысячи труб трубил ветер. Ледяного поля вокруг как не бывало. Льдины ломало, кружило, било, бросало...

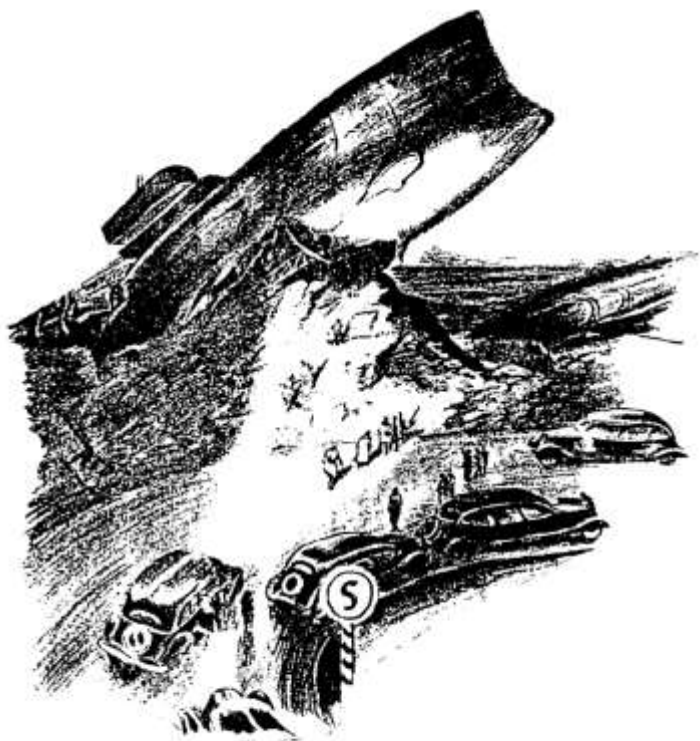
Что все это могло значить? Неужели торпедная атака не удалась?

Склонившись над столом и не замечая, что кровь с разбитого при падении лба капает на бумагу, радист лихорадочно принимал радиограмму с флагманского корабля эскадры. Начальник понтона читал по коду прямо из-под его руки:

«Благодарим за желание помочь. Так же, как и подлодки противника, приняли радиограммы и разгадали ваше намерение. Самопожертвование в данной обстановке — излишняя роскошь. Вы недооценили умение наших метеорологов менять по желанию цир-

куляцию воздуха. Бросили вам на выручку ураган, нечто вроде тропического торнадо, с малым радиусом действия и большой силой разрушения. Сообщите: в порядке ли понтон. Подписано флагманом...».

Судьба подлодок стала известна к вечеру, когда торнадо стих, и жители города Чукотки смогли выйти из своих жилищ. На прибрежных камнях они увидели бесформенную массу металла. Это было все, что осталось от подводных лодок неприятеля. Смерч застиг их на неглубоком месте, завертел, поволок по дну и, наконец, вышвырнул, как мертвых рыб, на берег.

Это было все, что осталось от подводных лодок.

ЭПИЛОГ

Колеблющаяся дымка тумана раздернулась внезапно, как занавес. Миновав мыс Уэллен, корабли Балтийской эскадры вышли из льдов. Впереди синела гладь чистой воды, перед ними были просторы Великого, или Тихого океана.

Линейные корабли, крейсера, эскадренные миноносцы, торпедные катера, подводные лодки, авианосцы шли полным ходом. Военморы снимали брезент с орудий. Вдали, на горизонте, можно было различить дымки. То был объединенный флот фашистских держав. Его зажимали в клещи: с севера — балтийцы, с юга — тихоокеанцы. Решительный бой должен был произойти здесь.

— Где главный синоптик? Пригласите его наверх. Ему здесь почет и место! — весело сказал флагман, не отрывая от глаз бинокля.

Евгения нашли в каюте, Он спал. Он мог позволить себе это «излишество». Флот уже вышел из льдов, антициклоны остались позади. Кончилась его вахта, бессонная, нескончаемая вахта, когда приходилось спать только урывками, вполглаза, держа в поле зрения постоянно меняющуюся синоптическую обстановку. Мог он отоспаться, наконец, за все это время?

Его так и не смогли добудиться. Он что-то бормотал, отмахивался, переворачивался на другой бок, ругался, и чуть только переставали его тормошить, вновь принимался блаженно, по-детски, посапывать.

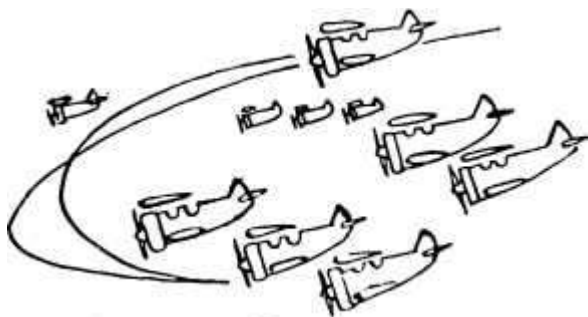
— Ничего не выйдет! — сказал флагман огорченно, когда ему доложили об этом. — Удел синоптика! Помните, так же вот было и при всех героических рекордных перелетах. Синоптик всегда оставался за кулисами. На старте его не видно, потому что он копает-

ся подле своих карт, на финише нет, потому что он вымотался до отказа... Ладно, не будите главного синоптика! Пусть высыпается. Придется ему узнать об этом сражении из газет...

Евгения не разбудила и страшная канонада, начавшаяся через несколько минут. Он спал. Он не видел, как атаковали вражеский флот балтийцы. Он не слышал адского грохота вокруг. Он проснулся только на другой день утром, когда битва уже кончилась, и объединенный флот фашистских держав перестал существовать.

...Много лет спустя, когда в случайном разговоре собеседники узнавали, что Евгений присутствовал при знаменитом морском сражении у Архипелага, они с жаром начинали выпытывать у него подробности боя.

Но Евгений знал столько же, сколько и они. Естественное разочарование любознательных собеседников, однако, мигом уступало место восхищению, когда они догадывались, кто находится перед ними, — всем была известна роль, какую сыграл этот человек в стремительном продвижении эскадры на восток, подготовив, тем самым, победу на Тихом океане.

ТРАНСАРКТИЧЕСКИЙ ПАССАЖИР

Рассказ из недалекого будущего

Журнал «Самолет», № 15, 1939,

Трансарктический пассажир

Л. ПЛАТОВ

Рассказ из недалекого будущего

Рисунки худ. А. Шулгина

Инженер Иванов надеялся, что его командировка ограничится Москвой, и он сможет вскоре вернуться на завод. Однако, когда он явился в трест, ему сказали, что необходим срочный выезд в Америку.

— Только придется лететь трансполярным, — сказал извиняющимся тоном директор. — На гренландский не достали билетов. Ничего, послезавтра будете в Сан-Франциско.

Трансполярный уходил в 23 часа, но Иванов, которого никто не провожал, приехал слишком рано.

Пахло травой. Над лесом, окаймлявшим аэродром, медленно всплывала оранжевая луна. Трудно было представить, что через несколько часов под крыльями самолета, куда ни кинь глазом, все станет бело от вечных льдов. Мысль эта, впрочем, не вмещалась в голове. Другие — деловитые, привычные — о сметах, стан-

ках, выкладках — продолжали по инерции вертеться в голове. Иванов принадлежал к людям, которым нужно время, чтобы войти во вкус дальних странствий.

С неудовольствием прислушиваясь к рокоту моторов, мешавшему ему сосредоточиться, Иванов раскрыл неизменно сопровождавший его во всех поездках «Технический справочник». Аэродром зеленел у подножья веранды. Вращающаяся башня маяка уже пришла в движение, и по небу неслышно, словно отточенные бритвы, скользили лучи прожекторов. Пассажирские самолеты с пчелиным жужжанием слетались к Москве.

Диспетчеры, управляющие подступами к московскому воздушному порту, сбивались с ног в этот час. По расписанию, между 22 и 23 часами приходили три дальних самолета: из Владивостока, Парижа и Нью-Йорка (гренландский рейсовый). Уходили два — в Анкару и в Сан-Франциско через полюс.

Последний считался экскурсионным, так как этот путь был более длинным, чем над Финляндией, Гренландией и Лабрадором. Его избирали обычно менее занятые люди, желавшие совместить быстроту передвижения с образовательными целями. Для них важно было не только побыстрее попасть в другое полушарие, но и пролететь над местами, которые до недавнего времени считались неприступнейшей крепостью на земном шаре.

Пропеллеры, заведенные сжатым воздухом, уже ревели, словно порываясь вперед на битву со штормами Арктики. Трансполярный экспресс был великолепной машиной, которую Иванов оценил сразу, как инженер. Ему вспомнились слова академика Шмидта о советских самолетах: «Наши машины сделаны так умно, так прочно, что их нельзя не уважать».

Вразвалку, чуть подпрыгивая на бетонной дорожке, трансполлярный покатился к старту. Через несколько секунд его принял воздух. Некоторое время колеса еще вращались в пустоте, потом остановились и исчезли, втянутые внутрь.

В салоне разгорался обычный, несколько беспорядочный «вагонный» разговор. Говорили о сильной жаре в Москве, о новом беспосадочном перелете советских летчиков вокруг экватора, о нашумевшей премьере МХАТ...

Вскоре Иванов ушел в свое купе. Сосед попался на редкость спокойный. Это был высокий широкоплечий человек с резкими морщинами у рта, приехавший к самому отлету и устроившийся тотчас на второй полке.

— Много работал перед отъездом, — пояснил он Иванову, как бы извиняясь. — Три ночи не спал. Устал — ф-фу...

И тотчас заснул.

Вскоре и Иванов отложил в сторону «Технический справочник» и потушил свет. Качка почти не ощущалась, самолет шел на большой высоте, стремительно продвигаясь все дальше на север.

Взглянув под утро в окно, Иванов увидел внизу белую, бескрайнюю пустыню. Все пассажиры собрались уже в салоне, окна которого, наподобие венецианских, занимали всю стену.

Тень самолета бежала под ним неотступно. Как водится, Иванов проспал момент, когда самолет перешагнул заветную черту — 65° 35' северной широты, за которой начинается в это время года шестимесячный арктический день. Но группа экскурсантов — харьковские пионеры во главе с преподавателем — заказала стюарду разбудить их. Пионеры с жалостью поглядывали теперь на сонного, недовольного Иванова.

— Этим путем, — говорил преподаватель приподнятым тоном, указывая в окно вниз, — этим путем по торосам двигались отважнейшие представители человечества...

Удобно растянувшись в кресле у окна и наблюдая сквозь дым папиросы за тем, как медленно уплывают назад полярные льды (самолет проходил уже 84-ю параллель), Иванов слушал рассказ о медленном, трудном, стоившем таких жертв, завоевании Арктики. Люди двигались на полюс буквально ползком, обдирая в кровь руки, обмораживая лица. Пальцы на ногах гнили

и отваливались. Смертельный кашель рвал простуженные легкие. Люди варили суп из собственных сапог и ползли дальше, тратя последние «аварийные» запасы энергии.

Преподаватель процитировал слова Роберта Пири, добравшегося до полюса в 1909 году:

«Непреклонные стражи Арктики подвергают смельчака, дерзнувшего проникнуть в отдаленнейшую точку земного шара, самым суровым испытаниям. Быть может, читатель будет разочарован, но я должен чистосердечно признаться: когда я убедился, что мы действительно достигли цели экспедиции, я жаждал лишь одного — спать».

Предшественник Пири — Соломон Андре, отправившийся на полюс на воздушном шаре и погибший вскоре во льдах от истощения, писал восторженно о времени, когда люди будут летать, как орлы, и никогда не устанут.

И время это настало. Теперь полюс давался в руки пассажирам трансполярного легко, без труда и риска.

К обеду в ресторане самолета подали салат и свежую клубнику с молоком. Стюарду пришлось пустить в ход вентиляторы — было слишком жарко. После обеда Иванов пошел в свое купе. Сосед его только что проснулся, и делал перед окном физкультурную зарядку.

— Судя по времени, скоро будем над полюсом, — сказал он, отложив в сторону гири.

Вслед за этим он поинтересовался, был ли Иванов на последних спортивных соревнованиях. Иванов был заядлым болельщиком бокса и гиревого спорта. Сейчас он, правда, с большей охотой поделился бы только что полученными сведениями о Полюсе и новыми, взволновавшими его впечатлениями. Переводить разговор

круто на другую тему было, однако, неудобно, и он, вздохнув, заговорил о спорте.

В спорах о жиме правой, о хуках, рывке обеими и преимуществах дальнего боя прошло незаметно два часа, пока стюард не постучал в дверь и не предупредил, что через пять минут самолет будет проходить над Полюсом.

Пилот, который до того вел самолет на большой высоте, прорвал клубящуюся пелену облаков и пошел так низко, что внизу стала видна однообразная ледяная равнина. На лицах харьковских пионеров Иванов прочел робкое ожидание. В тайниках души мальчики лелеяли, наверное, надежду на вынужденную посадку, встречу с медведями, романтические подвиги.

Ничего этого не случилось. Взволнованно щелкали фотографические аппараты, хотя Полюс был так же пуст и бел, как и все дрейфующие льды вокруг. Толстый турист из Арканзаса сфотографировался в нескольких позах у окна. Для большего эффекта он натянул поверх пиджака еще и шерстяной свитер с капюшоном.

— Обстановка обязывает, — серьезно объяснил он Иванову, вытирая пот с лица, — Арктика.

Один сосед Иванова по купе не разделял общих шумных восторгов. Он долго молча стоял у окна, потом встряхнул головой и подсел к Иванову.

— Арктика... — сказал он задумчиво, точно собираясь рассказать что-то об Арктике, но, помолчав, повел беседу о последних новинках советской литературы.

В другое время Иванов с удовольствием поддержал бы разговор на эту тему. Сейчас же он отвечал односложно и вяло, хотя собеседник его, хорошо разбиравшийся в искусстве, рассказывал много нового и интересного.

Краем уха Иванов прислушивался к голосу молодого советского летчика-лейтенанта. Тот рассказывал хорошенькой американке, возвращающейся с отцом на родину, о дерзком десанте Водопьянова на полюс, героическом чкаловском броске из Москвы в Портленд, о стремительном, прямолинейном, сквозь штормы и туманы, рейсе Громова в Сан-Диего к самой мексиканской границе.

...Соед уже устроился на верхней полке

— Подумайте, — говорил лейтенант, — у них оставалось еще и энергии, и бензина в избытке. Они могли бы лететь и дальше, чуть не до тропиков.

Иванов дождался, наконец, паузы и поспешил выложить все известное ему о громовском перелете. Его тотчас перебил болтливый арканзасский турист, чувствовавший себя без свитера значительно бодрее. Когда, спустя несколько минут, Иванов обернулся к своему соседу, чтобы возобновить разговор о литературе, он увидел, что его шезлонг пуст.

— Обиделся, — сказал Иванов летчику и американке. — Приятный человек вообще, но суховат. Летит над Арктикой и совершенно не реагирует ни на что. Просто досадно. На что я уж прозаический человек, сухарь, но и меня проняло.

— А кто он? — спросила американка.

— Не скажу вам, трудно определить. Похоже на то, будто спортсмен. А может быть и литературовед.

Возвратясь в свое купе, Иванов увидел, что сосед уже устроился на верхней полке.

Все население трансполярного было возмущено таким поведением, и, когда на другой день сосед Иванова вышел к завтраку, его вежливо атаковали со всех сторон. Первым начал молодой летчик. Он даже пересел поближе к невозмутимому трансарктическому пассажиру, чтобы попытаться его расшевелить.

Он принялся рассказывать прямо с того места, где остановился — с громовского перелета, историю которого знал досконально. Красочные детали добавляли пионеры, Иванов, арканзасец, учитель. Сосед Иванова слушал с вежливым вниманием, но видно по всему, тяготился этой беседой.

— О, эти люди не имели времени много спать, — заметила хорошенькая американка.

— Они совсем не спали за перелет, — важно сказал Иванов. — Железные люди.

Толстый арканзасец немедленно притащил из своего купе купленный в Москве бронзовый бюст Громова и с гордостью поставил на стол. Военная куртка плотно облегла могучие плечи знаменитого летчика. Резкие, прямые, как у Амундсена, складки на щеках придавали лицу особое выражение спокойной силы и мужества. А в уголках глаз под тяжелыми веками залегли веселые морщинки.

Иванов дернул себя за нос, чтобы убедиться, что не спит. На столе стоял бюст Громова, а сам Громов, смущенно покашливая и досадливо щурясь, сидел рядом. Это был его сосед по купе.

Ахнула американка. Окаменел с открытым ртом лейтенант. Восторженно завопили пионеры. Один арканзасец не растерялся в этот момент, и не изменил себе:

— О, генерал!— закричал он. — Я снимусь рядом с вами. Можно? Я не могу упустить такой случай. Но как мы не узнали вас, генерал? Потому ли, что вы в штатском, или потому, что никому не могло прийти в голову, что вы летаете иногда и пассажиром?

Громов улыбнулся.

— Возможно, и так, — сказал он, незаметно отодвигая в сторону стеснявшую его статуэтку. — А может быть, потому, что я всю дорогу спал. Прошу извинить меня, — я отсыпался за бессонные ночи перед этим рейсом.

Под крыльями трансполярного экскурсионного замелькали уже сады и крыши предместий Сан-Франциско. Самолет шел на посадку.

ПРАВАЯ РУКА

Рассказ

Журнал «Вокруг Света», № 2, 1939 г.

Л. ПЛАТОВ

Рисунок Н. ГОЛЬШТЕЙНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед боями у озера Хасан японских солдат для храбрости «накачивали» водкой. Винный перегар — вот чем был на практике хваленый «дух» императорской армии...

Но на этот раз отрезвление наступило очень быстро. От боевой спеси японских самураев не осталось и следа, когда на них обрушился великий гнев советских патриотов — героических бойцов Красной армии. Советские бомбардировщики и артиллерия своим огнем «сбрили» вершины сопок, на которых засели японцы, вместе с японскими укреплениями и солдатами. Советские танки и пехота сметали все на своем пути. Под проливным дождем пуль бойцы соревновались за честь первыми водрузить на вершине отвоеванной сопки победное красное знамя.

Это был великий подъем сил — подлинное вдохновение героев. Оно владело всем Дальневосточным фронтом, — от командующего до рядового бойца, от грана-

тометчика, прорывавшегося сквозь проволочные заграждения, до врача-хирурга, под грохот канонады делавшего операции в полевом врачебном пункте.

«Правая рука» — рассказ о замечательных людях советской военной медицины, о тех, кто не участвовал непосредственно в битве, но очень много сделал для победы. Это был весь медицинский персонал, работавший на фронте, — санитары, медсестры, врачи, няни в госпиталях. Их воодушевляли бессмертные слова Сталина о том, что в нашей стране самый ценный капитал — люди.

Достижения советской медицины, самой передовой в мире, исключительная, самоабвенная забота о раненых бойцах, героизм медицинского персонала в будничной работе — еще одна победа, одержанная нами у озера Хасан. 90 процентов (а в отдельных госпиталях 98 процентов) всех раненых бойцов получили возможность вернуться в строй.

Товарищ Ворошилов сказал, что мы победим малой кровью, — и на озере Хасан мы победили малой кровью.

Точно поезд прогремел по мосту...

Журба на мгновенье оглох и только видел, как беззвучно шевелятся губы на лице Петренко.

Осколок шрапнели скользнул по каске, оставив темный след. Голова была цела, только звенело в ней на тысячу ладов. Руки же как были, так и остались, окаменев, на гашетке пулемета. Сверху нажимали руки второго номера, продолжавшего безостановочно стрелять.

— Чего ты мне пальцы ломаешь! — сказал ворчливо Журба. — Я от пулемета никогда не уйду. Я живой...

Бой шел с полдня. Японцы отдавали советскую сопку вершок за вершком, цепляясь за каждую скалу, бугор, любое укрытие. В прорезь щитка видна была серая трава, дымившаяся от пуль.

— У нас никак вода кипит, — сказал снова Журба.

— Тут закипишь, — отозвался Петренко, еще проворнее подавая ленту.

От накалившегося пулемета шел пар.

Из обеих фляг Петренко перелил в кожух пулемета холодную ключевую воду.

Несколько капель упало ему на руку. Он слизнул их, — с утра бойцов томила жажда. Потом с сомнением щелкнул ногтем по фляге, — на дне чуть слышно плеснулась воца, — пододвинул Журбе.

— Все — в кожух! — сказал Журба, не оборачиваясь, и повел дулом влево, туда, где в груди камней сверкнули вдруг плоские штыки. По камням полоснула очередь, штыки исчезли.

— Честью ж вас, гады, просят, честью! — убедительно сказал Журба.

Веселое вдохновение боя нарастало в нем...

Разбросав ноги, горбятя сильные плечи, он как бы врос в пулемет. В ладонях жгло, — так крепко сжимал он гашетку. Гулкими ударами откликалось сердце на нервную дрожь пулемета.

Никогда еще так полно не жил он, как сейчас.

Сорванный голос донесся до них сквозь лязг, свист, уханье.

«За Сталина, вперед!» Это лейтенант Кульков повел бойцов в штыковую атаку. Он пробежал мимо, махнув маузером. Журба и Петренко поволокли пулемет следом.

Вдруг пахнуло на Журбу жарким ветром, как из раскрытой печи. Земля вывернулась из-под ног, и прямо перед собой он увидел облако...

2

Он подумал вначале, что это вспышки снарядов. Потом догадался, что смотрит в небо, по которому плывут облака. Он лежал навзничь.

Неподвижность его показалась ему странной, неестественной. Мысль бежала еще по инерции рядом с Петренко. Не уронить бы патронные ящики! Пулемет установить подле гряды камней, в брошенном японском окопе! И сразу очередь за очередью! Ленту, Петренко, ленту...

Медленно повернул он голову.

Справа было пусто. Руки не было. Только обломок плечевой кости торчал одиноко и страшно, белый, в кровавых лохмотьях...

Рядом вырос клубящийся черный столб. Поодаль другой, третий. В глаза брызнул песок.

Неуклюже повернулся Журба на левый бок и пополз, опираясь на локоть левой руки и подбородок.

Зарылся лицом, шарил по карманам.

Через минуту он остановился, прерывисто дыша. Что-то связывало его движения, потянуло, как гиря, назад, путалось в траве. Он оглянулся и сперва не узнал своей руки.

Она вытянулась, стала тяжелой, мёртвой, неотступно следовала за ним, оставляя в траве красную дорожку. Лежа навзничь, он не заметил ее, потому что она подогнулась под спину. Теперь, чудом каким-то держась на обрывках кожи и кровеносных сосудах, она волоклась сзади.

Зарывшись лицом в траву, — земля холодила горячий лоб, — он шарил по карманам. Где этот нож? Где — этот — нож?

Он хотел отрезать проклятую колоду, но ножа не было.

На минуту сознание его потускнело.

Его задевали по лицу высохшие стебли травы. Он лежал ничком на чужой шинели. Шинель двигалась. Он приподнялся.

— Лежи, друг, лежи.

Это был санитар. Низко пригибаясь к земле, он от-
тянул Журбу на шинели в ложбинку, где накоплялись
раненые, уходившие с линии боя. Там санитар натуго
перевязал Журбе руку жгутом, дал напиток и уполз
обратно, в самое пекло, где грохали взрывы.

Журба лежал на спине, удивляясь своей слабости.

Небо странно звенело над ним. Звук становился все
шире, басовитее, громче. Еще немного — и, кажется,
жилы на висках лопнут от напряжения...

Тут увидел он головных бомбардировщиков крас-
ной флотилии. Скоро зарябило в глазах. То был второй
налет нашей авиации, — под вечер шестого августа.

Небо громыhalo, лязгало, точно было сшито из ли-
стового железа, по которому колотили кувалдой.

Журба представил себе вершину сопки, в дыму, в
языках пламени и фонтанах черной пыли. Взрывались
орудия, в щепы раскалывались японские укрепления, а
снизу избегали по склону атакующие батальоны. Чер-
ные от копоти и пота гимнастерки. Исцарапанные пу-
лями каски. Штурм!

— Честью гадов просят! — пробурчал Журба и уста-
ло закрыл глаза.

3

Санитарную двуколку потрянуло на повороте при
спуске в овраг.

Все зелено было в этом овраге. Охапки еловых вет-
вей лежали поверх палаток. Издали могло показаться,
что это и впрямь чащоба, дремучий лес.

Журбу положили на носилках среди других ране-
ных. Где-то в кустарниках сонно журчал ручей. Журба
с трудом поднял тяжелые веки. На него смотрели
строгие глаза.

— Этого с рукой в жгуте, сейчас же к операции! — сказал молодой голос.

Несколько ароматных игл хвои упали Журбе на щеку, и полог палатки опустился за ним.

— Очень слаб, — сказал голос, — губы синие совсем. Ему придется крови подлить. Сестра! Нам доставили консервированную кровь?

Из глубины палатки ответили, что нет, кровь ждут с минуты на минуту.

— Ну, он-то ждать не может. А какая у него группа?

Быстрые пальцы расстегнули карман гимнастерки и вместе с воинским билетом вытащили карточку, где проставлена у каждого красноармейца группа его крови.

— Вторая, доктор. У меня тоже вторая. Разрешите мне...

— Вам дежурить еще, сестра.

— Ничего, я справлюсь, доктор.

— Хорошо. Приготовьте все для проверки группы.

Журба смутно понимал, что все это как-то касается и его, но мертвенная слабость сковала тело. На глазах, казалось, лежали медяки, как у покойников, — так тяжелы были веки. А голоса разговаривающих доносились издалека, точно с другого берега.

Моноotonно дребезжала стеклянная банка...

Из забытья его вызвал слабый укол в вену.

Жизнь вливалась в него теплой струей. Маятник, чуть слышно тикавший в груди, задвигался быстрее. Голоса зазвучали явственнее, приближаясь с каждой минутой. Наконец, он смог открыть глаза.

Над его головой тонкие женские руки держали навесу банку с кровью. Уровень медленно падал.

— Чья кровь? — шепотом спросил Журба стоявшую в головах.

— Моя. Молчите.

— Молчу... Спасибо.

В прорези палатки он видел черное небо и нежное мерцание звезд. Значит, наступила ночь? Вдали продолжали ухать орудия. Бой еще шел? Сопка не была еще взята?

Он заволновался и вдруг сказал умоляюще:

— А как же я без руки? Как же я драться буду, сестричка?

— Разговорчики! — сказал хирург. — Не вижу дисциплины у бойца. — Потом через минуту — кому-то в сторону: — Приятно, знаете, что у него артерия цела. Начнем? Хлорэтил, пожалуйста.

И Журба вдохнул дурмящие пары хлорэтила.

Очнулся он уже на носилках. Мимо пробежал санитар, неся таз с кровавыми лохмотьями марли.

— погоди, — сказал Журба раздельно. — Дай... на руку... мою... взглянуть.

Он уставился на таз. Санитар, поняв его, засмеялся:

— Не туда смотришь. Рука при тебе.

Подле Журбы присел на корточки хирург, держа перед собой вытянутые руки в перчатках.

— Ну-ну, без паники! — сказал он бодро. — Рану обработал, мышцы сшил. В госпиталь пишу, чтобы лечили открытым способом. Будет рука!

Журба хотел спросить, сможет ли он работать на пулемете, сказать, что с японцами не миновать еще драки, но побежали санитары и понесли его в машину.

Там, среди раненых, он вспомнил вдруг, что не знает фамилий сестры и доктора. Он беспокойно заметался, отыскивая их взглядом.

— Зовут как?

Прохладная мягкая ладонь коснулась его лба.

— Врача зовут Чижов, меня — Кулькова.

— Кульков у нас лейтенант, — сказал Журба, бережно укладывая раненую руку. — Тоже боевой. Как вы.

Шофер дал газ, автомобиль тронулся, а сестра бежала рядом, придерживая косынку.

— Знаете Кулькова? — спрашивала она, стараясь не отстать от машины. — Это муж! Как он? Жив? Жив он?

Журба улыбнулся от удовольствия.

— Впереди всех идет! — закричал он слабым голосом и сделал безуспешную попытку привстать. — Герой наш... то есть ваш Кульков!

И последнее, что увидел он перед поворотом, были сияющие, счастливые глаза медицинской сестры.

4

В госпитале Журба лежал на койке молчаливый, скучный, без всякой симпатии поглядывая на правую руку. Она висела рядом с койкой, в особом каркасе, под стерильной простыней, в маленьком шатре, где день и ночь горела электрическая лампа.

— В отдельную квартиру жить ушла, — говорил, стараясь развеселить Журбу, его сосед по палате, танкист Бечвая.

Журба молчал. Он вдруг разуверился в том, что рука срастется. Его одолевала апатия.

— Ну, раскапризничался Петюша наш, — с огорчением говорила няня Антоновна, хлопотливо раскладывая на тумбочке подле койки яблоки, кисеты, папиросные коробки. — И на подарки уж не глядит. Мы их Бечвае тогда отдадим, а, Петюша?..

Журба бледно улыбался.

Чудесная старушка была эта Антоновна. Чистенькая, белая, как мышка, ласковая. Она явилась в госпиталь сразу, как только начались бои на озере, и пред-

ложила делать любую работу бесплатно.

— Стирать могу, шить, сготовить, — перечисляла она, сидя перед начальником госпиталя. — Лекарство подать, присмотреть за хворым... Многого могу. Ведь я, чай, мать! Пятерых сыновей и дочь выходила.

Дежурила она по вечерам и часть ночи, так как днем продолжала работать на фабрике. Так, впрочем, делали и многие другие женщины, вызвавшиеся ухаживать за ранеными бойцами.

А от подарков просто тесно было в палате. Они не умещались на тумбочках. Подле Бечвая, например, стояли на полу в кадках два роскошных фикуса, которые притащили пионеры из своего форпоста.

Впрочем, больше всего радовали раненых подарки с фронта, от товарищей по Особой армии. Следом за сопкой Заозерной пала Безымянная. Японцев кольнули штыком на их собственной территории, и они запросили пардону.

После каждого такого известия в палатах становилось шумно и весело, а наутро, при обходе, врачи глубокомысленно глядели на кривую температуры, спрашивали о сне, аппетите и удовлетворенно кивали головами. Прекрасно идет заживление ран. Вот вам — тонизирующее действие душевного подъема, психический фактор!

Спустя неделю с фронта в госпиталь прислали Чижова. На границе стало теперь тихо, а в госпиталях была еще уйма работы. Мало ведь оказать первую помощь, надо вылечить, поставить на ноги!

Осмотром Журбы Чижев остался недоволен.

— Надо бы лучше, — сказал он придиричиво, хотя другим врачам рана нравилась. — Кукситесь, говорят, — продолжал он. — А мне требуется, чтобы вы были веселый. Ну, в чем горе, выкладывайте?

Выслушав Журбу, он подумал, усмехнулся.

— Придется, видно, лекцию прочесть, — сказал он, присаживаясь на койку. — Ну, народ! Никому на слово не верит. Все объясняй да объясняй... — Он сказал, что у Журбы были сильно разбиты мышцы, он долго волочил руки в пыли, возникла опасность инфекции. Поэтому он, Чижов, и оставил рану открытой. Затем, увлекшись, он описал все выгоды открытого способа лечения.

— Смотрите: во-первых, ваши руки все время под наблюдением, во-вторых, есть свободный отток гноя, в-третьих, под лампой в тепле высыхает поверхность, в-четвертых, — и это главное, — микробы газовой гангрены не развиваются в кислороде, то есть в воздухе...

Журба согласно кивал головой. Затем он открыл рот, но доктор сердито перебил его:

— Знаю, знаю! Все вы только об этом и спрашиваете. Не о том — будете ли жить, а о том — сможете ли сражаться. Сможете! А теперь спать! Мертвый час. Дисциплины не вижу, боец!

Он ушел.

— Хороший человек, — заметил Бечвая шепотом из-под одеяла. Потом сказал сердито: — А ты, если и теперь больной будешь, ты просто, кацо, свинья будешь, и я с тобой незнаком!

Но до этого не дошло. Журба стал поправляться.

5

Он лежал, удобно вытянув ноги, и слушал радиопередачу из Москвы.

Диктор сказал внятно:

— А теперь по заказу бойца-дальневосточника Петра Журбы, находящегося на излечении в Энском гос-

питале, передаем его любимые песни: «Песнь о Сталине» и «Если завтра война...»

Сознание, что он не останется инвалидом, что он сможет вернуться в часть, к товарищам, к своему пулемету, бодрило. Он по-иному глядел теперь на мир: «Повоюешь еще, Журба, покажешь гадам силу своей руки!»

Мышцы и кости прекрасно срастались. Журба пробовал двигать рукой. Пока что это удавалось неважно. Как только пытался он отвести ее в сторону, пронизывала боль.

— А вы смелей, смелей двигайте, — подбадривал Чижев.

От Бечвая он узнал, что в своем батальоне Журба считался первым гармонистом, и придумал в связи с этим необычную лечебную гимнастику.

Однажды он явился в палату с разукрашенной лентами гармоникой.

— Ну-ка, — пригласил он Журбу.

Соседи по палате заинтересованно вытянули шеи.

Конфузливо улыбаясь, Журба перекинул ремень через плечо, взял аккорд и охнул. Все засмеялись. Рассмеялся и Журба.

— А вы что-нибудь повеселее, — заметил Чижев. — Это пройдет. Играйте чаще.

Густые вздохи баяна стали часто доноситься теперь из палаты Журбы.

Вначале, точно пробуя ходить, он неуверенно и слабо перебирал лады. Потом музыка захватывала его, опьяняла, он забывал о ране, о боли, играл все смелее, все громче...

Через несколько дней, проходя по коридору, Чижев услышал из палаты drobный стук каблуков, хлопанье в ладоши и частую скороговорку плясовой.

Он остановился в дверях. Бечвая, отставив в сторону костыль, ходил по кругу. Журба сидел спиной к дверям. С крутого каменного плеча его щегольски свисал ремень баяна. Нога отстукивала такт.

Он лихо поводил плечом, растягивая гармонь на полный вздох, изгибал ее дугой, рассыпал мелкие звонкие переливы. Играл он и вправду отлично.

Чижов залюбовался им.

— Ваш больной? — спросил начальник госпиталя, подошедший послушать.

— Мой.

— Хорош.

И они пошли по коридору дальше, продолжая обход.

.....

Возвратившись с курорта в гарнизон, Журба выполнил все формальности, явился к начальству и теперь с особой тщательностью расчесывал перед карманным зеркальцем пробор.

Петренко не отходил от него ни на шаг.

Они осмотрели уже и пулемет, — Петренко ухаживал за ним на совесть, — царапины от пуль были зачищены, каждый винтик лоснился от масла.

— Что ж, в клуб, Петя, пойдем?

— Посиди здесь! — сказал Журба строго. — Еще дело есть.

Он стоял перед Чижовым, огромный, молчаливый, улыбающийся.

Чижов коснулся пальцами его плеча, провел по руке до кисти, надавливая мускулы.

— Тут не больно? — спрашивал он быстро. — А тут? А как сгибается в локте?

Журба вдруг перехватил руку Чижова, крепко, изо всех сил сжал ее и тотчас отпустил.

— Годен, годен! — закричал Чижов.

— Годен, годен! — закричал Чижов, дую на посиневшие пальцы и встряхивая ими. — До чего здоров! Подкову согнешь.

Журба, отступя немного, широко улыбался.

— Ваша работа, товарищ доктор, — сказал он скромно.

Вот и весь рассказ о том, как одному из бойцов Первой Особой Приморской Армии была возвращена боеспособность.

АРОМАТ РЕЗЕДЫ

Фантастический
рассказ

Журнал «Вокруг Света», № 5, 1939 г.

Так же: Платов Л. Аромат резеди. Оповідання / Л. Платов; Мал. О. Александровича // Знання та праця. – № 2 – 3, 1940 г.

Аромат резеды

Л. ПЛАТОВ

Рисунки Н. ДУТОВА

Герда привезли сюда ночью. Пока его вели от автомобиля к воротам, он успел осмотреться. Новая тюрьма находилась в котловине, на самом ее дне. Вокруг темнели на фоне звездного неба сумрачные очертания холмов.

Слабый запах цветов донесся до него, и он удивился, откуда в тюрьме цветы? Можно ли было вообще назвать это тюрьмой? Это больше походило на загородный дом, дачу. Однако в окне его комнаты тускло мерцала решетка, а за стеной перекликались часовые.

Удастся ли ему бежать отсюда на волю, к товарищам? Он заснул с мыслью об этом. О чем мог еще мечтать он, коммунист, приговоренный недавно имперским судом к пожизненному тюремному заключению?

Утром надзиратель сказал Герду, взглянув на него как-то странно, искоса:

— Камера заперта весь день. Вам разрешено проводить время в саду.

Герд прошел темный коридор и остановился у широких стеклянных дверей. За ними виден был сад —

весь в пестрых ярких красках, залитый солнцем ковер из цветов. Двери бесшумно раздвинулись перед заключенным.

Глаза разбежались у Герда. Очарованный, ошеломленный, шел он по саду, жадно вдыхая его ароматы. Гигантские бело-розовые и сиреневые кусты раскинулись, как шатры, вдоль аллеи. На клумбах громоздились маргаритки, тюльпаны, маки и астры. Пушистые султаны стояли в траве неподвижно, неколеблемые ветром.

Очень сыро было здесь. Все цвело буйным цветом, было преувеличенно пышно, болезненно ярко. На нежных лепестках тубероз горел лихорадочный румянец.

Сад показался Герду запущенным: на дорожках проросли сорняки, клумбы были разрыты какими-то животными, и скользкий мох покрывал высокие стены, утыканные наверху гвоздями и обвитые колючей проволокой.

Ничто не нарушало одиночества Герда. Он готов уже был предположить, что, кроме него и тюремщиков, никто больше не живет в доме, когда услышал рядом старческий кашель. Раздвинув кусты, стоял и пристально рассматривал его сквозь дымчатые очки маленький согбенный человек в черном. Увидев, что Герд решительно двинулся к нему навстречу, он круто повернулся и заковылял прочь.

Много непонятного было в саду. Например, зеркала. Герд принял их вначале за обычные стеклянные шары, украшение старомодных парков. Потом, приблизившись к одному из зеркал и обойдя его кругом, он обнаружил, что оно скорее напоминает рефлектор, выпуклое зеркало-линзу, укрепленную высоко на шесте. Несколько десятков таких зеркал были расставлены в разных уголках сада, вдоль дорожек, у стены и

над оврагом. Назначение их осталось для Герда загадкой.

Сівши біля вентилятора і розглядаючи його нерухомі лопасті, Герд виявив, що в саду зовсім не було вітру

Он долго ломал голову также над низенькими вентиляторами, которые располагались повсюду на перекрестках аллей. Сидя на корточках подле одного такого вентилятора, Герд отметил факт, на который ранее не обратил внимания: в саду совсем не было ветра.

Поразмыслив, он не нашел в этом ничего удивительного. Сад был защищен со всех сторон холмами, разбит на дне котловины, и воздух застаивался здесь.

Аромат цветов, смешанный с запахом прели и сырости, был поэтому особенно крепок и густ.

Гнетущая тишина царила вокруг: ни шелеста листьев, ни плеска воды. Сонное царство, тяжелое оцепенение. Герд вспомнил милого старого Гримма и его сказки о замках, на которые злым волшебником положено заклятье.

Да, вот еще — птицы! Не было слышно мелодичного, жизнерадостного пения птиц. Странно взволнованный этим, Герд внимательно осмотрел развесистые дубы и плакучие ивы подле оврага. Он нигде не мог найти гнезд. Птиц в зачарованном саду не было!

Тревога, в которой сам он не отдавал себе отчета, все больше овладевала Гердом.

На другой день, во время обычной послеобеденной прогулки по саду, он с недоумением заметил, что с головой его творится что-то неладное. Охваченный неожиданной слабостью, он сел на скамью, прислушиваясь к самому себе. Раньше у него никогда не было таких припадков. Что могло это значить?

Набежал легкий ветерок, чуть ощутимое благоуханное дуновение. В траве застрекотали вентиляторы. Герд застонал. Ветер как бы проникал в его мозг, распахивая настежь ставни и двери, сдувая мысли с насиженных мест. Вот понеслись они по аллее, закружились, заплясали вместе с разноцветными лепестками, сорванными налетевшим порывом ветра.

Через минуту припадок прошел. Герд отвел ладони от лица и выпрямился на скамейке. Показалось ему, или на самом деле стоявшее поблизости круглое выпуклое зеркало несколько изменило свое положение? Оно повернулось под небольшим углом в его сторону. Герд поднялся, сделал несколько шагов, обернулся.

Дзеркало, зробивши півоборот навколо своєї осі, дивилося зараз просто на нього

Зеркало, совершив полуоборот вокруг своей оси, было обращено сейчас прямо на него.

Герду стало страшно. Пустые стеклянные глаза следили за ним, сторожили каждое его движение. Он зашагал по аллее, пугливо оглядываясь на зеркала.

На мгновение ему показалось, что он сам стоит в зарослях папоротника и, раздвинув их, чтобы удобнее было видеть, наблюдает за собой со стороны. Худой, бледный человек с давно небритыми щеками, одетый в смешной полосатый костюм арестанта, почти

бежит, поддавшись панике. Как зовут этого человека? Готлиб? Гартман?

С ужасом Герд понял, что вдруг забыл свое имя. Он побежал быстрее. Сильнее зашуршала трава вокруг. Цветы закивали ему своими глупыми головами, точно подгоняя его. Ветер усиливался.

Желтый песок завихрился перед ногами Герда, и он, обессилев, опустился на землю...

Когда он пришел в себя, все было тихо вокруг. Стебли цветов стояли прямо, как факелы. Ветви деревьев были неподвижны — ни один лист не шелохнется. Солнце склонялось к западу. Какой страшный контраст с только что пережитым безумием, неожиданным, как удар грома среди ясного дня!

Изнеможенный Герд добрал до дома и рухнул на койку.

Ночью, проснувшись точно от толчка, он вспомнил забытую подробность. Все время, пока длился необъяснимый припадок, в воздухе пахло резедой.

На другой день Герд исследовал клумбы в саду. Резеда была там, невзрачные бледно-желтые цветы на высоких стеблях в самом отдаленном углу сада. Аромат их силен, как всегда, но трудно предположить, что на таком расстоянии он заглушал бы запах других цветов.

На всякий случай Герд решил держаться подальше от подозрительной резеды, и гулял теперь все время вблизи кустов туберозы.

Эти предосторожности не помогли.

Припадок повторился с новой силой. Герд ощутил беспричинный страх. На него накатывало, как говорят об истеричных женщинах. Он искусал себе в кровь губы, упрямо сжимал кулаки, стыдил и ругал себя — напрасно! Вдруг пахнуло резедой, точно кто-то швыр-

нул ему в лицо невидимую охапку цветов. И все спуталось в его мозгу.

Он плохо помнил дальнейшее. Кажется, он бежал, падал, поднимался, в кровь расцарапал лицо и руки, продираясь сквозь кусты шиповника к оврагу. Потом чары спали с него. Сознание его снова было чисто, как гладь спокойного озера. В этот момент он осознал себя стоящим на краю обрыва. Правая нога его была поднята. Еще мгновение, и он прыгнул бы вниз...

Некоторое время он лежал неподвижно в траве у края обрыва, стараясь отдышаться. Что-то щелкнуло рядом с ним. Страшным усилием воли он поборол желание бежать и, не поднимая головы, повел глазами в сторону. Он увидел, как круглое выпуклое зеркало, стоявшее на площадке возле обрыва, медленно опустилось на шарнирах по шесту.

Видимо, лежа так, он не попадал в поле зрения наблюдателя, не был виден, и зеркало искало его.

Вечером, когда надзиратель принес ему скудный ужин, Герд сказал, что он болен, сходит с ума и попросил вызвать врача.

— А вы больше гуляйте на свежем воздухе, — ответил надзиратель, скосив рот набок, и ушел.

Герд понимал, что долго выдержать не сможет. Припадки учащались, нелепые, дикие страхи терзали его мозг, опустошали его, превращали в тряпку. Иногда ему казалось, что череп его стал прозрачным, и десятки неживых выпуклых стеклянных глаз пристально наблюдают за ним и оценивают агонию его мозга.

Что сводило Герда с ума?

Может быть, в саду росли какие-нибудь удивительные тропические цветы, аромат которых был ядовит? Есть ли в природе такие растения? Насколько он помнит, знаменитый анчар был оклеветан. Из коры его,

действительно, добывают яд, которым туземцы смазывают стрелы, но во всем остальном анчар такое же безвредное дерево, как и другие, и птицы охотно вьют гнезда на его ветвях.

Но, может быть, цветы были отравлены, и поэтому навевали удивительные грезы?

Он читал также о цветах-великанах, растущих в африканских лесах, и представляющих собой не что иное, как красиво раскрашенные ловушки. Лепестки их раскрыты, и, когда маленькие птицы садятся на цветок, капкан бесшумно захлопывается. Лепестки плотно сомкнуты сейчас, хитрый цветок переваривает добычу.

Да, он, Герд, попал в такую ловушку. Только не один цветок, а множество цветов — весь зачарованный сад — держали его в страшном благоуханном плену.

Аромат резеды сводил его с ума. Как только ноздри его начинал щекотать ее нежный запах, он настораживался и подбирался весь, как загнанный зверь, почувявший преследователя. Не было никакого спасения от аромата резеды!

Когда композитор Шуман начал сходить с ума, ему все время слышалась нота «Ля». Он подбегал к роялю и с остервенением бил по клавишам: «ля, ля, ля». Это приносило ему облегчение. Также и Герд после одного из своих припадков в ярости вытоптал клумбу, где цвела резеда. Он расправлялся с цветами, как с врагами. Но спустя некоторое время порыв ветра снова донес до него дурманящий аромат резеды.

Герда сводили с ума педантично, соразмеряя его силы. После наиболее изнурительных припадков его оставляли в покое на короткое время, давая собраться с силами. Обычно роздых длился не более суток, но в середине июня Герду посчастливилось. Несколько

дней подряд припадки не возобновлялись. Он подозрительно поглядывал на зеркала. Они оставались неподвижными. Также неподвижными были вентиляторы. Сад был погружен в дремоту.

— Теперь или никогда, — сказал себе Герд. — Если я не убегу теперь, я погиб. Я должен использовать этот перерыв.

В густой болотной траве лежали трупы собак, кроликов, морских свинок.

Его подхлестнула также странная находка в овраге. Осматривая подножие стены в поисках лазейки, Герд спустился в овраг и увидел там кладбище животных. Здесь в густой болотной траве лежали трупы собак, кроликов, морских свинок. Некоторые еще не успели разложиться, другие были начисто изглоданы муравьями, и кости их призрачно белели между кустами. Герд вспомнил, как, ослепленный безумием, готов был он прыгнуть с обрыва. Вот его предшественники, товарищи по несчастью, пригнанные к краю бездны необъяснимым страхом, и ринувшиеся, очертя голову, вниз. Вот что ожидает его, если он не выберется из этого сада-тюрьмы!

Наблюдая все возрастающую слабость Герда, надзиратели давно уже не следили за ним так тщательно, как раньше. Последние дни Герд искусно укреплял их в этом заблуждении. Он играл в безумие, имитировал припадки в саду, и на ночь возвращался в камеру чуть не ползком.

Его камера теперь не запиралась. Надзиратель был так уверен в беспомощности арестанта, что ночью устанавливал у дверей камеры мягкое кресло и безмятежно спал в нем до утра.

Так было и в ночь, избранную Гердом для побега. Когда по коридору разнесся храп надзирателя, Герд тихо поднялся, обмотал ботинки тряпьем, чтобы ступать без шума, и вышел из камеры.

Балансируя на носках, Герд прошел мимо спящего тюремщика. Дверь в сад была закрыта железным заслоном. Лестница рядом вела на второй этаж. Недовверчиво приглядываясь к ступеням — не скрипнули бы! — Герд медленно-медленно взошел по лестнице вверх.

В дверях торчал ключ, оставленный, видно, по рассеянности. Герд отпер дверь и вошел в комнату. В ней не было никого. Книжные шкафы стояли вдоль стен. Длинные полки прогибались под тяжестью плотно закупоренных баллонов и банок. Всюду развешены были таблицы химических формул. Герд понял, что находится в кабинете ученого — в святая-святых загадочного дома на дне котловины.

Герд приблизился к письменному столу. Симметрия, порядок, чистота господствовали на этом столе. Аккуратной пирамидкой были сложены остро отточенные карандаши. На равном расстоянии от чернильницы располагались пресс-папье и нож для разрезывания брошюр. Угадывался за всем этим хозяин-педант, один из тех кабинетных ученых, рабов привычки, которые, подобно Канту, теряют вдохновение, если переложить что-нибудь у них на столе.

Лампа под уютным зеленым абажуром бросала светлый круг на середину стола. Тут лежала тетрадь, переплетенная в сафьян и озаглавленная: «Дневник опытов, а также посещений лаборатории».

Герда осенила догадка. Трясущимися пальцами он развязал шнурки на тетради и раскрыл ее. Запись на первой, случайно подвернувшейся странице, гласила:

«21 мая. Наблюдая опыты, господин министр остался мною доволен. Перед его приездом я лично проследил за тем, чтобы стекла зеркал-перископов, были тщательно промыты, и картина всего совершающегося в саду отчетливо отражалась на экране перед письменным столом.

Я демонстрировал господину министру манию самоубийства, мгновенно овладевавшую кроликами при воздействии на них растворенного в воздухе лютеола.

Стадо кроликов, до того мирно пасшееся на лужайке, забеспокоилось, как только вентиляторы донесли до них первую волну газа. Вожак, поднявшись на задние лапы, приняхивался к тревожному запаху. Господин министр засмеялся при виде его озабоченной мордочки. При всем своем волнении автора, я также не смог удержаться от улыбки. По данному вожаком сигналу кролики бросились бежать. Тотчас усилено было действие вентиляторов, ветер нагнал беглецов, и лютеол захлестнул их. Это было наиболее эффектно, — охваченное массовым безумием стадо вдруг резко шаркнулось вбок и ринулось к обрыву.

Министр в очень лестных выражениях поздравил меня с удачей. В этот приезд он пожелал подробнее ознакомиться со специальным оборудованием сада-лаборатории. Он осмотрел сеть газопроводов, проложенных в земле и подающих лютеол в то или иное место сада, и лично проверил, насколько послушны рычагам управления вентиляторы и перископы.

Я воспользовался хорошим расположением духа министра, чтобы высказать просьбу. Давно назрела необходимость перейти от подопытных кроликов и собак к человеку. Иначе цель экспериментов нельзя считать завершенной. Господин министр ответил, что тут не о чем и разговаривать, и я смогу получить для опытов любое количество политических заключенных.

Я счастлив. Теперь я смогу развернуть опыты в невиданных масштабах. Я уверен, что имя профессора Шульца в недалеком будущем будет занесено золотыми буквами в книгу истории».

«26 мая. Господин министр сдержал свое слово. Вчера доставлен первый арестант, которого я внес в реестр подопытных животных за № 709. К сожалению,

№ 709 оказался субъектом с очень расшатанной нервной системой, и умер сегодня от паралича сердца, когда я только начал входить во вкус эксперимента».

«30 мая. Сегодня я написал начальнику государственных тюрем письмо, в котором высказал удивление по поводу того, что он недостаточно внимательно отнесся к выполнению моего заказа. Мне присылают арестантов, совершенно непригодных для опытов: больных, ослабевших, с изломанной психикой. Мы взвешиваем их, делаем различные анализы, чтобы обосновать их гибель всесторонне и научно, а они умирают в самой середине опыта, только раздражив экспериментаторов.

Такие подопытные животные могут даже дезориентировать меня. Ведь в грядущей войне нам будет противостоять очень стойкая в моральном отношении армия, если судить по агентурным сведениям разведки, люди чрезвычайно здоровые, жизнерадостные, способные упорно сопротивляться различным воздействиям на их психику. Поэтому я настоятельно просил начальника тюрем отбирать для меня арестантов, достаточно сохранившихся для целей опыта.

Я очень расстроен всем этим. Видимо, я переутомился. Я работаю лихорадочно и почти не сплю».

Герд перевернул несколько страниц.

«4 июня. Вчера привезли нового арестанта. В сопроводительном письме начальник тюрем пытается иронизировать. Он пишет, что у него не санаторий, но, впрочем, может быть, капризный вкус профессор на этот раз будет удовлетворен. Болван! С ним не стоит спорить. А новый арестант, внесенный в реестр под № 713, и в самом деле показался мне довольно уравнове-

шенным субъектом. Я наблюдал за ним сегодня из-за куста. Итак, с божьей помощью, за дело. Лишь бы не болела так голова. Она разрывается на куски. Мне кажется порой, что все мои мысли точно сдувает ветром».

«11 июня. Очень неприятно, что эти дни я чувствую себя нездоровым. Экземпляр попался, действительно, удачный, и работа спорилась бы, если бы не болела так голова.

Мне никак не удастся избавить лютеол от одного очень серьезного дефекта: газ пахнет резедой. Он не должен пахнуть ничем. Лютеол должен поражать неожиданно, из-за угла. Одна ослепительная смертоносная вспышка, удар — и мозг сожжен, превращен в уголья! А запах резеды — это уже след, улика, причем предшествующая самому убийству. Значит, армию противника не удастся захватить врасплох; она сумеет пустить в ход противогазы или развеять искусственным ветром наползающую завесу газа.

Наблюдая из своего кабинета за поведением подопытного № 713, я вижу, как он нюхает воздух. Когда я прекратил доступ лютеола в сад, № 713 принялся в беспокойстве бегать между клумбами. Глупец ищет резеду. Он думает, что виноваты безобидные цветы.

Я так расстроен своими неудачами, что меня самого — стыдно сказать! — преследует теперь запах резеды. Он чудится мне всюду: в моей спальне, в коридоре, но больше всего, конечно, в кабинете. Я слышу его и сейчас, когда пишу эти строки. Запах очень слабый, едва уловимый, но и этого достаточно для того, чтобы выбить меня из колеи. Я готов рычать от злости, готов разодрать на себе рубаху, разбить светящийся экран.

Бром не помогает...»

«**13 июня.** Я вынужден пока прервать опыты. Надо сначала избавиться от запаха резеды. Как только я перестану обонять этот раздражающе-нежный аромат, мысли мои станут сразу ясными и прозрачными.

Старший надзиратель, между прочим, доложил, что № 713, совсем ослабев, впал в апатию и, видимо, скоро погибнет при тех же явлениях, что и № 709, 710, 711 и 712. Мне некогда взглянуть на него. Чорт с ним! Дело не в нем. Господин министр сказал, что я могу не жалеть материала для опытов. Мне важно другое. Мне важно понять, почему последнее время всюду, везде — и сейчас также, боже мой! — меня преследует аромат резеды!»

Герд сознавал, что ему надо уходить, что он рискует жизнью, и все же не в силах был оторваться от страшного «Дневника». Он перелистал несколько страниц и прочел последнюю запись, сделанную наспех, с кляксами и помарками:

«**Числа нет.** Все это вздор, чем я занимался раньше. Сегодня утром я понял, что мое предназначение выше. Я пришел в мир для того, чтобы стать Великим Могильщиком Мира: Лютеол — мое могучее изобретение, мое прекрасное творение — поможет мне взойти по трупам на трон. Трепещите, люди! Отныне смерть будет осенять вас своими черными крыльями! Я — Ангел Смерти. Научными методами во всеоружии современной химии я призван богом умертвить человечество и положить конец всей глупой мышиной возне, которую называют цивилизацией! Вот кто я — Ангел, а не профессор Шульц, как меня хотели убедить глупцы. Меня приводит в бешенство мысль, что когда-то, поддавшись на их уговоры, я сам также верил в эту нелепость:..»

В дверях стоял маленький старичок в черном.

Дочитывая последние слова, Герд ощутил неприятный холодок между лопаток: кто-то смотрел на него сзади. Тихо закрыв тетрадь в сафьяновом переплете, Герд обернулся. В дверях стоял старичок в черном. Не сводя с него глаз, Герд медленно поднялся из-за стола.

Пальцы правой руки забегали по бювару и, нащупав мраморное пресс-папье, окаменели на нем.

Дымчатые очки закрывали глаза профессора Шульца, дряблые губы его были растянуты в улыбке. Он беззвучно смеялся.

Він простягнув руку до дзвінка, але Герд, розмахнувшись, ударив по ній важким прес - пап'є...

Продолжая смеяться, он шагнул к столу. Герд занес назад руку с пресс-папье. Страшная ненависть к этому человеку захлестнула его. Он, Герд, был для этого изверга только номером 713! Ладно! Теперь, вы, профес-

сор, встретились лицом к лицу со своим «подопытным животным»!

Профессор промолвил, однако, будничным голосом:

— Вы — подопытный № 713? Хорошо, что вы здесь. Вы должны мне помочь.

И он поднял на лоб очки. Герд увидел глаза: совершенно светлые, с очень маленькими зрачками, круглые, выпуклые. Они были мертвенно спокойны. Герд понял, что перед ним сумасшедший.

Шульц продолжал:

— Мне не поднять на второй этаж всех бидонов с бензином. А их нужно уложить именно здесь. Тогда сразу вспыхнет все здание, и это будет красиво.

Он захохотал и закашлялся, приседая, потом, отдышавшись, прошелся маленькими шажками по комнате.

— Порадуем фюрера иллюминацией, — сказал он, потирая руки. — Помните, как красиво горел рейхстаг? С того времени фюрер очень любит пожары... Но почему вы стоите, номер 713? Пошевеливайтесь, чорт побери! Делайте, что вам говорят!

Шульц швырнул Герду ключи.

— Пока вы сходите за бидонами, — пробормотал он, — я запишу в дневник насчет пожара. Во всем нужен порядок, мой милый. Пожар тоже должен быть записан, не так ли?

И, повернувшись к Герду спиной, Шульц присел к столу.

Счастье Герда, что ночь была так темна. Он проскользнул в ворота незамеченным. Часть пути он полз, часть бежал, и разрешил себе привал только в болотистой низине, замыкавшей выход из котловины.

Небо странно светлело над ним, но до рассвета было еще далеко.

Там, де стояв будинок - в'язниця, сторч здіймався
чорний стовп диму...

Герд оглянувся. Сзади по небу веером развернулось зарево. Там, где стоял дом профессора Шульца, сторчмя поднялся дым — черный столб дыма.

Полиция, видимо, не трудилась искать Герда, предполагая, что он погиб во время пожара. Друзья, которые есть у коммунистов в любом месте, помогли ему перебраться через границу, и он, наконец, нашел приют и отдых.

— Да, это была самая страшная тюрьма, которую мне пришлось изведать, — сказал Герд. Он придвинул-

Это было зарево...

ся к камину и стал греть у пламени руки. Они дрожали мелкой дрожью.

Стараясь не глядеть на них, один из слушателей, спросил:

— Но как вы объясняете это, товарищ Герд? Почему Шульц сошел с ума? По-видимому, он был неосторожен в обращении с лютеолом? Может быть, баллоны дали течь, краны были неплотно привер-

нуты, и дурманный газ, просачиваясь в кабинет экспериментатора, постепенно свел его с ума? Помните: «Поднявший меч — от меча и погибнет»?

Герд пожал плечами. Потом, не отрывая взгляда от тлеющих в камине углей, сказал задумчиво:

— Может быть, и так. Но кажется мне, что Шульц был безумцем и тогда, когда начинал свои опыты. Им владела мания убийства — такое распространенное безумие в Третьей империи. И кто знает, не сожги он сам себя, может быть, профессор Шульц дослужился бы до самых высоких чинов в империи убийц и маньяков.

ГОСПОДИН БИБАБО

Фантастическая повесть

Журнал «Вокруг света», №7 и №8-9 , 1939 г.

ПОВЕСТЬ-ПАМФЛЕТ

Л. ПЛАТОВ

Рисунки Н. ЛИСА

Не ищите на карте государство Бискайю. Его нет, оно не существует. Но есть ряд капиталистических государств, похожих на эту вымышленную Бискайю. В своей повести-памфлете автор хотел показать уродливые черты, свойственные всему капиталистическому миру.

Многим миролюбивым демократическим странам угрожает фашизм, кровавая оголтелая диктатура буржуазии. Массы объединяются и под знаменем единого народного фронта готовятся дать отпор фашизму. И вот на арену политической жизни выходят ловкие, прожженные деятели типа господина Бибабо. Своими елейными речами и проповедями в пользу политики неумеренности и непротравления агрессии они пытаются усилить бдительность, одурачить мелкобуржуазные слои населения и, по сути дела, расчистить дорогу фашизму.

Настоящие хозяева стоят в тени, за их спиной. Они управляют Бибабо, управляют движениями своих политических марионеток. Капитализм, с его неизлечимыми пороками, — благодатная почва для господ Бибабо. Но деятельность их обречена. Народы, вопреки гласности мещанского благополучия, объединяются для отпора агрессии. И даже наиболее дальновидные государственные деятели буржуазии ищут путей создания единого блока миролюбивых стран, противостоящих нагелеющему фашизму — поглотителю мировой культуры.

От редакции

Не ищите на карте государство Бискайю. Его нет, оно не существует. Но есть ряд капиталистических государств, похожих на эту вымышленную Бискайю. В своей повести-памфлете автор хотел показать уродливые черты, свойственные всему капиталистическому миру.

Многим миролюбивым демократическим странам угрожает фашизм, кровавая оголтелая диктатура буржуазии. Массы объединяются и под знаменем единого народного фронта готовятся дать отпор фашизму. И вот на арену политической жизни выходят ловкие, прожженные деятели типа господина Бибабо. Своими елейными речами и проповедями в пользу полити-

ки невмешательства и непротивления агрессии они пытаются усыпить бдительность, одурачить мелкобуржуазные слои населения и, по сути дела, расчистить дорогу фашизму.

Настоящие хозяева стоят в тени, за их спиной. Они управляют Бибабо, управляют движениями своих политических марионеток. Капитализм, с его неизлечимыми пороками, — благодатная почва для господ Бибабо. Но деятельность их обречена. Народы, наперекор глашатаям мещанского благополучия, объединяются для отпора агрессии. И даже наиболее дальновидные государственные деятели буржуазии ищут путей создания единого блока миролюбивых стран, противостоящих наглежащему фашизму — погромицику мировой культуры.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На крыше лучшего ресторана в Бискайе есть площадка, где в ясные ночи стоит телескоп, а подле него служащий, одетый в мешковатый балахон астролога, предсказывает подвыпившим посетителям будущее по звездам. Внизу мерцают огни столицы. Шум улиц достигает сюда, приглушенный расстоянием и только на высоких нотах: звонки трамваев, выкрики газетчиков.

Когда же ветер нагоняет с моря туман и небоскреб заволакивает желтоватая клубящаяся пелена, площадка пустует.

В ту ночь там не было никого, кроме Айта. Со стороны залива надвигался дождь, и Айту приходилось обеими руками придерживать шляпу, чтобы ее не унесло ветром.

Колени его уперлись в парапет, голова свесилась над пропастью. Итак, вот его последний рубеж! Еще одно усилие — стоит только податься головой вперед и распрямить колени, — и кончено все!

Долго ли будет он падать в этой пустоте, пока не умрет? Сразу ли сердце захлебнется ужасом, или он успеет еще почувствовать боль от удара о мостовую?

Как странно выглядят сверху огни уличных фонарей. Они расползлись в тумане, точно след слезы, упавшей на бумагу... Должен ли был он написать предсмертное письмо, или все понятно и так, без письма? «Покойного толкнула на этот шаг безработица», напечатают мельчайшим шрифтом в хронике происшествий, а в радикальной газете, может быть, добавят с негодованием: «Когда же, наконец, муниципалитет поставит на крыше ресторана более высокий парапет?!!»

Сколько таких лаконичных эпитафий прочел он с того времени, как потерял работу. Он стал выискивать их в газетах с какой-то странной, болезненной жадностью. Ему представлялась вереница самоубийц, поднимающихся на вершину небоскреба, эту Тарпейскую скалу нового времени. Изжелта-бледные лица у всех, обвисшие, смятые пиджаки, неподвижный, направленный в одну точку взгляд. Неужели он когда-нибудь замкнет их печальную процессию?

Но прошло еще немало дней, пока он убедился в том, что другого выхода нет и эта вот пустота под ногами — единственный, оставленный ему в жизни путь.

Подъем наверх по винтовой лестнице — в лифт его не пустили — показался ему едва ли не самым трудным во всем этом. (Стыдно подумать, до чего он ослабел от голода.) Цепляясь за перила, через каждые десять ступенек останавливаясь перевести дух, он добрался, наконец, до цели.

Где-то Айт читал о том, что раненый зверь уползает умирать в глухие кустарники, в овраг, где ничто — ни окрик, ни шорох — не нарушит его предсмертных минут. Как хорошо он понимает сейчас это. Навсегда расставаясь с самим собой, он хочет вспомнить что-то, хочет найти и сказать себе на прощанье какие-то мужественные, добрые слова...

Снизу из ресторана долетают до него обрывки «румбы», женский смех, — все в жизни идет своим чередом. Смешно умирать под «румбу», не правда ли? Жаль, что не принято считаться в таких случаях с мнением самоубийц, — он заказал бы, понятно, григовскую «Смерть Азы» или, на худой конец, хоть плохонький «блюз», чтобы не обидеть танцующих...

Послышались приближающиеся шаги и веселые колеблющиеся голоса. Пренебрегая дурной погодой, на

площадку подымалось несколько посетителей ресторана. Айт приник к парапету, стараясь слиться с темнотой.

Покончить жизнь в присутствии этих беспечных, счастливых людей показалось ему сейчас так же стыдно, как раздеться на людной улице донага.

Они остановились на другом конце площадки, громко разговаривая. Каждое слово доносилось до Айта с раздражавшей его отчетливостью.

Кого-то из гуляк остальные называли с шутливым почтением Гарун-аль-Рашидом. Айт понял, что именно он был хозяином пирушки. Речь шла о том, чтобы отправиться в экстравагантную прогулку по городу пешком. Видно, испробованы были и шампанское, и спирт с водой, — требовалось взвинтить себя чем-то необычайным, лишь бы отдалить неприятный час похмелья.

— Однако неправильно думать, что Халиф Гарун любил шататься по улицам, подобно вам, — продолжал кто-то с пьяной серьезностью. — Самое неправдоподобное в сказках Шехерезады — это деспот, гуляющий пешком по своей столице. Известно, что настоящий Гарун-аль-Рашид был нелюдимым, старым хрычом, и очень боялся убийц. Жители Багдада терпеть не могли его.

— И все же, клянусь Аллахом, — вскричал другой, — я заставлю первого встречного рассказать нам свою историю, и, если она не развлечет нас, я буду считать пирушку испорченной!

— Тогда приступайте к делу, — сказал третий, — потому что там, у парапета, я вижу человеческую фигуру. Не ресторанный ли это звездочет, предсказывающий будущее? Пусть соврет что-нибудь, да позабавнее!

Держась под руки, неверными шагами, они подступили к Айту и стали перед ним полукругом, сосредото-

ченно рассматривая его. Кто-то покачулся и,дохнув
винным перегаром, заглянул ему снизу в лицо.

— Господа, — объявил он со смехом, — закладываю
свои часы против зубочистки, если это не один из тех
бедняг, которые приходят сюда кончать самоубий-
ством.

— Он вряд ли в таком случае расскажет что-либо
забавное, — с сожалением сказал другой.

— Все же попробуем. Кем ты был, старина? Мусор-
щиком? Нет? Актером? О, это интересно.

— Господа, — рассудительно заметил тот, кого
называли Гарун-аль-Рашидом, — не будем ему мешать.
Это невежливо. Пусть прыгает вниз, а мы отойдем в
сторонку. Не знаю, как вы, я даже отвернусь, — я не
выношу таких зрелищ.

— Повесть, а действующий из калашникова! Того же подвизуемого соборного прихода
на для продолжения мысли.

— Погоди, о добрейший из калифов! Твоему недостойному собутыльнику пришла на ум оригинальная мысль. Пусть самоубийца представит нам что-нибудь, и мы уйдем. Что исполнял ты в театре, друг? Отлично! Он исполнял политические пародии. Это, должно быть, смешно. Нет?

— Идет! Мы соберем ему на предсмертный ужин, господа. Должен же человек наесться перед смертью? Даже в тюрьмах накануне казни заключенным дают ужин по карточке и бутылку вина. Прошу тебя, мудрейший калиф, предложи на следующей сессии парламента закон, по которому самоубийцам полагался бы бесплатный ужин!

Кто-то проворно сдернул с головы ошеломленного Айта измятую шляпу и бросил к его ногам. Туда посыпались мелкие монеты.

Появился откуда-то фонарь, и Айт увидел себя в центре освещенного круга. Гуляки рассаживались на парапете и у подножья трубы. Белели во мраке их накрахмаленные манишки. Ветер усилился, — черные плащи и фалды фраков взметывались вверх и хлопали, как крылья. На секунду болезненная иллюзия овладела усталым мозгом Айта, — ему показалось, что сюда, на крышу, слетелись со всех городских колоколен галки, зловеще-черные, крикливые, и окружили его, галдя, перебраниваясь и угрожая ему своими острыми клювами.

Он провел ладонью по глазам, — видение исчезло. Криво ухмыляющиеся, пьяные человеческие лица были перед ним. Они качались из стороны в сторону, и кивали ему, и подмигивали, поощряя действовать. Самый пьяный из этих шалопаев, конечно, сильнее его, истощенного многодневной голодовкой. Нелепо было бы думать о сопротивлении. Он был в их власти.

Айт откинул назад слипшуюся от пота прядь и шагнул ближе к фонарю. Лицо его было теперь хорошо освещено: очень худое и бледное, на тонкой шее, с черными провалами глаз и чистым высоким лбом.

Беспечные гуляки с удивлением заметили, что губы Айта кривит страдальческая улыбка. Ему представился вдруг весь жалкий комизм его положения. У него отняли все, даже право пристойно расстаться с жизнью. Ему не позволили остаться наедине с мыслями, которые казались ему строгими и важными. На самом краю могилы его настигли пьяные, сытые люди, и последний смертный час его был отравлен.

Айт, широко открыв рот, рассмеялся. То был жуткий смех, истеричный, резкий, и, если бы среди людей, окружавших Айта, находился человек с сердцем, он различил бы в этом смехе рыдания.

Но Айт решил сыграть в последний раз в своей жизни.

В его живом воображении возникли сверкающая рампа, притихший, очарованный его игрой зал, товарищи в гриме и костюмах, выглядывающие из-за кулис. Теплом повеяло на него от этих воспоминаний, которые путал он в полубреду с явью. Голос окреп, стал гибким, тело привычно послушным, как прежде.

Перебирая невидимые четки и делая коротенькие шажки, точно движения его стесняла ряса, он прошелся по кругу. Голос его стал гнусавым. Лицо как бы одеревенело в постной mine. Он читал список повешенных. Образ епископа Грандье, министра внутренних дел, палача и ханжи, возник, как по волшебству, перед зрителями.

Затем смелыми, резкими штрихами Айт набросал шарж на редактора Леви. Этот милейший и продажнейший из журналистов Бискайи говаривал с тон-

кой улыбкой: «Я слишком дорожу своей честью, чтобы продавать ее по дешевой цене», и Айт повторил эту фразу так, что весь Леви, уклончивый, любезный, лживый, стал виден в ней.

То была не имитация, а злая и верная пародия. С талантом подлинного сатирика Айт умел найти и показать сокровенное в человеке, позорное и смешное, что прячут обычно на самое дно души.

— Не удивляюсь, что он потерял работу, — сказал на ухо один из зрителей другому. — Это опасное дарование, и я бы надел на такого актера намордник.

А третий персонаж Айта был стариком, но с претензией казаться моложе своих лет. Измятую шляпу Айт сдвинул на затылок, движения его приобрели ту отчаянную старческую молодцеватость, когда еще очень хочется побегать вприпрыжку, а ноги уже не сгибаются в коленях.

По первым же интонациям приторного скрипучего голоса и судорожно-размашистым жестам зрители догадались, кого изображает Айт, — депутата парламента, прославленного оратора господина Бибабо.

Замешательство возникло в толпе гуляк. Но Айт был слишком занят, чтобы обратить на это внимание.

Когда Айт закончил, все молчали. Аплодировал только человек, которого называли Гарун-аль-Рашидом. Продолжая хлопать в ладоши, он выдвинулся из тени и подступил вплотную к Айту.

— Я очарован вашим талантом, — сказал он приторным скрипучим голосом. — Признаюсь, сходство схвачено мастерски!

Чувствуя страшную усталость и шум в ушах, Айт молча смотрел на гримасничавшее перед ним лицо.

Странное оно было; не лицо — гротеск. Множество пересекавшихся под разными углами морщин прида-

вали ему неприятную, почти обезьянью, подвижность. Щеки и подбородок обвисли.

Слишком много кожи было на этом лице. Казалось, что если снять ее и разутюжить хорошенько, ее хватило бы, по крайней мере, на два обыкновенных лица.

Губы самодовольно выпячены, лоб плоский. Темно-карие, без блеска глаза, точно два зверька, притаились под тяжелыми веками и высматривали оттуда добычу.

Айт узнал, кто стоял перед ним. Это был господин Бибабо.

Дальнейшее Айт припоминает с трудом. Его закутали в подбитый атласом плащ, заботливо снесли на руках в машину, и все время он ощущал подле себя чье-то очень твердое, мускулистое плечо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ну, вот вы выглядите сейчас совсем иначе, — заметил с удовольствием господин Бибабо, когда в комнату вошел Айт, только что принявший ванну и одетый в красный, расшитый позументами хозяйский халат.

— Он вам пока просторен, — сказал загадочно господин Бибабо и придвинул гостю кресло, на котором лежало несколько уютных подушечек.

Их было множество в гостиной: пестрых, вышитых бисером, пуховых, атласных. От них рябило в глазах, и Айт подумал, что если вещи не лгут, хозяин их, должно быть, изрядный лежебока и сибарит.

Обжигаясь горячим кофе и стараясь, чтобы рука его не дрожала, когда он протягивал ее за бутербродом, Айт вначале без особого внимания слушал господина Бибабо.

— Я думаю, вам не более тридцати лет, — начал издалека господин Бибабо, пробираясь окольными путями к известной одному ему цели. — Вас тянет снова к рампе? Мечтаете ли вы о славе, аплодисментах, восторженных рецензиях? Я бредил всем этим в далекие годы моей юности...

Господин Бибабо шумно вздохнул и откинулся на подушках. Тяжелые веки его совсем закрыли глаза.

— Хорошее время! Я был наивен тогда, горячая голова, мечтатель, как вы. Днем бегал по редакциям, строчил хронику происшествий, ночью писал стихи. В юношеской самонадеянности я вообразил, что у меня поэтический талант, хотя на самом деле я просто начитался различных поэтов. Увы, эхо я принял за голос собственного сердца.

С комическим огорчением господин Бибабо развел руками.

— Когда же сонет не клеился, я подолгу простаивал у окна своего чердака, дыша ночной прохладой. Огни столицы светились внизу, великий город лежал у моих ног. Ах, Айт, я изнывал от желания обладать этой ветренной модницей — славой. Она брезговала моей мансардой, боялась поломать каблучки на золоченых туфлях, поднимаясь ко мне под самую крышу. Ну, что ж, я был упрям, я был упрямее ее.

Вышла книжка моих стихов, плохонькое подражание Уитмэну, — по молодости лет я был тогда социалистом. Книжка осталась незамеченной. Напрасно толкался я по книжным магазинам, прислушивался к разговорам в литературных кафе, — нет, о поэте Бибабо не говорил никто. В те дни, милый Айт, я подумывал о самоубийстве.

Бибабо состроил жалостную гримасу и тотчас хитро улыбнулся.

— Но, к счастью, — продолжал он, — в одно прекрасное утро я развернул газету и увидел свое имя. Какой-то Пилад не оставил камня на камне от моего произведения. На следующий день в другой газете критик, назвавшийся Орестом, взял стихи под защиту. Разгорелся бой.

Противники проявили в полемике и жар и блеск, хотя пользовались подчас некрасивыми приемами. Азартный Пилад, например, перетряхнул перед читателями все грязное белье почтенной семьи Бибабо за несколько поколений. Орест тотчас отпарировал удар, заявив, что редактор враждебной газеты нечист на руку. В драку на всем скаку врезались прославленные полемисты.

— Давно забыт был повод междоусобицы — тоненькая книжка моих стихов. Но фамилию Бибабо запомнили. Она была связана со скандалом. «А, это тот, который...» — говорили многозначительно, когда упоминалось мое имя, и это заменяло мне визитную карточку... Ну-с, а по вечерам, после побоища, Орест и Пилад мирно сходились под низким потолком моей мансарды и с удовольствием вспоминали «те битвы, где вместе рубились они».

— Они были вашими друзьями? — спросил Айт.

— Больше того! Это был я сам, Орест и Пилад в одном лице. В то время как раз много писали о раздвоении личности, и я подумал: почему бы и моя личность не могла раздвоиться на короткое время, причем так, чтобы это принесло мне пользу?.. После знаменитого спора Ореста и Пилада я понял свое призвание, оставил стихи и занялся публицистикой. Я запомнил вдобавок, что всюду и везде человеку должны предшествовать герольды: либо сплетня, либо легенда, — остаться незамеченным хуже всего!

Собеседник господина Бибабо передернул худыми плечами.

— Вы не согласны со мной? — Господин Бибабо беспокойно заерзал в кресле, приближаясь к цели разговора. — А как вы представляете свое счастье? Откровенность за откровенность!

Айт смущенно улыбнулся, подпер подбородок ладонью. Интонации его голоса стали мягче, душевнее.

— Видите ли, сударь, — начал он, — я — горожанин. Вы бывали когда-нибудь в квартале тряпичников?.. Я провел там детство. Помните эти узкие, мрачные улицы и голые, без зелени, дворы-колодцы? До десяти лет я не видел деревьев. «Садом» в семье у нас назывался кактус в кадке, стоявший на подоконнике и напоми-

навший колючий кукиш. Вам понятно, что делалось со мной, когда мы поехали на несколько дней в деревню, к родственникам отца? Такой покой вокруг: ни запаха бензина, ни лязга трамваев — зеленые холмы, тишина и множество цветов, названия которых я и не успел узнать.

Хотел бы я пожить там вволю. Просто гулять и дышать. И удить рыбу. Какая там река, сударь! Неглубокая и совсем прозрачная. Не то, что наши городские каналы, в которых течет одно машинное масло. Бархатное песчаное дно! И сколько рыбы! Там бьют щук острогами прямо с прибрежных камней, поверите ли!

Сам-то я предпочитаю приманку на мотылька. С берега на берег перебрасывают бечеву, на которой подвешено несколько стрекоз и мотыльков. Река разделяет рыболовов. Они медленно идут, каждый на своем берегу, держа за концы бечеву и чуть перебирая ее пальцами. Крылатые пленники то окунаются в воду, то взлетают над ней. Рыба принимает их за живых и жадно глотает приманку. Брызги, легкий плеск!

Свое счастье я представляю так. Звенят кузнечики. Солнце. Весь остальной мир где-то далеко, по ту сторону холмов. Я неторопливо бреду по колено в траве. На другом берегу реки идет моя черноглазая подруга. Дрожание ее пальцев передается моим через бечеву. «Славно, Анри!» — кричит она и смотрит на меня из-под ладони, — так ярко светит солнце. «Чудесно, Мари!» — кричу я в ответ. Но простите, сударь, я увлекся...

Господин Бибабо со странным выражением смотрел на него.

— Нет, почему ж, мой друг, — ласково сказал он. — Вы не представляете себе, с каким интересом я слушаю

вас. И сколько все это должно стоить: дом у реки, луг в цветах, черноглазая Мари — все вместе?

— Больше, чем я зарабатывал в театре, сударь, — ответил Айт. — Я получал там двести франков в месяц.

Как опытный оратор, господин Бибабо помолчал с полминуты, потом сказал значительно и не спеша, точно поворачивал на свет каждое слово и любовался им.

— Я, дорогой Айт, смогу платить вам в тридцать раз больше! И я заключу с вами контракт на пять лет. Безработица перестанет страшить вас. Погодите! Не делайте протестующих жестов. Это не отступное, нет! Не прерывайте меня, и я все объясню вам.

С этими словами господин Бибабо взял с письменного стола «Календарь на каждый день» и принялся задумчиво перелистывать его.

— Возьмем любой день наугад, — сказал он, — хотя бы послезавтра. Видите, сколько здесь записей? Все это предстоит мне проделать. Я должен говорить речи, позировать фотоаппаратам, ввязываться в скандалы.

А когда мне придумывать свои остроумные экспромты? В Южной Америке, говорят, политические деятели не расстаются с двенадцатизарядным револьвером. Я же не рискую выходить из дому, не имея в кармане с полдюжины политических остроумий и анекдотов. В тот день, когда моим слушателям станет скучно, я погиб как политический деятель.

Господин Бибабо продолжал, откидываясь в кресле:

— Теперь вы видите, как вы мне нужны. Требуется второй Бибабо, который разгрузил бы меня от черной работы, выступал вместо меня на митингах, завтраках, приемах, говорил, смешил, нравился. Это будет совсем не то раздвоение личности, что в случае с Орестом и Пиладом. Там я один работал за двух. Здесь двое

должны работать за одного... Мне нужен работающий двойник! Знаю, в природе двойники встречаются не часто, но природу можно переделать, не так ли? Я предлагаю вам должность моего штатного двойника! Командировочные, премиальные, — все учтено в контракте. Мой секретарь покажет контракт. Руфф, будьте добры!..

Руфф, сидевший до того совершенно безмолвно в темном углу кабинета, — Айт предположил вначале, что он дремлет, — встал и подал заготовленный контракт.

— Там есть, учтите, неприятный пункт, — заметил нервно господин Бибабо. — Я вынужден настаивать на нем. Пункт седьмой. Вы дошли до него? Я придвину лампу, чтобы вам удобнее было читать.

Он поднял лампу высоко над столом. Зазвенела стеклянная бахрома на ярко-желтом абажуре. Блики света и причудливые тени побежали взапуски по комнате, перепрыгивая через пустые подушки. Айту почудилось на секунду, что он в клетке и клетка эта очень быстро вращается вокруг оси.

Бибабо прокашлялся.

— А домик у реки? — молвил он, кладя руку на плечо Айта. — А запах полевых цветов? Вы забыли об этом? Подумайте, через пять лет вы обеспеченный человек и до конца дней своих живете в достатке, не забываясь ни о чем!

Айт молчал, взвешивал мрачный смысл пункта седьмого.

Он плотнее запахнул красный халат с позументами, точно ему вдруг стало холодно, глубже ушел в кресло и совсем сгорбился. Лампа с желтым абажуром освещала мертвенно-бледное лицо человека, недавно собиравшегося покончить с собой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Доктор просит к себе, — сказала секретарша, когда Руфф явился в назначенный час в Институт красоты. — Он предупрежден о вашем приезде и примет вас, как только закончит операцию.

Они двинулись через анфиладу комнат, сквозь ароматные туманы, клубившиеся на их пути.

В креслах сидели кроткие мученицы моды, над которыми протянулись электрические провода. В благоговейном молчании совершалось таинство — «электрозавивка под ангела с гарантией на год». Поодаль под стеклянными колпаками сохли шеренги уже завитых готовых «ангелов».

Тут же красили ногти в стильные цвета. Маникюрши прикрепляли к ногтям модниц маленькие раковины. Специалисты насаживали на веко глаза отрезанные мушинные лапки — это давало полную иллюзию красиво загнутых стрельчатых ресниц.

Затем предстал перед Руффом ряд шкафов, из которых торчали багровые потные физиономии с высунутыми языками. Из щелей в шкафах сочился пар,

— Толстяки, — коротко пояснила провожатая, — худеют.

Они миновали печальных плешивцев, сидевших под электрическим душем, способствующим якобы росту волос, прислушивались к стонам человека, которого массировала монотонно лязгавшая машина, и, не оглянувшись, прошли чаны, где в освежающих растворах мокли желавшие приободриться старушки.

Перешагнув следующий порог, Руфф остановился. В перспективе длинного, плохо освещенного коридора, точно люстры, закутанные в покрывала, покачивались подвешенные к потолку тела.

— Только дамы желающие стать стройнее, — успокоительно сказала спутница Руффа. — Мы укладываем их в мешки, привязываем к ногам грузила, и они спокойно спят в таком положении.

Руффу пришли на память муки грешников в дантовской «Божественной комедии». Но правильно ли было назвать Институт красоты адом, — скорее уж чистилищем?..

А перед самым кабинетом доктора увидели они седоволосую, почтенную даму, одиноко галопировавшую в пустом фойе. Она была привязана к велосипеду, поставленному в стойки и приводившемуся в движение мотором. Колеса вращались на месте. Давно уж потеряла амазонка педали, а с ними и надежду самостоятельно слезть с седла. Она была отдана во власть велосипеда. Ее мотало, подбрасывало, кидало из стороны в сторону.

Все больше заваливаясь набок, обратила она тусклый взгляд на проходивших.

— Сними-и-те меня! — донеслось до них сквозь грохот мотора.

— Ничего, ничего, мадам, — сказала ободряюще секретарша. — Через два-три сеанса вы привыкнете, а через десять станете изящной.

...Доктор Шарм, директор Института красоты, тотчас приступил к делу, как только они с Руффом остались одни.

— Господин Бибабо, — начал он, — выразил желание, чтобы в дальнейшем я был скромн. Само собой! Мы, доктора, называем это врачебной тайной... Итак, мой уважаемый пациент, по-видимому, хочет возвратить, подобно Фаусту, утраченную молодость или, по крайней мере, моложавый вид? Я угадал?

— Нет, — сказал Руфф. — От вас потребуется другое. Молодого человека, в судьбе которого господин Бибабо принимает участие, желательно сделать старым на вид. При этом, заметьте, есть образец.

И он протянул доктору портрет господина Бибабо.

— Вы шутите, уважаемый, — сказал доктор, поняв, в чем дело. — Ведь это граничит с преступлением, понимаете ли вы?

— Почему же? — возразил Руфф хладнокровно. — Молодого человека не принуждают. Он волен выбирать. А что касается полиции, то не волнуйтесь: епископ Грандье — нам друг.

— Но это просто бесчеловечно, — продолжал доктор, сличая фотографии Бибабо и Айта. — Я не могу обезобразить человека, которого, без сомнения, толкнул на этот шаг голод. Нет, я отказываюсь.

— Погодите это делать, — сказал Руфф, не вставая со стула. — Присядьте, доктор, я не кончил. Боюсь, что в таком случае вас ожидают неприятности. У редактора Леви острое перо, а Леви — приятель Бибабо. Будет очень грустно, если в газетах появятся фельетоны Леви, разоблачающие Институт красоты.

— Разоблачающие в чем?

— Это уж предоставьте Леви. Так или иначе, вы растеряете половину своих пациентов. Но, впрочем, я не навязываю собственного мнения. Вы вольны выбирать, дорогой доктор.

...Весь вечер, допоздна провел доктор Шарм, запершись в кабинете. Стол перед ним был укрыт фотографиями, точно доктор раскладывал диковинный пасьянс. Держа снимок на вытянутой руке, он разглядывал его, критически прищурясь и насвистывая сквозь зубы.

Что за мысль? В Институте красоты должны обезобразить красивого человека, юношу превратить в старика. Как далеко все это от фантазий, которыми тешил себя когда-то молодой, наивный Шарм. При помощи пластических операций он мечтал сделать все человечество красивым. И он достиг совершенства, как хирург. Он владеет скальпелем сейчас, как скульптор резцом. Он придает любую форму носам, укорачивает или удлиняет подбородки, пересаживает кожу со спины на щеки, меняет очертания губ, бровей. Реклама Института красоты гласит: «Доктор Шарм исправляет промахи самого господ-бога!»

И что же? Ему с его талантам и опытом суждено реставрировать гнилье, подновлять жадных до жизни богатых старух. Все они заказывают перед операцией: «Доктор, не забудьте, — побольше благородства в лице!» Благородство? Как будто он, поверенный их дрянненьких секретов, не знает, что должно прикрывать собой это сделанное по заказу благородство?

Да, он мечтал когда-то воссоздать в своей операционной лица лучших статуй Праксителя. Теперь он готовится снимать репродукцию с этого вот потасканного лица. Таков венец его усилий!

...Ночью пациента доставили в институт. Со многими предосторожностями его провели черным ходом, и, как только он вошел в операционную, заперли дверь на два поворота ключа.

Кроме господина Бибабо, в операционной присутствовали только два ассистента. В полной тишине — институт как вымер — доктор Шарм приступил к операции. Погружаясь в тяжелый сон под наркозом, Айт забормотал и заметался.

— Следите за пульсом, — бросил доктор ассистенту.

— Какие у нас нервы! — язвительно пробормотал доктор.

Господин Бибабо, сидевший на высоком табурете под слепящим светом ламп, зябко поежился.

— Не щурьтесь, — прикрикнул доктор, — не двигайтесь! Натурщик из вас, признаться...

И он покрутил головой. Затем, наклонясь над затихим Айтом, несколькими взмахами ножа он отделил кожу лица от мышц и отогнул ее вниз, как раструб перчатки. Обнажилось багровое мясо. Господин Бибабо зажмурился и торопливо поднес к носу флакон с нашатырным спиртом.

— Какие у нас нервы! — язвительно пробормотал доктор, копошась в ране и взглядывая изредка на Бибабо. — Не падайте в обморок, уважаемый. Ведь это делается для вашего удовольствия.

— Ах, — прервал его бледный Бибабо, стараясь не смотреть на блеск мелькающих ножей и коричневые перчатки доктора. — Простите меня, но я совершенно не выношу вида крови.

И до конца операции он сидел с мученическим выражением лица, глядя в потолок.

Только тиканье настенных часов нарушало теперь напряженное молчание в операционной. Доктор Шарм расплющил нос Айта, вывернул его губы, поднял и распластал брови. На живой модели в сгустках крови возникало лицо господина Бибабо. Мерно падали на вату капельки хлороформа. Айт глубоко и ровно дышал. Странные сны снились, наверное, ему. Может быть, желтый луг у реки, сверкающие на солнце крылья стрекоз, синие холмы на горизонте?

Часы пробила четыре раза. Бибабо покачнулся от утомления на табурете.

— Физиологический раствор и бинты, — громко сказал доктор.

Оттуда, точно из рамки портрета, глянуло на него чужое, недоброе лицо.

Операция кончилась. Отныне маска была одета на лицо Айта наглухо...

...А в день, когда доктор разрешил снять бинты, сияющий господин Бибабо явился к кровати Айта, как к колыбели новорожденного, с корзиной цветов и чеком на крупную сумму.

Снова были приняты необходимые предосторожности, заперты двери, задернуты шторы на окнах. Улыбаясь с достоинством, доктор Шарм разбинтовал лицо пациента и отступил на шаг от кровати, чтобы все могли полюбоваться его работой.

Господин Бибабо ошеломленно молчал.

— Что, похож? — голос Айта был слаб и надтреснут. Доктор с готовностью протянул ему зеркало.

Оттуда, точно из рамки портрета, глянуло на него чужое недоброе лицо с самодовольно выпяченными

губами, плоским лбом, старое, помятое, исчерченное вкривь и вкось морщинами. Оно странно гримасничало, как бы передразнивая горе, удивление, гнев, — все, чем наполнилось вдруг сердце у бывшего имитатора.

— Да. Похож, — сказал он, роняя зеркало.

— Доктор Шарм, вы гений! — торжественно объявил Бибабо, раскрывая объятия.

— Злой гений, — чуть слышно добавил Айт и опустился на подушки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вскоре Айт переселился в дом своего нового хозяина.

Слугам было приказано ничему не удивляться и ни о чем не болтать. Были все они прекрасно вышколены и хорошо разбирались в капризах господ. Теперь, являясь на зов, лакеи смотрели куда-то между обоими Бибабо и спрашивали, ни к кому не обращаясь: «Что желает господин Бибабо?»

Сходство между двойниками было настолько поразительным, что даже Руфф оплошал на первых порах. Войдя как-то в библиотеку и мельком взглянув на сидевшего в кресле, он сказал небрежно: «А где же старый болтун?» Он понял, где был «старый болтун», когда тяжелый фолиант, звеня застежками, ударился в стену над его головой.

Тренируя своего двойника, господин Бибабо проявил сугубый педантизм. Он настоял на том, чтобы Айт перенимал все мельчайшие его привычки — от манеры чихать до успокоительной гимнастики по вечерам.

— Иначе вы заучите роль поверхностно! — твердил он. — А вы должны спать и чувствовать себя мною.

Он предписал Айту также собственную вегетарианскую диету, хотя у Айта был прекрасный желудок.

Когда-то и сам Бибабо умел покушать. До сих пор еще он так вкусно произносил названия разных бордосов и пармезанов, что у слушателей текли слюнки. Рассказывают, что однажды, вдохновившись, он декламировал рецепт из поваренной книги, и друг его, композитор Сальтисон, бывший навеселе, тут же подобрал музыку в темпе «танго».

Увы, сейчас за обеденным столом оба Бибабо без увлечения ковыряли картофельные сосиски и овощное рагу, и это было тем досаднее, что рядом невозмутимый Руфф ел отбивные.

Несколько часов в день оба Бибабо проводили в комнате, все стены которой были уставлены зеркалами. Здесь господин Бибабо обычно репетировал свои речи. В углу пристраивалась стенографистка, готовая поймать на кончик карандаша осенившую его невзначай мысль, блеснувшую остроу, новый парадокс.

Господин Бибабо неторопливо прогуливался по комнате, останавливался, хмурился, улыбался, принимал различные ораторские позы. А сзади на расстоянии шага двигался внимательный имитатор, в точности повторявший каждое его движение. Казалось, будто тень господина Бибабо вдруг поднялась на ноги и приобрела объем. Это отдавало колдовством, в средние века обоим Бибабо не миновать бы инквизиции. (И сейчас еще суеверная стенографистка, пугливо следя за упражнениями двойников, мелко крестилась под своим жакетиком.)

— Только не переигрывайте, Айт, — предупреждал Бибабо. — Уверяю вас, будут смеяться и так!

— Не злоупотребляйте также красивыми жестами, — продолжал он спустя некоторое время. — И здесь нужно чувство меры. Если человек подчеркивает везде и всюду свою честность, это очень подозрительно. Я знал одного шулера, который выработал у себя такие простовато-наивные манеры, что с ним никто не рисковал играть на деньги.

— Полезно бывает иногда всплакнуть, — говорил Айту Бибабо. — Провинциальные ораторы держат для этой цели немного луку в заднем кармане брюк, завернув его в специально приготовленный носовой пла-

ток. Но это уже не искусство, а ремесло. Я обхожусь без лука. Своими нервами надо владеть так, чтобы закатить истерику только тогда, когда это требуется.

Айту долго не удавался смех Бибабо.

— Да, он труден, — самодовольно согласился Бибабо. — Я сам поработал над ним немало. Певцы сказали бы, что я оставил смех. У меня, видите ли, никак не получалось это простодушие.

И он показал Айту, какое именно...

...Вживаясь в новую роль, бывший имитатор малопомалу постигал характер своего принцепала. Все глубже, шаг за шагом, как по ступеням подвала, спускался он в недра этой темной неразгаданной многими натуры.

Поклонники называли господина Бибабо Великим Оратором.

Никто лучше его не мог живописать бедствия грядущей войны. Речи его напоминали в этих случаях грозные предостережения библейских пророков. Такое красноречие было тем удивительнее, что сам Бибабо не испытал, как другие, бедствий прошедшей войны 1914-1918 годов. Он «переждал» ее в одном приятном горном санатории в Швейцарии, где очень посвежел за это время и окреп духом.

— Я согласен на любые унижения, — начинал обычно господин Бибабо, гордо выпрямившись, — лю-бы-е! Компромисс намного дешевле смерти. И лучше жить с угрызениями совести, чем со спокойной совестью умереть.

— А мне бы хотелось жить со спокойной совестью, — возразил с места один из его слушателей. — Я никак не возьму в толк, почему это невозможно?

Но на него тотчас зашикали дородные дамы в воздушных шляпках и восторженные толстяки со склад-

чатыми затылками. Господин Бибабо, убедительный господин Бибабо, сладкий господин Бибабо был их ку-миром.

— Вы не хотите воевать. Я тоже нет, — кричал господин Бибабо, мечась по сцене. — Так давайте же условимся — не воевать! Кто может помешать нам условиться? Отдадим еще что-нибудь, сэкономим на продуктах, слегка снизим заработную плату. Зато каждый будет уверен, что умрет не в окопе, а в своей собственной постели!

— Нас пугают фашизмом, — говорил он на другом митинге, — а я верю в то, что при желании мы сможем с фашистами договориться. Нам с вами, господа, есть что беречь, — жизнь и маленькое личное счастье, господа! А что может быть дороже этого?

И он досадливо отмахивался, когда с балкона ему кричали: «Честь!»

Платформа этого новейшего пацифизма была очень широка и приобрела господину Бибабо последователей из различных слоев общества. Слабые духом и наивные мечтатели, держатели акций и лавочники, сентиментальные старые девы и только что поженившиеся пары уверовали в Бибабо, потому что им очень хотелось, чтобы все случилось так, как он говорил.

Понятно, господину Бибабо приходилось лавировать, чтобы угодить всем. Нападками на единый народный фронт он добился снисходительности Рене Ларжана, парфюмерного короля, который представлял оплот бискайской реакции. Социалистам и радикалам понравился, выпустив книгу «Фашизм у нас невозможен». Так он и балансировал на острие своего языка между различными группами и партиями, боровшимися в те дни в Бискайе.

Выход Айта на политические подмостки состоялся в очень напряженное время. Соседнее фашистское государство, грозя войной, вымогало у капитулянтского правительства Бискайи все новые и новые уступки. Раздирались в клочья международные договоры. Ораторы говорили успокоительные речи. Чужие самолеты летали над пограничными столбами и армии двигались к границам.

Скромный имитатор очутился в самом центре политического водоворота. Он неплохо справлялся с ролью, и никто не заметил подмены. Айт улыбался про себя. То, что в пору его выступлений в театре, воспринималось, как шарж, сейчас выслушивалось с сосредоточенным вниманием и на другой день глубокомысленно комментировалось газетами. Комического актера принимали всерьез!

Вскоре господин Бибабо перегрузил на него почти всю работу, связанную с разъездами, выступлениями, представительством. Теперь Айт находился на авансцене истории, у ярко освещенной рампы. Сам Бибабо двигался на цыпочках где-то за кулисами, в тени.

Возвращаясь из секретных ночных прогулок и проходя через библиотеку, где Айт в удобных креслах читал перед сном, господин Бибабо семенил мелкими шажками, прикрывая рот рукой и стараясь не дышать в его сторону. От великого вегетарианца и пацифиста все чаще пахло вином.

Однажды вечером против обыкновения он задержался подле Айта. Тот отложил книгу и, вздохнув, приготовился терпеливо слушать.

— Вы мое лучшее второе я, — сказал господин Бибабо, цепляясь за спинку кресла, — хорошее я, честное, непьющее, неподкупное! Вы не принимаете участия в темных комбинациях и сговорах, не дурачите своих

партнеров по политической игре, не выторговываете разных выгод и преимуществ. Я люблюсь вами. С гордо поднятой головой, в белых одеждах войдете вы в рай, а я нет, потому что грехи господина Бибабо я взял на свою долю. Хитро придумал, да?..

Он захихикал, закашлялся и сделал попытку облобызать своего двойника, но подоспевший Руфф увел его спать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В те дни газеты предвкушали большой парламентский скандал. Известно было, что партии народного фронта готовят запрос на сессии об антипатриотической деятельности Рене Ларжана, миллионера.

Давно поговаривали о том, что парфюмерный фабрикант перевел часть своих капиталов за границу. Но куда? Вначале говорили — в Америку. Потом указали Лондон. Вдруг под большим секретом стали передавать, что это враждебная Бискайе фашистская Готтия.

Цензура и полиция строго следили за тем, чтобы оскорбительные слухи не проникли в печать. Но слухи разрастались и множились. Указывали уже точно сумму, поясняли, что Ларжан приобрел в соседнем фашистском государстве пакет акций химических заводов, вырабатывающих новые смертоносные газы.

В столице Бискайи перечисляли даже газы, которые должны были вырабатываться на деньги Ларжана. По странной его прихоти они получили те же названия, что и наиболее ходкие из его духов: «Прощанье», «Танцующий солдатик» и «Последний вздох».

Правительство твердо решило воспрепятствовать скандальным разоблачениям в парламенте. Было известно, что запрос предположено сделать в пятницу. В понедельник закрывалась сессия. Нужно было обязательно задержать запрос до воскресенья.

— Нам с вами придется потрудиться, дружок, — сказал Бибабо своему двойнику и распорядился принести побольше сырых яиц для укрепления голосовых связок.

...Кое в чем бискайский парламент напоминал музей. Старинные парламентские обычаи сберегались

здесь в полной сохранности, и редко кому разрешалось даже сдуть с них пыль.

От служителей несло нафталином. Они были наряжены в средневековые камзолы и гордо выступали с алебардами. Пудренный курчавый парик, подобно ушам болонки, свисал вдоль сонного лица председателя. На столе перед ним стояла огромная заржавленная погремушка — символ его власти. Проще было бы завести электрический звонок, но для бискайского парламента это было слишком ново. Именно такой погремушкой укрощал разбушевавшееся собрание в XV или XVI веке далекий предшественник теперешнего председателя.

Строжайший этикет связывал ораторов во всем, кроме времени. В этом отношении каждому предоставлялась полная свобода: он мог говорить, пока хватит сил, и заседание нельзя было прервать, пока оратор не закончит речь.

В пятницу утром заседание в парламенте началось ничем не примечательной перебранкой между военным министром и лидером либералов.

Лидер с печальным видом спросил министра, принимается ли что-нибудь по охране границ от посягательств агрессора. Министр с таким же скорбным видом ответил, что правительство не располагает пока данными насчет возможностей агрессии, но если достойный лидер либералов настаивает на своем запросе, то министр может проконсультироваться с компетентными лицами. Лидер подтвердил, что министр чрезвычайно обяжет его этим, и оба сели на свои места.

Уже задвигались на скамьях депутаты, уже вытаскивали репортеры свои записные книжки и стряхнули чернила на пол, — следующим был намечен запрос партий народного фронта, — как вдруг затарахтела по-

гремушка председателя, и он объявил, что слово имеет достопочтенный господин Бибабо.

Сверкая ослепительно белой манишкой, улыбаясь до ушей, прославленный оратор взбежал на трибуну.

Опытные политические деятели, так сказать, старожилы здешних мест, вздрогнули, почуяв недоброе. Правительственная партия выпускала своего рекордсмена не зря.

Первые три часа терпеливые депутаты слушали господина Бибабо сравнительно спокойно. Правда, очень трудно было понять, куда он клонит. Речь его напоминала лабиринт, путанным переходам которого не предвиделось конца, и главное, не было уверенности в том, что в центре лабиринта есть что-либо, ради чего стоило претерпевать такие мытарства.

Когда речь Бибабо повернула на шестой час, депутаты партий народного фронта демонстративно покинули зал заседаний.

В зале было очень душно и жарко, — в старинном здании парламента вентиляторы не предусматривались. Все чаще мелькали над лоснящимися от пота лысынами белые носовые платки, раздавались приглушенные вздохи, стоны.

Самым бодрым из всех казался оратор. Репортеры меньше удивлялись бы этому, если бы знали, что господин Бибабо работал с подручным, в две смены. Пока Бибабо говорил, Айт отдыхал в маленькой комнате подле трибуны. Потом во время пятиминутного перерыва (каждые три часа устраивался перерыв, чтобы проветрить помещение) Айт всходил на трибуну, а Бибабо с наслаждением растягивался в одних носках на диване, и флегматичный Руфф растирал его, как секундант боксера между раундами.

Господин Бибабо говорит 14-й час...

Наступил вечер. Бибабо продолжал говорить. Вечерние газеты вышли с аншлагами: «Господин Бибабо говорит 10 часов». Затем последовал экстренный выпуск: «Бибабо говорит 12 часов», за ним второй, с почти паническим заголовком: «Он говорит 14-й час!!!» На землю спустилась ночь, неся покой всем, кроме измученных слушателей господина Бибабо.

Журналисты, разворошив книжные полки, обнаружили, что Бибабо повторяет маневр одного английского оратора, который в аналогичных условиях читал библию. Бибабойцы с негодованием ответили, что их оратор имеет достаточный запас ничего не значащих слов для того, чтобы обойтись своими средствами. И точно! Насколько могли уследить за речью Бибабо, он даже не повторялся.

Однако трудно было уследить за ней на 14-м часе. Страшное зрелище являл собой в это время парламент. Депутатов развезло: одни сидели в расслабленных позах, свесив руки между колен и бессмысленно улыбаясь; другие сползли со скамей и лежали врасстяжку на полу, уставясь в одну точку, как загипнотизированные.

На 17-м часе три депутата упали в обморок, а с одним случился приступ морской болезни. Бибабо продолжал прыгать на своей трибуне, как чиж на жердочке, сам смеялся своим остроумиям, несколько раз даже слегка всплакнул. Смысл речи для слушателей давно затянулся непроницаемым туманом.

И один только упрямый полковник Грубийон не терял надежды уловить его. Старый служака-артиллерист был почти глух и очень тяготился своим недостатком. Во время заседаний парламента он садился всегда подле самой трибуны, стараясь не проронить ни одного слова. Вот и сейчас устроился он у самых ног Бибабо, молитвенно подняв вверх честное лицо, украшенное бровями подусниками, и отогнув ладонью толстое волосатое ухо.

Слишком занят был Бибабо, чтобы обратить внимание на самого старательного из своих слушателей, иначе в сердце его закралась бы тревога. Страшно шевелились подусники Грубийона, лицо багровело, как бы накаляясь на медленном огне, — глухой артиллерист усиливался понять! Увы, бедняга был не только глух, но и глуп.

Позже всех начал догадываться он, что Бибабо говорит ни о чем. На исходе 19-го часа все стало ясным для него. Полковник зарычал, как бульдог.

— Вы что, полковник? — перегнулся к нему Бибабо. Полковник зарычал сильнее, наливаясь сизой кровью. Бибабо отшатнулся. Тогда Грубийон стащил оратора с трибуны и начал топтать ногами.

Крик Бибабо о помощи послужил как бы сигналом. Перескакивая через скамейки, ринулись к трибуне оживившиеся депутаты. Со стоном наслаждения первый подоспевший ударил господина Бибабо по шее. Через секунду его вырвали из цепких рук рычащего

Грубийона и снова швырнули на пол. На помощь своему кумиру побежали встревоженные бибабойцы.

В узкие амбразуры окон заглядывал серый рассвет.

...Дома, пока Руфф, знавший толк в ранах, разводил в блюдечке целебный бальзам и приготавливал пластыри, господин Бибабо смотрелся в зеркало.

— Я думаю, это была автоматическая ручка, — задумчиво сказал он, вглядываясь в свежие царапины одним глазом (другой заплыл). — Какое зверство, однако, решать принципиальные споры с помощью автоматических ручек. Я не припомню, чтобы меня кололи когда-нибудь перьями.

Потом он обратил зрячую половину лица на Айта, стоявшего в стороне,

— Хорош, нечего сказать, — заметил господин Бибабо со злостью. — Я плачу вам деньги, забочусь о вас, воспитываю. И вот — благодарность. Вы предпочли во время драки отсидеться в комнате, вместо того чтобы выбежать и заменить меня!

Айт промолчал, следя за тем, как Руфф проворно забинтовывал опухшее лицо принципала.

— Да, я недоволен вами, Айт. Вы проявили нерадение и леность. И я буду вынужден выгнать из вашего жалованья за нанесенные мне увечья.

ПОВЕСТЬ-ПАМФЛЕТ

Д. ПЛАТОВ

Рисунки Н. ЛИСА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Не думаете ли вы, что я должен еще считаться с вашими переживаниями? Вам мало того, что я плачу вам деньги? — спросил удивленный господин Бибабо, когда Айт вернулся с одного из митингов весь в слезах.

— Но, сударь, — сказал Айт. — У меня просто духу не хватило шутить. Ведь эти люди полгода живут впроголодь. На лицах у женщин видны только глаза, огромные дыры глаз. И потом плач маленьких детей, господин Бибабо...

— И все же вы должны были шутить! — вскричал господин Бибабо сердито. — Вы должны были развеселить их, чтобы им легче было переносить голод. Дайте мне конспект речи. Ну, конечно! Какие превосходные места. Цитаты из евангелия. Остроты из «Весельчака». Такая речь не могла не понравиться!

— Не проще ли было накормить их, — робко заметил Айт, — чем забавлять?

— Будьте довольны тем, что сыты сами, — ответил Бибабо. — Не умничайте. Вы — мой служащий и обязаны иметь убеждения, которые нравятся мне, а не вам. Кончим на этом. Я жалею, что вы затеяли такой разговор после обеда. Боюсь, что к вечеру у меня будет изжога.

Да, господин Бибабо не был теперь таким милым и сговорчивым, как в первые дни знакомства. Он умел резко оборвать и поставить на место своего двойника, мог наложить денежный штраф за пустячную провинность и с каким-то злорадством лишал Айта его единственного удовольствия — посещения театра.

За свои деньги господин Бибабо требовал работы и работы.

С утра до вечера длился утомительный и однообразный спектакль. Айт выступал, раскланивался, делал заученные жесты, говорил, смешил, улыбался. И все время при этом его не покидало ощущение тревоги и стыда — ему представлялось, что он кривляется и па-ясничает на чьих-то похоронах.

Вечером, поднимаясь по лестнице в отведенную ему комнату, Айт ловил себя на том, что все еще подпрыгивает и дергается, и покашливает так, как это делал Бибабо. За долгий день он настолько свыкался со своей ролью, что ему требовалось усилие, чтобы встряхнуться.

Однажды ему попалась интересная книга, и он засиделся над ней допоздна. Руфф спал, Бибабо еще не возвращался. В доме было очень тихо.

Айт не слышал этой тишины. Он весь ушел в книгу, в пестрый и солнечный мир, который раскрывался перед ним с ее страниц. Что-то из прочитанного рассмешило его. Он захохотал и сразу осекся.

Собственный смех ударил его по нервам. Это был смех Бибабо, визгливый, деланный, пугающий.

Айт встал, с грохотом отодвинув кресло. Карикатурная фигура господина Бибабо и его гримасничающее обезьянье лицо тотчас отразились в зеркалах, стоявших вдоль стен. Целая толпа Бибабо окружила Айта и, вытянув шеи, пристально глядела на него.

Он провел рукой по глазам. Бибабо повторили этот жест. Злобное безумие на секунду охватило Айта. Он показал язык своему чудовищному отражению и, не оглядываясь, выбежал из комнаты.

С той ночи Айт избегал оставаться один в комнате, где они репетировали с господином Бибабо, и в крайнем случае просил завешивать зеркала.

Айт не любил также оставаться наедине со своим хозяином. Он боялся проявить невзначай отвращение, страх, неприязнь — чувства, которые вызывали в нем откровенные речи господина Бибабо.

Знаменитый бискайский демагог не находил нужным стесняться своего двойника и говорил при нем все, что думал: «Достаточно с меня митингов и заседаний, — замечал он с простодушной улыбкой. — На службе я застегнут наглухо, дома я позволяю себе немного расстегнуться».

Господин Бибабо отводил таким образом душу. Старого, матерого плута, — ложь являлась для него одной из профессиональных обязанностей, — тешило сознание того, что иногда и он говорит правду. Пусть слушателем было только его печальное, бессловесное отражение в лице Айта, — Бибабо был рад и такому слушателю.

Бибабо отзывался обо всем дурно. Не было человека в Бискайе, которого бы он похвалил. За свою долгую, наполненную всякими политическими дразгами

жизнь он успел извериться в людях и в самом себе и теперь находил успокоение в мысли о гнусности и продажности мира вообще.

Все, чего мимоходом касался в разговоре его остроумный собеседник, в глазах Айта тотчас блекло, теряло краски, делалось дряблым, уродливым, порочным. Это напоминало сказку о злом старом волшебнике, при одном приближении которого прекрасные цветы увядали и превращались в груды пепла.

— Вы, например, мечтаете о Мари, — говаривал Бибабо, потешно морща нос. — Зачем? Неужели вы думаете, что она сейчас будет любить вас бескорыстно? Это смешно, мой друг!

Однажды, находясь в особенно хорошем настроении, которое всегда располагало его к болтовне, он предложил устроить Айту тайное свидание с его подругой.

— Но перед этим я хотел бы описать вам предполагаемую встречу, — сказал Бибабо мягким тоном, опускавая дряблые веки. — Ведь Мэри не знает об операции? Кажется, вы писали ей, что уезжаете на несколько лет из Бискайи... Ну-с, предположим, она получает от вас письмо, неподписанное, — согласно контракту, вы оберегаете тайну. Рандеву назначено вечером в тихом, заброшенном сквере, где вы встречались когда-то. Итак...

И перед задумчивым Айтом, под вкрадчивый говор Бибабо, стали медленно проступать прямоугольные силуэты домов на зеленом вечернем небе. В заброшенном сквере у реки было очень тихо и чуть прохладно, как всегда. Над головой мерцали огни световых реклам. Вдали позванивал трамвай.

Айт стоял под висячими круглыми часами, пряча лицо в огромный букет цветов и прислушиваясь к

ритмичному шороху гравия за спиной. По аллее шли влюбленные, не устаивая его взглядом. Ласковый шопот, взволнованный смех доносились до него по временам.

Мысли Айта улетели далеко, а когда он поднял голову, Мари прошла мимо него. Зеленый плащ ее прошумел, как весенний ливень. Айт ждал. Дойдя до конца аллеи, она повернула обратно. Она почти бежала, держась рукой за грудь и заглядывая в лица встречающих.

Глаза ее безразлично скользнули по неподвижному Айту. Она отвернулась.

*Светлые глаза были
совсем близко
от него.*

Тогда Айт шагнул вперед, молча, со стеснившимся сердцем протягивая ей цветы. Каким смешным и безобразным, должно быть, выглядел он сейчас? Его отвислые, морщинистые щеки, его плоский нос, его оттопыренные уши. Он судорожно глотнул слюну, но не смог выговорить ни слова и нагнул голову.

Послышалось ему, или на самом деле в удивленном возгласе Мари прозвенела радость?

Айт увидел ножки в стоптанных туфлях, приближавшиеся к нему. Потом круглые теплые руки обвились вокруг его шеи, и он почувствовал запах ее волос.

Не веря себе, он пробормотал:

— Ты? Ты узнала меня? Как?!

Светлые удивленные глаза были совсем близко от него. Нарисованные дуги бровей дрогнули.

— Но кто же вас не знает по фотографиям, господин Бибабо? — спросила Мари протяжно.

Круглые кроны деревьев, посеребренные отсветами реклам, длинная темная аллея и бегущий по ней старик, потерявший шляпу и бросивший бесполезный букет под ноги какой-то парочке, постепенно расплылись и исчезли, точно все перед глазами заволокло туманом.

Айт, согнувшись, продолжал неподвижно сидеть против улыбающегося, оживленного Бибабо.

— Вот что будет, мой друг! — сказал Бибабо с видом участия и, прищелкнув пальцами, поднялся. — Именно так. Поверьте моему опыту. Устраивает ли это вас?

И он вышел, насвистывая и не глядя на своего понижего, молчаливого двойника.

Но Айт, при всей своей доверчивости и слабости, не принадлежал к числу тех людей, которых несчастье превращает в студень. Внутри этого человека была за-

ложена упругая пружина, распрямлявшая его после самых сильных ударов судьбы. То был его талант.

Кривя в усмешке безобразные, оттянутые книзу губы, Айт размышлял о том, что совсем недостаточно разработал роль господина Бибабо. В ней было еще много неиспользованных возможностей, очень и очень много.

И это стало не только утонченной местью, но и средством самозащиты. С Бибабо внутри себя, — потому что взгляд Бибабо, его вкусы и суждения против воли Айта укоренялись в нем, — Айт стал бороться самым сильным своим оружием — смехом.

Многие в ту пору были еще отуманены речами господина Бибабо, и требовалось смелое разоблачение, чтобы всем стало ясно, что знаменитый бискайский оратор всего лишь прожженный политический делец, игрушка в руках капиталистов.

В свое время Бибабо до мелочей продумал себя как популярного политического деятеля. Все в его личности было построено только на внешних эффектах, на показном благородстве, простодушии, смелости. Кто лучше Айта знал искусственность господина Бибабо? И ему удалось показать это с тем большей легкостью, что сам он был актером и хорошо разгадывал актерство в других.

Вскоре у Айта нашлись союзники. Карикатуристы левых газет с карандашами атаковали Бибабо. Айт выдавал им своего хозяина с головой. Он чересчур много улыбался, обещал, был приторно-сладок, подозрительно-любезен. Он был преувеличенным Бибабо!

Карикатуристы пошли естественно гораздо дальше Айта, который боялся выдать себя. Главной темой шаржей избирали обычно капитулянтские проповеди господина Бибабо. В одной газете Бибабо был изобра-

жен в шутовском халате и колпаке, призывающим рабочих согласиться с новым снижением заработной платы. В другой его нарядили в длиннополый сюртук пастора, сунули в руки зонтик и заботливо подвернули брюки. В таком виде Бибабо с доброй улыбкой шествовал через лужи крови, оберегая от брызг свой костюм.

Читая газеты, Бибабо вынужден был перейти с соды на бром. Оскорбительные шаржи попадались все чаще. Он отказался показать Айту шарж с зонтиком и лужей крови, напыщенно заявив, что не хочет «растлевать его молодого воображения».

— Кому бибобо? Кому бибобо?
Стоит три гроша.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Господин Бибабо, в течение многих лет трудолюбиво воздвигавший здание своей популярности, вдруг увидел, что оно заколебалось от дуновения ветра.

Ветер усиливался, переходя в ураган. Вскоре от страшного хохота сотрясался уже весь воздух вокруг Бибабо. Тысячи людей, улыбавшиеся раньше его шуткам, хохотали теперь во всю глотку над ним самим.

Впервые за свою жизнь старый пройдоха растерялся. Кто осмеливался его вышучивать? Он беспокойно озирался по сторонам, пытливо вглядывался в ухмылявшиеся лица. Напрасно! Пересмешник был вне поля его зрения, за его спиной, как тень.

Тогда Бибабо заподозрил самого себя. — Может быть, он недостаточно искусен, может быть, он постарел и случайными обмолвками выдает свои секреты?..

Неуверенность в себе вконец развинтила его, и о нем можно было сказать, как говорят о плохих музыкантах, — выпал из ритма.

Но именно сейчас, как никогда, требовалось господину Бибабо его самообладание. В Бискайе становилось день ото дня тревожнее. На глазах у всех происходило саморазоблачение правительства, скатывающегося в лагерь реакции. Все чаще на митингах и в газетах раздавались гневные голоса против правительства.

А господин Бибабо, который в ином настроении, может быть, показал бы чудеса политического лавирования, сидел без движения, оглушенный новой неприятностью. По стопам газетных карикатуристов пошли, чорт бы их побрал, фабриканты игрушек.

Какой-то художник придумал сшить из цветных лоскутьев маленькую куклу в юбочке. Раскрасил круг-

лое тряпичное лицо, исчеркал резкими штрихами, придав сходство с морщинистой физиономией Бибабо. Надел куклу на три растопыренных пальца. Дурацкая фигура завертелась, закланялась.

Руфф, побывав на улице, доложил с приличной случаю скорбью, что сходство вполне удовлетворительно и новую игрушку раскупают нарасхват. Сказав это, он поспешил отшатнуться и закрыть за собой дверь, так как господин Бибабо пустил в него книгой.

Кукольные мастерские отложили в сторону другие заказы, пользуясь выгодной конъюнктурой.

На всех перекрестках выстроились продавцы с корзинами, доверху набитыми улыбающимися головастиками. Шум улицы прорезали выкрики: «Кому бибабо? Кому бибабо? Стоит три гроша. Говорит, кланяется, никогда не расстанется. Купите, купите, купите!»

Эта игра стала модной, как некогда бильбоке. Озабоченные коммерсанты, рабочие в комбинезонах, толстые домохозяйки с Северной стороны — все вертели на пальцах левой руки потешную куклу бибабо. Такой уж народ эти бискайцы — в самое трудное время они не теряют вкуса к шуткам и веселью.

Господин Бибабо, запершись в спальне, с омерзением представлял себе то, что творится на улице. Играют в куклы. Забавляются дурацкой выдумкой такого же, как они, шалопаю. Всплескивают руками. Приседают от смеха... Тьфу!

А всего досаднее казалось ему то обстоятельство, что именно таким путем он вошел в историю. Имя его стало нарицательным. Его — Бибабо — потомки вспомнят, только взглянув на уродливую тряпичную куклу.

Здесь его меланхолические размышления были прерваны шорохом бумаги. Руфф с опаской просовывал под запертую дверь телеграмму.

«Приезжайте немедленно. Жду. Ларжан», — стояло там. Ничего больше. Ни любезного обращения, ни слова приветства.

В совершенном расстройстве Бибабо бросился одеваться. Халат, феска, туфли полетели в разные стороны. Что одевать: сюртук или фрак? Где галстук, где проклятые запонки?

Он остановился, не попадая в рукав. Какой странный тон телеграммы — подчеркнуто-сухой. Разве финансовый король не называл его недавно своим милым Бибабо?

Десятки разных предположений пронесли в смятенном уме господина Бибабо, пока он доехал до загородного дома Ларжана, где тот жил в окружении целой свиты врачей и сиделок.

Первый богач Бискайи был смертельно болен. Тело его гнило и разваливалось по кускам, ноги были парализованы. Последние дни стало для него нестерпимо мучительным даже передвижение в коляске или на носилках. Когда четыре дюжих лакея поднимали богача, чтобы переменить под ним простыни, он кричал так, что слышно было на улице, и прислуга внизу, бледнея, затыкала уши.

Огромные средства были потрачены на докторов. К Ларжану приезжали знаменитости из Америки, к нему выписывали тибетцев, гипнотизеров, изобретателей патентованных снадобий. Его поддерживали переливанием крови (в отдельном флигеле жило несколько постоянных доноров). Жизнь, еле тлевшую внутри, пытались разжечь всеми доступными медицине средствами.

И все же Ларжан был обречен. Он медленно умирал. Только мозг его — прекрасно вышколенный и неутомимый — жил.

Проходя мимо пестрых клумб и легких белых строений (все в загородном доме Ларжана напоминало санаторий), господин Бибабо в сотый раз задал себе вопрос: «Почему этот умирающий человек, знающий, что часы его сочтены, продолжает с такой страстью умножать свои богатства?»

«Жаден, как Ларжан» — это стало поговоркой. Шутили, что он не умирает так долго оттого, что черти боятся, как бы он не организовал в преисподней филиал своего ростовщического банка.

Мозг больного работал лихорадочно без роздыха, на какой-то предельной страшной скорости. Из-за сильных болей страдая бессонницей, Ларжан бодрствовал днем и ночью. Секретари и стенографистки сменялись подле него через каждые пять-шесть часов. Беспрерывно звонили телефоны, приезжали и уезжали порученцы, и здесь же, у ночного столика, где высилась пирамида склянок с микстурой и порошками, созывались совещания, решавшие судьбы Бискайи.

Раздумывая о том, что все это отнюдь не облегчит ему объяснений с Ларжаном, господин Бибабо на цыпочках взошел по лестнице. Дежурный врач встретил его сочувственным покачиванием головы. «Гневен, — шепнул он доверительно, — рвет и мечет. Боли усилились». И он отступил, давая ему дорогу к двери.

Входя в комнату короля парфюмерии, господин Бибабо поспешил натянуть на лицо приятнейшую из своих улыбок, хотя в данный момент он предпочел бы респиратор противогаса. Воздух в комнате был тяжелый, застоявшийся. Тошнотворно пахло лекарствами и еще чем-то, что было, по-видимому, запахом гниющего мяса.

Ларжан лежал в покойных креслах. Мертвые ноги его были укрыты шотландским пледом. Он обратился к

раскланивающемуся Бибабо свое худое, иссиня-бледное лицо.

Очень живые, блестящие глаза смотрели не мигая. Над ними были густые черные брови, под ними — черные, коротко подстриженные усы. Все в этом лице было угловато и резко: скулы, раздвоенная пробором полуседающая голова, тяжелый подбородок.

Ларжан молчал, и Бибабо, знавший толк в ораторских паузах, смиренно склонил голову набок.

Миллионер пошарил на столике рядом, нетерпеливо свалил несколько склянок на пол и ткнул под нос Бибабо глупо улыбающуюся тряпичную куклу.

— Что это? Что? — вскричал он, размахивая жалким трофеем. — Как вы могли допустить это, бездарный болтун?

Бибабо открыл рот. Ларжан махнул нетерпеливо рукой.

— Помолчите, вы! Знаете ли, тупица, что я хотел сделать из вас, может быть, даже премьера, а вы позволили превратить себя в шута?!

Бибабо горестно вздохнул. Он знал все, что будет говорить дальше.

— Для господ и для рабов существуют две разные морали. Религия правящего класса — это культ грубой силы, культ сверхчеловека, которому позволено все. Другие истины надо вколачивать в головы рабов. Рабам надо прививать чувство покорности, мистический страх перед судьбой, веру в то, что счастья можно добиться даже стоя на коленях.

— И вас угораздило в такое время потерять популярность, — заметил сердито Ларжан. — Правительство непрочно. Коммунисты делаются по-настоящему опасными. Мне нужно, чтобы вы разговаривали с чернью, но вас освистывают, как только вы поднимаетесь на

трибуну. Так-то, Бибабо!

Блестящие глаза его на мгновение потухли, он переменил положение в кресле, что причинило ему, видимо, сильнейшую боль. Потом его запекшиеся губы снова разжались.

— Вам нужно возвратить популярность любой ценой, — сказал он. — Даже ценой собственной крови, понимаете?

Он продолжал говорить суховато, как всегда, поглядывая изредка с неудовольствием на Бибабо, лицо которого постепенно бледнело, по мере того, как Ларжан развивал свой план.

Вот, значит, до чего дошло уже дело! Положение правительственной партии стало настолько критическим, что нужна была авантюра, дерзкая провокация, чтобы улучшить шансы в игре. Придуманное Ларжаном остроумно, спору нет... Но почему выбор пал именно на него, Бибабо? Он готов охотнее поступиться этой честью перед другими, более даровитыми и достойными деятелями правительственной партии.

Однако взгляд Ларжана выражал приказание. Он покачал головой и сказал с раздражением:

— Ну, чего вы мнетесь? Говорю вам, что это совершенно безопасно. Вы останетесь живы. Зато одним ударом вернете всю свою популярность. Больше того, вы станете мучеником, Бибабо!

Однако бледный Бибабо ответил, с трудом ворочая языком:

— Признаюсь вам, дорогой господин Ларжан, с юных лет я не выношу вида крови. Это слабость, согласен. Но стоит мне обрезать палец, как я тут же падаю в обморок...

— Обморок — это хорошо, — задумчиво отозвался Ларжан. — Это получится естественнее. Подготовьте

только какое-нибудь приличное случаю изречение. Публика любит чувствительные реплики под занавес.

— Я все же, дорогой господин Ларжан... — начал, заикаясь, Бибабо.

Ларжан перебил его:

— Решено, Бибабо! Надеюсь, что все будет выполнено со свойственным вам вкусом. Денег можете не жалеть!

И только на обратном пути домой с чувством невыразимого облегчения господин Бибабо вспомнил о своем двойнике.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Последние дни Айт был предоставлен самому себе. Временно господин Бибабо прекратил его выезды на митинги, чтобы дать буре хохота улечься. Сидя в комнате с завешанными зеркалами, Айт мог размышлять на досуге о своем хозяине.

Все в этом человеке теперь претило ему. Скольким людям он обещал счастье? Он делал это так самоуверенно, точно ключи от нового Эльдорадо лежали в заднем кармане его брюк. А когда доходило до дела, он пританцовывал, отбегая на несколько шагов, и говорил умильно: «Еще немножечко придется подождать! Еще кое-что уступить!»

Язык его, казалось, был отполирован на оселке, льстивые фразы так и скользили с него.

И многие люди верили, что в жизни можно чего-нибудь добиться ценой уступок и просьб. Верили, пока их не съедали живьем.

Он, Айт, был в числе обманутых.

Когда-то рисовались в его воображении: ферма у реки, рыбная ловля, еще какой-то вздор. Сейчас он не смог бы наслаждаться этим. Его душа горела и ныла, точно ей надавала пощечин. И даже, если бы вернули Айту молодое лицо, улыбка его попрежнему оставалась бы старой и горькой.

В таком настроении он получил распоряжение готовиться к очередному митингу.

С особым тщанием разучивал господин Бибабо со своим двойником новую речь. Все сверкало и гремело в ней, точно исполнял ее не один человек, а целый полковой оркестр. А в конце было несколько вычурных фраз о смерти, которые Айт в рассеянности принял за обычную аллегорию.

— Исполняйте сами теперь, — говорил господин Бибабо, когда Айт доходил до этого места. Потом грузно опускался в кресло и закрывал глаза.

— Продолжайте, пожалуйста, — шептал он растроганно. — Мне так ярко представляется вся картина. Очень, очень хорошо.

В тот вечер двойники засиделись за шахматами. Айту везло, он атаковал пешками левый фланг и медленно продвигался вперед. Бибабо задумался над своим ходом.

Часы монотонно тикали на камине.

Оба игрока были так увлечены, что не заметили, как вошел Руфф, сопровождавший Айта во всех его поездках. Он стоял одетый, с плащом через руку.

— Нам пора, — сказал он. — Собирайтесь, Айт!

— Минуточку, — попросил Бибабо, поглощенный игрой. — Еще минуточку. Вот вам, Айт!

И он переставил фигуру.

— Ничего не сделаете, Айт! Снимайте фигуру. Так! Это гамбит. Жертва фигурой за счет качества. Теперь инициатива перешла в мои руки.

Бибабо встал, с сожалением смотря на доску.

— Ну, ничего. Может быть, доиграем, когда вернетесь.

Он собственноручно помог своему двойнику надеть плащ, так как на улице начинал моросить мелкий холодный дождь и, провожая отъезжающих, шепнул Руффу на ухо:

— Главное — помните об эффекте! Пусть тот человек стреляет, куда хочет, но даст ему договорить всю речь.

Сегодня утром стало известно, что правительство продолжает антинародную империалистическую по-

литику, развязывает силы войны. Возмущенная общественность Бискайи потребовала от премьера честного, без виланий, ответа: «Так это или нет?» Премьер продолжал отделываться излюбленными, осточертевшими всем общими фразами. Эта уклончивость изобличала. Волна негодования прокатилась по стране.

Днем рабочие муниципальных предприятий столицы объявили, что если эта политика не будет изменена, они начнут в полночь забастовку. Сейчас Айт ехал к ним, чтобы в тысячный раз уговорить их потерпеть.

Усиленные пикеты полиции на перекрестках, медленнодвигающиеся по улицам взад и вперед бронемашинны поразили Айта.

— Опасаются рабочих волнений, — пояснил коротко Руфф, смотря Айту в переносицу. — К предместьям стягивают войска. Вы не тревожьтесь. Вы под надежной охраной.

От того тона, каким были сказаны эти успокоительные слова, Айту стало не по себе. Только сейчас он заметил, что его сопровождает целый конвой. Рядом с Руффом на заднем сиденье сидел невзрачный человек в пестром галстуке, не вынимавший правой руки из кармана пиджака. Айт знал, что наемные молодцы Бискайи обычно держат там револьвер.

Незнакомец отвел от Айта странный, немигающий взгляд и принялся бережно раскуривать папиросу.

Все было тревожным и необычным в эту поездку.

Айт чувствовал себя сейчас буквально скованным заботливостью Руффа. Он решил проверить свои подозрения и на повороте приоткрыл дверцу автомобиля. Тотчас шофер затормозил, а в плечо Айта впились пальцы Руффа.

— Вы что, Айт? — спросил он сердито. — Одурели? Закройте — дует!

Они так и вошли в здание «Паласа», где уже шумела толпа: Айт посредине, Руфф и пестрый галстук по бокам.

«Палас» — один из лучших бискайских мюзикхоллов, здание которого иногда снимают под многочисленные собрания.

В огромном зале свистели, ухали, стучали ногами. Ораторам правительственной партии, судя по всему, приходилось туго. Потом по залу разлилась тишина, и вдруг — грохот аплодисментов, пение. С трибуны сошел коммунист-трамвайщик.

Айт присел за кулисами, вдыхая знакомый запах опилок и сосновой воды, которой обрызгивают сцену. Сердце его тревожно билось. Спокойно! Спокойно! Нужно трезво обдумать все: почему так настороженно держится Руфф, зачем здесь наемный молодец в пестром галстуке...

— Пора, Айт! — сказал над ухом голос Руффа. — Слышите, свистят. Значит, председатель объявил, что будет говорить Бибабо.

Айт послушно встал. Сияние софитов на миг ослепило его, и он почти ощупью добрался до трибуны. Смех и выкрики долго не давали ему говорить. Потом он начал.

Он говорил машинально, почти не вдумываясь в смысл, — речь была хорошо вызубрена. Вдруг он запнулся.

Странная догадка поразила его. Гамбит! Жертвуют фигурой, чтобы выиграть качество...

На секунду ему стало ясно все, как будто вблизи ударила молния. Бибабо решил инсценировать политическое покушение и подставил грудь Айта убийцам. В зале его подстерегали убийцы!

Айт по инерции сказал еще несколько фраз, продолжая пристально вглядываться в темнеющую воронку зала. Показалось ли ему, что у второго запасного выхода возникло движение, точно кто-то, энергично расталкивая соседей, пробирался ближе к рампе? Айту вспомнился холодный, изучающий взгляд незнакомца в пестром галстуке и правая рука, лежавшая в кармане пиджака. Вот для чего, значит, сопровождал его в машине этот человек!

Айт сбежал с трибуны. За кулисами ему преградил дорогу Руфф.

— На сцену, Айт, на сцену, — в шепоте Руффа свистели бичи. Правая рука двигалась за бортом пиджака. Лицо было спокойно, только ходуном ходили желваки, и смотрел он не в глаза Айту, а в переносицу.

— На сцену! Ну!

Ненависть к господину Бибабо стиснула Айту горло. Он выбежал на сцену. Он понял, что в эти несколько оставшихся мгновений обязан выкрикнуть правду о Бибабо. Его не страшила уже мысль о смерти. Он боялся только, что не успеет договорить. И еще на ступеньках трибуны он закричал, протянув вперед руки:

— Друзья! Товарищи! Вас обманывают...

Что-то хлестнуло его по руке, потом вдоль груди. Он упал на колени, продолжая кричать, но уже беззвучно, разевая рот широко, как рыба, выброшенная на берег. «Поздно», — пронеслось в надвигающемся на него сумраке, и он повалился на бок.

А в это время в зал «Паласа» ринулись дежурившие у запасных выходов полицейские.

— Товарищи, не поддавайтесь на провокацию! — прозвенел женский голос. Замелькали полицейские дубинки, трости, зонтики, кулаки. Тяжелое, взбаламученное море колыхалось в тесных берегах. Машина по-

лицейской репрессии была пущена в ход.

Но Айт не слышал ничего. Он лежал у ног Руффа в стремительно мчавшейся машине...

Вой сирены, шелест дождя. Проносятся мимо фонари, светлые квадраты окон. Скрип тормозов, крутой спуск. Вдруг потемнело все, точно на улицы, площади, дома накинули сразмаху черное покрывало. Противный лязг, машину тряхнуло, бросило в сторону. Неподвижность...

— Что там, шофер?

— Ткнулись в столб. Не рассчитал на повороте, когда потухли огни... Почему потухло все?

Руфф взглянул на часы.

— Двенадцать! Рабочие муниципальных предприятий начали забастовку.

Шум дождя. Шофер чертыхается, возясь у погнутого крыла.

— Скоро, шофер?

— Не поспособите ли мне, господин Руфф? Здесь надо поддержать клещи...

Руфф с шофером исправили повреждение, крыло не цепляет за колеса. Шофер собирает инструменты. Его окликнул Руфф. Голос его дрожит:

— Чорт! Где Айт? Айта нет! Уполз?!

Автомобиль, рыча, разворачивается на месте, освещая светом фар темень вокруг.

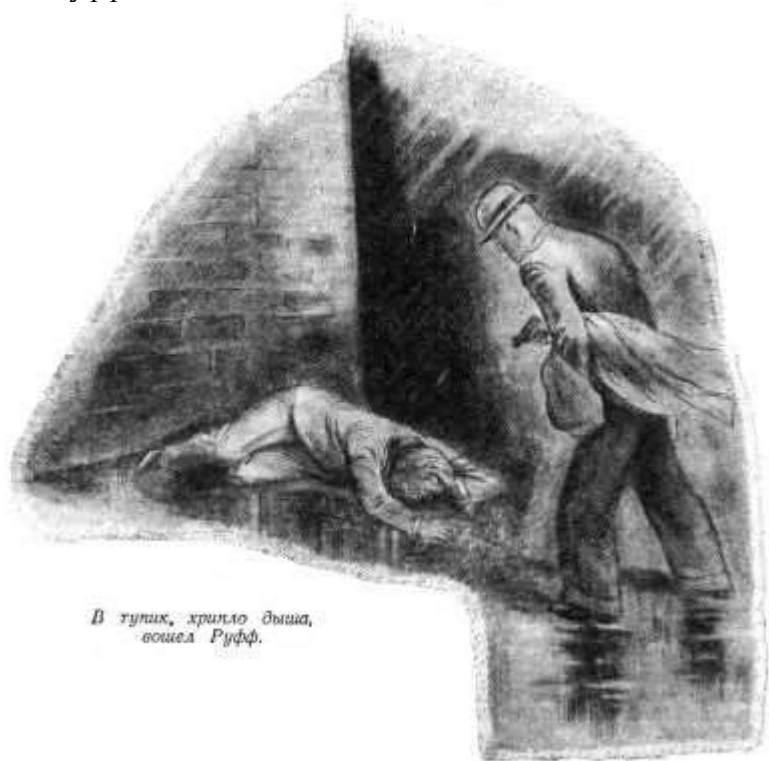
Колеблющаяся пелена дождя. Карнизы окон, плиты тротуара, водосточные трубы возникают из мглы и снова пропадают в ней. Блестки брызг в луче прожектора.

— Вот он!

Сутулая спина удаляется. Выстрел! Выстрел! Человек исчез за углом дома...

...Айт вошел в тупик. Прижался лицом к стене. Еще выстрел! Осколок кирпича, падая, задел щеку. Значит, пуля ударила поверху.

Шлепанье ног по грязи. В тупик, хрипло дыша, вошел Руфф.

*В тупик, хрипло дыша,
вошел Руфф.*

— Где вы! — сказал он сквозь зубы, и Айт представил, как ходят желваки под его тяжелыми скулами. — Бросьте играть в прятки! Идите ко мне!

Молчание. Дождь безустали барабанит по крыше.

Шаги приближаются. Слышно, как чмокает грязь под ногами преследователей.

Вот он — смертный час Айта, ловушка, черный тупик! Он сам загнал себя сюда! Он пошел на сделку с Бибабо, поддался на уговоры, обман — и вот он здесь.

В отчаянии Айт прыгнул на стену, ожесточенно зацарапался вверх, помогая себе коленями, головой, зубами. Выстрел! Выстрел!

Тишина. Шум дождя. И очень слабый замирающий стон.

Руфф нащупал носком ботинка неподвижное тело, небрежно перевернул.

— Берись за голову, шофер! — сказал он просто. — Оттащим это в машину.

Так умер Айт, один из наиболее талантливых и несчастных актеров-пародистов нашего времени, убитый ночью в глухом тупике для восстановления пошатнувшейся репутации своего хозяина — господина Бибабо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Утром на следующий день экстренные листки оповестили мир о злодеянии. На господина Бибабо было совершено покушение, в него стреляли на митинге, и жизнь его висела на волоске.

Вслед за тем господин Бибабо счел возможным принять корреспондентов.

Он принял их в постели под балдахином, как владетельный герцог. Голова его была так забинтована, что остались видны только густо напудренный нос и бегающие глазки. Господин Бибабо дал интервью еле слышным голосом с паузами и вздохами.

В полдень умирающего посетил лидер его партии и прослезился, стоя в профиль к кинооператору, бешено вертевшему ручку.

Уже разговаривали о памятнике в случае прискорбного исхода.

А реакция тем временем пожинала плоды провокации. Была закрыта коммунистическая газета, произведены аресты наиболее радикальных политических деятелей и епископ Грандье, министр внутренних дел, готовил издание чрезвычайных декретов.

В кулуарах парламента во время перерыва он сказал своему другу полковнику Грубийону, интимно склонившись к его уху.

— Он болтун, этот Бибабо, но очень полезный человек для правительства. Подумайте, как кстати он полез под пулю террориста!

На что глухой полковник, встряхнувшись, как сеттер, вылезающий из воды, ответил гулким басом:

— Кошмар! Кошмар!

Доступ к Бибабо был прекращен.

Дальнейший план выглядел так. Примерно с часу дня должны были начать по радио передачу бюллетеней об ухудшении его здоровья. Нервы публики предполагалось взвинчивать часов до 9-10 вечера. Потом кризис. Благоприятный поворот в течении болезни. Ура, господин Бибабо выздоравливает!

Апофеоз выглядел совсем заманчиво. Господин Бибабо при жизни принял мученический венец. Как этот венец ему к лицу!

Господин Бибабо поздравил себя также с тем, что он не у дел, пока вводят все эти чрезвычайные законы, хватают, арестовывают. Пусть уляжется буря, пусть гильотинируют, ссылают. — Когда все кончится, он выйдет из-за кулис, светлая, незапятнанная личность с руками чистыми от крови, готовый к услугам и новой болтовне.

Веселый умирающий соскочил с постели и, накинув халат, принялся ходить по комнате. Его распирало от восторга.

Чорт возьми! Почему бы тогда этим идиотам не поручить ему формирование кабинета? Он не удивился бы, если бы они сделали это. Оно было бы, в конце концов, логично. Теперешнее правительство скомпрометировано. Будущее запятнает себя репрессиями. Наиболее подходящая фигура на пост премьера — Бибабо!

— Господин Ноэль Бибабо, премьер-министр, к вашим услугам! — Господин Бибабо раскланялся перед зеркалом. Как звучит? Неплохо, как будто.

Он выкатил глаза и раздул ноздри. Потом выбросил привычным жестом руку, точно собирался говорить речь. В парламенте он скажет этим дуракам замечательную речь.

— Господа депутаты, надо искоренить большевизм,

— скажет он с пафосом.

Ему не удалось закончить фразу. Рука его повисла в воздухе. Насморочный голос сказал из репродуктора:

— Положение господина Бибабо признано безнадежным. Началась агония.

Господин Бибабо прыгнул к выходу. Одна из туфель отлетела к кровати.

Загораживая двери широкими прямыми плечами, вырос перед ним Руфф. Лицо его было спокойно, взгляд бесцветных глаз не выражал ничего.

— Для умирающего вы делаете слишком много движений, — сказал он холодно.

Но Бибабо был слишком взбудоражен, чтобы приставлять к лицу своего секретаря.

— Тупица! Бездарность! — закричал он, поджигая босую пятку. — Вы напутали что-то. Болван!

Руфф молча запер дверь. Подойдя к креслу, сел. Закинул ногу за ногу, подпернул заботливо брюки.

— Вам хуже, Бибабо, — повторил он внушительно. — Уверяю вас, вам делается все хуже и хуже!

Потом, мельком взглянув на его забинтованное опухшее лицо, он сказал:

— Такому тщеславному человеку, как вы, будет, надеюсь, приятно узнать, что долгое время его секретарем работал один из руководителей «Огненных крестов». Я благодарен вам за то, что нашел в вашем доме приют. Вы были сносным хозяином.

Руфф брезгливо покосился на босую ногу Бибабо, которую тот продолжал держать навесу.

— Что же вы стоите, как цапля? Сядьте. Итак, мы не нуждаемся больше в вас. Игра в куклы кончилась. Надо освободить пальцы для других, более цепких движений. Понятно?

— Вы напутали что-то, Болван!

выйдут на улицы и устроят коммунистам резню. Власть перейдет в наши руки.

Бибабо пробормотал жалостным голосом:

— Но, дорогой Руфф («господин Руфф», — поправил его секретарь), простите, господин Руфф, я ведь согласен на уступки. Я хорошо понимаю... Тем более господин Ларжан, зная меня...

— Ни к чему, Бибабо! Время речей кончилось. Я объяснил господину Ларжану положение ве-

Трясущимися руками Бибабо нашел стул и опустился на него.

— Ну-с! Ваши похороны будут обставлены пышно. Их превратят в грандиозную демонстрацию, и «Огненные кресты», о которых вы писали в свое время, что это выдумка коммунистических депутатов,

— Не корчите гримасы.

щей, и он согласился, что так будет проще... Айт будет похоронен вместо вас, а вы растворитесь в мире. Скромная пенсия. Билет второго класса в Эквадор или Парагвай. Ферма, рыбная ловля, караси. Придется осуществить идеалы Айта. Подходит это вам?

Господин Бибабо злобно усмехнулся и открыл рот.

— Не корчите гримас! — оборвал его собеседник. — Это должно вам подойти!

Репродуктор сказал монотонно:

— Внимание! Внимание! Сегодня днем скончался господин Бибабо! Похороны завтра. Слушайте сейчас некрологи и соболезнования...

Руфф поднялся.

— Преклоняюсь перед вашим политическим тактом, Бибабо. Вы умерли удивительно во-время. Это не каждый умеет... Однако оставлю вас. Я не привык так долго разговаривать с покойниками.

И он вышел, заботливо заперев за собой дверь.

Ночь прошла, бесконечно длинная, без сна, а утром предстояло Бибабо новое испытание.

После завтрака явился к нему Руфф в трауре, с черной повязкой на руке, в очень хорошем расположении духа.

— Отличный некролог, — сказал он бодро, раскладывая перед скучным Бибабо утренние газеты. — Это постарался ваш друг Леви. А это статья Грандье. Какие аншлаги! «Жертва большевизма. Убийцы Бибабо покушались на цивилизацию». Соболезнование Ларжана на второй полосе.

Бибабо скользнул взглядом по траурным фотографиям и отвернулся.

— Ну, развеселитесь, Бибабо! К чему грусть? Вы не можете пожаловаться на то, что жили мало. Наоборот,

вы, старый плут, изловчитесь побывать даже на собственных похоронах.

Руфф тщательно настроил радиоприемник и развалился в кресле.

— Почему вы не возле гроба? — брюзгливо спросил покойник.

— О! Рассказывают, что я так потрясен вашей смертью, что не могу следовать за процессией даже в автомобиле. Я решил разделить с вами эти скорбные минуты.

Бибабо пробурчал что-то. Руфф занялся газетами.

Чуть отодвинув тяжелую бархатную штору у окна, господин Бибабо хмуро наблюдал за тем, как роскошный катафалк остановился у подъезда и вокруг стали собираться зеваки.

Факельщики покуривали, подсакивая на месте и выбивая чечетку. (День выдался холодный, ветреный.)

Потом побежали по ступенькам суетливые распорядители в длиннополых сюртуках и с таким выражением лица, как будто они боялись опоздать на поезд. Черные ленты развевались за ними. Полицейские, взявшись за руки, навалились спинами на теснившуюся у подъезда толпу.

И вот уже на руках заколыхался гроб, весь увитый гирляндами цветов и национальными флагами. Высоко над головами поплыло старое безобразное лицо со скорбными морщинами у рта. Не надо было больше кривляться и гримасничать. Оно было неподвижно и от этого казалось менее уродливым.

— Айт в последний раз выступает перед публикой, — пошутил Руфф, кладя Бибабо руку на плечо. Бибабо вздрогнул от этого прикосновения и промолчал.

Комната наполнилась голосами, покашливанием, вздохами. Радиостанция приступила к передаче надгробных речей.

Господин Бибабо довольно спокойно выслушал две из них. Когда слово получил епископ Грандье и репродуктор стал тонко чихать и всхлипывать, Бибабо заерзал в кресле, а во время выступления лидера правительственной партии он сделал попытку швырнуть в репродуктор туфлей, но не попал. Руфф придержал его за шиворот.

— Вы мешаете мне слушать, — сердито сказал он. — Погодите! Это, кажется, Леви. Он! Хорошо говорит, нет? Вы сами не могли бы сказать лучше. Вы кипятитесь просто из зависти. Ну-ка, положите подушку на место! Кому я говорю?!

Следующие полчаса была заполнены утомительной возней, тычками, стонами господина Бибабо и суровыми окриками Руффа. В комнате раздавалось:

«...сгорел, как свеча. Такой простодушный и добрый господин Бибабо, который всегда... («Неужели это вас не трогает?.. Я тебе кину стулом! Смотри у меня!») ... он был опорой цивилизации и закона, друг порядка, бриллиант чистой воды... («Ты долго будешь хулиганить здесь? Нарочно не выключу радио. И еще свяжу тебя, старого осла...») ...Жертва собственной доверчивости, украшение нации» («А я тебя еще и не так, если будешь кусаться!»)

Наконец, речи кончились, Руфф ушел, и обессиленный Бибабо остался лежать на развороченной кровати, тупо глядя на радиоприемник.

Прошло несколько томительных часов. Радио молчало. Сейчас, по-видимому, происходили бои на улицах. «Огненные кресты» устраивали новую Варфоло-

меевскую ночь. Бибабо слышалась даже отдаленная канонада, от которой задребезжали стаканы на столе. Потом все стихло.

Уже под вечер что-то завозилось в эфире, раздались шарканье, шопот, и молодой ясный голос сказал:

— Граждане Бискайи! Попытка реакции разгромить рабочий класс и его партию раздавлена. Всеобщая забастовка охватила всю страну, рабочие вышли на улицу. Армия отказалась встать на сторону правительства...

Господин Бибабо, как пойманная мышь, забежал по комнате. Бежать! Бежать! Переодеться в какое-нибудь тряпье...

Он метнулся к гардеробу и стал выбрасывать все оттуда на пол. Фрак? Не годится. Манишку — к чорту! Это, кажется, подойдет. Старое клетчатое пальто с протертыми локтями! И пуховый платок! Отлично! Он обвяжет им лицо. И будет охать, точно у него болят зубы.

Господин Бибабо швырнул на пол фетровую шляпу, прыгнул на нее и принялся топтать ногами. Так! Так! Она должна получить совершенно отвратительный, босяцкий вид.

Стук в дверь застиг его за этим занятием. Он окаменел, стоя по колени в куче разноцветного хлама и боясь оглянуться.

— Господин Бибабо! — прошептал в замочную скважину голос его шофера. — Бегите! По лестнице поднимаются рабочие-дружинники. Они ищут господина Руффа! Бегите...

Голос умолк, и почти тотчас же Бибабо услышал у дверей топот ног, тяжелую, показавшуюся ему каменной, поступь.

Он прыгнул в кровать и до глаз натянул одеяло. Ручка дверей пришла в движение. Ее энергично дергали с той стороны.

Кто-то сказал рассудительно:

— Дверь заперта.

Другой добавил:

— Но внутри есть люди. Я слышал, как скрипнула кровать. Эй, кто там! Откройте!

Молчание.

— Что ж, ребята? Давайте прикладами!

И помертвевший Бибабо увидел, как задрожала дверь под градом могучих ударов.

— Не смейте! — завизжал он вдруг, не помня себя от ужаса. — Я запрещаю вам!!!

Удары участились. Отлетела одна доска, за ней другая.

Бибабо не мог больше смотреть на это. Похолодевшими пальцами он подтянул одеяло еще выше и, скорчившись, укрылся с головой. Но и под одеяло проникала частая дробь ударов. Или это трусливое сердце Бибабо колотилось о ребра с такой силой?

И в тот самый момент, когда двери слетели с петель, господин Ноэль Бибабо умер в своей кровати от страха.

Конец

СЫНОВЬЯ

Рассказ

Журнал «Смена», № 11, 1939 г.

1

Примечательный разговор с подпоручиком Бибиковым произошел у Хаима Ронжеса в 1915 году на сборном пункте в Белостоке.

Сюда съезжались из тыловых госпиталей оправившиеся от ран солдаты и ждали, пока подойдет очередь отправляться на фронт. Дважды в неделю, взгромоздившись на табурет и орлиным взглядом окинув теснившуюся у его ног толпу, подпоручик Бибиков выкликал фамилии.

«Здесь... здесь...» - гулко, как из бочки, раздавалось в ответ, и названные, поправляя сползающие с плеч шинели, отходили в сторону.

Накануне того дня, когда должен был наступить его черед, Ронжес получил из дому письмо, извещавшее о рождении сына.

Занятый своими мыслями, стараясь представить себе, как сложится эта новая, только что возникшая жизнь, он бродил по казарме, почти не замечая окружающего. Он спотыкался о выдвинутые из - под нарсундучки, толкал встречных, рассеянной улыбкой отвечая на брань, и только вечером нашел укромное место на скамье у ворот.

В казарме давно спали, и времени было, на - верное, не меньше двенадцати, когда он услышал чавка-

ные грязи и колеблющийся, точно задуваемый ветром голос. Это подпоручик Бибилов возвращался из города.

Ронжес вскочил и вытянулся.

- А, это ты! - сказал подпоручик неопределенно.

Его шатнуло вперед; в неприятной близости от себя Ронжес увидел дряблое лицо с воинственно закрученными усами и тяжелыми веками.

В таком блаженном состоянии подпоручик относился с пьяной снисходительностью ко всему миру, в том числе и к нижним чинам. Сейчас, видимо, для полноты счастья ему не хватало собеседника.

- Вольно! - пробормотал он, опускаясь на скамью и косясь на Ронжеса. - Отчего невесел? Письмо получил из дому? А - а, сын родился, вот оно что...

Продолжительное время подпоручик тупо смотрел на стоявшего перед ним солдата. В таких случаях, кажется, полагается поздравлять?

- Ну, и... рад? - спросил он.

С полдня именно этим вопросом терзался Ронжес, вспоминал, колебался. Ответ вертелся на языке.

- Никак нет, ваш бродь! - сказал он.

- Сыну не: рад? - изумился подпоручик. - Вот дурак еврей! Почему?

Ронжес молчал.

... В ушах вдруг зазвучал пронзительный плач матери, провожавшей его на царскую службу. Потом захохотали вокруг солдаты и унтера 9 - го Варшавского полка, куда пригнали новобранцев: «Ого - го! Еврея пригнали! Хаим! Ха - ха! Скажи: кукуруза!»

Его толкали, щипали, передразнивали... Вслед за тем, продолжая улыбаться, фельдфебель и старший унтер-офицер разделили между собой его хорошую штатскую одежду: пиджак, брюки, сапоги - и швырнули ему грязную, заношенную шинель...

- Под ружье, р - ракалия! - орал на Ронжеса ротный командир, тыча кулаком в отстегнувшуюся пуговицу его мундира, и скороговоркой произносил хитроумную брань, которой славились офицеры варшавской цитадели.

Унтер насыпал в его вещевую сумку мокрый песок, подсмеиваясь, нацеплял на Ронжеса скатку, шанцевый инструмент. Ронжес стоял, окаменев, стараясь не думать о том, как медленно и противно немеют колени... К концу второго часа ступни его как бы наливались свинцом и, прежде чем сойти с места, он должен был, подавляя стон, переступить с ноги на ногу...

... Вот и сейчас он переступил с ноги на ногу, держа руки по швам, не спуская глаз с улыбающегося подпоручика и продолжая молчать. Неужели и бедному сыну доведется испытать в солдатчине все, что терпел отец?

- Ну насмешил, дурак, - сказал Бибииков, вдруг обрвав смех.

Он сдвинул фуражку с твердым околышем на затылок, так что стал виден его плоский лоб. Тяжелые морщинистые веки совсем закрыли глаза, и казалось поэтому, что он бредит, говорит в полусне.

- Дворянин, - пробормотал он сердито. - Слуга царю, отец солдатам! Вот я кто, понял? Завещано мне от предков... Военный род!..

Он начал загибать одеревеневшие на морозе непослушные пальцы.

- Прадед... при Николай Палче инфантерии генерал... сделал поход в Венгрию... Ордена, медали... Дареная табакерка с государевым портретом... Дед... со Скобелевым служил... Борода раскидистая, усы... Хиву штурмовал...

Голос его пресекся от волнения. Подпоручик, казалось, готов был прослезиться.

- Дядя - капитан второго ранга... Другой дядя по интендантству пошел... И я военный... как деды и дяди. Потому что Бибииков! Понял ты?!

Но Ронжес продолжал молчать.

Какими - то таинственными путями дошло до солдат и потом топотом передавалось от одного к другому, что бравый подпоручик не усидел в окопах и месяца и запросился в тыл. По дяденькиной, видно, протекции его водворили на безопасную тыловую службу в Белостоке, и здесь он со рвением выполнял свои нехитрые обязанности.

В просвете между тучами блеснула луна, и странные тени прошли по лицу солдата. Подпоручик замолчал, подозрительно всматриваясь в него.

Ему почудилось вдруг, что губы солдата кривит усмешка, одна бровь дрожит, изгибается.

Могло ли это быть? Вытянувшись во фронт, держа руки по швам, нижний чин беззвучно смеялся над ним.

- Пшел вон, кривая морда! - закричал подпоручик визгливо, ткнул с омерзением вперед ногой, промахнулся.

На свежем, морозном воздухе туман в его голове понемногу рассеивался, и он возвращался к своему обычному состоянию.

Наутро, опухший, еще более бледный и злой, он назвал Ронжеса в описке отправляемых на фронт...

Там Ронжес снова был ранен, провел три года в австрийском плену и в миллионный раз проклинал Бибиикова и солдатскую горькую долю.

Четвертому сыну Ронжеса, Давиду, пришло время призываться в тридцать девятом году.

- Он совсем не выглядит старше меня, - жаловался отцу пятый сын, Юра, которому по возрасту полагалось идти в армию только в сорок первом. - И в плечах ничуть не шире... И по знаниям я его догнал...

Юра с запальчивостью и жаром растолковывал отцу, как плохо быть самым младшим в семье. Старшие братья снимают всегда сладкие пенки, а что достается ему? Облизываться, глядя на них? Выслушивать, как его снисходительно называют малышом?

- Я стану проситься во флот, папа, - сказал он, все-сторонне обдумав свое положение. - Как посоветуешь, папа?

По целым часам теперь шушукались они с Давидом о своих делах, бегали в Парк культуры проверять емкость легких на спирометре, щупали друг у друга бицепсы и рассуждали о дозорах, форсированных маршах и подвигах.

... Интерес к военному делу в семье Ронжесов разгорался постепенно, по мере того как уходили в Красную Армию один брат за другим.

Первым проводили Изю. Вместе с другими харьковскими комсомольцами он уехал в 1933 году в погранвойска на иранскую границу. Два года с жгучим нетерпением ждали оставшиеся братья сообщений о поимке нарушителей, о схватках с басмачами. Но флегматичный Изя ничего не писал об этом. Он изредка присылал газетные вырезки, из которых явствовало всего лишь, что он отличный стрелок и лихо рубит лозу.

- Ему некогда писать, - догадывались братья. - Приедет - расскажет.

И когда он возвратился домой, его забросали вопросами.

- Ничего не поделаешь, ребятки, - развел пограничник руками. - Девятому и десятому году, тем действительно пришлось поработать. А на наш, одиннадцатый, не выпало событий. Даже Дурды - Мурды, знаменитого басмача, как раз ликвидировали до нас.

Но как ни кренился старший брат, оказалось, что у него и без басмачей было о чем порассказать.

Он описал прохладные ночи в дозоре; быстрых горных коней; голые, точно сведенные судорогой, сучья саксаула.

Он вертелся на стуле, показывая, как командир бросает эскадрон на врага: выхватывает клинок, пригибается к седлу, а кони уже танцуют под седоками и приседают, готовясь к прыжку.

Лица у братьев, располагавшихся полукругом подле обеденного стола, были в этот момент такие, точно они и впрямь готовы ринуться в атаку.

- Ах, подождите, мама, со своими расспросами о еде, - нетерпеливо отмахивался от матери второй брат, Лева, уходивший осенью в армию. - Хорошо кормили нашего Изю, хорошо! В Красной Армии иначе не кормят... Нет, ты Расскажи лучше, Изя, как вас подняли по тревоге в городе Каахка.

- Красивое название - Каахка! - мечтательно повторял третий брат, Наум, - В нем слышится шум пустыни, журчанье арыков, тупой звук копыт... Извини, я прервал тебя, Изя.

А четвертый и пятый братья - Давид и Юра - сидели в уголке тихо, как дрессированные мыши, потому

что им по возрасту еще не полагалось вмешиваться в разговор.

Потом и второму брату, Леве, пришло время сидеть на почетном месте под лампой с красным абажуром и, ловя на себе благоговейные взгляды семьи, рассказывать о полетах: он стал специалистом по аэрофото-съемке.

Третий брат, Наум, вскоре поступивший в авиационную школу, редко наведывался домой, но зато присылал подробные письма, которые прочитывались вслух. Читал обычно отец, торжественно держа руку с письмом на отлете и откинувшись на спинку стула.

В тех же местах письма, где Наум обращался с советами и упреками к Давиду, голос отца начинал заметно дрожать, и он делал многозначительные паузы, чтобы взглянуть поверх очков на виновника раздоров.

Увы, четвертый сын в те дни огорчал семью, и все братья, дорожившие фамильной честью, старались повлиять на него в лучшую сторону.

3

Никому, кроме Юры, Давид не поверял сумбурных мыслей, которые одолевали его тогда. Похоже было, будто, выйдя из школы, он перешагнул порог невиданно прекрасного дома и его глаза разбежались. Он не знал, в какую, собственно, комнату ему идти. Он потерянно метался из стороны в сторону, боясь прозевать самое главное, самое интересное.

Из - за этой смешной одолевавшей его жадности он так и не смог остановиться на какой-нибудь профессии. Ему хотелось быть одновременно всем: и отважным летчиком, перевозящим больного из далекого стойбища в больницу, и хирургом, который делает

этому больному блестящую операцию, и героем Метростроя, преодолевающим коварные плывуны, и трактористом, торжественно въезжающим в деревню, и, наконец, художником, который мог бы превосходно нарисовать их: летчика, врача, тракториста и метростроевца - себя.

Его мучило вместе с тем сознание, что он не успеет побывать в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии - во всех красивейших уголках Советского Союза, так много говоривших его воображению.

В один прекрасный день, обуреваемый всеми этими опасениями, Давид вышел из дому и не вернулся. Он поехал в Ростов, потом подался в Мурманск, потом собрался в Одессу...

Старшие братья пытались образумить Давида во время кратких его привалов в Харькове.

Отца в таких случаях обычно выпроваживали в дальнюю комнату.

- Иди, иди, папа, - говорил кто-нибудь из старших сыновей, бережно придерживая его за плечи, - у тебя сердце плохое, мы сами поговорим с Давидом.

Изя действовал с осторожностью, исподволь и политично. Прямолинейный же Лева срывался чаще всего на крик.

- Если ты не станешь человеком, - страшным шепотом говорил он, оглядываясь на дверь, за которой томились отец и мать, и тихонько стуча кулаком по столу, - ты недостоин жить, Давид!

- Спокойнее, - прерывал Изя, научившийся в армии владеть собой, - спокойнее, Лева, ему же надо объяснить.

Он предлагал Давиду поехать в Балту, теперешний Первомайск, и спросить там, были ли когда - нибудь в роду Ронжесов бездельники и шалопаи.

- Дед твой был сапожником, и прадед был сапожником. А папа с десяти лет служил по магазинам. И сейчас уважаемый человек, товаровед. Возьмем, далее, нашего дядю Поляновского или нашего дядю Маймана...

Со стен на Давида смотрели с неодобрением бородатые лица на выцветших фотографиях. Этот вот брат матери, - грузчик, а этот - кузнец, славившийся в Первомайске своей физической силой.

Свесив непутевую голову с черным чубом, блудный сын внимательно слушал, со всем соглашался, проявлял даже раскаяние. Но приходила весна - и снова беспокойство овладевало им. Он бросал работу, ученье, срывался с якоря и уносился в Молдавию, Туапсе, Керчь - куда глаза глядят.

- Мальчика исправит армия, - сказал немногословный Майман, приглашенный на семейный совет. - Это говорю вам я, Моисей Майман, партизан.

И это пророчество оправдалось даже скорее, чем можно было ожидать.

За год до призыва Давид направился в Сухуми. Туристская путевка, как обычно, не устраивала его. Он сошел с трапа парохода, как наследный принц, не обремененный багажом, с кепкой, надвинутой на правое ухо. У киоска под пальмой он остановился, чтобы выпить стакан сидра. Беззаботно насвистывая, он опустил руку в карман за мелочью и замолчал, с губами, сложенными для свиста в трубочку...

Случилось ужасное: все его документы, в том числе и военный билет, были похищены!

Давид засуетился. Он побежал в милицию, в редакцию местной газеты. Кто выдаст ему паспорт? Кто оформит его военный учет? Ведь так, чего доброго, мо-

гут подумать, что он хочет уклониться от военной службы.

Ему представилось искаженное гневом лицо Левы. Он произносит только одно - но с каким выражением! - слово: «Дезертир!»

Чудовищно! Он, Давид Ронжес, выглядит как дезертир. Изя не подаст ему руки. Наум в летной школе будет скрывать от товарищей, что у него есть брат... А отец!... Что будет переживать отец!...

- Отблагодарил! - скажет он так, что сожмется сердце. - Отблагодарил, сынок! И отца отблагодарил и советскую власть!

Давид немедленно вернулся в Харьков.

- Что ж, Додя, - утешал брата верный Юра, - быть может, тебе - в крайности разрешат призываться на будущий год?

Но тот не мог без ужаса подумать об отсрочке.

- Пойми, - говорил он, - я не могу терять год. Я должен, наконец, стать человеком.

С волнением и тревогой ждал Давид дня призыва. Он весь как - то изменился, подтянулся...

4

И наступил долгожданный день.

... За окнами сад, множество золотистых листьев. От этого в комнате, залитой солнцем, кажется еще светлее.

Давид обошел по кругу докторов: невропатолога, хирурга, терапевта - и скромно сел рядом с другими голыми юношами на длинной, укрытой простыней скамье.

- Что ж, друг? Ты меня подвел, - выговаривал военком плечистому загорелому малому, стоявшему перед

столом призывной комиссии. - Сколько раз я с тобой беседовал? Сказал ведь: «Приду, товарищ комиссар, на призывной пункт комсомольцем». Что ж ты?

- А меня, товарищ комиссар, общее собрание приняло, - улыбаясь, ответил призывник. - Меня райком не утвердил еще.

- Так смотри, оформись в три дня. Поторопи там.

Потом подошел следующий.

- Вот, кстати, - пробормотал военком, пробегая его биографию, - у тебя написано: «Контролер деталей завода номер такой - то». Это не точно. Какие же ты детали контролируешь? Расскажи нам.

- Товарищ военком, - ужаснулся тот, - военная тайна ведь! Об этом нельзя говорить.

В комиссии одобрительно заулыбались. Давид успел пожалеть о том, что не ему довелось так хорошо ответить, и военком назвал его фамилию...

... Когда Давид, щурясь от косых лучей солнца, отворил выходную дверь клуба, на него налетел запыхавшийся Юра.

- Ты что, малыш? - произнес Давид. В голосе его Юра ревниво уловил новые, незнакомые нотки солидности. - Бежишь сломя голову. Догоняешь кого, что ли?

- А как же, - отшутился младший брат, переводя дыхание, - тебя догоняю. И вот... догнал... Меня мандатная комиссия только что приняла... Еду в военно-морскую школу!

Они обменялись крепким рукопожатием и неторопливо, потому что спешить было больше некуда, направились в город.

На дворе стоит сентябрь, а женщины в Харькове ходят еще в светлых платьях. В прозрачном осеннем

воздухе четко раздаются голоса, отдаленные звуки оркестра.

На площади, перед Домом Красной Армии, выставлена огромная карта украинского и белорусского фронтов, и подле нее теснится народ. Давид и Юра втискиваются в толпу.

- Шагнули подходяще со вчерашнего дня, - говорит кто - то соседу.

- Ого! Обратите внимание: Гродно взяли.

- Я читал в газете, как их встречают, - снова говорит голос. - Цветы, песни... Женщины плачут от радости. А в одном местечке, пишут, выбежал из своей мастерской старый еврей - сапожник, догоняет колонну и требует: «Покажите мне скорее командира - еврея!» Ему отвечают: «Да что вы волнуетесь, вот хоть бы и наш полковник - еврей!»

- Ну, вот видите, - вмешивается в разговор тихий тенорок, в котором братья узнают голос отца. - Жаль, нельзя отцам следовать за колонной. Я б этому сапожнику показал двух своих: лейтенанта Наума и политрука Льва...

После паузы добавляет:

- Самый старший пока в запасе. А младшие только готовятся в армию...

- Уже, - подсказывает сзади Юра, - папа, взяли уже. И меня взяли, и Давида!

Толпа расступается, пропуская старика к сыновьям. И хотя старый Ронжес совсем не устал и бодр, как всегда, он в безмерной отцовской гордости тяжело опирается на сыновей, чтобы показать всем, какие они у него плечистые, сильные и статные молодцы.

ВЕРШИНА СТОЛИЦЫ

Фантастический очерк
[Рассказ о Москве 1943 года]

Журнал «Вожатый» №7-8, 1939 г.

Л. Платов

По внешнему виду письмо ничем не отличалось от других: конверт как конверт, марка как марка. Юра захлопнул за почтальоном дверь, вернулся к столу, снова взял в руки письмо. Странность была только в почтовом штемпеле. Ясно видно было и даже обведено для чего-то чернилами: «Москва, 1943 год». А сейчас, как всем известно, шел всего 1939-й.

Юра распечатал письмо, но, прежде чем читать, с любопытством заглянул в конец последней страницы. «Привет всем ребятам. Ваш бывший горнист Валя», — стояло там.

Когда несколько пионеров зашли к вожатому, он уже дочитывал письмо.

— Вам привет из недалекого будущего, — заметил он, улыбаясь, и перебросил им загадочное письмо. — У вас и там друзья объявились, знаете?

— Ничего не понимаю, — сказал Лева через несколько минут. — Пишет Валька, но ведь он здесь, в лагере. Вон видно в окно, как он в волейбол играет.

Потом, почему в письме он называет себя комсомольцем, ведь он пионер? И как мог он попасть во Дворец, когда Дворец только строится?

— А я понимаю! — вскричала Рая живо. — Недаром он возился все время с какими-то вырезками из газет и журналов. Он собирал все, что было напечатано о будущем Дворце Советов, а в письме придумал, как будто он там уже побывал. Это может стать нашей новой игрой.

— Что ж, — сказал Лева. — Я, пожалуй, не прочь побывать во «Втором Урало-Волжском Баку» или в цветущей долине Кара-Кумов.

— Нет, мне больше хотелось бы съездить в новый заполярный порт, — мечтательно сказала Рая.

— Отлично, ребята, — сказал Юра. — Мы посоветуемся об этом. А сейчас давайте прочтем письмо из Москвы 1943 года с начала и до конца.

...Москву мы увидели поутру, спускаясь по зеркальным ступеням шлюзов. В тумане над горизонтом вдруг сверкнула точка, далекий отблеск. Все бросились к правому борту и приникли к биноклям.

Лучи восходящего солнца пламенели на позолоченной статуе Ленина, подножием для которой служит Дворец Советов, вершина столицы. Сам город был окутан еще предрассветным туманом.

Мелькнули мимо ажурные башни шлюзов. Тень от моста, изогнутого, как лук, упала на палубу. А мы, не отрываясь от биноклей, следили за тем, как сквозь клочья сизой мглы медленно прорезаются светлые контуры Дворца.

Тихо пеня воду винтами, теплоход вошел в город. Он скользил по глади канала, как по улице. В воде, чуть подернутой солнечной рябью, отражались гранитные набережные, зелень кудрявых каштанов, разноцветные венецианские окна. Прямо от домов к реке ниспадали лестницы, устланные коврами.

— Вот она, беломраморная, — сказал кто-то рядом и глубоко перевел дыхание.

Заметьте, ребята, человеку, идущему по проспекту Ленина, не приходится глазеть по сторонам — прямо перед ним Дворец Советов, и все внимание устремлено вперед.

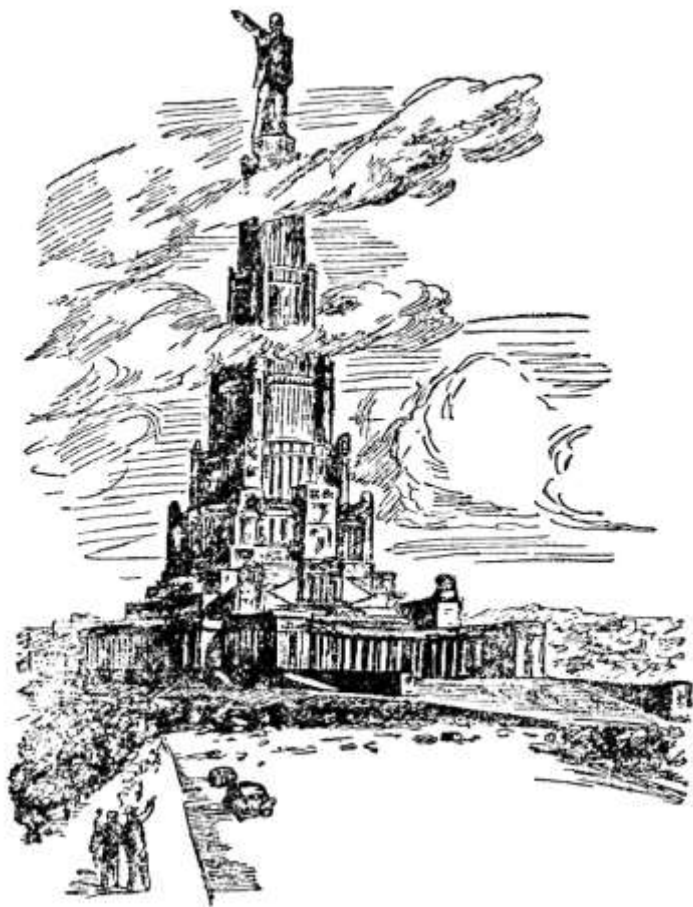
Мне предстояло, конечно, столкнуться с кем-нибудь, — я бежал в совершенном забытьи, точно влекомый магнитом, все больше закидывая назад голову. И этот кто-то оказался художником. Я зацепился за его мольберт и чуть не въехал ногой в ящик с красками.

Помогая пострадавшему встать со складного стула и бормоча извинения, я увидел, что вдоль тротуара, под тенью акаций, сидят перед мольбертами другие сосредоточенные юноши. Они трудились в поте лица, не обращая внимания на прохожих, скребли холсты, расчерчивали линии, смелыми мазками накладывали краски. Вы догадались, конечно, что это было? Ну да, занятия студентов. Будущие архитекторы приходят сюда учиться. Отрезок проспекта от площади Свердлова до Дворцовой площади — нечто вроде музея истории архитектуры, где сосредоточено все лучшее, что строилось в Москве.

Путешествие по эпохам начинается с Музея изящных искусств — прекрасного образца зодчества древней Греции. Затем робких первокурсников подводят к Кремлю — памятнику щедрого Возрождения. У старого

здания Библиотеки Ленина им рассказывают об ампи-
ре и барокко.

И только под конец, благоговей и восхищаясь, под-
ступают они с линейками и карандашами к бело-
розовой громаде Дворца Советов.

Ребята, настоящий, живой Дворец совсем иной, чем на фотографиях и на экране. Нежные краски его пульсируют, меняются. Дворец почти парит — так он легкий на взгляд. Все нарастающие, все более высокие уступы вздымаются к небу.

От того, что площадь перед Дворцом имеет несколько уровней, глаз охватывает сразу целый ряд предметов. Похоже, будто глядишься в прозрачный хрусталь со множеством граней. Видны одновременно и ступени набережной, на которые, пенясь, накатывает волна, и герб СССР над главным входом, и облако, опоясавшее статую Ленина.

Полюбовавшись внешним видом Дворца, мы двинулись по мраморной лестнице главного входа, которая так просторна, что по ней могут подняться, идя в ряд, 250 человек.

В гардеробной вешалок не оказалось. Перед нами были гладкие стены со множеством крючков, на которых висели номера.

Заботливый голос сказал из громкоговорителя:

«Внимание, товарищи гости. Пользоваться автоматическими вешалками надо так...»

Все вешалки расположены в стене. Устройство их напоминает «чортово колесо» в парке культуры, нечто вроде непрерывного лифта. Только вместо кабин для пассажиров по вертикальному конвейеру передвигаются платяные шкафы. Посетитель снимает с крючка ключ и вставляет в замок. Конвейер приходит в движение, и через секунду шкаф, соответствующий номеру на ключе, подходит к дверцам.

Итак, гардеробщиков заменили электромоторы? Сколько же их?

Опустив ключ от своего шкафа в карман, я обратился с расспросами к человеку в комбинезоне, прохо-

дившему мимо. Это был дежурный механик по эксплуатации, совершавший обычный обход здания. Он пояснил, что служащие Дворца только контролируют работу автоматов. Почти все обслуживание здесь механизировано.

Еще бы! Представляете себе, какие потребовались бы иначе штаты? Дворец вмещает 40 тысяч человек — население города средней величины. Значит, нужно было бы не менее тысячи одних гардеробщиков.

А швейцаров?

В свое время над проблемой «механического привратника» ломали головы десятки инженеров. Дверей во Дворце несколько тысяч, одних входных не менее двухсот. Пришлось пригласить во Дворец на хлопотливую должность швейцара электрический ток. Ничего, справляется...

Техников же, наблюдающих за поведением механизмов, не очень много.

Один, сидя в трюме у пульта, командует конвейерами, подающими в буфет горячие пирожки и холодное ситро.

Другой, не сводя глаз с диспетчерской доски, на которой вспыхивают красные и зеленые лампочки, управляет со своего места движением всех лифтов. В любой момент знает он, где находится и как работает каждый из 99 пассажирских лифтов Дворца.

Наконец, третий повелевает электропылесосами и вентиляторами.

Находиться во Дворце во время утренней уборки, по-видимому, жутковато. Рисуете картину? Разверзнутся хляби на потолке. Пригибаясь к полу, ползут пылесосы. Пустые, гулкие залы наполняются зловещим шипением и свистом ветра. Из тайников в стене выскакивают мохнатые и злые, как псы, электрические

щетки. Проходит полчаса, и Дворец вновь сияет белизной, а утомленные духи чистоты возвращаются во-свояси, в трюм.

Но тут я поспешил проститься с любезным механиком, так как заметил, что за разговором отстал от товарищей.

Коридоры были полны незнакомыми людьми. Я метнулся в боковое фойе, затем попал в какие-то кольцевые галереи и долго кружил там, почти не обращая внимания на великолепные фрески на стенах из истории Советского Союза.

Как я найду своих товарищей в Большом зале, где будет около 20 тысяч делегатов и гостей? И каким из эскалаторов, которых во Дворце всего 62, поднялись они наверх? Но все дороги ведут в Большой зал, и, спустя несколько минут, толпа внесла меня туда.

С чем же сравнить Большой зал, друзья? Он так велик и так величествен, что само собой напрашивается сравнение с высокогорным пейзажем. Да, Большой зал напоминает залитую солнцем горную долину, замкнутую со всех сторон пологими холмами.

В древней Греции были подобные, высеченные прямо в камнях амфитеатры на открытом воздухе. Они были, правда, не так велики. Да и вместо южного неба над головами выгнулся здесь металлический купол, который выгоднее неба: он останется неизменно голубым при любой погоде.

Я жадно разглядывал Большой зал.

Около двух пятых амфитеатра занимают места президиума, правительства, дипломатического корпуса и прессы. Над площадками президиума возвышается грандиозная скульптурная группа. Тяжелые складки священных знамен осеняют просторы зала.

А на террасах, по обеим сторонам скульптурной группы, сверкая трубами, расположился оркестр в 600 человек.

Голосование происходит здесь таким образом. Под рукой у каждого делегата три разноцветные кнопки с надписями: «за», «против», «воздержался». Нажатие одной из них передает в президиум сигнал. Подсчет сигналов совершается при помощи особых аппаратов.

Я опишу вам их устройство: в путеводителе по Дворцу есть краткая схема электроголосования. Три разноцветных экрана-аккумулятора принимают в президиуме посылы тока от голосующих делегатов. Нажимая кнопку, делегат увеличивает напряжение тока в одном из аккумуляторов на одну или две свечи. Экран начинает светиться сильнее. Под конец голосования на каждом экране проступает цифра — «столько-то голосов». Но даже издали видно, какой экран более тускл, а какой более ярк. Эффект голосования почти мгновенный.

Не успел я подивиться простоте этой выдумки, как сосед перевел мое внимание на купол. Он фосфоресцирован, точно море ночью. Ближе к пилонам голубой цвет его светлее, подобно морской воде у берега, в центре же купола голубизна сгущается почти до синевы.

— Можешь вообразить, — сказал сосед, — такая машина, а подвешена на каркасе...

Купол Большого зала, в отличие от куполов храма, не отражает звука, а, наоборот, глушит. Иначе в зале все время стоял бы немолчный гул, как в вековом сосновом бору. Вдобавок речь всякого оратора повторялась бы угодливым эхом многократно. Чтобы избежать этого, строители расставили на высоте ста метров хитроумные капканы.

Весь купол напоминает соты и состоит из нескольких тысяч ящичков, разбитых, в свою очередь, металлическими пластинками на множество отделений. Сюда, на свою погибель, устремляется эхо из зала. Оно проникает в ящички-ловушки через дырочки в куполе и гаснет там безвозвратно.

— Вход во Дворец для эха воспрещен, — смеясь, сказал мой сосед.

Эта шутка вызвала у меня другую забавную мысль. Что случилось, если бы прославленные своими размерами высочайшие здания мира вдруг заявили в Москву на поклон к старшему собрату? Позволено ли было им войти в сверкающие чертоги, где находились мы сами? Я спросил об этом соседа, и через минуту страницы наших блокнотов запестрели неожиданными выкладками.

К нашему удовольствию оказалось, что москвичи имели бы возможность принять делегацию гигантов, согласно правилам гостеприимства, под сияющими сводами Дворца.

В Большом зале, высота которого 102 метра, очень привольно было бы 85-метровой колокольне Ивана Великого, возвышающейся над кремлевскими стенами.

Желтую пирамиду фараона Менкары, приковывающую с берегов Нила к берегам Волга — Москва, пришлось бы вежливенько опрокинуть основанием вверх, чтобы расположить поудобнее на скамьях амфитеатра. Ее можно было бы вращать в таком положении, как волчок, и от этого не звякнули, бы даже хрустальные подвески на люстрах.

С американским верзилой «Эмпайр стейт билдинг» пришлось бы повозиться. Рост его отменный — 405 метров, всего на 14 метров ниже Дворца. Но он худ и долговяз, как истый янки. Внести в Большой зал его

можно было бы, только хорошенько спрессовав, но зато добавив сюда и все его фундаменты.

Я задал вопрос насчет Дома правительства, что возле Каменного моста. Сосед проворно подсчитал, что Большой зал можно было бы набить двумя такими домами...

Нами овладел азарт статистиков. Позвольте, но ведь мы из ложной скромности брали только Большой зал — часть Дворца. А Малый зал? А Высотная часть? А весь Дворец в целом?

Знаменитая Эйфелева башня (высота 300 метров), поставленная подле Дворца, не дотянулась бы даже до подножья статуи. Несомненно, они выглядели бы очень поучительно рядом — башня и Дворец! Первая — чертежный набросок, ажурный каркас. Второй — сталь, обросшая мрамором и гранитом, красивейшее здание нашего времени.

Для полноты сравнения я предложил одолжить ненадолго статую Свободы в Нью-йоркском порту и установить на Высотной части Дворца, подле статуи Ленина. Мы не успели еще достаточно насладиться эффектом, — статуя Свободы, коротышка в 46 метров, поставленная рядом со стометровой статуей Ленина, не достигала ей и до пояса, — как голос экскурсовода вернул нас из мира фантастических подсчетов обратно в Большой зал Дворца.

Нас приглашали отправиться в Высотную часть Дворца, чтобы полюбоваться оттуда Москвой, пока солнце еще не зашло. Мы поспешили к лифтам.

Подъем в Высотную часть совершается как бы тремя ступенями.

Скоростной лифт почти мгновенно поднял нас на 100 метров, до высоты купола Большого зала. Здесь мы перешли на движущиеся лестницы и обогнули на них

выпуклость купола. Снова пересадка. И снова скоростной лифт, как сверкающая ракета, взвился до отметки: «300 метров».

В Высотной части, между куполом Большого зала и подножием статуи, помещается Президиум Верховного Совета.

Проносясь в лифте мимо стеклянных этажей, мы видели, что там еще не зажигали света. Солнце уходило отсюда в последнюю очередь — так это было высоко. Синие тени пали уже на дома и площади столицы, но здесь воздух был золотист, точно пронизан солнечной пылью.

Дальше лифты ведут в самую статую. Они проложены в ее правой ноге. Доступ для посетителей туда закрыт — лифты предназначены только для служащих, производящих необходимый текущий ремонт Дворца.

Мы вышли на Галерею обзора. Ветер трещал полотнищами флагов. Я закашлялся — воздух колот горло, как ледяной нарзан. Это была высота обычной трассы самолетов.

Золото и багрянец, изумрудные пятна зелени и хрустальный воздух — вот это я увидел вначале. Я различал только контуры и краски. Контуры были сглажены, краски — матово-нежны; на город ниспадало голубоватое покрывало сумерек.

Через минуту глаз применился к масштабам, и я начал узнавать Москву.

Это смело сказано — узнавать. Понятно, я переспрашивал названия, хлопотливо сверялся по компасу и карте. (Для удобства посетителей всюду на Галерее обзора развешаны рельефные карты Москвы, а перила разбиты на румбы.)

На северо-западе в сильный бинокль я различил голубизну Химкинского водохранилища, ближе — зе-

лень Химкинского парка. Говорят, напор воды, сдерживаемый дамбой, использован для устройства грандиозных водопадов и фонтанов в парке.

Всюду среди белизны скалистых утесов — домов — зелень, зелень. Город-сад. Да, тенистый, благоуханный сад. Недаром половину площади каждого квартала занимают сады, четверть — полезные переходы и четверть — только жилые дома.

Я чуть приподнял бинокль. Взором перешагнув за черту города, натыкаюсь на сплошные темно-зеленые массивы. Точно низкие облака обложили предместья. Это широкий пояс лесозащитной зоны, фабрика кислорода, легкие столицы.

А самые красивые места, ребята, — на юго-запад от Дворца Советов. Как только перешли мы на юго-западную сторону, в лицо нам пахнуло свежим теплым ветром. Ленинские горы были перед нами, а дальше — Парк Теплый Стан и новый Юго-западный район, по площади равный Киеву, наиболее здоровая часть Москвы.

Мы стояли молча рядом и смотрели, как наливаются синевой леса вокруг, как сглаживаются в надвигающихся сумерках четкие контуры площадей и темнеет серебристый узор Москва-реки.

...Вечером нам показали кино.

В клубах пыли на экране двигались люди. Колыхались мачты подъемных кранов. Темное небо протянулось над строительной площадкой, и звезды плескались в реке у самого берега. Это был старый хроникальный фильм о строительстве Дворца Советов, примитивно озвученный, затрепанный в тысячах сеансов.

Знаете ли вы, как трудно доставался строителям Дворца успех? Как упрямились московские грунты?

Какие каверзы пыталась строить тихонькая Москва-река?

Основание Дворца Советов нужно было заложить на большой глубине, ниже водоносных слоев, чтобы фундаменты в один недобрый час вдруг не поплыли. Хорошо строить небоскребы американцам, когда Нью-Йорк стоит на гранитном острове. А под Москвой — болото, предательские подземные реки, топь.

Метростроевцы замораживали землю. Строители Дворца поступили иначе. Они насыщали землю битумом.

Расплавленный битум проникал во все поры известняков и, застывая, стягивал неверные, сырые грунты. Под его надежной защитой, внутри прочного битумного барьера, работали бетонщики, клавшие фундамент.

Всего фундаментов было 2 тысячи. Часть из них строилась на сваях, часть на опускных колодцах, часть в кессонах. В подножье Дворца было уложено 250 тысяч кубометров бетона.

Основные фундаменты Дворца Советов покоятся на глубине 20—25 метров ниже поверхности земли и почти на 20 метров ниже уровня Москва-реки.

Картины недавнего прошлого воскресали на экране. В комнате звучала пулеметная дробь отбойных молотков и скрежет бетономешалок. Если бы величайшее здание всех эпох и народов строилось подобно египетским пирамидам из камня, толщина стен у его основания была бы 10 метров. Сейчас толщина стен у подножья и на самом верху одинакова — 30 сантиметров.

Дворец Советов сделан главным образом из стали — это каркасное сооружение. Стены его висят на метал-

лическом костяке, который, в свою очередь, установлен на бетонном фундаменте.

На каждую металлическую колонну у основания давит вес 15 тысяч тонн. Всего таких колонн по кругу 32 пары. На них лежит шатер, на котором укреплена Высотная часть и статуя. Шатер как бы перебрасывает тяжесть высотной башни вниз, к фундаментам.

На заводах-поставщиках вне Москвы изготавливались различные части каркаса. Части эти собирались потом на площадке и пригонялись друг к другу с невиданной тщательностью. Незначительное — в несколько микронов — отклонение от чертежа могло в будущем стать причиной ужасной катастрофы. Ведь части ставились одна на другую, как кирпичи постройки. По вертикальной линии их скрепляла только сила собственного веса.

Нужно было предусмотреть множество мелочей — каждая мелочь, помноженная на размеры Дворца, переставала быть мелочью. А Дворец строили на тысячи лет, и ничто не должно было нарушить его величавого спокойствия: ни разрушительное действие времени, ни атаки стихии, ураганов, снега, дождя.

Нас рассмешил странный человек, озабоченно ходивший по площадке с целой связкой разноцветных воздушных шаров. Вот из рук его вырвался один шар, скользнул через весь экран и скрылся в вышине, потом другой, третий. Владелец шаров не унывал. Закинув голову, он наблюдал с интересом за поведением своих шаров в воздухе.

Это был метеоролог.

Много дней подряд над строительной площадкой всплывали в синеву шары-зонды. Они разведывали направление и скорость ветра на уровне будущей Вы-

сотной части. Ей предстояло выдержать упорную борьбу с воздушными потоками.

Ураганы проносятся над Москвой не часто. Самый сильный был зарегистрирован в 1904 году. Он промчался тогда со страшной скоростью — 60 метров в секунду. Если бы Дворец Советов уже стоял в те времена, он вибрировал бы, как струна, а статуя отклонялась бы подобно маятнику то в одну, то в другую сторону на 35 сантиметров.

Строители Дворца решили рассчитать необходимую «ветровую нагрузку» с учетом еще более сильных ураганов. Они взяли скорость ветра, которая никогда не наблюдалась еще на земном шаре. Соответственно ей увеличили радиальные балки и железобетонные перекрытия, и вздохнули успокоенно. Теперь Дворец был прочен.

Диктор снисходительно упомянул при этом об устойчивости зарубежных небоскребов конца 30-х годов XX столетия. Они вибрировали непрерывно. Человек, сидевший в ванне на двадцатом этаже, например, должен был остерегаться наполнять ванну до краев. Вода выплескивалась от колебания небоскреба. В буфете монотонно позванивали стаканы. И качалка в гостиной раскачивалась сама собой с надоедливym постоянством.

...Экран потух. Продолжая аплодировать, мы поспешили к выходу. Немолчно звучал гонг, призывая гостей в Большой зал.

Я коротко опишу вам, ребята, концерт, который я слушал в тот вечер в Большом зале.

Он был превращен сейчас в театр. Сидевших на первых местах партера попросили перейти наверх, в ложи, и вслед затем партер с пюпитрами и креслами на наших глазах провалился в трюм. Зияющее про-

странство тотчас заполнила арена 20 метров в диаметре. На арене стоял пионерский хор, приветствовавший нас салютом.

Не успели мы вдосталь похлопать пионерам, как подвижная сцена поплыла вниз, и на месте ее возник бетонный бассейн, наполненный водой. Арена Большого зала может претерпеть восемь изменений. В трюме внизу скрыто восемь подвижных кругов, в том числе, и бетонный бассейн, которые двигаются по рельсам, и при помощи гидравлических подъемников опускаются и поднимаются, замещая друг друга.

А пока невидимые трюмные чародеи меняли географию Большого зала, другие заботливо трудились над созданием искусственного климата. Воздух снаружи поступает в особые приемные камеры и подвергается придиричливой обработке. Его фильтруют, освобождают от пыли и органических примесей, охлаждают или утепляют, в зависимости от времени года.

В зале он появляется, как и полагается на празднике, слегка надушенным. В камерах к нему добавляют заказанные сверхароматы.

В спинках скамей чернеют небольшие отверстия. Через них беспрерывно подают снизу свежий благоуханный воздух. В Большом зале дышится легко, как в лесу после грозы.

Я сидел неподвижно, вдыхая живительный ароматный воздух и не сводя глаз с янтарных пилонов и белоснежных мраморных скамей.

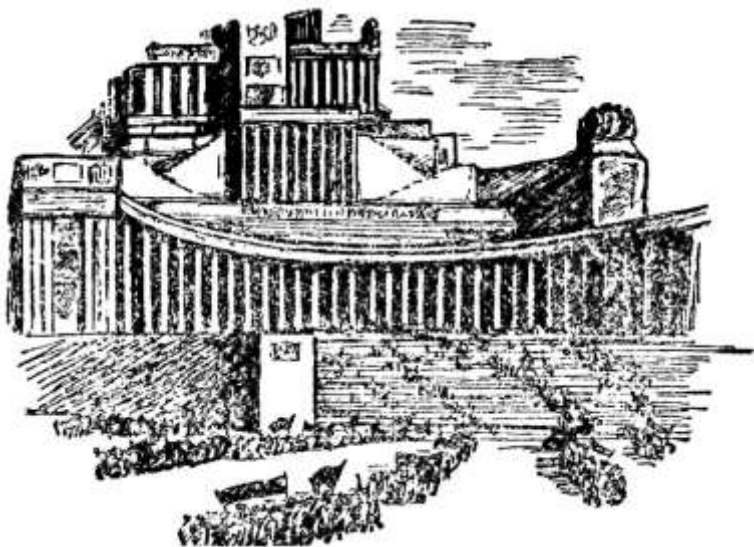
Но тут ведущий программу сказал:

— Сейчас прослушаем и увидим героическую световую симфонию «Эпоха Сталина».

В просторах Большого зала разлились басовые аккорды электрооргана. Я протер глаза. Нет, это не было миражом. Синий купол над головой начал вдруг плав-

но менять оттенки, подчиняясь ритму музыки. Радужные отсветы задвигались по залу. Звук и краски были соединены в одно гармоническое целое. Мы находились как будто в середине необычайно огромной тропической раковины, в извилинах которой вечно звучат отголоски далеких прибоев.

Красивейшее творение второй и третьей сталинских пятилеток — Дворец Советов, — казалось, звучал...

КОНЦЕНТРАТ СНА

Фантастическая повесть

Журнал «Вокруг Света», № 10 и № 11-12, 1939 г.

Л. ПЛАТОВ

Рисунки Л. ГОЛОВАНОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Гоните его в отпуск, Николай Петрович! Без сожаления гоните! И накричите еще при этом.

Академик Кулябко с сомнением поглядел поверх очков на Федотова.

— Обязательно накричите, — повторил тот, повладимирски напирая на «о». — Можно ли так работать? На нем лица нет. Обедает на ходу. Отказался от выходных. Он даже ночует, по-моему, в лаборатории...

— Мне говорили о крепком чае, — заметил академик в раздумье. — Кажется, Гонцов пьет чай ночью, чтобы не уснуть.

— Восторженный мальчишка! — отозвался Федотов, который был всего на год старше Гонцова. — Уж я не говорю о самом предмете его опытов. Здесь вы, я знаю, в союзе с ним против меня и всей ортодоксальной физиологии... Молчу, молчу! Итак, мы просим постороже с ним, Николай Петрович... Как вы умеете иногда...

Для благополучия упряма, не желавшего отдыхать, Федотов пустил в ход даже лесть. Добрейший Николай Петрович, подобно многим другим добрякам, любил, чтобы его ассистенты делали вид, что трепе-

щут его директорского гнева, и в этих случаях становился еще более сговорчивым, чем обычно.

— Прекрасно, я поговорю с ним, — сказал он, расправив веером свою пушистую длинную бороду, делавшую его похожим на сказочного Черномора, и снял трубку телефона. — Да, директор института. Лабораторию сна, пожалуйста... Гонцов?

Федотов вышел на цыпочках, озабоченно прикрыв за собой дверь.

Не в первый раз приходилось ему так решительно вмешиваться в дела своего беспечного, поглощенного научной работой друга.

Еще в пору совместного учения в университете, когда завязалась и окрепла их дружба, Федотов понял, что в мире практических вещей Виктор Гонцов — совершенный ребенок и нуждается в поддержке. Как только его увлекала какая-нибудь идея, и он самозабвенно отдавался ее разработке, все окружающее переставало для него существовать. Вокруг могли плясать, петь — он не замечал ничего. Надо было даже напоминать ему о необходимости сна, о завтраке, обеде и ужине.

— Хорошо еще, — говорил шутливо Федотов, втайне гордясь своей ролью опекуна, — что тебя не надо кормить с ложечки, как Вильяма Гершеля во время его наблюдений у телескопа.

До этого не доходило. Но бывало, что среди ночи Гонцов вдруг будил Федотова (в студенческие годы они жили в одном общежитии), чтобы поделиться с ним новой, только сформировавшейся в мозгу медицинской гипотезой. Под монотонный храп сокомнатников он излагал ее шепотом, а терпеливый слушатель подавал иногда мрачные реплики, звучащие из-под одеяла глухо, как из суфлерской будки.

В таких спорах Федотов придерживался обычно осторожной, скептической точки зрения, что только раззадоривало Гонцова. На оселке его недоверия он оттачивал свои доводы до блеска.

Со второго или третьего курса, однако, Гонцов стал сдержаннее в своих научных догадках. Он твердо запомнил золотое правило Ивана Петровича Павлова, обращенное к молодежи:

«Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты! Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого, без них вы никогда не сможете взлететь».

Да, крылья научной мечты Гонцова были бы бесильны, если бы не опирались на факты, добытые им в результате упорного труда, в итоге бесчисленных экспериментов.

Трудолюбие, терпение и настойчивость молодого ученого стяжали ему в конце концов такое же уважение среди физиологов, как и удивительная сосредоточенность его мысли, возбуждавшая вначале шутки товарищей. Для всех в Институте физиологических проблем было ясно, что перед Гонцовым большое и яркое будущее.

Уже проскользнуло в медицинских журналах скупое сообщение о смелой научной работе, заканчиваемой Гонцовым. Многие сомнительно покачивали головами.

...Весь день после разговора с Кулябко Федотов раздумывал над тем, с какой стороны подойти к Гонцову, чтобы заставить его работать размереннее. Вечером, закончив один сложный, долго не удававшийся ему опыт, он прошел, как был в халате и шапочке оператора, на балкон покурить.

Над кудрявыми кронами Парка культуры уже колебался купол парашюта. Подрагивая зеркальными боками, проплывали мимо переполненные троллейбусы. Солнце зашло, и небо приобрело зеленоватый оттенок. Снизу тянуло жаром, как из печки; остывал разогревшийся за день асфальт.

Кто-то обнял Федотова сзади и легонько встряхнул.

— Так-то ты, друг Саша, — услышал Федотов и по интонациям голоса догадался, что это Гонцов, — нажаловался на меня Николаю Петровичу? Эх, ты, старый ворчун!

— Нельзя работать так напряженно...

Они стояли теперь рядом, опираясь локтями на балюстраду: спокойный, неторопливо раскуривавший свою трубку Федотов, почти квадратный в своем топорщившемся халате, и порывистый, смуглый Гонцов, лицо которого от острых скул казалось в сумерках трехугольным.

Предчувствуя нагоняй, Федотов возился с трубкой дольше обычного.

— Ну и что из того, что нажаловался? — сказал он воинственно. — Ведь за тобой нужен присмотр. Иначе ты заболеешь, свалишься. Нельзя работать так напряженно и не отдыхать совсем.

— А почему ты думаешь, что я не отдыхаю? — Улыбка на лице Гонцова стала еще шире. — Разве обязательно спать, чтобы прогнать усталость?

— О, снова твои теории! — Федотов скептически сморщился, готовясь к отпору. — Я верю в нормальный жизненный ритм, в установившийся порядок вещей, которые нельзя и незачем менять.

Гонцов помолчал, не отрывая замороженного взгляда от дуговых фонарей, которые зажигались один за другим в неясной перспективе Большой Калужской.

— Незачем? — повторил он медленно. — Как незачем? Установившийся порядок вещей заставляет нас на одну треть укорачивать свою жизнь, — и ты так спокоен? Сочти! Человек в среднем спит восемь часов в сутки. Значит, если он прожил шестьдесят лет, он двадцать из них фактически не жил. Он проспал эти годы, провел их в оцепенении, в глупом бездействии. Поэтому, жизнь человеческая слишком коротка, чтобы говорить о таком мотовстве спокойно.

— Но что же делать, если физиология сложилась именно так? — сказал Федотов, направляя спор в хорошо знакомое русло. — Миллионы лет...

Гонцов прервал его.

— Меня удивляет умственная боязливость подобных тебе ученых, — сказал он. — Почему, меня природу вокруг себя, создавая новые виды животных и растений, вмешиваясь в работу желез внутренней секреции, нельзя поднять руку на сон, цепями которого опутано человечество с начала веков? Разве мы — физиологи-революционеры — не должны совершенствовать природу самого человека?!

— Ты прав отчасти, — заметил Федотов. — Но слабость твоей позиции заметна, как только ты переходишь от общих рассуждений к простым конкретным фактам. Я, например, разрабатываю принципы разумного питания. Значит ли это, что я когда-нибудь дойду до того, что буду отрицать необходимость всякого питания вообще?

— Прекрасная аналогия, — с живостью ответил Гонцов, — ты сам подбрасываешь мне материал для возражений. Итак, ты считаешь, что мы едим неправильно?

— Понятно. Мы неразборчивы в еде, едим слишком много, потому что качество пищи невысоко, — мало калорий, мало витаминов. На переваривание уходит масса энергии, драгоценные жизненные силы...

— Примерно то же мы можем сказать о сне. Мы спим слишком много, беспорядочно и неразумно.

Федотов снисходительно пыхнул трубкой, давая понять, что маневр собеседника ему понятен.

— Ты знаешь, что сон глубже всего, — продолжал Гонцов, — а, следовательно, и эффективнее, в первые часы после засыпания. Под утро сон не крепок, его живительная освежающая сила как бы иссякает. Помнишь мои опыты фракционированного сна? Я делил время сна на части, заставлял принимать сон как го-

меопатическое лекарство, маленькими дозами. Мои пациенты спали по полтора часа три раза в сутки. В общей сложности это составляло четыре с половиной часа. И что же? Организм освежался вполне, точно человек проспал обычные восемь часов без перерыва. За счет количества я улучшил качество сна.

— Поэтому-то под конец я и признал твою правоту. Но ты ведь не остановился на этом. Ты пошел дальше. Ты стал ломать голову над тем, чем бы тебе заменить сон, чтобы люди не спали вовсе. Ведь это фантазия, Виктор. Мечты, оторванные от земли, от реальных, зримых факторов.

Гонцов искоса поглядел на серьезное, доброе лицо Федотова, осветившееся на мгновение от огонька трубки.

Вокруг было уже темно, и за листвой деревьев, окружавших институт, мелькали смутные силуэты прохожих.

— Факты, Саша, факты! — сказал он как будто с сожалением. — Ты подбираешь их один к одному и лобуешься наведенным тобою порядком. Извини меня, друг, ты — архивариус фактов, потому что не даешь себе труда по-настоящему осмыслить их. Вспомни опыт. Человека помещали в абсолютно темную комнату, затыкали ему уши ватой, надежно изолировали его от всяких раздражений извне. Человек засыпал мгновенно и крепко...

— Элементарный опыт, — пробормотал Федотов, стараясь догадаться, куда клонит Гонцов.

— Но понял ли ты, что для многих людей такой темной комнатой была их жизнь, скучная, глухая, лишенная ярких событий и солнца? Представь себе какую-нибудь Обломовку или Замоскворечье, прозванное «сонным царством». Люди не знали, как скоротать,

убить время. День-деньской их одолевала зевота. После обеда они почивали два-три часа. Это был малый сон, репетиция ночи. После ужина они отправлялись «капитально» спать, а поутру вяло раскрывали «Сонник», чтобы найти с его помощью тайный смысл в привидевшейся им чепухе.

— Ну а бедняки?

— Бедняки? Для них сон был чем-то вроде кратковременного психологического самоубийства. Человек выключал себя на несколько часов из действительности с ее ужасами и страданиями. Житейские бури оставались за его спиной. Он входил в укромную гавань сна и бросал там якорь.

— Сон как болеутоляющее?

— О, не более, чем вино, опиум и другие средства, с помощью которых у людей отшибало память на очень короткое время. Для нас важно другое. Чем печальнее, темнее, глуше была жизнь, тем больше места занимал в ней сон. И, напротив, чем светлее, звонче, ярче жизнь, тем меньше потребность сна у людей. Радость тонизирует, бодрит. Ты — физиолог и понимаешь, что это не парадокс, а вывод из общепринятой теории сна.

— Но уменьшение этой потребности, — вставил Федотов назидательно, — имеет какой-то предел, ты не должен забывать об этом.

— Вот тут мы физиологи — и должны прийти на помощь человечеству. Мы обязаны помочь ему не спать. Согласись, что жизнь так полна, так богата радостями в наше время, что жаль минуты, потраченной зря. Хочется жить без этих скучных антрактов, не покидая мира счастливой реальности ни на час! Веселиться, творить, действовать, переходя от одного увлекательного дела к другому! Бодрствовать всю жизнь, всю долгую, бессонную человеческую жизнь!

— Прихлебывая при этом твой фантастический концентрат сна?

— Да!

— Поэтично, согласен. И очень заманчиво в целом. Но, извини, Виктор, неправдоподобно. Когда мы в лаборатории эффективного питания изготавливаем разнообразные пищевые экстракты и концентраты, это реально, это факт. Вот — тяжелая глыба мяса. Рядом маленький кубик, в котором спрессована вся теплотворная энергия этого мяса, тысячи заключенных в нем калорий. Вот пирамида из лимонов. И рядом узкий бокал, наполненный янтарным витаминным соком, равноценным всей пирамиде. А что ты после многих лет работы можешь показать в своей лаборатории сна?

Гонцов выпрямился. Голос его прозвучал необычно резко:

— Фома неверный! Ты видишь меня и разговариваешь со мной, — заметна ли во мне усталость, клонит ли меня ко сну?

Пока удивленный Федотов размышлял над этими странными словами, Гонцов пересилил досаду и продолжал совсем тихо, точно стыдясь своей вспышки:

— Однако пока еще рано говорить об этом. Решающий опыт не закончен, и неосмотрительно было бы сейчас хвалиться и трубить победу... И все же, друг, я уверен, я безусловно уверен в том, что в нашей лаборатории я найду заменитель сна, иное, более выгодное, совершенное и быстродействующее средство обновлять силы организма.

Федотов молчал.

— Ты помнишь, что весной у меня не ладилось с гидратами, — сказал Гонцов. — Формула была неверна, собаки издыхали на середине эксперимента. Недавно я принял решение добавить в формулу соли калия, то-

низирующее действие которых известно. Николай Петрович одобрил мою мысль. Суди о результатах. Подопытные «Дэзи» и «Шарик» бодрствуют второй месяц и, по-видимому, не ощущают никакой потребности во сне... Итак, может быть, — видишь, как я недоверчив, — я стою на пороге небывалого в медицине открытия. Может быть, где-то тут передо мной — пока невидимая заветная дверь, и не сегодня-завтра ключи к ней будут подобраны?

— Теперь ты понимаешь мое нетерпение. Я не вижу ничего, кроме этой далекой цели впереди. Поверишь ли, я с радостью отдал бы несколько лет своей жизни, чтобы приблизить час, когда можно будет прокричать на весь мир: «Противоядие против сна найдено!»

— И потом, когда ты прокричишь это, — шутливо сказал Федотов, — мы, наконец, устроим тебе торжественные проводы в санаторий «Узкое».

— О, я успею еще отдохнуть, — ответил Гонцов, продолжая рассеянно смотреть вдаль, туда, где за балаганами Парка культуры мерцали очертания нового города. — Кстати, не думай, что я устал. Я никогда не чувствовал такого прилива сил и бодрости, как сейчас.

— Ну, ну! Боюсь только, что ты подбадриваешь себя крепким чаем и гирями...

— Честное слово, — сказал Гонцов, и Федотову в темноте показалось, что тот снова улыбается. — Честное слово, забросил все это. Просто не хочется спать, и только...

Трубка Федотова сомнительно пыхнула на прощанье, и они расстались.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Продолжая улыбаться, Гонцов запер дверь лаборатории и опустил зеленый абажур над лампой. Предстояла одинокая, бессонная ночь среди колб и реторт, в теплых отсветах электропечки, на которой кипятились инструменты.

Он прошел в дальний угол, где между шкафами лежали его гири, поднял их, рассеянно подержал на вытянутых руках, швырнул обратно. Зачем они ему теперь?

Историю этих гирь не знал даже Федотов.

В молодости настольной книгой Гонцова был Джек Лондоновский «Мартин Иден». По много раз мог он перечитывать места, где упрямый матрос, твердо решивший стать писателем, ломает привычный уклад своей жизни. За год Мартин должен научиться тому, что люди в обычных условиях изучают десятки лет. Поэтому он разрешает себе спать только два или три часа и вскакивает по первому звонку будильника.

По-видимому, именно под влиянием этого друга из книги Гонцов начал свои всенощные бдения в лаборатории. Оставаясь там ночью один, он открывал первым долгом настежь окно и, жадно вдыхая прохладный воздух, делал гимнастику. Потом обтирался ледяной водой и, освеженный, сбросив с себя липкую усталость прошедшего дня, садился к столу.

Проходило два-три часа, глаза начинали слипаться, тело тяжелело, наливаясь дремотой. Досадуя на несовершенную природу человека, Гонцов вставал и заваривал крепкий чай.

Гимнастикой, папиросами, крепчайшим чаем он поддерживал себя до пяти-шести часов утра, когда нервы окончательно сдавали, и он засыпал внезапно и

крепко, точно сон, подкравшись на цыпочках сзади, оглушал его ударом по темени.

Так было до недавнего времени. Теперь единоборство Гонцова со сном вступило в новую фазу, о которой не догадывался никто в институте. Бесплезные гири покрывались пылью в углу между шкафами. Чайник не пыхтел и не подскакивал больше на своей подставке. Гонцову не хотелось спать. Голова его была свежа круглый день, тело бодро и мысли ясны, как после купанья, и только все время почему-то очень надоедливо, хоть и негромко, звенело в ушах.

Ни Федотову, ни Кулябко не признался он в том, что эксперимент проходит удачно. Вторую неделю уже в его тетради стояла графа: «Виктор Гонцов, 27 лет», и под ней записи давления крови, частоты пульса, различных химических и физиологических реакций.

Втайне от всех сотрудников руководитель лаборатории проверял на себе найденный им антидот^[1]. Он не думал о риске, захваченный азартом исследователя. Он спешил принести человечеству освобождение от сна и первым вступал на эту неизведанную и, может быть, опасную тропу.

Гонцов пустил в ход реакцию в больших зеленых колбах и, прислушиваясь к равномерному журчанию переливающейся жидкости, сел за стол. Да, все развивалось нормально, довод цеплялся за довод, оснований для беспокойства не было.

Задумчиво потирая выпуклый, прекрасной формы лоб, Гонцов перечел записи, сделанные им накануне:

[1] Антидот — противоядие, которое в соединении с ядами превращает их в неядовитые вещества. Так, танин при отравлении алкалоидами (исключая морфий) образует с ними нерастворимые соли, окись магния при отравлении кислотами превращает их в соли и т. д.

«Итак, можно считать доказанным, — было набросано его угловатым, решительным почерком, — что в основе деятельности центральной нервной системы лежат биохимические процессы. Отсюда и исходят авторы токсических теорий сна.

Вводя соли кальция в мозг кошки, Демоль погружал ее в сон, длительность которого зависела от дозы. Наоборот, введение солей калия прерывало этот искусственный сон. Бушар, проводя опыты над кроликами, обнаружил, что моча, выделяемая вечером, производит возбуждающее действие, между тем как моча, взятая утром, после сна, вызывает наркотический эффект.

Эррера считает главным возбудителем сна лейкоманы, образующиеся в организме в процессе бодрствования и парализующие высшие нервные центры. Накопление их и вызывает сон, который является результатом своеобразного самоотравления организма. По Эррера сон, таким образом, представляет собой восстановительную функцию, способствующую освобождению мозга и других тканей от ядов. Во время сна происходит как бы ожесточенная война между лейкоманами и их антидотами, и каждую ночь человеческое тело, погруженное в дремоту, служит полем, где разыгрывается сражение.

Лежандр и Пьерон показали, что при длительной бессоннице в крови и в спинномозговой жидкости животного накапливается особое вещество — гипнотоксин. Если взять кровь, спинномозговую жидкость или экстракт мозга у собак, которым долго не давали спать, и ввести нормальным собакам, это вызовет у тех сон.

Работы руководимой мною лаборатории переносят центр тяжести именно на спинномозговую жидкость. Я считаю, — и доказываю это рядом экспериментов, —

что одной из главных причин сонливости, как и самого сна, является изменение свойств и химического состава спинномозговой жидкости.

В этом направлении мы и работали в течение многих лет, подбирая всевозможные искусственные антидоты, которые могли бы частично или полностью заменить те естественные противоядия, которые вырабатываются в человеческом организме во время сна и вызывают пробуждение.

Трудность заключалась в том, что в обычных условиях, по-видимому, действует не один химический или физический фактор, как предполагали названные выше авторы, но целая совокупность их. В частности, не обращалось достаточного внимания на роль желез внутренней секреции.

Кроме того, в результате сна происходит не только освобождение организма от вредных шлаков, но и вырабатывается новая энергия, совершается как бы зарядка аккумулятора нервной и мышечной системы.

Всем этим многочисленным условиям и должен удовлетворять идеальный антидот, могущий при регулярном введении в организм уничтожить потребность в естественном сне и создать...»

Часы, стоявшие высоко на книжном шкафу, мерно отсчитали три удара.

Время опыта!

Гонцов отодвинул тетрадь и, прищурясь, отмерил в градуированной мензурке испытываемый антидот. С каждым днем, согласно предначертанному плану, он увеличивал дозы в строго определенной пропорции.

За окном расплывался серый, рассветный туман. Уличные огни поблекли, и в тишине пустынной улицы с особой, бодрой отчетливостью прогремыхал грузо-

вик, нагруженный бидонами с молоком. Ночь кончалась.

Шторы надулись, как парус корабля, готового к отплытию. Ветер, скользя в комнату, быстро перевернул несколько листов тетради.

Гонцов очнулся от задумчивости. Он высоко поднял стакан, налитый до краев, и посмотрел на свет. Густая голубоватая жидкость переливалась там, и золотые искры вспыхивали в ней, как чаинки.

Ожидание необычайного вдруг охватило его.

— Ну, что ж, за здоровье будущих поколений, — пробормотал он шутливо и залпом выпил антидот.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Утром, в обычное время, пришли сотрудники лаборатории сна и нашли двери запертыми. Возникло предположение, что Гонцов, засидевшийся, как всегда, допоздна, захватил с собой по рассеянности ключи домой. Позвонили к нему на квартиру. Оттуда ответили, что он не возвращался ночевать.

Пока искали коменданта института с запасными ключами, звали слесаря и бегали за Федотовым, работавшим в другом корпусе, один из лаборантов взобрался на дерево и заглянул в комнату. Гонцов был там, но не откликался.

Это увеличило тревогу, и кто-то распорядился выломать двери.

Руководитель лаборатории сидел неподвижно за столом, положив лицо на согнутые в локтях руки. Светлый круг от лампы падал на его затылок, тетрадь для записи опытов и стакан с остатками жидкости.

В комнате было темно; солнечный луч, проникнув через узкую прорезь между шторами, дробился в гранях стакана и отбрасывал радужные блики на тетрадь...

Безжизненное тело бережно перенесли на кушетку.

— Несомненно, отравление! — сказал Федотов, не сводя глаз с иссиня-бледного лица друга и в

Руководитель лаборатории сидел неподвижно, положив лицо на согнутые в локтях руки.

волнении не находя его пульса. — Пульса, по-моему, нет. Руки ледяные, как у мертвеца.

Кулябко отстранил его спокойно — врач не должен нервничать у постели больного, — потом поднес к губам Гонцова круглое зеркальце.

Гладкая поверхность осталась такой же чистой, как была.

— Не дышит, — пронесся приглушенный шепот.

— Ток! — приказал Кулябко грозно.

В тех случаях, когда смерть сомнительна и зеркало не затуманивается, врачи прибегают к последнему средству — пропускают электрический ток через мышцы и нервы тела.

Люди ждали, толпясь подле кушетки.

— Да, нервы реагируют на ток, — сказал Кулябко, поднимаясь. — Он спит. *Vita minima*, мнимая смерть, состояние, схожее с летаргией...

Тетрадь опытов была раскрыта на почти чистом листе, где стояло:

«Всем этим многочисленным условиям и должен удовлетворять идеальный антидот, могущий при регулярном введении в организм уничтожить потребность в естественном сне и создать...»

Запись на этом обрывалась. Следующее слово, введенное каракулями, было неразборчиво. В этот миг в организме Гонцова произошла, видимо, загадочная катастрофа, погрузившая его в забытие.

Заскрипели колеса тележки, на которой обычно перевозили пациентов в операционную.

— Что ж, продолжайте работу! — обратился Кулябко к стоявшим вокруг него в молчании сотрудникам Гонцова. — Несчастье с Гонцовым должно заставить вас работать еще настойчивее, но вместе с тем и осторожнее. Исследуйте, прежде всего, синий осадок, остав-

шийся в мензурке. Где тетрадь записей, которые вел Гонцов?

— Она у меня, Николай Петрович, — сказал Федотов, показывая драгоценную тетрадь.

— Тогда пойдете.

Кулябко и Федотов, негромко переговариваясь, последовали за тележкой, на которой покачивалось тело Гонцова. Оно было прикрыто простыней и сразу стало казаться длиннее. Лицо, запрокинутое на подушках, поражало своей странной прозрачностью.

— Я хочу понять, почему так случилось, — глухо сказал Федотов. — Он надорвался, Николай Петрович? Или в формуле была ошибка? Что произошло в его организме?

— Мы сможем ответить на это только после детального исследования. Скорее всего, он допустил ошибку в дозировке. Большинство противоядий, как вам известно, сами по себе яды. Это обоюдоострое оружие, обращаться с которым надо с величайшей осмотрительностью. Представьте себе, например, что случилось бы с больным, если бы врач выписал ему удесательную дозу стрихнина. Возможно, что то же произошло и с вновь открытым противоядием. Бедняга Гонцов был чересчур увлекающимся и нетерпеливым...

— Был? Вы сказали — был? Значит, вы думаете, он не проснется больше... Умрет?

Николай Петрович сердито прокашлялся, чтобы скрыть признак слабости — предательскую дрожь в голосе.

— Я не хочу обманывать ни себя, ни вас, — сказал он помолчав. — Надежды нет, мой друг. Река забвения уносит Виктора далеко от нас... Летаргический сон может длиться годами, и больной погибает от истоще-

ния. А искусственное питание, при современном знании этого вопроса, настолько несовершенно, что...

Продолжая разговаривать, они прошли вслед за тележкой в операционную, где решено было оставить тело Гонцова до медицинского консилиума.

За печальной процессией захлопнулась стеклянная дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

...Берясь за перо, Гонцов с удивлением отметил, что шум в ушах все возрастает, становится нестерпимым.

Ему представилось вдруг, что он еще смотрит в стакан, где плескалась голубоватая искрящаяся жидкость. Странные золотые пятна, мелькавшие там, особенно притягивали его внимание. Веки его тяжелели; он попытался придержать их пальцами, но они не повиновались ему.

Целый дождь желтых брызг струился перед его плотно зажмуренными глазами.

Спустя некоторое время он догадался, что это — падающие осенние листья. Они сыпались на него с ветвей, низко нагнувшихся над водой, задевали его лицо, и он не мог отвести их руками, потому что чувствовал скованность движений, как в кошмарах.

Да, он плыл, лежа навзничь, по реке. Шуршали падающие листья. Водоросли, вытянутые вдоль течения, цеплялись за его одежду.

Потом он начал медленно и плавно погружаться, не испытывая страха, но только очень сильную усталость, безучастный к окружающему.

Мелькнули желтые шары кувшинок, и чешуйчатая зеленая ряска сомкнулась над его головой.

Еле слышно журчали светлые струи, обегая группы подводных цветов и торчащие со дна камни. Он покачивался над ними, не опускаясь на дно и не всплывая на поверхность.

Что-то совершалось наверху, за голубовато-зеленой, подернутой желтыми пятнами, пеленой. До него доносился порой смутный шум, отголоски живущего мира, настолько сильные, что проникали к нему даже сквозь толщу его сна.

Прошло несколько минут или часов, — он не мог определить с точностью, — и быстрее закачались водоросли, мимо понеслись призрачные очертания предметов. Течение ускорилося.

Не веря себе, Гонцов услышал глухой, приближающийся звон колоколов.

Вокруг него мелела река, расступаясь, вынося неподвижное тело на берег. Он почувствовал, как жестко и неудобно дно, опустившись, наконец, на него, и открыл глаза.

Прямо перед собой он увидел граненый стакан и руку, размешивавшую ложечкой в стакане. Вот колокола, которые звенели над ним!

Серьезный голос произнес негромко:

— Прошу вас, выпейте это лекарство и не разговаривайте пока. Вы были очень долго и сильно больны.

Гонцов послушно закрыл глаза.

Мысли его были ясны и отчетливы. Какой удивительный сон приснился ему: река, желтые листья, журчанье воды. Он вспомнил, как дошли до его меркнувшего сознания чьи-то слова о Лете, реке забвения. Быть может, это и дало толчок его сновидениям? Звуки голосов стали глхнуть, точно удаляясь, и вскоре слились в ритмический гул, который был, по-видимому, только слабым биением его собственного пульса.

Сейчас самочувствие его было прекрасно; он совсем не ощущал своего тела. Дышалось легко. Воздух был чист, холодноват, и он вдыхал его с жадностью, как будто поднялся только что на гребень горы.

Он подумал, что друзья перевезли его в горный санаторий, куда-нибудь в Теберду или Абастумани, и открыл глаза.

Над ним в бездонной глубине ласково мерцали звезды, мириады звезд. Не будучи силен в астрономии,

он с некоторой гордостью отыскал знакомый ковшик Большой Медведицы. Усыпанные сверкающим инеем раскидистые ветви Млечного Пути осеняли его, и некоторое время он лежал неподвижно, собираясь с силами. Потом медленно повернул голову.

Там, где он ожидал увидеть стену, не было ничего. За белой скамьей и столом, на котором стояли лекарства, начиналась пустота. Озаренные бледным светом звезд, тихо покачивались верхушки кипарисов, и смутно чернела громада, которая показалась Гонцову памятником.

Только взглядевшись пристальнее, он понял, что и потолок и стены его комнаты были сделаны из стекла или материала, подобного стеклу.

Недоумевающий, встревоженный, Гонцов сделал попытку приподняться. Необычность всего увиденного на секунду расколола его смятенное сознание. Кто же проснулся только что в этой стеклянной комнате?

— Зеркало, если есть, пожалуйста, — прошептал он нагнувшимся к нему людям в белых халатах.

Зеркало задрожало в руке. Краем глаза он охватил всю страшную худобу своей руки — кость, обтянутую пергаментно-желтой кожей, и долго, не отрываясь, смотрел в зеркало. Со стороны, быть может, это было похоже на встречу после очень долгой разлуки.

Лицо Гонцова осунулось и постарело. В черных волосах кое-где протянулись белые нити, щеки запали. Зато живые, блестящие глаза были молоды по-прежнему, и по ним он тотчас узнал себя.

— Где Кулябко? — спросил он с тревогой.

Врач, отмеривавший лекарство, приблизился к постели и взял его руку в свои большие теплые ладони.

— Кулябко уже нет в живых, — негромко, но внятно сказал он, поглаживая руку больного и не сводя с него

доброе странно-знакомое взгляда. — Вы очень долго болели.

— А Федотов? — голос Гонцова осекся. После паузы он продолжал. — Мне нужно видеть Федотова. И потом моего помощника по лаборатории. Болезнь прервала начатую мной очень важную работу...

Он замолчал, боязливо ожидая ответа.

— Федотов также умер... умер много лет назад.

Нервная спазма стиснула горло, и больной прошептал еле слышно, стараясь приподняться на подушках:

— Но сколько же времени я болел? — По выражению окружавших его лиц он догадался, что цифра велика, так велика, что не решаются назвать ее.

Один, один! Без друзей и родственников. Оторванный от привычного мира. Брошенный в будущее, в холодную звездную пустоту, в неизвестность.

Бедный странник во времени упал ничком в подушки и несколько минут лежал неподвижно, не сознавая ничего, кроме своего ужасного одиночества.

— Прошу вас, сохраните самообладание, — раздался над ним тихий дружелюбный голос. — Вам надо услышать много нового и неожиданного.

— Лучшие умы человечества думали над тем, как отдалить вашу смерть, казавшуюся неминуемой.

Шли годы, сменялись поколения врачей, уступая друг другу место у ложа спящего Гонцова.

Доктор рассказал далее, что питание погруженного в летаргический сон производилось через зонд, а также путем вливаний виноградного сахара непосредственно в кровь. Особое внимание было обращено на поддержание деятельности сердца.

По поводу необычайного случая летаргии писались книги, устраивались научные диспуты. Бесчувственное тело, в котором теплился упрямый огонек жизни, ста-

ло объектом жарких медицинских споров. Так прошло...

Доктор замолчал, с беспокойством косясь на худые, острые плечи Гонцова, и сказал быстро, с размаху разрубая узел:

— Так прошло 93 года, 9 месяцев и 4 дня!..

Он продолжал поспешно, стараясь не задерживать внимания больного на этой цифре:

— Ваш сон оберегали мой дед, потом мой отец. И тот и другой свято верили в то, что вы когда-нибудь проснетесь. Счастье присутствовать при вашем пробуждении выпало на мою долю.

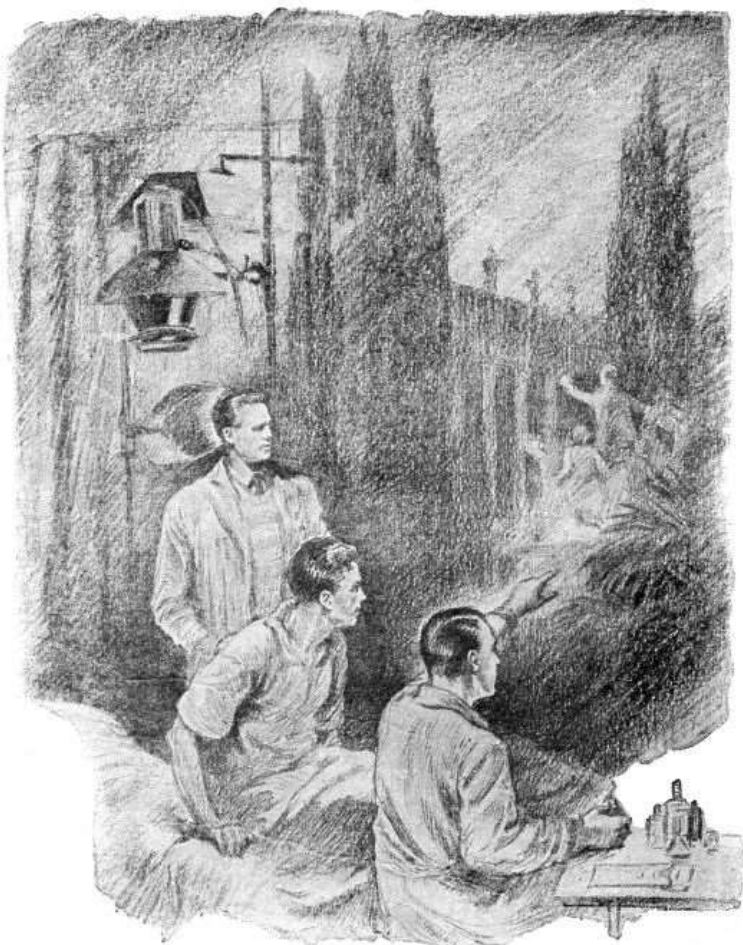
И он протянул Гонцову руку. Другие люди, присутствовавшие в комнате, так же неумело и старательно, точно выполняя забытый обряд, повторили этот жест.

— Но кому же из вас обязан я своим пробуждением? — спросил Гонцов, пытаясь поверить в то, что день, который казался ему вчерашним, отделен от него почти целым столетием.

Федотов, не вставая, указал на прозрачную стену, за которой в ореоле рассвета все резче проступали контуры памятника.

Что-то в повороте головы, в изгибе сутуловатых плеч центральной фигуры показалось ему знакомым. Невероятное предположение заставило его слабо усмехнуться, и он вопросительно взглянул на своего собеседника.

— Да, вы догадались, — спокойно сказал тот. — Памятник поставлен вам. Когда я разрешу вам подняться с постели и выйти, вы сможете прочесть на фронтальной стороне постамента надпись: «Великому физиологу, победившему сон, Виктору Гонцову». Лежите спокойно, я все расскажу вам.

Федотов, не вставая, указал на прозрачную стену.

Институт физиологических проблем продолжал и развивал работы в области сна. Все записи в тетрадях и блокнотах, конспекты докладов и лекций были заботливо собраны Федотовым, отредактированы им и изданы. Посмертное произведение молодого ученого, —

потому что большинство считало, что этот сон неизбежно перейдет в смерть, — наделало шуму. Книгу переиздавали много раз, и мысли Гонцова легли в основу нового учения о природе сна.

— Значит, — спросил Гонцов порывисто, — значит, мир не спит теперь?

— Да, мир не спит.

Гонцов с усилием привстал на своем ложе.

— Доктор, — сказал он умоляюще. — Я хочу видеть это. Я хочу видеть бессонный мир. Я здоров совершенно.

Федотов критически взглянул на своего нетерпеливого пациента, потом посмотрел сквозь прозрачную стену. На хвое кипарисов дрожали брызги росы.

— Все в свое время, — сказал он невозмутимо, и в интонациях его голоса Гонцов узнал своего педантичного, давно умершего друга. — Вам надо оправиться и окрепнуть сначала. Это не уйдет от вас. Бессонный мир — вот он, рядом с вами.

И он указал в окно, за которым разгорался рассвет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Первый день после пробуждения тянулся для Гонцова нескончаемо долго.

Его взвешивали, измеряли, выстукивали. Его просили вздохнуть, кашлянуть, привстать, присесть. Врачи с серьезными, озабоченными лицами ходили вокруг, деловито помахивая стетоскопами и негромко переговариваясь.

При других обстоятельствах Гонцов не утерпел бы и вмешался в их ученый, пересыпанный латынью разговор. Первую фазу эксперимента, во всяком случае, он мог описать во всех подробностях, так как наблюдения над собой проводил до самого начала летаргии.

Сейчас, однако, ответы его были рассеянны и кратки. Покорно подставив грудь выслушивавшему его врачу, Гонцов смотрел в сторону, туда, где за стеклянной стеной зеленел удивительный мир, в котором предстояло ему жить.

— Доктор, — повторял он, упрасывая и одновременно сердясь, — мне бы встать уже, а, доктор?

Но только к вечеру Федотов разрешил своему пациенту встать и походить немного по комнате.

— Не делайте слишком резких движений, — строго сказал он при этом, — не перегружайте сердце. Если все пойдет хорошо, я думаю, что смогу разрешить вам выступить сегодня ночью по радио. Мир знает уже о том, что вы проснулись, и ждет с нетерпением встречи с вами.

Потом он ушел вслед за другими врачами, оставив Гонцова в одиночестве.

Испытывая огромное физическое наслаждение от ходьбы, Гонцов прошелся мелкими шажками по комнате.

Голова его слегка кружилась. Он усмехнулся старательности, с какой передвинул затекшими ногами, и тому еще, что жался пока поближе к стене. Со стороны, вероятно, он был похож на неопытного пловца, который плещется на мелководье у берега, не решаясь пересечь широкую гладь пробегающей мимо реки.

За стеной-окном расстилалась манящая светлая гладь.

Солнце почти спустилось уже к темной черте горизонта. Багряные отблески лежали на кипарисах, вдаль в чаще сверкали остроконечные голубоватые купола, и краски были так яркие, зелень так свежа, что казалось, — только что отшумел дождь.

Глаз почти не задерживался на близких предметах; может быть, поэтому Гонцов до сих пор не рассмотрел, как следует, памятника, — он сразу охватывал всю картину в целом. Необычайная глубина перспективы чудесно окрыляла взор.

Одновременно видны были из окон: и башни моста, переброшенного через реку, и клумбы цветов подле набережной, и отсвечивающие на солнце, по-видимому, тоже стеклянные, здания далеко за мостом, на холме.

Гонцову представилось на мгновение, что он смотрит на волшебный город через какой-то драгоценный сияющий камень со множеством граней.

Куда вела от ворот пестренькая игрушечная мостовая? Что скрывали под собой голубоватые остроконечные купола? Не были ли они теми Дворцами Покоя, о которых вскользь рассказывал ему Федотов?

И тогда знаменитый ученый, не в силах совладать со своим нетерпением, совершил неблагоприятный поступок, который покойный его друг в негодовании назвал бы мальчишеством. Пользуясь ослаблением присмотра, он попросту удрал тайком из больницы.

Ступая на цыпочках и говоря самому себе «тш-ш!», он прошел коридор, миновал комнату, где оживленно болтали о чем-то сиделки, и очнулся за воротами.

Тотчас ликование школьника, отпущенного на каникулы, охватило его и уже не покидало во все время прогулки.

Он задержался на секунду в воротах, раздумывая, куда ему свернуть: направо, к реке, или налево, к группе домов на склоне холма, — весь новый мир был перед ним, и он волен был выбирать. Потом он заметил рядом с собой пожилого человека в фартуке, который высаживал куст роз у памятника, освещенного косыми лучами заходящего солнца.

Гонцов скользнул любопытным взглядом по надписи на постаменте — там стояло его имя. Он запрокинул голову.

Центральная фигура скульптурной группы изображала его, Гонцова, окруженного лежащими в разных позах спящими людьми. Сам он сидел в кресле, возвышаясь над ними, держа на коленях просыпающегося кудрявого ребенка. Ребенок тер кулачками глаза, улыбка его была мягкой, недоумевающей, полусонной. И добрый доктор склонялся к нему, ласково протягивая стакан с волшебным напитком.

Много лет уже, наверное, стоял этот памятник здесь, у входа в больницу, где лежало неподвижное тело мученика науки, заплатившего природе такой дорогой ценой за свое открытие. Тут было тенисто и тихо, и дети приходили сюда по утрам и играли вокруг мраморного постамента. Об этом говорили следы маленьких ножек на песке и чей-то смешной полосатый мяч, забытый в траве.

Взрослые, гуляя с детьми вдоль кипарисовой аллеи, конечно, указывали им на памятник и вполголоса, с

приличной случаю торжественностью, рассказывали об ученых, самоотверженных друзьях человечества, которым очень редко выпадало счастье дожить до полного торжества своих идей.

— Я думаю, этот куст будет красивее выглядеть с краю, — вопросительно сказал садовник, критически осматривая свою работу. — А вы как посоветуете, товарищ?

Гонцов охотно вступил в разговор.

— Розы, пожалуй, именно то, — ответил он, — что не хватало этому красивому уголку для полной гармонии.

Садовник снова нагнулся над клумбой.

— Мне сразу бросилось это в глаза, — сказал он, энергично работая лопаткой. — С недавнего времени я стал ходить к себе в Академию новой дорогой мимо памятника Победителю Сна. Мне не понравилось здесь и захотелось украсить клумбы розами, чтобы сделать приятное людям, живущим на этой улице. Понимаете?

— А! Вы работаете в Академии Садоводства? — спросил Гонцов, присев на корточки и помогая садовнику разрыхлить землю.

— Нет, в Академии Радия. Я — физик, профессор Новак, если слышали. Мои книги о цветах менее известны.

Гонцов подумал, что в мире, где сон упразднен за ненадобностью, у людей столько свободного времени, что им грешно ограничивать себя одной профессией и не проявлять свой творческий дух в самых разнообразных направлениях.

— Конечно, это дает более широкий взгляд на вещи, — пробормотал он, — делает жизнь полнее, красочнее. Я бы, например, выбрал, помимо физиологии, также живопись.

—По-новому, это вы...

— У живописца должен быть вкус, — пошутил садовник. — А вы здешний, по-видимому, старожил, видите каждый день эти клумбы и до сих пор не догадались, что кусты надо пересадить вот так...

— Значит, ваш дом далеко отсюда? — спросил Гонцов, проверяя ход своих мыслей.

Садовник тотчас уловил скрытое значение вопроса.

— О, в этом смысле мой дом — всюду, так же, как и ваш, вероятно, — ответил он с улыбкой. Потом, помолчав, добавил: — Вы, право, задаете смешные вопросы. Вам разве не бывает приятно, когда вы доставляете маленькие радости людям?

Бережно расправив горделивые лепестки красивейшей из роз, он поднялся с колен, чтобы лучше рассмотреть своего странного собеседника.

В разговоре возникла длинная пауза. Садовник сказал неуверенно:

— По-моему, это вы...

Щурясь то на Гонцова, то на памятник, он заговорил тверже:

— Определенно, вы... Победитель Сна!.. Подумать, а я болтаю с вами и ни разу не взглянул на вас, поглощенный своими цветами.

Он суетливо стал собирать инструменты. Затем, вспомнив о чем-то, протянул Гонцову несгибающуюся твердую ладонь:

— В ваше время, кажется, так прощались? — сказал он, улыбаясь. — О, не счищайте землю со своей руки. Моя ведь не чище... Ваш доктор не рассердится за то, что вы помогли мне посадить цветы?

Они разошлись, и уже большое расстояние разделяло их, когда Гонцов услышал, как садовник окликает его, сложив ладони рупором:

— О-гей, Победитель Сна!..

— Что?!

И до Гонцова донеслось ободряющее:

— Вам понравится у нас, Победитель Сна...

Перед нам был фонтан.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новый мир предстал перед Гонцовым безоблачный и белоснежный, на успокоительном зеленом фоне. Богатство оттенков его было неисчерпаемо: от изумруда веселых лужаек до строгой синевы лесов.

Плющ обвивал подножие мраморных колонн, пурпуром и янтарем отсвечивали прозрачные стены, на перекрестках громоздились пестрые пирамиды цветов.

Сплошной благоуханный сад был вокруг.

Город располагался на террасах, пейзаж виден был сразу в нескольких планах. Прямо перед путником сбегала вниз широкими уступами улица. Мостовая была выложена разноцветными плитами. Вдали, между двух холмов, поблескивала вода.

— Зелень, вода, мрамор, — сказал вслух Гонцов, разнимая пейзаж на его составные части, и усмехнулся милому кокетству города, который, казалось, безуста-ли любовался собой в зеркале бесчисленных каналов.

Не было лучше отдыха для Гонцова, чем бродить одному по площадям и улицам незнакомого города.

Будучи предоставлен самому себе, он был совершенно счастлив и почти не замечал времени.

Солнце уже зашло, от лесных массивов поползли на город сумерки.

Он слышал совсем близко журчание и плеск воды. Несколько капель упало на его лицо. Он поднял голову. Перед ним был фонтан.

Мимо, обгоняя его, взбежала по выщербленным ступенькам группа молодежи.

Ветер сносил брызги фонтана в сторону. Улыбаясь, Гонцов поднялся вслед за молодежью туда, где в позеленевшей, покрытой мхом нише стояли высокие гра-

ненные стаканы. Они были наполнены до краев голубоватой искрящейся жидкостью.

— Пожалуйте, вам первому, — сказала молодая девушка в ореоле пушистых волос, подавая Гонцову стакан.

Ее серые милые глаза были приветливы. С огорчением вспоминая, что утром не успел побриться, Гонцов принял стакан из ее рук и вдруг услышал за спиной задыхающийся, но бодрый попрежнему голос:

— Вам давно уже пора пить Концентрат. Можно ли так запускать лечение? Я уверен, что вы не пили Концентрат с того времени, как ушли из больницы.

Сзади стоял Федотов.

— Я ищу вас по всему городу, — продолжал он ворчливо, завладевая своим пациентом и с осторожностью сводя его по ступенькам. — Как вы неосторожны, дорогой Гонцов. Ну, долго ли заболеть, когда организм так ослаблен...

Он выговаривал Гонцову и журил его все время, пока Гонцов не сказал, засмеявшись:

— Милый мой доктор, вы забываете, что я тоже врач. Я очень верю в психический фактор. Радость тонизирует нервную систему, понимаете ли? Как могу я заболеть, когда я так счастлив сейчас?

И с этими словами они вошли под своды большого зала, откуда должна была начаться радиопередача.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Стены этого зала были заняты большими экранами.

Гонцов взошел на трибуну, где стоял будничного вида столик.

Ударил три раза гонг.

И тотчас стена перед трибуной преобразилась. Площадь у входа в аллею фонтанов открылась Гонцову.

Вдали подпирал звездное небо изломанный строй кипарисов. Столбы воды сверкали под лучами прожекторов. А на переднем плане, на ступенях лестниц, у подножья колонн, были видны внимательные, напряженные взволнованные лица.

Головы вдруг задвигались, поднялись в приветственном жесте руки, и до Гонцова донесся глухой, нарастающий гул. Собравшаяся на площади толпа увидела его.

— Начинайте, — шепнул кто-то сбоку.

Гонцов оперся пальцами на столик, как делал всегда, когда читал в университете. Он не подыскивал слов, не жестикулировал, он думал вслух.

— Друзья! — заговорил он медленно. — Мало кто из нас знает, что у меня был предшественник. Писатель, прославившийся своими фантастическими романами, заставил в одном из них prospать героя двести лет. За это время небольшое состояние героя, отданное в рост, неимоверно увеличилось, и он, к своему удивлению, проснулся миллиардером. Впрочем, оказалось, что он всего лишь марионетка в руках людей, фактически владевших его богатством. От нечего делать научившись управлять самолетом, герой на последней странице эффектно покончил самоубийством в воздухе.

Почему я вспомнил этот, прочитанный много лет, назад роман? Потому, что кое в чем напрашивается аналогия. Если рискнуть и назвать скромным научным состоянием те отрывочные догадки и мысли, которые я высказывал в свое время, то как разрослось это состояние теперь, благодаря моим многочисленным ученикам и продолжателям! Учение о природе сна и усовершенствованный Концентрат Сна стали подлинным богатством, причем принадлежит оно, к моей радости, не одному человеку, а всему освобожденному человечеству!

Гонцов помолчал, наклонив голову и пережидая, пока утихнут аплодисменты.

— Мир изменился с того времени, как я не был в нем, — продолжал он задумчиво. — Он сделался прекраснее во сто крат. Вы не имеете возможности наглядно сравнивать и просто не представляете, как он прекрасен. Все силы разума и сердца направлены на улучшение и украшение человеческой жизни, на борьбу с непокорной косной природой. И первое место в этом мире по праву принадлежит ученым, дерзким новаторам, исследователям и преобразователям вещей!

— Таким, как вы, Победитель Сна! — раздался восторженный голос из толпы.

Гонцов поднял руку, как бы защищаясь от незаслуженных похвал.

— Еще в мое время, — сказал он, улыбаясь, — было немало чудаков, которые боялись, что в коммунистическом обществе людям станет скучно. Они предполагали, что вы — люди коммунистического общества — будете жить в казармах и числиться за номерами. Кроме того, чудаки утверждали, что если исчезнет нужда, то замрет прогресс. Изнеженность и лень купающихся в изобилии людей погубят их, и они покатаются

вспять, к варварству... Ну, вот вы и засмеялись! Славно ж вы смеетесь, друзья!..

Шутка о казармах и номерах была понята и воспринята хорошо.

Потом над затихающим в последних рядах смехом поднялся чей-то спокойный, уверенный голос:

— Включите Гренландию, — потребовал голос. — Пусть гренландские геологи расскажут Победителю Сна, как снова зазеленела ледяная пустыня. Ведь это, пожалуй, одно из прекраснейших дел последнего десятилетия.

Толпа подкрепила предложение одобрительным гулом.

Вид площади с чернеющей на ней громадой людей стал тогда тускнеть и расплываться. Контуры чего-то нового, смутные краски, неясные детали медленно проступали на экране перед Гонцовым. Вскоре звездное небо совсем исчезло, и на его месте закачались величавые складки северного сияния.

У подножия поросшего лесом плато на гранитной набережной толпился народ.

От одной из групп отделился невысокий человек и шагнул к Гонцову.

— Гренландия, — сказал он тоном лектора, — была, как вам известно, последним на земном шаре, уцелевшим с незапамятных времен ледником...

Но подо льдом лежал клад. Земли Гренландии тайли в себе богатейшие угольные залежи.

Разрозненные попытки капиталистов добыть уголь не увенчались успехом. Надо было прежде растопить весь ледник, толщина покрова которого достигала в среднем двух с половиной километров.

А это стало по силам только организованному в одном усилии обществу.

Несколько лет назад ученые предложили зажечь под гренландским ледниковым куполом подземный пожар, чтобы сразу разрешить две задачи: получить энергию угольных пластов в виде газа и вместе с тем освободить Гренландию от льда навсегда.

На ледяном куполе были поставлены мощные трубобуры. По трубам вниз к углю пошел кислород. Электрическая искра зажгла горючие материалы, заложенные внутри центральной шахты, и на огромной глубине вспыхнул пожар.

Удивительные перемены, — рассказывал гренландский геолог, — стали происходить тогда. Над Гренландией, бывшей до этого зоной устойчивых антициклонов, заморосил дождь. Плотная пелена туманов окутала ее.

Люди работали в призрачном свете фонарей и день и ночь. Страшный рев хлеставшей из узких фиордов воды и сталкивавшихся, дробящихся льдин заглушал гудки экскаваторов.

Через полгода обнажилась земля в центральной части Гренландии. Вслед геологам прибыли сюда растениеводы, и над когда-то безжизненным плато зашумела листва. Сейчас, благодаря подогреву снизу, — подземная газификация будет продолжаться еще десятки лет, — явилась возможность выращивать в Гренландии многие растения.

— Но может быть, — закончил гренландский геолог, — вам это покажется менее замечательным, чем предполагающаяся экспедиция в ракетопланах на Марс.

Серьезное лицо рассказчика, пена прибой у ног окружавших его людей, фиолетовые скалы и водопады на заднем плане стали в свою очередь бледнеть, отодвигаться, рассеиваться.

Через несколько мгновений Гонцов уже видел перед собой глубокое узкое ущелье, перепоясанное синей тенью. Присмотревшись к суровому ландшафту, он догадался, что это кратер потухшего вулкана. На дне таких вулканов, читал он где-то, было всегда темно, как в колодце, и в самый солнечный день видны были звезды.

Экран, по-видимому, передвинули в сторону, и Гонцов различил невдалеке длинное, заостренное тело ракеты, подвешенное к сооружению, напоминавшему катапульт. Человек подошел к ракете, встал рядом с ней, и снова потекло размеренное повествование. — Спектральный анализ обнаружил на Марсе присутствие двух новых, неизвестных на земле элементов, свойства которых, однако, были с гениальной точностью предсказаны Менделеевым в его Периодической системе. Физики и химики взволновались. Начались приготовления к экспедиции на Марс на поиски за таинственными элементами.

Посланные вперед в качестве разведчиков ракеты-автоматы без людей достигли далекой цели и благополучно опустились на поверхность Марса. Радиостанция приняла оттуда сигналы автоматических раций. Все было в порядке. Самозаписывающие приборы с обычной исполнительностью отрапортовали на землю о том, какая в месте посадки температура, давление воздуха и так далее.

Путь был расчищен и обследован. За авангардом предполагалось теперь послать главные силы — межзвездный крейсер с людьми.

— Откуда вы говорите сейчас? — спросил Гонцов экран и услышал:

— Наша стартовая площадка устроена вблизи лучшей в мире обсерватории в Кордильерах.

Старт назначен на послезавтра.

Горное ущелье и длинное тело ракеты начали меркнуть, точно в горах выпал снег и стал оседать на них. До Гонцова донеслось, затихая постепенно:

— И все это не может пойти в сравнение с работами Академии Радия, где заняты превращением элементов.

Способность удивляться за этот день значительно притупилась в Гонцове: он встретил, как должное, появление на экране седого и румяного профессора Новака, давешнего своего знакомого, с которым вместе рассаживал розы близ памятника.

— Мы усовершенствовали нейтронную бомбардировку, — сказал профессор Новак, обращая внимание Гонцова на отполированный до блеска шар на четырех эбонитовых колоннах. — Она, кажется, применялась еще в ваше время. Помните мечты средневековых алхимиков, искавших какой-то философский камень, который превращал бы в золото любое вещество? Химера, не правда ли? Но мы с помощью незаряженных частиц атомного ядра — нейтронов — научились не только превращать элементы, но воссоздавать новые, не встречающиеся в природе!

Самые драгоценные в мире вещества — радиоактивные. Если я не ошибаюсь, в ваше время грамм радия стоил полтора-два миллиона рублей. На всем земном шаре в немногочисленных тогда научных институтах могли бы наскрести не более килограмма радия. Ну, а мы теперь изготавливаем эти радиоактивные вещества на химических заводах.

Все труднее было Гонцову улавливать смысл объяснений. Порой в сознании возникали провалы, точно профессор вставлял целые фразы на незнакомом языке. Все чаще приходилось перебрасывать через эти провалы мосты воображения.

Гонцов двигался по ним все выше и выше, и голоса ученых XXI века сопровождали его в этом головокружительном восхождении.

Профессор говорил:

— Мы используем космические лучи... энергетический буксир далеких звезд... работаем над тем, чтобы поставить энергию звездной пыли на службу человечеству...

Голос смолк. Снова аспидно-черный экран был перед Гонцовым, и блески, похожие на бенгальские огни, пробегали по экрану.

Федотов помог Гонцову сойти с трибуны.

— Вы устали, — говорил он. — Столько впечатлений за день! На обратном пути домой мы зайдем на полчаса во Дворец Покоя.

— Но где самолеты? — Гонцов обвел рукой пустое небо. — Я думал, что ослепну от мелькания самолетов в небе. Их нет. Где они?

— На очень большой высоте. Их не видно отсюда и в сильнейший бинокль. Теперешние воздушные трассы проложены в стратосфере, куда не достигает рябь ветров и где стратолеты развивают предельную скорость. Мы пользуемся этим совершенным способом передвижения при полетах на дальние расстояния. Обычно же, в обиходе, нас устраивают мотокрылья — легкие летательные машины.

Гонцов подивился умиротворяющему спокойствию, разлитому вместе с запахом цветов в воздухе. В который раз за прогулку отметил он отсутствие неприятных раздражающих шумов, — не слышно было лязга и скрипа трамваев, автомобильных сирен, свистков, грохота, — и он опять обратился за разъяснениями к Федотову.

— Как, — сказал тот, — разве это случилось не в ваши годы? Да, значит, вы уже не застали Комитетов Тишины...

Комитеты Тишины, обладавшие большими полномочиями, составлялись из инженеров и врачей и в конце XX столетия произвели тщательную сортировку всех городских шумов. А когда в городах воцарилась тишина, с предложением своих услуг выступили композиторы. На расчищенном от сорняков поле, в освобожденном от визга и треска эфире они обязались вырастить сад прекрасных мелодий.

— Прислушайтесь, — сказал собеседник Гонцова.

Слабое дуновение музыки как бы струилось сверху.

Они сидели некоторое время неподвижно. Похоже было, точно ветер стряхивает с ветвей стеклянные капельки росы и те падают вниз с тихим перезвоном.

Мелодический ветер то нарастал порывами, то затихал, подчиняя нервы какому-то внутреннему ритму радости. Гонцову вспомнилось вдруг печальное изречение Паскаля: «Люди никогда не живут настоящим, а только прошедшим или будущим». Вздор! Ощущение реальности всего происходящего, — и доброе лицо его собеседника с широко расставленными выпуклыми глазами, и раскаленный диск солнца, падающий за холмы, — было счастьем, огромным, почти нестерпимым, как нестерпимым бывает яркий свет.

Гонцов зажмурился, потом засмеялся.

— Мне вспомнились описания людей будущего, — сказал он. — Какие страшные, злые шаржи! Люди-головастики в двойных очках и со слуховым рожком, подслеповатые, лысые, сутулые, кривобокие, на хилых, трясущихся ножках! Или люди, выродившиеся в насекомых, разумные пауки с душой убийцы! Или же один

только мозг, дымящийся, как фимиам, на гигантском треножнике-машине!

— Что ж удивительного в этом, — пожал плечами собеседник. — Образы капитализма стояли вокруг писателя, заслоняя от него будущее. Уродливые тени их падали через его плечо на бумагу. На самом деле, как видите, мы совсем другие.

Да, вокруг были очень красивые и очень здоровые люди.

Изменилось ли их телосложение? Шире стали как будто плечи и грудь. Люди ХХI века дышат, подобно горцам, чистейшим воздухом, который часто озонируется искусственными грозами. Спорт, разнообразные игры, гимнастические танцы прочно вошли в быт.

Незаметно они дошли до Дворца Покоя. Перед входом Гонцов произнес:

— В свое время я высказал предположение о том, что нервную систему можно заряжать, как аккумуляторы, электричеством. Я колебался только в выборе лучистой энергии.

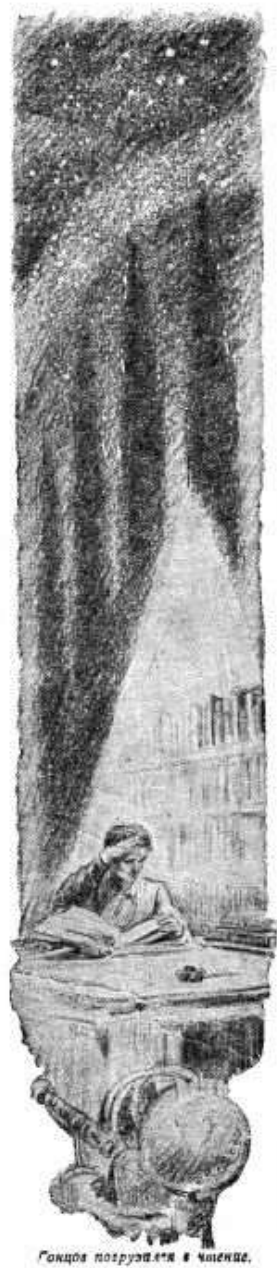
Вскоре Гонцов, совершенно голый, лежал на циновке.

— Расслабьте напряжение мышц и мозга, — напутствовал его Федотов. — Старайтесь не думать ни о чем.

Широко открытые глаза Гонцова были устремлены в потолок.

В прорези между шторами проходил неяркий свет. Он думал вначале, что это свет с улицы, но потом увидел, что цвета меняются, пульсируют. Зеленые, голубоватые, нежно-фиолетовые лучи тянулись к нему со всех сторон, как бы поднимая его на воздух. Ему показалось, что он парит на гребне радуги.

Прошло не очень много времени, и Гонцов почувствовал потребность встать, говорить, двигаться.

Гонцов погружается в чтение.

Нервная система его была точно промыта в этой радужной световой ванне.

— Вы отдыхали пятнадцать минут, — встретил его Федотов в фойе. — Ну как? Не правда ли, прекрасно дополняет ваш Концентрат?

Времени было всего четыре часа ночи. Город продолжал бодрствовать, не затихая ни на минуту. Так же играла музыка, звенел смех, над головой слышался немолчный шелест крыльев легких изящных машин.

Федотов, однако, воспротивился дальнейшему продолжению прогулки.

— Домой, домой, — сказал он неумолимо. — Вы не знаете меры ни в чем, мой друг. Превосходно проведете остаток ночи за книгой, а утром, — я не неволю вас, гуляйте.

Он завалил книгами столик подле кровати Гонцова и распрощался.

Млечный Путь по-прежнему осенял Гонцова своими раскидистыми, припорошенными инеем ветвями. Облитые жемчужным светом, в молчании стыли за прозрачной стеной кипарисы.

Гонцову попалась «Новейшая история человечества», предпоследний том.

1914 год — на полях Марны и Восточной Пруссии закипел бой. 1917-й — знамя Октября взвилось над одной шестой земного шара. 1930, 1935, 1940... Гонцов погрузился в чтение.

Тихо тикали часы на этажерке. Звезды меняли положение. Стеклянная комната, в которой сидел безучастный к окружающему пришелец из XX века, казалось, совершала бесшумный полет во времени.

...Пришедший утром к Гонцову Федотов застал его в довольно растрепанных чувствах.

— Что с вами, милый? — испугался Федотов, пробуя его пульс. — Не захворали ли вы снова?

— Пустяки, не то, — ответил Гонцов. — Просто понял, как ужасно я отстал от вас, людей XXI века. Мои знания совершенно ничтожны. Я, наверное, не смог бы работать сейчас и лаборантом.

Он заходил в волнении по комнате.

— А быть в тягость я не хочу, — говорил он. — И праздношатающимся туристом, зевакой тоже не могу быть. Я хочу работать наравне со всеми. Творить. Создавать. Понятно вам?

И снова, как раньше, на плечо этого вечно мятущегося, беспокойного человека легла успокоительно-твердая, дружеская рука.

— Почему же вы так отчаиваетесь? — спросил внук Федотова. — Учитесь. Нагоняйте.

Он продолжал с привычной рассудительностью:

— Вы очень быстро нагоните пропущенное. Занимайтесь хоть круглые сутки. А мы все поможем вам.

Конец

СОЛЕНАЯ ВОДА

Научно-фантастический рассказ

Журнал «Смена», №5-6, 1940 г.

СОЛЕНАЯ ВОДА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Послышались понуканья погонщика, шорох песка. Голова на раскачивающейся изогнутой шее вынырнула из темноты. «Чок, чок!» — сказал мальчишеский голос, и великолепный верблюд, весь серый от пыли, опустился на колени у веранды. Мальчик помог сойти своему спутнику.

— О — о, Шахир! — воскликнул начальник Южного Берега, поспешно спускаясь с крыльца. — Ну, удивил! А мы с Чепигой гадаем: кто бы это?.. Осторожно, тут ступенька... Порог... Вот так...

Чепига, молодой метеоролог - практикант, придвигал к столу плетеное кресло для гостя, заваривал крепкий чай.

— Позвонил хоть бы по телефону! — укоризненно говорил он. — Прислали бы машину из комбината... В твои годы и в такую даль на верблюде!..

Гость стоял посреди веранды, расправляя легкую седую бороду. Движения его были очень медленны, и голову он держал, запрокинув назад, точно не сводил глаз с бездонного звездного неба.

— Спасибо, доехали хорошо, — сказал он негромко.
— Мы очень спешили с Юсуфом.

Мальчик, внесший следом за ним дутар, закутанный в шелковое покрывало, с готовностью ухмыльнулся.

— Не опоздали, начальник? В Барамбее говорили, что будешь пускать облако завтра на рассвете?

— Ишь ты! — начальник принял из рук Юсуфа инструмент и бережно положил на стол. — На рассвете, да... Видал, Чепига, в песню с тобой, может быть, попадем! — он не удержался и подмигнул лукаво. — Ты бы хоть побрился для такого случая, практикант. Гляди, какой худющий, зарос весь...

— Дадите вы побриться! — отшутился Чепига. — Как же! Минуты свободной нет!.. Гуманистом любите себя только перед посторонними показывать.

Шахир-Кули сидел, рассеянно улыбаясь и стараясь представить, какое это насекомое с таким глухим ритмичным жужжаньем бьется о стекло лампы.

Коричневое лицо Шахир-Кули было очень старо, в глубоких, как шрамы, морщинах, и от этого казалось печальным. Морщинистыми были и веки, почти лишённые ресниц, закрытые наглухо.

Очень давно в стойбища племени тэкэ из Индии занесена была черная оспа. Шахир-Кули ослеп.

Молодость его прошла поэтому у чигиря, водоподъемного колеса, с помощью которого в Средней Азии накачивают воду в арыки.

Он крутил колесо вместе с женщинами и верблюдами. Это труд — тоскливый до безумия, пытка однообразием. Шахир-Кули не сошел с ума, быть может, потому, что научился слагать у чигиря стихи. Впоследствии он сказал об этом в одной из своих песен:

*«Ослепший, брошенный в колодец мрака,
я нашел на дне удивительный бесценный клад —
вдохновенье,
я овладел им и стал сильнее своих мучителей».*

Вначале аккомпанементом ему служили монотонный стук черпаков, подвешенных на цепях, и плеск слетающих в воду капель. Женщины подхватывали повторяющуюся четвертую строку вслед за слепым.

Тогда именно сложены были строфы знаменитого «Вечного Колеса», полные глубочайшей печали и безнадёжности. Вся жизнь человеческая представлялась певцу унылым верченьем чигиря. Зной царил вокруг, и добытая каторжным трудом драгоценная влага падала на поле, принадлежащее другому...

Прошло немного времени, и вслед за «Вечным Колесом» возникли песни о жадном бае, укравшем воду у вдовы, о трех благословенных ручьях, текущих с гор, и многие другие. Слава Шахира росла. Скоро далеко за пределами его оазиса узнали о слепом поэте из Барамбея, сочиняющем свои стихи у чигиря. Песни его пели уже не только тэкэ, но и дюеджи, гоклены, йомуды ¹⁾. Сам сладчайший Кемине отозвался с похвалой о его даровании, сказав, что он «поет о воде, как влюбленный о милой».

Он был желанным гостем на всех празднествах. Он пел в чайханах и караван - сараях, в глухих кишлаках, у кауза - общественного водоема - и на шумных базарах Мерна и Ашхабада. Его слушали, обступив почтительной толпой, стараясь не проронить ни слова, раскачиваясь в такт его песне.

1) *Различные туркменские племена.*

Много лет прошло с той поры... Шахир мало пел теперь, хотя песни были по-прежнему хороши. «Стар стал, болен, — неохотно говорил он, — пусть молодые поют». А близким друзьям признавался с горечью, что привык петь только о грустном, и другие песни не удаются ему.

Он доживал жизнь на покое, почти не выезжая из родного кишлака, где советская власть построила старому поэту дом. Инженеры и метеорологи из комбината бывали там в дни торжеств: старик был приветлив и всегда рад гостям.

— Хорошо, я понимаю насчет облака, — сказал Шахир, усаживаясь в кресло и принимая из рук начальника Южного Берега пиалу с чаем, — но как можешь ты управлять ветром? Откуда ты знаешь, что ветры потащат дождь в нашу сторону?

— Порядок такой в этих местах, — серьезно заметил начальник. — Влияние антипассатов. Ну-ка, практикант, процитируй на память!

Чепига, недавно постигший сам эту премудрость, не отказался от удовольствия щегольнуть перед гостем знаниями, которые радовали его, как обновка.

— Профессор Каминский, ныне покойный, — начал он плавный рассказ, — наблюдая в течение многих лет наземные слои воздуха в средней части Каспийского побережья, заметил, что летом здесь дуют постоянные ветры на юго-восток. Профессор Аполлов («Именами — то как гвоздит!» — многозначительно вздохнул начальник) — установил, что и в более высоких слоях — от одного до пяти километров — происходит то же самое, причем чем выше от земли, тем движение на юго-восток быстрее.

Чепига выдержал паузу.

— Если бы ты, уважаемый Шахир, мог увидеть си-

ноптическую карту... — начал он.

— Я бы все равно ничего не понял в ней, — скромно сказал Шахир - Кули.

— Нет, — ответил Чепига, — ты различил бы там пути, почти такие же неизменные, как караванные тропы в пустыне. Путь ветров от Каспия протекает на юго-восток, запомни это. Вот почему дождевое облако, поднявшись над заливом, будет подхвачено и отнесено именно к Черным Пескам, к Кара-Кумам...

— Фабрикация дождя с доставкой на дом, — ввернул начальник, подливая чай в пиалы.

— ... По такой синоптической карте, если, конечно, карта достаточно подробно составлена, — не удостоив его вниманием, продолжал Чепига, — мы можем предугадывать дальнейшее течение событий. Скажем, ветер движется туда-то и с такой-то скоростью. На пути его преград нет. Подходит это для облака?

— И что сказала карта вчера?

— Начинайте! Обстановка благоприятна. Мы и начали с утра. Слышишь, насосы работают?

Шахир-Кули, склонив голову набок, прислушался. То, что он принял вначале за жужжанье невидимого насекомого, распалось на составные звуки. Он различал теперь хлюпанье струй, шум моторов и характерное почмокивание насосов, втягивающих воду.

В этом было что-то успокоительное. Удивительный механизм был пущен в ход: Шахир с обычной живостью воображения представил себе нечто вроде огромного чигиря, собиравшего воду со дна залива и вздымавшего ее на чудовищную высоту, туда, где начиналась тропа каспийских ветров.

Многое из того, что рассказывал метеоролог, он понимал по-своему, упрощенно и чересчур образно, но суть процесса уловил: дождь добывался из рапы...

После полуночи лекция прервалась, начальника Южного Берега и Чепигу вызвали на главную дамбу: приехала комиссия из Ашхабада.

Старому поэту предложено было вздремнуть до утра. На диване а гостиной сверкали туго накрахмаленные простыни. Но Шахир отказался. «Не засну», — коротко сказал он и попросил, чтобы его с Юсуфом отвели в такое место, откуда видно лучше всего. Его устроили на парапете средней дамбы, спиной к Каспийскому морю, и раскинули на камнях кошмы и ковер.

Юсуфа вскоре сморил сон, отяжелевшая голова в тубетейке упала на плечо Шахира-Кули, и тот переменил позу, чтобы мальчику было удобнее.

Так сидели они, слепой и его внук, ожидая наступления дня. Шумы ночи омывали эту неподвижную, точно изваянную из гранита группу. Донесся издалека крик осла: нерадивый погонщик, наверное, забыл насыпать ему корм. Шелестели пески: ветер из пустыни накатывал их, как волну. Приглушенно звучала из радиорупоров танцевальная музыка, передававшаяся из Москвы.

И над всем этим господствовал немолчный, ритмичный плеск воды. Мощная насосная станция перекачивала воду из седьмого участка обратно в Каспийское море.

Ночи на юге коротки. Юсуф, блаженно посапывавший на плече деда, досматривал, наверное, первый сон, когда Шахир-Кули ощутил, что ночь рассеивается вокруг.

Он знал, что из дымки рассвета появлялись, делаясь все четче и определеннее, белые стандартные дома, шпалы узкоколейки, проложенные прямо на земле, припудренные пылью цветочные клумбы и зеленые

газоны, столбы электропередачи высокого напряжения... Целый город в отсветах и тенях медленно поднимался из тумана перед неподвижно сидящим стариком, как видение из «Тысячи и одной ночи»...

Вблизи сверкнула металлическим блеском вода, чуть заметно колыхаясь в бетонных клетках. Она кажется такой серой, тяжелой, точно это не вода вовсе, а ртуть, живое серебро.

Память Шахира рисовала другую картину: чахлый, гнувшийся под резким ветром кустарник, серую гладь залива и ни одного шатра поблизости, куда ни кинь взгляда. Кочевники объезжали зловещее место стороной. Все пугало здесь. И безлюдье берега, и странная, тяжелая вода, и больше всего скорость, с какой она втекает из моря в залив: уровень Кара-Бугаза почти на метр ниже уровня Каспия.

Недаром залив называется Кара-Бугаз, Чертова Пасть! Она ненасытна, эта пасть. Без роздыха, с пугающей жадностью она втягивает и втягивает в себя воду. И куда исчезает вода, если нет у Кара-Бугаза видимых стоков?

Так возникла легенда о том, что Чертова Пасть бездонна и является воротами в преисподнюю.

Теперь Шахир-Кули, как и все в Туркмении, знает разгадку Чертовой Пасты. Вода уходит не вниз, а вверх. Она испаряется с необычайной быстротой: слишком сух воздух вокруг, пустыня подступила вплотную к берегам. За год растворяется в воздухе слой карабугазской воды почти в полтора метра толщиной. А ведь площадь залива огромна — двадцать тысяч квадратных километров! Целая река, обратившись в газ, бесследно исчезает в голубом мареве над головами людей.

Вода исчезает, остается соль.

И не простая, а драгоценная: мирабилит. Волной ее выбрасывает на берег, груды ее лежат, искрясь на солнце. Нет в мире месторождения солей, равного Кара-Бугазу, и кто не знает о городе химии, возникшем на его берегу?

А совсем недавно в дополнение ко всему было введено еще одно новшество.

Длинная дамба разгородила залив на две части. В северной по-прежнему добывают из рапы соль, в южной, напротив, добывают из рапы пресную воду. Испарением воды из залива стали управлять и ввели его в нужное русло...

Шахир-Кули беспокойно пошевелился. Лицо его обращено к востоку: приближается час утреннего намаза, но сейчас не до молитв. Солнце восходит над пустыней. Точно ласковые, теплые пальцы коснулись лба, пробежали по щекам и пощекотали седую бороду.

— Проснись, Юсуф, — говорит Шахир, расталкивая мальчика. — Проснись! Пора!

Юсуф зевает, трет слипающиеся глаза и поднимается с ковра.

— Ну! Ну же, Юсуф! Что ты видишь, говори!

— Клубы пара, — начинает Юсуф, — вижу клубы пара, туман...

— Так, понимаю, туман, — повторяет за ним Шахир.

— Стелется над водой, делается гуще, — сейчас совсем белый, — поднимается вверх...

— Нет, подожди. Я еще плохо представил себе это... Как он выглядит? С чем его можно сравнить?

Клубы пара над заливом напоминают дым, который стелется над кострами в степи. Шахир угадывает это из сбивчивых объяснений внука.

— Хорошо. Я запомнил. А солнце? Опиши мне солнце теперь...

Туман становится пестрым, весь в радужных пятнах-узорах. Уже и солнце скрылось в тумане.

Все происходит в точности так, как описывал Чепига. Насосы сделали за сутки свою работу. С предназначенного к испарению участка снят был верхний, защитный слой. Обнажился пласт горячей рапы. За ночь песок пустыни остыл, и его холодное дыхание коснулось воды — началось стремительное испарение...

План воссоздать дождь из рапы возник в Молла - Кара.

Шахир бывал там: тихая станция в ста километрах восточнее Красноводска, грязевой курорт на берегу Каспийского моря. В те далекие времена, когда полноводная Аму-Дарья впадала в Каспийское, а не в Аральское море, здесь было ее устье. Сейчас от него осталась лагуна, отгороженная от моря узкой косой, мелкая, до трех метров глубиной, полная рапы и целебной грязи.

Профессор Молчанов приезжал сюда как-то из Ташкента описывать климат курорта и измерял зимой в лагуне температуру рапы. Лагуна была затянута тонкой коростой льда. Профессор сделал прорубь и опустил термометр на двадцать сантиметров. Термометр показал восемь градусов тепла. Профессор удивился и опустил термометр еще глубже, почти до дна, на 1,2 метра. Там было двадцать четыре градуса — это зимой, в морозы!

Разгадка была в том, что за лето солнце прогрело соленую воду, а от испарения и охлаждения ее предохранил верхний пресный слой. Подземные грунтовые воды, впадающие в лагуну, пресны, поэтому легче рапы, насыщенной солью, и располагаются над нею, у самой поверхности. Сверху — лед, снизу — тепло — вот удивительная особенность лагуны в Молла-Кара! Тепло сберегается в этом «термосе» всю зиму.

Инженеры - энергетики задумали соорудить такой «термос» в искусственных условиях. Лагуна в Молла - Кара слишком мала, промышленный эффект от нее был бы незначителен. Взоры обратились к Чертовой Пасти. Что можно найти лучше Кара - Бугаза? Рапа густая, в 20 раз более концентрированная, чем вода Каспийского моря. Площадь испарения огромна. Глубина залива невелика, в среднем всего четыре — пять метров, значит, прогрев будет достаточным.

Но откуда взять пресную воду в Кара - Бугазе?

Пусть это будет не пресная, а малосоленая — по сравнению с рапой — вода Каспийского моря. Она достаточно хорошо будет защищать рапу от испарения.

На дамбе поставили тогда насосы. Сначала воду перекачивают из моря в залив и наливают ее тонким — до полуметра — слоем в разгороженные участки. Кладовые солнечной энергии закрыты наглухо, тепло накапливается. Участки выдерживаются так около месяца. Когда температура рапы под защитным слоем достигнет семидесяти градусов, наступает время отомкнуть кладовые.

Выждав благоприятную синоптическую обстановку — в зависимости от того, куда «заадресован» дождь, — насосы пускают вновь. Теперь они отсасывают защитный слой с очередного участка. Над ним начинается облако пара. Поднявшись на большую высоту, оно отправляется в далекое путешествие по указанному ему пути.

— Что видишь ты впереди, Юсуф? — продолжает Шахир-Кули. — Тучи? Дождь?

— Все закрыто туманом.

— Оглянись, Юсуф. Что там, за спиной?

— За спиной у нас светло по-прежнему.

Юсуф удивлен. Он никогда не видел такого: день раскололся надвое. Граница между ненастьем и ясной погодой — дамба, на которой они сидели.

— Эгей!

— Кому ты кричишь, Юсуф?

— Верховой проскакал с той стороны залива. Он не слышал меня. Круп его лошади лоснится, и плащ почернел от воды...

Юсуфу приходится теперь закидывать голову, чтобы рассмотреть верхушку облака, так высоко оно поднялось. Верхушка раздувается, как голова гриба. Сейчас она расщепилась, точно от толчка.

Шахир-Кули понимающе кивает головой. И об этом его предупреждал Чепига.

— Облако ткнется в потолок, объяснял он. — Там теплый воздух, его выносит из пустыни к морю... Они начнут теснить друг друга...

Раскат грома прокатился над заливом.

Юсуф поморщился от боли: с такой силой сжали его плечо пальцы деда. Снова раскат, дробный треск. Стена тумана раскололась. Несколько огненных трещин прошло по ней сверху донизу.

— Я понял, Юсуф. Молнии?

Верхушка облака похожа теперь на наковальню. Невидимые молоты бьют по ней, высекая искру за искрой. Каскад молний струится вниз.

Юсуф кричит что-то в ухо деду. Нет, не слышно ничего: ведь они у самого подножья наковальни.

С грохотом и ревом облако, поднявшееся над заливом, пробило, наконец, теплую преграду и продолжает подниматься, делаясь все более грозным и темным...

— Что делается дальше с облаком, Юсуф?

— Это — уже не облако. Оно черное. Это туча теперь...

— Назови его хоть легионом туч, маленький педант, — раздался сзади веселый голос начальника Южного Берега. — К какой точности выражений приучил ты, уважаемый Шахир, своего поводыря! Ну, как вам нравится спектакль? Феерия, черт бы ее побрал! Я на ногах третьи сутки, рубашка мокрая от пота, хоть выжми. Подвинься, Юсуф, я сяду на кошму... Жаль, что вы не могли быть одновременно в двух местах. С берега видно, что туман отклонился и тучи поплыли на восток. Такая суматоха теперь на высоте в две - три тысячи метров, не хотел бы я быть там... Но ты устал, Шахир - Кули? Ведь ты не отдыхал совсем.

— А час полудня миновал?

— Давно. Сейчас три...

— Спасибо, начальник, я досижу до конца.

— До конца? Ого! Так будет продолжаться больше суток. Ночью над западной частью Кара-Кумов замелькают зарницы... Завтра испарение начнет уменьшаться... Последнее облако, оторвавшись от воды, растает в небе... Тогда мы снова покроем морской водой «выбранный» пласт и оставим прогреваться на месяц. Настанет очередь следующего участка.

Туча наткнулась на новый слой теплого воздуха. Опять загрохотал гром, перекатываясь по дюнам. Верткие молнии снова замелькали в тумане. Юсуфу, не спускавшему с них глаз, представилось, что они шипят, как спички, брошенные в воду.

Шахир-Кули выждал, пока гром затих, и сказал задумчиво:

— Слышал ли ты, начальник, пословицу: «Напоил жаждущего рапой»? Раньше в ней был насмешливый смысл. Разве соленой водой утолишь жажду?! И вот вы отжали из рапы и пословицы соль. Воистину Кара-Бугаз напоит пустыню... Хотел бы я дожить до времени, когда мои Кара-Кумы зацветут!

— Тебе недолго ждать, Шахир. Два — три дождливых лета — и Барамбей станет неузнаваемым.

— Сады? Зелень?

— Очень много зелени! Высокая трава. Пышные цветы. В ваших местах ведь были сады. Очень давно: сотни лет назад.

— Ты вспомнил о времени, когда высохший ныне Узбой был ложем Аму-Дарьи?

— Да. Теперь Каспийское море возвратит вам свой долг. Только путь новой реки пройдет не в песках, а в воздухе...

Шахир - Кули устало улыбнулся. Он выглядел очень вялым и говорил все медленнее и тише, с длинными

паузами, точно погружаясь в дремоту:

— Есть старая сказка, начальник, о любопытном ифрите, который через каждые пятьсот лет приходил в одно и то же место и каждый раз видел новую картину. То цветущий город и дворцы. То на развалинах их траву и кустарники. То курганы дюн, желтую гладь пустыни. И всегда на вопрос, что было здесь раньше, местные жители с удивлением отвечали, что так было от начала веков, и ифрит смеялся над их короткой памятью... Природе требовались сотни лет, а вам, держащим бури в своей горсти, надо только два — три года. Мой язык слишком беден для похвал тебе, начальник!..

Он умолк и сидел неподвижно. Начальник Южного Берега молча курил, считая, что слепой заснул.

Но Шахир-Кули отчетливо видел сейчас перед собой родной кишлак и толпы колхозников, стоящих на полях, у пересохших арыков. Грозовые тучи невиданная редкость в этих местах — обложили весь горизонт. Они надвигались с северо-запада, со стороны далекого Кара-Бугаза, как было обещано.

Не может быть, чтобы долгожданный дождь прошел стороной. В воздухе чувствуется уже его запах. Непередаваемый запах влаги, свежий, бодрящий, заставляющий сердце трепетать и ноздри раздвигаться!

Лица колхозников коричневы от загара и пыли. Недоверчивая улыбка проступает в уголках рта.

Ждут.

И вот точно вздох пронесся над толпой, зашуршала трава, взметнулись вихри придорожной пыли. Что-то влажное упало на ресницы. Еще и еще!

Веселый гомон. Смех детей. Звонкие голоса женщин. Ручьи понеслись взапуски. Капли колотят по крышам вовсю.

*...Ладони Абдаллы раскрыты и подняты вверх, будто он
пробует, настоящий ли это дождь, и не может поверить.*

Окликая друг друга, закрываясь рукавами, колхозники разбегаются по домам. Им приходится перепрыгивать через арыки: пенясь, вода хлещет поверху.

Один старый Абдалла, ровесник Шахира, медленно бредет посредине улицы.

Ветер треплет его седые волосы. Ладони его раскрыты и подняты вверх, будто он пробует, настоящий ли это дождь, и не может поверить.

— Дождь, Абдалла! Да какой дождь! Ливень!

— В Барамбее дождь, товарищ начальник, — раздаётся голос Чепига. Он запыхался, шумно переводит дыхание. — Только что разговаривал по телефону с Барамбеем!

— Тише, не ори так, — говорит начальник Южного Берега. — Ты обеспокоишь нашего гостя.

Но Шахир-Кули уже не слышит их. Лицо его стало строгим, кажется, что кожа обтянула его угловатые скулы еще туже. Потрескавшиеся от зноя губы шевелятся.

— Сады, увядшие без вод, — бормочет Шахир про себя, — земля воды, как бога ждет, над морем облако встает...

— Что с ним, товарищ начальник? — пугается Чепига. — Он бредит, прислушайтесь!

Начальник Южного Берега останавливает его знакам. Он смотрит на тщедушную фигуру в пестром халате, запрокинутое к небу морщинистое лицо, легкую седую бороду, которую треплет ветер, и на память ему приходит прозвище, данное Шахиру одним из его переводчиков: «Гомер пустыни».

— Пойдем, брат, — говорит начальник, беря Чепигу под руку. — Помнишь у Пушкина: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...» Понял? Эх, Чепига, Чепига! Говорил тебе, побрейся: ну, куда

такого небритого в песню!..

Голоса удаляются.

Шахир-Кули остался на дамбе один. Он шарит по ковру и в груди подушек находит дутар.

— И зацвели пески пустынь, — шепчет он, склонив голову к струнам и как бы прислушиваясь к их мерному рокоту, — очнись от дремоты, певец! Глазами земли ты окинь: поля водою залиты...

С каждой новой строфой голос его делается все тверже, увереннее, морщины на лбу разглаживаются. Песня поднимается со дна его души, расправляет крылья и вот уже летит, подхваченная горячим ветром вдохновенья.

— Достоинно славлю я людей, — произносит внятно Шахир, — пославших караван дождей в испепеленный Барамбей, — поля водою залиты...

— Ветрам сказали: вот ваш путь! Сказали туче: смелой будь! И Кара-Кум расправил грудь, — поля водою залиты...

... Так была сложена одна из лучших песен старого певца. Слушая ее, люди улыбались горделиво и подхватывали как припев четвертую строку. Песня затмила славу «Вечного Колеса», обошла весь Туркменистан и стала известна в Афганистане и Индии.

ЗЕМЛЯ САВЧУКА

Научно-фантастическая повесть

Рис. В. Климашина

Журнал «Наша страна», №№ 5,6,7, 1941 г.

МИР ЗАВТРА

Земля Савчука

(Научно-фантастическая повесть)

А. ПЛАТОВ

Вскоре, видимо, я получу возможность более полно обрисовать историю появления на карте этой удивительной страны. Образцы флоры уже высланы с Таймыра, сам Савчук осенью будет в Москве.

Пока же на письменном столе передо мной лежит только несколько любительских фотографий, на которых неясно видны ряды капусты и между ними приземистые деревца, напоминающие мандариновые. На переднем плане застыл человек подле оленьей упряжки. Вдали — не то низкие облака, не то снеговые горы.

Очень жаль, что фотографии не цветные. Контраст между снегом и листьями выглядел бы еще эффектнее.

ГЛАВА I

...Итак, сразу можно было бы начать с зимовки нашего гидрографического судна «Нерпа» или даже с открытия Архипелага Исчезающих Островов. Однако, характер Савчука будет тогда неясен, а моя встреча с ним в горах Бырранга покажется неожиданной. Придется поэтому ненадолго углубиться в прошлое, вспомнив маленький провинциальный город, где мы с Андреем Савчуком провели детство.

...Я вижу себя идущим по улице, слабо освещенной раскачивающимися висячими фонарями. Это — февральский вечер. Снег еще не тает, но уже начал таять.

Ветер дует порывами. Я расстегнул ворот, жадно дышу; побежал бы, — такая беспокойная радость на сердце, — но не подобает шестикласснику бегать по улицам.

То непередаваемое предчувствие счастья, которое испытали, наверно, и вы в свои отроческие годы, нахлынуло на меня в тот вечер с особенной силой. И что особенное случилось со мной? Попалась хорошая книга в библиотеке, да ветер повстречался в пути. До смерти люблю такой вот стремительный, влажный ветер. Пусть бы всю жизнь дул мне в лицо, шумел в парусах над головой, швырял пенистые брызги о борт!..

А книжка, которую я бережно укрыл на груди между пальто и курткой, была изрядно потрепана, и корешок ее разбит, и отдельные листы надорваны. Это-то и привлекло меня к ней. Каждому известно: храбрых солдат узнают по шрамам, интересные книги — по числу недостающих страниц.

Я выхватил книгу из рук мальчика, который принес сдавать ее. Рисунок на обложке был заманчив. Человек

с гребня горы смотрел на лежащую внизу долину. Она покрыта была лесами, а между деревьями поблескивала вдали целая цепь озер и поднимались фонтанчики гейзеров.

Я перелистал книгу...

«Мираж, — шумно перевел дыхание Костяков, — земля привиделась нам. Утром здесь снова будут снег, торосы...».

«Ночь на пороге загадочного мира прошла тревожно. Будто огонек сверкнул в тумане, снова заполнившем впадину. Или это звезда отразилась в озере? Настороженное ухо ловит звуки, доносящиеся снизу. Они приглушены туманом. Путешественники гадают: «Рев зверя, да?.. А это похоже на барабанный бой! Светает...»

— Я беру эту книгу, — вскричал я, оттесняя плечом соперников. — Будьте добры, товарищ библиотекарь... Я давно хотел «Землю Санникова», именно ее...

И я поспешно ушел.

Как близки были мне сейчас тревога и нетерпение путешественников, ждавших утра, чтобы перешагнуть порог открытого ими мира!.. Я не дождался утра. Из потаенного ящика я вытащил свечу, пристроил возле постели и загородил огонек «Алгеброй» Киселева, поставленной стоймя.

Свеча потрескивала, оплывая, страницы шуршали, из соседней комнаты доносились мерный храп, иногда сонное бормотание, — сестра разговаривала во сне. Все это совершалось где-то очень далеко, в другом измерении. Гораздо ближе, совсем рядом со мной слышались охотничьи клики онкилонов, грозный рев мамонтов и ровный голос Горюнова, начальника экспедиции, которая, продвигаясь вглубь острова, методически раскрывала одну тайну за другой...

...Среди неподвижных льдов, далеко за Полярным кругом, лежит земля. Она имеет форму воронки. Внешние склоны ее покрыты снегом, на внутренних зеленеет лес. Чем ниже спускаются путешественники в котловину, тем выше, тем пышнее делаются деревья. Карликовые березы и ольха, робко стлавшиеся по земле, поднимаются, распрямляются, становятся вровень с человеком. Вместо мха под ногами уже шуршит трава, и все чаще мигают в траве неяркие северные цветы.

Здесь — весна в полном разгаре, а на сотни километров южнее, на материке, все утопает еще в глубоких сугробах, и весны ждать месяца два, не меньше.

Разгадка феномена в одном слове — кальдера. Так называются кратеры огромных вулканов. По-испански оно значит котел.

Зеленая долина, замкнутая со всех сторон горами, представляет собой дно кратера. Вулкан потух, но тепло продолжает выделяться, «котел» подогревается снизу, и растения умеренных широт, случайно занесенные на остров, существуют наперекор мертвящему холоду окружающих снегов.

В кальдере спаслись и мамонты, и носороги. Сюда под натиском чукчей отступили онкилоны, обитавшие раньше на побережье Ледовитого океана. Весной на теплый остров прилетают с материка птицы, они летуют здесь и выводят птенцов.

Но почему моряки, проплывая мимо, не видят этого острова? Потому что теплый воздух, поднимаясь из котловины, охлаждается и образует непроницаемую стену туманов. Только в очень ясные дни на горизонте возникает расплывчатое пятно. «Облако...» — говорят моряки и разочарованно опускают бинокли...

Я закрыл книгу, когда свеча совсем догорела, на сером фоне проступили черные перекладыны окна, а за

стеной зашумел примус.

Андрей Савчук был моим соседом по парте. Глядя на его большую, стриженную под машинку голову, доброе, толстое лицо, смешно вздернутый нос, я чувствовал, что бессовестно томить его и откладывать рассказ об острове до большой перемены. Я сделал условный знак и выдвинул из-под парты растрепанную книжку с загнутыми листами.

— Савчук Андрей! — донеслось до нас, спустя некоторое время, когда мы довольно глубоко уже проникли в кратер потухшего вулкана. — Что известно тебе о квадратных уравнениях, Савчук Андрей?

Мой друг медленно поднялся и застыл, потупясь. О квадратных уравнениях ему не было известно ничего, — поза его говорила сама за себя. Глаза математика остановились на мне, он ласково кивнул. Я вздохнул и тоже поднялся.

Так начало нашего пути к таинственной стране среди льдов озаменовано было первыми искупительными жертвами...

В зеленую страну среди льдов Андрей поверил безоговорочно и сразу.

— Ну, пусть тут роман, придумано, — говорил он, заикаясь от волнения, — но есть ведь такая где-нибудь? Должна быть!..

— Должна!

— О ней может быть в ученых книгах написано. Может быть, видел ее кто-нибудь, но не дошел. Ее, знаешь, и открыть могли, а потом забыли дорогу к ней. Или так... Многие погибли в Арктике... Пропали без вести, да?... И вот кто-то спасся, добрал до зеленого острова... Он и сейчас там живет... Не может выбраться на материк... Болен, ранен... Радио, понимаешь, нет...

— Тогда экспедицию на выручку...

— Ну да, экспедицию... И мы находим его... Ладно?..

...Наиболее длительную остановку на пути мы сделали в Гренландии. Мы интересовались ею больше года, прочли о ней все, что могли достать, и подумывали всерьез, не она ли и есть наша желанная страна.

В те дни папанинскую льдину несло через бурное Гренландское море. Далеко на западе папанинцы видели зазубрины скал Скорзби-Сунда, знаменитого своими горячими источниками, которые бьют в непосредственном соседстве с материковым льдом. Мы прочли об этом в газетной заметке, и Гренландия, странная судьба которой загипнотизировала не одного мечтателя, втянула и нас в орбиту своего очарования.

Гренландия, Грюнланд — в самом названии заключена была тайна... Грюнланд по-норвежски Зеленая Страна. Но ведь на карте Гренландия закрашена однообразным белым цветом? Белый цвет означает снег, льды и неисследованные места. Но миллионы лет назад здесь росли великаны — секвойя, лавр, магнолия, виноградная лоза, плющ и пальмы. Потом наступил период оледенения, сковавшего всю Северную Европу и Азию. Он закончился, и льды отступили к полюсу, оставив у материка один неприступный бастион — гренландский ледник и лишь отчасти льды Новой и Северной Земель.

Помимо других причин, лед застаивается в Гренландии оттого, что центральная часть ее поверхности имеет форму чаши. У берегов края ее приподняты, центр вдавлен. Переполнив чашу, лед стекает в море, рождая айсберги.

Гренландия выглядит сейчас мертвенно, печально, остров, одетый погребальным саваном, — Белая Сахара, как назвал ее знаменитый геофизик Вегенер. Но в снежной пустыне приютился своеобразный оазис. На

самой северной оконечности Гренландии, в непосредственной близости к полюсу, между 80-й и 85-й параллелями лежит земля Пири.

Описание этой земли мы знали почти наизусть.

...После долгих странствий по ледяному гренландскому плато Роберт Пири вышел, наконец, к месту, где лед обрывался. Перед удивленным путешественником открылось обширное холмистое пространство. Над цветами в густой траве порхали бабочки.

Пири закрыл глаза. Ему показалось, что он грезит. Бабочки вблизи полюса!

Но наваждение не пропадало. Шумя крыльями, пронеслось несколько птиц и опустилось на траву вблизи Пири, ничуть не тревожась его присутствием. Это было похоже на заколдованный сад, обнесенный широким барьером льдов, надежно укрытый от людей...

Что вызвало такие удивительные изменения климата в этом месте? Почему эскимосы, побывавшие здесь задолго до Пири, видели только снег и редкий мох?

Много лет спустя Андрей Савчук нашел решение этой загадки, причем в местах, отстоявших от Гренландии на десятки тысяч километров, совсем на другом конце Арктики. Но в детстве мы связывали возникновение оазиса на севере Гренландии с действием вулканов.

Подземный жар и вечные льды, — в этом контрасте было что-то необычайно привлекательное для юного воображения.

Вулкан! Действующий или потухающий, он преобразовывал вокруг природу и волшебным образом менял суровый арктический климат.

...Мы стояли, скрестив руки на груди, как капитан Гаттерас...

Мы знали, что ряд островов в Арктике сформирован из вулканических пород. В Исландии, на Аляске и Камчатке вулканы действуют и до сих пор. Над Ключевской сопкой, над Геклой, над вулканом Врангеля^[1]

[1] Вулкан Врангеля - крупнейший на Аляске вулкан - 4900 м.

над их величественными снежными куполами в морозном воздухе вьются зловещие дымки.

Придуманый остров онкилонов, чем дольше рылись мы в книгах и картах, выглядел все более правдоподобным, реальным и заманчивым.

На Аляске, под 61-м градусом северной широты, мы разыскали район, где, по свидетельству орнитологов, водились птички, близкие к роду колибри. Рядом, на Чукотском полуострове, очень сходном по геологическому строению с Аляской, мы наткнулись на мысе Чаплина на горячие источники, бывшие из-под снега, такие же точно, как и в Скорзби-Сунде.

— И вот н-н-наступит день, — говорил Андрей с пафосом, который производил забавное впечатление при его спотыкающейся речи, — наступит день, когда мы также поднимемся с тобой на г-г-гребень горы, а перед нами внизу раскроется з-з-зеленая долина!..

Он затевал разговор об этом обычно во время наших лыжных прогулок. В пригородной роще был у нас любимый уголок, живописный и крутой яр, такой глубокий, что даже в апреле на дне его залеживался снег. Хорошо было постоять над яром, выпрямившись и скрестив руки на груди, как по нашим представлениям стояли капитан Гаттерас, Горюнов и Пири. Потом ухнуть и, согнув колени, ринуться вниз по лыжне, мимо мелькающих берез и елей...

Перечитав биографии знаменитых полярных путешественников, мы придумали целую вереницу испытаний, которые должны были закалить наш характер и здоровье.

То Андрею приходило вдруг в голову, что сон в кровати изнеживает, и он, устроив из ватного одеяла нечто вроде спального мешка, к ужасу родителей перебирался на пол. То, узнав из географических описа-

ний, как страдают путешественники в снегах от жажды (снег не утоляет, а разжигает ее еще больше), я принимался упражнять волю и в течение нескольких дней стойчески отказывался не только от воды, но и от супа...

Не помню, в ту ли зиму, или в следующую, в один из выходных дней я зашел за Андреем, чтобы отправиться на прогулку.

— П-п-помоги мне с картой вот, — сказал Андрей, ползая на четвереньках по полу, на котором лежало несколько склеенных вместе листов бумаги.

Игра вступила, видимо, в новую фазу. На полу валялись цветные карандаши, резинки, линейка, ножницы. Сам хозяин, пытая от усердия, с удивительным проворством передвигался на животе по карте взад и вперед.

Это была карта, нарисованная старательно, но наивно, как рисовали картографы XV, XVI веков: нечто среднее между картиной и картой. Из озер высывали головы рыбы. Над конусообразными горами поднимались завитки дыма, а на берегу прогуливались человечки с мохнатыми щитами и короткими копьями.

— Онкилоны, — пояснил художник.

На мысе, носившем мое имя, средь скал поднимались постройки полярной станции. Дальше, в устье реки Савчука, обозначены были условными крестиками верфи.

Я ухмыльнулся, увидев, что одна названа Горой Анны (Аней звали девочку, в которую мы с Андреем были влюблены одновременно и оба без взаимности).

— А город я думаю разбить вот на этой поляне, — сказал Андрей, и под его уверенным карандашом стали возникать у зеленой опушки леса белые прямоугольники домов.

— Почему же меридианы и параллели не нанес? —
спросил я. — Какие координаты города?

— К-к-координаты пока не известны.

ГЛАВА 2

Вскоре жизнь надолго разобщила нас с Андреем. Он уехал с семьей в Донбасс, в Сталино, учился там и стал горным инженером. В письмах (изредка мы обменивались письмами) я отзывался об избранной им профессии со снисходительностью. С моей точки зрения, мне повезло больше, — я стал гидрографом.

...Все сбывалось, как в счастливом сне.

Гидрографическое судно «Нерпа», на котором мне предстояло работать, должно было пройти по границе материковой отмели северных морей, исправляя отдельные неточности на карте. Конечной целью экспедиции была северо-западная окраина моря Лаптевых, где в океан особенно далеко под водой выдавалась материковая отмель. Места эти, вчерне обследованные седовцами во время дрейфа, по-видимому, сулили еще много неожиданностей для гидрографов. Там же располагался и район гипотетической земли Санникова, о существовании которой больше ста лет спорили ученые. Начальник экспедиции рассчитывал к сентябрю быть уже в районе белого пятна.

Я вышел на палубу. Соленные брызги летят в лицо, крепко покачивает.

Над горизонтом протянулась узкая полоска, что-то вроде неподвижного перистого облака. Это отражение далеких, еще не видных льдов — ледяное небо. Потом повеяло холодом, на волнах закачались зеленовато-белые ледники. Кромка льда была недалеко.

У восточных берегов Земли Франца-Иосифа нам пришлось задержаться, зима надвинулась быстро, быстрее, чем ожидали.

Мы спустились к югу, однако южнее обстановка была также неблагоприятна. С тревогой наблюдали мы, как белесая пленка покрыла море. Зыбь от винтов колебала ее, и она собиралась складками, подобно гофрированной стали.

Все плотнее делались льды вокруг. Вечером 29 сентября справа по борту блеснули огоньки с мыса Челюскин. Утром, поднявшись на палубу, мы увидели, что пролив Вилькицкого, соединяющий Карское море с морем Лаптевых, заперт наглухо льдом.

Нам предстояло зимовать у самой северной оконечности материка, в одной из бухт Таймырского полуострова.

Берег Таймыра выглядел безрадостно: плоская тундра чуть заметно поднималась к югу, сливаясь вдали с туманным небом. Мне вспомнилась характеристика Норденшельда, впервые обогнувшего мыс Челюскин на корабле:

«...местность эта была самой однообразной и пустынной из всех виденных мною на Крайнем Севере».

Однообразной она и осталась, но пустынной ее назвать было уже нельзя. В шести километрах от бухты, где «Нерпа» отдала якорь, поднимались бревенчатые дома станции, отстроенной еще Папаниным.

Все было здесь добротное, прочное, солидно: жилые помещения, научные павильоны, гараж для вездеходов-амфибий, скотные сараи — целый поселок. Только одно неприятно поражало взгляд — пустынная гладь ландшафта: тундра, льды, вода, — ни деревца, ни кустика вблизи зимовки.

И лишь в кают-компании, так по аналогии с кораблем называлась общая комната, где по вечерам собирались все зимовщики, я увидел зелень, которой так недоставало здесь. Широкие листья пальмы-хамеропс

и фикусов глянцевито поблескивали в ярком свете электрических ламп. Увы, то была подделка, искусственные растения в кадках, наполненных не землей, а опилками.

— И на том спасибо, — говорили с улыбкой зимовщики, — зеленый цвет все-таки отдых для глаз. А то ведь выйдешь за порог, — серо да бело все, полярная ночь...

Наступившая ночь, впрочем, показалась мне менее гнетущей, чем я представлял себе.

Это — не крошечная тьма. Нет, на широте мыса Челюскин в самую глухую полярную полночь, то есть в декабре, остается на горизонте, на его южной стороне, слабый отблеск. Метеорологи называют это «краем дня». Похоже, будто солнце, уходя за горизонт, неплотно притворило за собой дверь, оставив узенькую щелку, через которую проникает немного света.

Небо очень ясно, — в полнолуние видно было совсем хорошо, и самолеты, поднимавшие барографы для метеонаблюдений, ежедневно взлетали и садились при самом ограниченном количестве костров на аэродроме.

Физическая работа на воздухе, охота, прогулки на лыжах считались лучшим средством против полярной меланхолии. В большой цене была также шутка. Нигде я не видел, чтобы смеялись так много и охотно, как на этой зимовке.

В ту зиму пищу для острот регулярно подбрасывал Московский центральный телеграф. На самой северной оконечности материка героем дня был Бородавкер.

В адрес мыса летели телеграммы, одна за другой, требовательные, просительные, угрожающие. Бородавкера вызывали в арбитраж, Бородавкера с нетерпением ждали в каких-то учреждениях. Бородавкера по-

нуждали выполнить и то, и это. Но зимовщики мыса Челюскин, при всем желании, ничем не могли помочь. Бородавкер никогда не значился в списках зимовщиков.

Кем был таинственный Бородавкер? Почему его связывали с зимовкой?

Вечерами на этот счет в кают-компании возникали самые фантастические предположения. Соседи-радисты с островов «Комсомольской Правды», с Домашнего, с Оловянного, с Уединения и даже с Хатанги сочувственно запрашивали: «Ну как? Куда опять вашего Бородавкера вызывают?».

Полярная эпопея Бородавкера кончилась внезапно.

— Конечно, Челюскинец, — сказал вдруг гидролог «Нерпы», — в этот день зимовщики обедали у нас на корабле. — Ну, ясно, станция Челюскинец! И как это раньше не пришло нам в голову?..

Хохот тотчас покрыл его слова. Телеграфистки спутили подмосковный поселок Челюскинец, что по Северной железной дороге, с мысом Челюскин, лежащим на рубеже двух арктических морей.

Тайна разъяснилась. Радиограмму начальнику телеграфа придумывали сообщая, вложив в нее весь наличный запас иронии и сарказма... Веселые это все были ребята — радисты, метеорологи, летчики, монтеры, слесаря, вездеходчики. С каждым я мог легко свести дружбу, но подружился с Тынты Куркиным, знаменитым на побережье каюром и промышленником.

Он был немолод уже, темное худое лицо его, казалось, потрескалось, как земля в тундре, — так глубоки и часты были морщины. Но двигался он удивительно быстро, стрелял без промаха и на лыжах обгонял меня без труда.

... Он раскопал мох, лежавший под снегом.

Вездеходчиков — представителей механической тяги — старый каюр не любил. У него были с ними давние счеты. Как-то, когда он отправился в свой обычный обход капканов, один из вездеходчиков выехал ему навстречу, чтобы подвезти груз шкурок. Он думал сделать этим приятное старику. Не тут-то было. Куркин раскричался, затопал ногами:

— Всю тундру мне провонял, — кричал он. — Бензин твой услышит песец, в капкан не пойдет... Теперь капканы надо в другое место переносить...

Собачьи упряжки и вездеходы на Таймыре взаимно дополняли друг друга. Вездеходы поднимают до полутора тонн груза; в крытом балагане на кузове можно расположить и лабораторию, и кухню, и мастерскую. Зато нарты удобнее для разведок в глубь тундры.

Обычно в дальних походах колонну вездеходов сопровождало несколько собакьих упряжек, подобно юрким посыльным судам при флотилии тяжелых кораблей. Куркин при этом из самолюбия старался держаться всегда на полкорпуса впереди вездехода.

Тынты был незаменим как проводник. Он прекрасно ориентировался в однообразной, плоской тундре, угадывая дорогу по совершенно неприметным для других признакам. Однажды при мне он раскопал хореом мох, лежавший под снегом, внимательно рассмотрел его, потом сказал удовлетворенно: «Знаю эту землю. Был здесь летом» — и вывел вездеходы к морю.

— Ты таймырский Кожаный Чулок, — сказал я ему вечером. Мы сидели в его комнате и перевязывали собакам лапы, израненные о фирновый лед, — часть пути пришлось идти проливом. Куркин поднял голову и вынул трубку изо рта. Я описал ему подвиги Кожаного Чулка.

— Нет, — вздохнул он, — я плохой следопыт, знаешь. Под землей глубоко не вижу. Другие видят лучше...

И он рассказал историю каменного меридиана.

В бытность свою на Новой Земле случилось Куркину сопровождать геолога зимовки в поездке в горы. Поездка оказалась несчастливой. Геолог упал, сломал ногу, Куркину пришлось тащить его на себе. На полпути налетела пурга. Отсиживаться было некогда, пробиваться наугад тоже не имело смысла — геолога при падении угораздило разбить компас.

Как определить, где север, где юг, когда вокруг только белая муть?

— Копай землю, Куркин, — сказал тогда геолог. Куркин всмотрелся в него. Не бредит ли он? Геолог повторил приказание.

Вдвоем они принялись быстро копать землю, и дошли до коренных скальных пород. Геологу достаточно было увидеть, как залегают горные пласты, чтобы определить свое местоположение. Ведь Новая Земля представляет собой горный кряж, вытянутый по длине с севера на юг и почти совпадающий с направлением меридиана. А с направлением горного кряжа совпадало и простираение горных пород...

— Это следопыт, — сказал Куркин, — а я что? Я охотник.

...За долгую зиму-ночь мы исходили с Куркиным много километров по берегу, побывали в бухте, где оттаивалась «Вега» Норденшельда, ночевали в домике, построенном спутниками Амундсена.

Сполохи играли на северо-восточной стороне неба. Складки северного сияния колыхались, будто их раздувал едва заметный ветер. Что там, за этим радуж-

ным занавесом, — ворота в сказку или все такой же пустынный безбрежный лед?

Я подолгу простаивал так, опершись на ружье и неотрывно всматриваясь в даль. По ту сторону пролива, в каких-нибудь тридцати пяти милях к северу, начиналась Северная Земля. С мыса Челюскин ее видно только в очень ясную погоду, обычно горы ее задернуты непроницаемой пеленой.

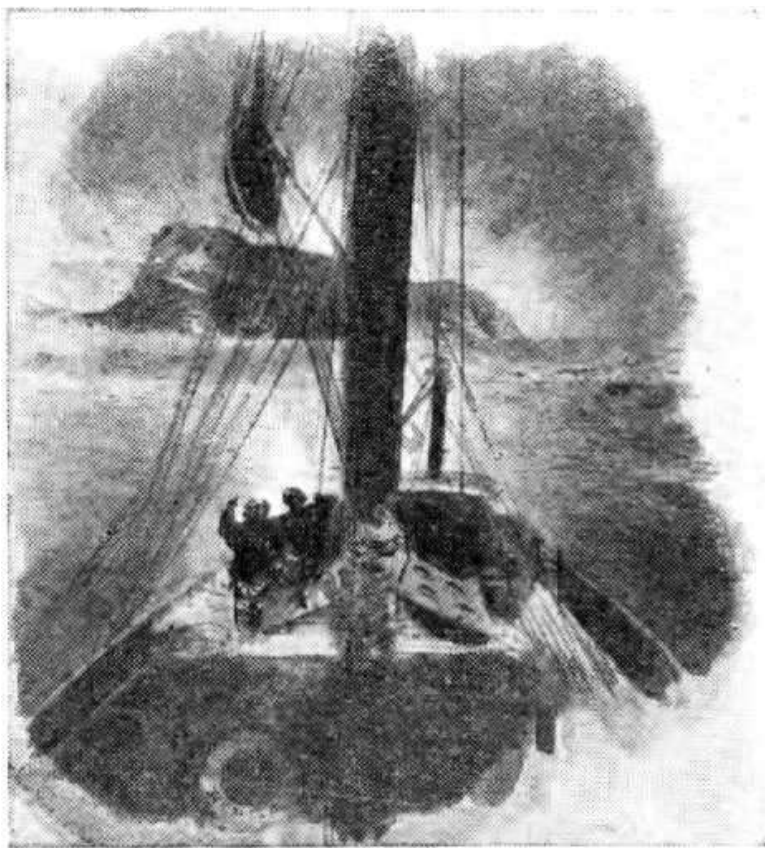
Мысль о Северной Земле с тех пор, как я узнал историю ее открытия, неизменно поддерживала и ободряла меня.

Если уж этот огромный гористый архипелаг, расположенный совсем рядом с материком, открыли так поздно, то что ж удивительного, что не открыта еще Земля Санникова?

Минуло двести лет с тех пор, как штурман Семен Челюскин, участник экспедиции лейтенанта Прончищева, добрался на собаках к мысу, названному впоследствии его именем. Семен Челюскин долго стоял, держа у глаз подозрную трубу и вглядываясь в неспокойное море. Даль затянута была туманом. Туман, туман, — хоть режь его ножом!

В 1878 году Норденшельд подошел к мысу с запада, морем. Туман был таким густым, что моряки, стоявшие на носу, не видели кормы своего судна. «Вега» и «Лена» перекликались гудками, чтобы не наскочить друг на друга. Впереди были льды. Норденшельд стал на зимовку.

На следующее лето, в такой же туман, он обогнул Таймыр и поплыл дальше на восток, не догадываясь, что был всего в нескольких десятках миль от неизвестного архипелага.

В клочьях тумана вырисовывались контуры земли.

Нансен на «Фраме» прошел мимо Северной Земли, оставив ее влево по борту, и не заметил ее.

В 1901 году у мыса Челюскина зимовала экспедиция Толля, отправлявшаяся на поиски Земли Санникова. Толль также не увидел на севере ничего, кроме тумана.

Долгие годы все пространство, занятое в действительности обширной гористой страной, закрашивалось на карте ровной синей краской.

Только Вилькицкий, возвращаясь на «Таймыре» и «Вайгаче» после картографических изысканий на востоке, случайно наткнулся на Северную Землю. Он пытался обойти ее, долго шел на север и вынужден был вернуться, встретившись со льдами, так и не увидев, где же кончается открытый им архипелаг.

По существу вторично открыл Северную Землю Ушаков, заменивший, наконец, четкими линиями на карте прерывистый и неуверенный пунктир...

Теперь, вспоминая о своих размышлениях на правом берегу Таймыра, я представляю тогдашнюю свою позу отчасти как символическую. Я стоял лицом к океану, где клубился туман, и спиной к полуострову, к далеким горам Бырранга.

Тот год, кстати, был необычайно оживленным на полуострове. Значительно западнее нас, в устье реки Нижней Таймыры, зимовала экспедиция, командированная Институтом рыбного хозяйства. Она должна была подняться вверх по реке к озеру, из которого вытекает река, и выяснить возможность организации там рыбного хозяйства. Однако катера экспедиции не смогли преодолеть течение: заупрямилась Таймыра — река бурная и своенравная. Пока меняли конструкцию гребных винтов, подошла зима.

— Поглядели бы, какая река, — оправдывался начальник экспедиции, когда моряки с «Нерпы» принимались его вышучивать. — Течение такой быстроты, что вода не замерзает в некоторых местах. Мчится, сломя голову, в глубоком ущелье. Представляете, — настоящий каньон!

Места в центре Таймыра, по его словам, были глухие, нехоженые, особенно горы Бырранга, перегораживающие полуостров с запада на восток.

— Начнешь спрашивать у географов, кто там бывал, обязательно вспомнят Миддендорфа, — говорил рыбовод с иронической улыбкой, — за сто лет после Миддендорфа там почти не был никто...

Миддендорф, по его мнению, сделал открытие огромной важности, незаслуженно забытое и не разработанное до конца его учениками. Он обнаружил, что нигде на земле лесная растительность не проникает так далеко на север, как на Таймырском полуострове. Высокоствольный хвойный лес в Норвегии близ Альтена считался форпостом лесов в северных широтах. Между тем Альтен лежит всего под 70 градусом северной широты, тогда как Миддендорф на Таймыре наблюдал лес градуса на три севернее.

«Тому должно быть благоприятствуют особые местные обстоятельства», — замечает Миддендорф, но замечает мимоходом, не делая более никаких пояснений.

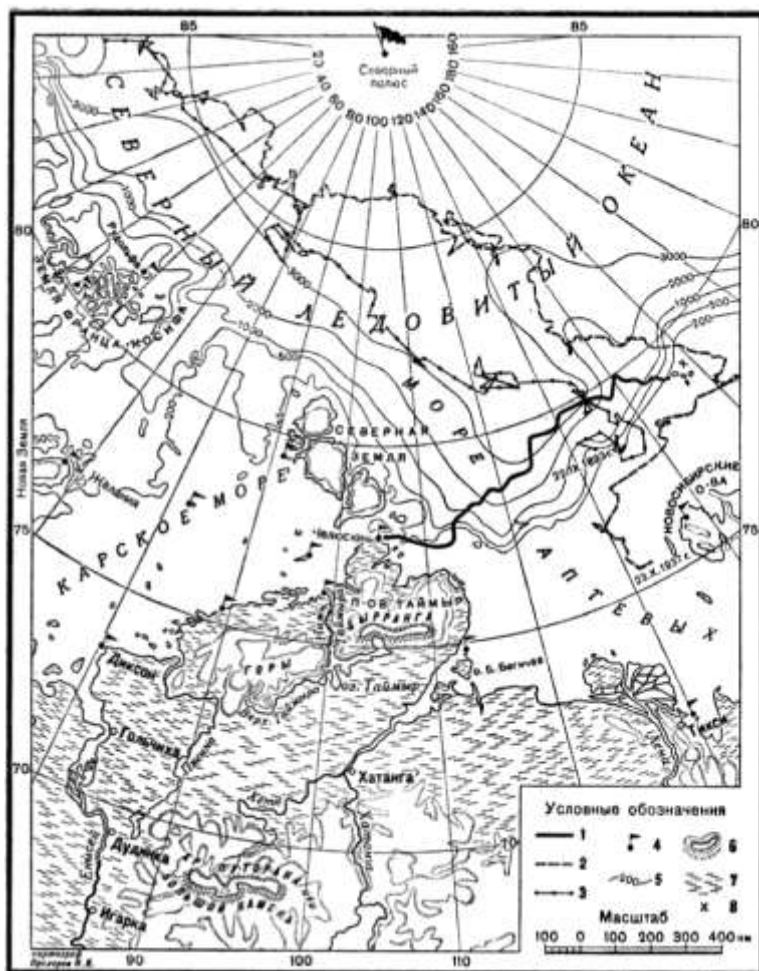
Мне запомнились слова знаменитого географа. Наверное, в другое время и при других обстоятельствах я иначе отнесся бы к этой загадке. Но знакомство с участниками речной экспедиции произошло уже на исходе зимы, когда мы готовились к продолжению нашего плавания.

«Край дня», светлая щель на южной стороне горизонта, имевшая до того зеленовато-желтый оттенок, стала медленно наливаться багрянцем. Солнце приближалось к нашим широтам.

15 февраля долгожданный луч сверкнул над тундрой...

Весной возобновились регулярные рейсы самолетов, и домой со всех зимовок полетели толстые пачки писем. С одним из самолетов я отправил письмо в Москву, где в одном из научно-исследовательских институтов работал Андрей. Я подробно описывал свою первую зимовку, охотничьи подвиги. Упомянул о неисчерпаемых залежах угля на Таймыре. Привел по памяти и слова Миддендорфа об «особых условиях».

Возможно, что в тот день, когда «Нерпа» вышла, наконец, в море Лаптевых, Андрей уже получил мое письмо и, подойдя к карте на стене, с напряженным интересом вглядывался в очертания самой северной оконечности Евразии.

1. Путь гидрографического судна «Нерпа»; 2. Дрейф «Фрама»; 3. Дрейф «Седова»; 4. Полярные станции; 5. Изобаты (в метрах); 6. Горы и возвышенности; 7. Тундра; 8. Архипелаг Исчезающих Островов, открытый героями научно-фантастической повести «Земля Савчука».

ГЛАВА 3

Капитаны не любят моря Лаптевых.

У него плохая репутация и обидные прозвища: «ледяная западня», «ледяной погреб». Течения здесь прихотливы, погода изменчива. На этом участке Великого Северного Морского пути караванам судов приходится бесконечно маневрировать, двигаясь зигзагами, беря то южнее, то севернее, в поисках свободной ото льдов воды.

Тем большее значение приобретают для мореплавателей точные и подробные лоции.

Вначале «Нерпа» двигалась вдоль берега, потом все круче стала забираться к северу. Весь коллектив нашего гидрографического судна, охваченный вдохновением научной работы, жил только «от пробы к пробе», от одной научной гидрологической станции до другой.

...Гидрохимики склоняются над пробирками и колбами. Каждая проба, поднятая батометрами с обследуемого горизонта, подвергается бесчисленным химическим анализам: на кислород, на азот, на кремний, на соли. Важно установить, где берет начало обследуемое течение, какого происхождения его воды — атлантического, арктического или речного?

Гидробиологи, чуть дыша, сортируют пинцетами свой пестрый и богатый улов, сваленный в таз. Рачки-калянусы в пунцовых жилетах, очень маленькие, похожие издали на мелкозернистую икру, шевелят длиннейшими усами. Рядом лежат микроскопические водоросли, они играют большую роль в арктических морях, так как способствуют разрушению льдов, скапливаясь на их поверхности.

Добыча биологов — планктон — также дает представление о характере различных течений. По-гречески планктон значит блуждающий. Вся эта микроскопическая живность не умеет самостоятельно плавать и уносится течением вместе с пластом воды, в который она «вкраплена».

Гидрогеологи сосредоточенно разглядывают пробы грунта, по которым они будут устанавливать зависимость между течениями и расположением отдельных минералов на дне моря. Зависимость эта — самая тесная. Накануне зимовки с помощью карты тяжелых минералов, залегавших на дне пролива Вилькицкого, нам удалось обнаружить новое придонное течение, раньше ускользавшее от внимания исследователей.

Эхолот показывает глубины 54, 41, 70. Пока еще мы идем по краю материковой отмели, и на регистрационной ленте прочерчивается волнообразный, без резких зигзагов след. Таков рельеф дна под килем «Нерпы».

Огромное удовольствие доставляет мне следить за лентой эхолота. В воображении проплывают картины Северной Атлантиды. Название это придумано кем-то из журналистов и как нельзя более удачно, — вся материковая отмель, составляющая дно морей: Баренцева, Карского, Лаптевых и Восточно-Сибирского, была когда-то сушей. Холмы и равнины, над которыми, таща трал, медленно проходит наше судно, являются продолжением берегов Евразии, они затонули много тысячелетий назад.

Происходит как бы качание доски, положенной на упор. Скандинавский полуостров, Гренландия и Шпицберген поднимаются над водой, — примерно на метр в столетие, — а на другом конце доски, в Сибири, земля неотвратимо погружается в воду.

Извилистая линия рельефа постепенно начинает удаляться от края ленты; эхолот отмечает глубины 92, 130, 270 метров и вдруг сразу, рывком — 1542, и вслед за тем 2381.

На горизонте остается слабый отблеск — «край дня»...

Не выходя из каюты на палубу, я могу с уверенностью сказать, что «Нерпа» повернула к северо-востоку, пересекая залив, далеко проникающий в материковую отмель со стороны океана.

Берега древней Евразии были круты и обрывисты; сразу за материковой отмелью начинаются большие глубины.

Несколько дней мы идем над подводным заливом.

Ледовая обстановка этим летом необычайно благоприятствует свободному плаванию в высоких широтах. Тяжелые ледяные поля скопились в юго-восточной части моря Лаптевых, открыв широкий просвет на севере.

«Нерпа» благодаря этому смогла подняться к 80-й параллели и здесь круто повернула на восток.

30 августа над глубиной 3400 метров мы пересекли линию нансеновского дрейфа, и лихорадочное волне-

ние охватило участников экспедиции, — мы вступили в страну миражей, в район гипотетической Земли Санникова.

Не проходит вечера, чтобы в кают-компании, в нашем дискуссионном клубе, не затевались теперь ожесточенные споры.

— Опять суются со своей Землей, — морщатся скептики. — Доказано, ведь: привиделась Земля! Аберрация, рефракция, мало чего... Вон Росс целый горный кряж увидел, ища северо-западный проход. Перед ним пролив был, чистая вода, а ему горы померещились. Так и повернул обратно... Его обман зрения на карту нанесли. Горы Крокера, как же!..

— А Амундсен, Амундсен! Над полюсом недоступности с «Норвегии» вдруг увидел целый архипелаг. Ликование! Щелкают фотоаппараты. Подлетели ближе: архипелага как не бывало. Развеяло ветром вместе с туманом...

— Это что, — вступает третий скептический голос. — Норденшельду остров почудился в тумане. Подплыли в лодке, а это голова моржа на льдине...

— Позвольте, позвольте, — горячатся «санниковцы». — Санников видел две земли одновременно: одну на север, другую на северо-запад от Новосибирских островов. Вторая оказалась на месте. Де-Лонг наткнулся на нее: остров Беннет, пожалуйста! А как же та, что была видна на севере? Ведь он их одновременно видел... Какой же это мираж, согласитесь...

— Мираж, который вдобавок возникает всегда на одном месте... Толль ясно видел гористую землю и также на север от Котельного...

— Насчет гор помолчали бы лучше. Совсем бред... Толль ваш считал, что они высотой до 2225 метров. Каково? Да таких гор и на материке в этой части Сиби-

ри нет. И не могло быть...

— Ну, хорошо, а птицы?

Упоминание о птицах вызывает смех скептиков.

— Внимание! Главный козырь сбрасывают!

— Ну и что же? Попробуйте, объясните с птицами. Нансен, находясь западнее Котельного, видел гаг, летевших на север. Видел? Где они летовали?

— Очень просто. На Беннете.

— Допустим. А как понять записи Толля, найденные на Беннете. Над Беннетом пролетали: морской орел с юга на север, сокол и гуси с севера на юг?

— А вот как! — Наш синоптик, принадлежащий к партии скептиков, прокашливается. — Птицы отправлялись к кромке льда. Там летом полно водорослей, рачков, рыб, масса корму.

— На кромке гнездовать нельзя. Где же они птенцов выводят?

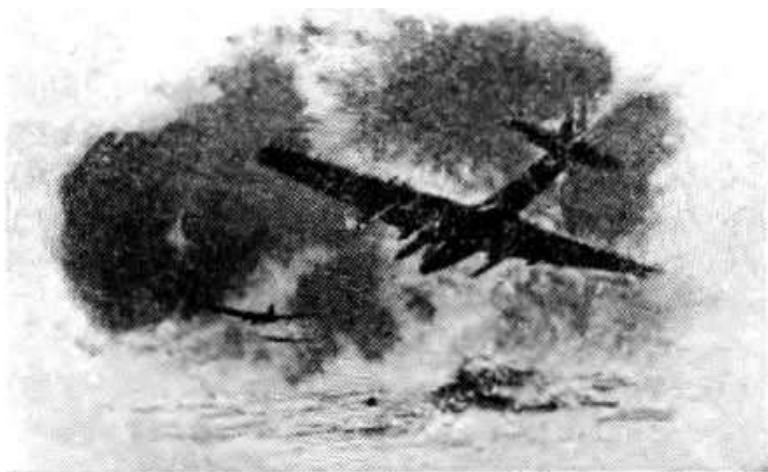
— Ну, знаете! Искать дорогу на остров по воздушному следу птиц...

— Всякий след хорош, если приводит к цели, — парировали мы, — вот ведь Ляхов... Он по следу оленей нашел два южных острова Новосибирского архипелага...

Скептики пожимали плечами.

— Увольте от таких примеров. Если говорить о следах, которые привели к открытию земли, так говорите о морских течениях, о дрейфе льдов... Вы не Ляхова вспомните, а Шиллинга, Литке, Кропоткина, угадавших по дрейфу льдов Землю Франца-Иосифа. Или Визе, который по зигзагам пути брусиловской «Святой Анны» определил: в центре Карского моря должен быть остров! И нашли остров...

Упоминание о дрейфе льдов подливало масла в огонь.

Сколько раз пролетало над этим районом звено Алексеева...

— Мы и о таких следах помним, — торжествовали «санниковцы». — Посмотрите на карту. Направления дрейфов «Фрама» и «Седова» показывают, что между ними, примерно в широтах Земли Санникова, лежит льдораздел — суша. Она оставалась справа от «Фрама» и от «Седова» слева...

— А почему ни Нансен, ни седовцы не увидели ее?

— Полярная ночь! В каком месяце они были там? То-то и оно. В январе. В пяти шагах не видно ни зги.

— Про песцов не забудьте, — раздавался несмелый голос из угла, — песцы ведь прибегали к «Фраму», подкармливались отбросами. А они обычно живут в норках. Значит была поблизости земля?!

«Антисанниковцы» делали новый выпад.

— Вы верите в птиц, — говорили они, — мы — в самолеты. Сколько раз пролетало над этим районом звено Алексеева, когда эвакуировало людей с «Садко», «Малыгина» и «Седова». И что же? Никаких признаков земли!

— Потому что земля севернее и покрыта туманом, — не сдавались мы.

— Нет уж, странная все-таки ваша земля. Еще в прошлом столетии ей везло. Ее видел Санников, ее видели Толль и его проводники. А уж в нашем столетии... — Скептики красноречиво разводили руками.

— Так что же это, по-вашему? Массовая галлюцинация? Или земля под лед нырнула?..

Тут разговор переходил на гипотетические земли вообще, на те появляющиеся и исчезающие на картах острова, против которых стоят две условных буквы «СС» — «существование сомнительно».

Припомнили, конечно, «Большую Землю Копая», показанную на парижской карте 1726 года к западу от острова Врангеля с пометкой: «Сию землю видел шеллагский мужик Копай». Две экспедиции сержанта Андреева в 1763 и 1764 годах, однако, не решили вопроса об этой земле.

Припомнили Землю Джиллиса-Петермана к северо-востоку от Шпицбергена. Ее существование предполагал Баффин, ее видели капитан Джиллис в 1613 году, адмирал Макаров в 1899 году, а в 1925 году Уорслей. Но ни «Красин», ни «Книпович», ни «Персей», ни «Садко» в советские годы не обнаружили признаков ее существования.

Припомнили и остров Ратманов в Беринговом проливе, долго темневший маленькой точкой на карте, и однажды, когда к нему приблизился корабль, бесследно растаявший в воздухе, как дым.

— Да, много хлопот у картографов с этими землями, — задумчиво заметил кто-то, — то наноси, то стирай. Возня!

Тут, понятно, припомнили известный среди гидрографов анекдот. Один из островов Северной Земли был

назван из-за обилия на нем птиц чистиков Островом чистиков. Картографы напутали и обозначили его, как остров Чистякова. Так появился в Арктике новый исследователь, открыватель земель.

А пока в кают-компании звучал мужественный смех и противники изощрались в остроумных аргументах и язвительных шутках, в ушах пишущего эти строки, который, в сознании собственной незначительности, скромно сидел где-то в уголке, звучали слова якута Джугели, проводника Толля.

Спрошенный Толлем, «хочет ли он дойти до земли», — а горы ее в ясную погоду были отчетливо видны с Котельного, — Джугели ответил кратко: «Раз наступить — и умереть!»

— Да, — самозабвенно думал я, — раз наступить — и умереть! Вот девиз исследователя-романтика, открывателя новых земель!

«Нерпа», между тем, лавируя среди льдин, продолжала двигаться на восток. Третий день уже находились мы внутри белого пятна. Признаков земли не было.

Материковая отмель в этом районе необычайно далеко выдается на север. Эхолот показывал очень медленное нарастание глубин.

Первого сентября налетел шторм. Он бушевал несколько дней и расчистил широкое пространство, нечто вроде залива во льдах, и по нему «Нерпа» смогла подняться еще на полтора градуса к северу. Так далеко в этих местах летом и по чистой воде не забиралось еще ни одно судно.

...Эхолот показывает мелководье. Местами линия делает короткие скачки в сторону, это — подводные ухабы, небольшие холмы, одинокие скалы. Вот-вот линия сделает резкий и длинный зигзаг. Я боюсь этого

момента. Это будет означать, что древний берег Сибири круто оборвался и начались уже океанические глубины. Тогда прощай Земля Санникова! Мало вероятно, чтобы за границами отмели могли существовать острова.

Даже скептиков, как ни хорохорятся они, видимо, лихорадит. Они забегают ко мне в рубку, будто невзначай взглядывают на показания эхолота и, чертыхнувшись, убегают по своим делам.

Гидрогеологи еще придирчивее анализируют пробы морского грунта. Он странен. Очень много крупнозернистых, слабоокатанных обломков. Такие обломки оседают обычно вблизи центра разрушения или в зоне холодных течений, для которой характерен зеленый минерал глауконит, но его нет в пробах. Значит?

— Не исключены подводные кряжи или... или надводные острова... — говорят осторожно геологи.

Гидробиологов также раздирают сомнения. Во вчерашнем улове найдены коловратки — мельчайшие, похожие на инфузории организмы. Коловратки населяют прибрежные воды моря. Это доказано неопровержимо. Но вокруг нас расстилается безбрежное море, без всяких признаков суши.

Густая завеса тумана висит на горизонте. Проклятый туман!..

6 сентября меня разбудил на рассвете сосед по каюте.

— Восемь метров! — закричал он, сдергивая с меня одеяло, — вставай же! Слышишь, — эхолот показал восемь метров!

Мы бросились к эхолоту. Линия замерла на восьми метрах, прижавшись почти вплотную к краю ленты. Капитан приказал остановить машины. Продвигаться

в тумане было опасно. Корабль мог наскочить на мель или подводные рифы.

У борта на палубе толпился народ, держа бинокли наготове. Туман, низко клубившийся над водой, медленно рассеивался.

Земля?

Земля! В клочьях тумана все четче вырисовывались контуры неизвестной земли.

Солнце, поднявшись, осветило серый безжизненный купол, покрытый полосами снега. Над северной частью острова туман еще держался, но и там, по видимому, не было ничего, кроме снега и камня.

Шлюпка ткнулась с разгона в прибрежный лед, и наш начальник выпрыгнул на берег. Право первому вступить на вновь открытую землю всегда, по традиции, принадлежит старшему в экспедиции.

В какой-нибудь час с небольшим мы обошли остров. Поверхность купола не была такой гладкой, как нам казалось издали. Она была всхолмлена, бугриста. С нагромождений камня, ослепительно сверкая на солнце, струились водопады, — бесшумно, без плеска,

без пены и брызг. Мы подошли ближе и увидели, что это — висячая наледь.

Я брел, проваливаясь в талом снегу, осматриваясь с чувством тревоги и разочарования. Где же те высокие горные склоны, которые привиделись Толлю и Джугели? Где голубые озера, вскипающие в тесных берегах? Где зеленые поляны и величественные леса, которые так ясно рисовались моему воображению?.. Небо над нами было пасмурно. Прямо в лицо дул колюче-холодный, пронизывающий ветер.

Добравшись до северной оконечности острова, мы в бинокли разглядели еще несколько темных пятен вдали. Подойти к этим дальним островам на шлюпке не удалось из-за стамух — льдин, примерзших ко дну на мелководье. Летчик экспедиции поднялся в воздух. Возвратившись, он доложил, что архипелаг, открытый нами, состоит из четырех островов.

Под сравнительно тонкой коркой земли мы нашли ископаемый лед. Острова поднимались над водой на ледяном пьедестале. Это был реликт древней эпохи великого оледенения, охватившего некогда Европу и почти всю Сибирь.

В науке существуют предположения, высказанные в свое время Э. Толлем, Воллосовичем и другими, что часть материка вместе с покрывавшим ее льдом постепенно погрузилась под воду Ледовитого океана. Спустя много веков начался обратный процесс — поднятие. При этом из части массива образовались острова.

Со временем на поверхности льда образовалась корка грунта и растительного слоя.

В то же время медленно и неотвратимо таяла ледяная основа архипелага. Вода размывала ее, подтачивала, разжижала, ускоряя гибель ледяных островов.

До нашей экспедиции были известны острова с ледяным основанием лишь в сравнительной близости от материка. Это — остров Муостах у устья Лены, острова Семеновский и Васильевский к западу от Новосибирских островов. Наша же экспедиция обнаружила целый архипелаг островов, состоящих из льда и покрытых почвенными наносами, значительно севернее известных до сего времени.

Название вновь открытым землям было подсказано жизнью: Архипелаг Исчезающих Островов. Оно было принято правительством и появилось на картах против четырех точек к северо-западу от острова Генриетта, на $78^{\circ}21'30''$ северной широты и $144^{\circ}15'28''$ восточной долготы по Гринвичу. Местоположение Архипелага было очень выгодно для наблюдений за изменением погоды и передвижением льдов.

Поэтому на одном из островов Архипелага был оставлен «сторожевой пост» — зимовка. В числе трех зимовщиков оказался и я.

ГЛАВА 4

Время отсчитывало уже последние годы жизни тающего Архипелага.

Прошло бы еще лет двадцать, и экспедиция, забравшись в ледяные дебри моря Лаптевых, не обнаружила бы здесь ничего, кроме стамух, торчащих на мелководьи.

История арктических исследований знает подобные примеры. В 1739 году к востоку от Святого Носа Лаптев обнаружил островок и дал ему имя Диомида. Видел его и Шалауров в 1761, но ни Геденштром с Санниковым в 1810, ни лейтенант Анжу в 1823 уже не застали его. Врангель предположил, что остров Диомида был смыт начисто.

Сколько таких эфемерных земель, дразня мореплавателей, возникали на своей непрочной ледяной основе в полосе материковой отмели и исчезали.

На самом материке ископаемый лед был лучше изучен. Он плотно спрессован и залегает в земле пластами. В нем иногда находят трупы мамонтов, свидетельствующие о давности его происхождения. Ископаемый лед пока что встречен только на Новой Земле, в Якутии, в районе к западу от Байкала и на Новосибирских островах. К северу от них находился и Архипелаг Исчезающих Островов, ставший на долгие месяцы «домом» для меня и других зимовщиков.

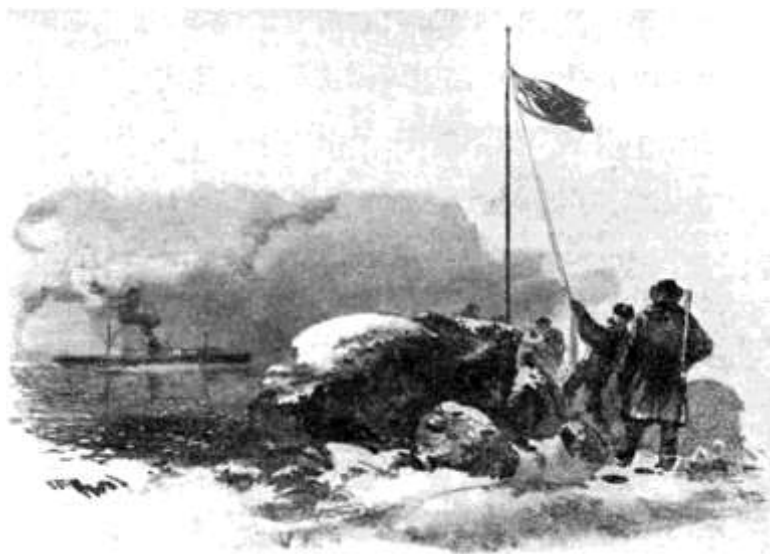
Мы не скоро приноровались к необычайной обстановке этого реликтового мирка.

Жилье наше обогревалось железной печью, пол был устлан войлоком и медвежьими шкурами. Термометр, висевший на стене, показывал 15–17 градусов тепла, но вода, разлитая на полу, сразу же замерзала.

Малейшее нарушение температурного равновесия в мерзлой почве приводило к удивительным, а порой и опасным явлениям.

В начале зимы в центре острова произошло извержение «ледяного вулкана», которое могло окончиться для нас трагически.

В толще вечной мерзлоты очень тесно грунтовыми водам. Снизу — ископаемый лед, сверху — слой мерзлой почвы. Вдобавок, с осени над Архипелагом установливался антициклон. Снег выпал поздно, и лишенная его покрова земля промерзла на еще большую глубину, чем обычно. Вода была стиснута теперь снизу и сверху.

На острове.

Погруженный нами на глубину 13 метров особый прибор показал огромное давление в 70 атмосфер. Наш геофизик тревожно покачивал головой. Можно было ожидать взрыва.

Страшно наблюдать за тем, как под напором почвенных вод вздувается, бугрится, набухает земля. В центре острова среди маленьких бугров образовался курган, который поднимался с каждым днем все выше и достиг 20 метров высоты. Мы зарегистрировали его рост при свете магния маленькой кинамкой^[1]. Установлены были дежурства, чтобы не пропустить момент взрыва. На всякий случай на нарты были погружены аварийные запасы и радиостанция.

Ветер, бушевавший несколько дней, стих, и в ясном морозном воздухе стал слышен зловеющий треск — предвестник взрыва.

Никто из нас не мог заставить себя заснуть. Правда, наш дом отстоял сравнительно далеко от «вулкана», но остров был очень мал, и предугадать силу и последствия будущего извержения было трудно.

Когда раздался, наконец, грохот, мы выбежали наружу.

Темно-синее небо было прозрачно. Льдины еще сыпались на землю, но из развороченной воронки уже хлынула, подобно лаве, вода. Потоки ее, матово отсвечивая в лучах луны, стекали в море, подхватывая и унося за собой осколки льда. Мы любовались этим зрелищем недолго, потому что вода подступила к постройкам станции вплотную, льдины дробно застучали в стены дома. Нам пришлось вооружиться баграми, чтобы в течение нескольких часов защищать постройки от натиска льдин. Один из сараев с припасами вода все же смыла в море, несмотря на все наши усилия.

[1] Кинамо – портативный киноаппарат

Когда непосредственная опасность миновала, мы возвратились к «вулкану». Кратер его был окутан облаком испарений. Вода то поднималась, то спадала в воронке, а вокруг по скату все покрылось уже гладкой ледяной коркой. Ночь была по-прежнему ясной, и мороз, при котором разыгралось это подлинно весеннее буйство воды, достигал 45° .

...Из развороченной воронки хлынула вода...

Нужно было на будущее как-то обезопасить себя от капризов стихии. Нас пугала возможность «ледяных извержений», смещений грунта, трещин, провалов, наледей, — все, чем чревато было пребывание на этом острове. По радио мы снесли с Институтом Мерзловедения в Москве и нам дали совет огородить район станции «подземным ледовым барьером». Мы вырыли ров, направление которого совпадало с направлением господствовавших на острове ветров. Ветры выдували снег, и земля на дне рва промерзала особенно глубоко. К лету стационарные постройки были обнесены наглухо ровом, которому соответствовал невидимый надежный барьер в мерзлом грунте.

У берега гремели обваливающиеся глыбы земли и снега, — остров покорно отдавал дань океану.

Бреющим полетом над крикливым птичьим базаром пронесли самолеты, сделали круг и сели на воду в бухте.

Наш остров превращен был в базу для самолетов, обследовавших полюс недоступности. Безжизненная ледяная пустыня лежала в северо-восточном секторе Арктики между Архипелагом Исчезающих Островов и берегами Аляски, *Mare incognitum* — неизвестное море.

А когда наступила осень, кончились экспедиционная страда и заботы, связанные с летней навигацией, наш коллектив, отказавшись от смены, остался еще на одну зимовку, чтобы обеспечить непрерывность важной научно-исследовательской работы, проводимой в зимние месяцы.

По нашим подсчетам остров терял ежегодно по 40 квадратных метров своей территории. На второе лето самолетам пришлось переменить место стоянки — бухты не было больше, линия берега стала ровной, точно

его срезали ножом. Жилые постройки также пришлось отнести подальше от берега — слишком угрожающей сделалась близость моря. Аэрофотосъемки показывали, как изменились за год очертания Исчезающих Островов. Пройдет еще десять-двадцать лет, и от нашего Архипелага не останется и следа.

На третью весну завезена была на самолетах новая группа зимовщиков, а мы улетели в Тикси.

Мои товарищи задержались в Тикси на несколько дней, а я упросил летчика почтовой авиации, отправлявшегося на Диксон, взять меня с собой. Устроившись в фюзеляже самолета на тюках с почтой, я быстро уснул.

Проснулся я от неприятного ощущения под ложечкой. Самолет кидало из стороны в сторону.

— Потеряли ориентировку, — прокричал мне в ухо бортмеханик. — Туман. Жирокомпас отказал, рация не работает. Попали в магнитную бурю.

Судя по карте, давно должны были появиться вышки Диксона, но в просветах тумана внизу все мелькала серая тундра.

Надвинулась ночь. Горючее было израсходовано. Пилот повел самолет на посадку.

Мы провели ночь у костра, обсуждая свое положение.

Центральная часть Таймыра, по моим сведениям, представляла собой настоящее белое пятно. Кочевья туземцев разбросаны были на огромном расстоянии друг от друга.

Решили: пилоту оставаться у самолета, нам с бортмехаником, ориентируясь по солнцу, идти на запад в поисках людей.

Мы смастерили себе подобие лыж и двинулись в путь.

Шли день, два, три по безграничной снежной пустыне. Солнце показывалось над горизонтом ненадолго, — был еще только март.

На четвертый день мы заметили, что снег сделался рыхлым, лыжи стали проваливаться. В марте в центре Таймырского полуострова началась оттепель! Это показалось нам невероятным. Я помнил по зимовке на Челюскине, что снег там начинал таять лишь в конце мая. Бортмеханик тоже с тревогой поглядывал на небо, по которому быстро неслись темно-серые тяжелые тучи.

Подули теплые, юго-западные ветры, снег превратился в кашу, все вокруг поплыло. Теперь мы продвигались с огромным трудом и мучительно медленно...

От ослепительной белизны снега болели глаза. Временами горизонт заволакивала пелена. Мы оставались и ложились в снег, ожидая, что вот-вот налетит пурга. Все было тихо по-прежнему, горизонт ясен. Вскоре мы поняли, что нас обманывает утомленное зрение.

Перебираясь через лужу талой воды, я остуился и, по-видимому, вывихнул сустав. Теперь я брел, опираясь на палки и волоча за собой больную ногу. От боли кружилась голова, и все чаще я ловил на себе обеспокоенные взгляды своего спутника.

Я плохо помню перипетии нашего странствования: в моем мозгу действительность причудливо смешалась с бредовыми картинками. Как будто бы мы вошли в ущелье, склоны которого были свободны от снега. Потом я увидел траву и не удивился этому, точно это было в порядке вещей. Ущелье сомкнулось, оставив очень узкий проход. Мы прошли через него и вступили в новое. Целая вереница таких ущелий, подобная анфиладе прекрасных зеленых комнат, открывалась впереди.

Мой товарищ что-то взволнованно объяснял мне, куда-то показывал, но я уже не слышал его. Силы мои пришли к концу. Боль в ноге сделалась нестерпимой, и я потерял сознание. Последним моим ощущением было тепло от сладкой жидкости, которую механик насильно вливал мне в рот из своего термоса. Помню, — лицо его было испугано и сердито, он поддерживал мою голову и стеклянным горлышком старался разжать крепко стиснутые зубы...

Через мгновение, — так показалось мне, — я снова открыл глаза. Прямо передо мной белела стена и поблескивали металлические прутья кровати, на которой я лежал.

Я перевел взгляд чуть левее. Там было широко открытое окно, а за окном сад. На подоконнике стоял граненый стакан с ландышем.

- Вам лучше? — спросил женский голос.
- Где я? Да, мне лучше. Меня перевезли на юг?
- Нет, это — Таймыр.
- Таймыр? Но, значит, лето уже? Я долго болел?
- Вас нашли с товарищем только вчера.
- Не понимаю. Почему...
- Товарищ Савчук все объяснит вам сам.
- ...Савчук? Таймыр? Сад?..

Я лежал тихо. Женщина подумала, что я заснул и вышла.

Вечерело. Горы вдали, зеленые террасы, ветви деревьев, подступивших вплотную к дому, — все заволокло полупрозрачной дрожащей дымкой.

Я стал рассматривать комнату. На стенах висели ружья, схемы, карты. По-видимому, это была рабочая комната Савчука. На столе лежала раскрытая книга. То был Миддендорф, описывавший свое путешествие на Таймыр в 1843 году.

...все заволокло прозрачной дымкой...

«Целое столетие, — прочитал я, — прошло с тех пор, как Лаптеву с Челюскиным, с невыразимыми трудами и опасностями..., удалось снять берега Таймырского края. Им мы обязаны приблизительно верным очерком этого полуострова и его оконечностей. Через столет, как сказано, мне досталось пополнить раму, оставшуюся после них пустою. Эта богатая задача могла быть выполнена мною крайне недостаточно, и однако, пройдет, может быть, столетие, прежде, нежели другой странствователь решится нарушить тишину этих пустынь с намерением приумножать сведения о любопытном крае. Оцепенев в первобытном состоянии, этот край в течение столетий представляет в себе живую картину детского состояния человеческой жизни на земном шаре»...

— О, ты поднялся уже, — услышал я за спиной знакомый голос и обернулся. В дверях стоял Андрей. Мы обнялись.

ГЛАВА 5

— Да, задал ты мне работу! — Андрей засмеялся озорно и весело. — Нет, осенило меня сразу, только дочитал в твоём письме, помнишь, с мыса Челюскин, до «неисчерпаемых запасов угля». Метнулся в библиотеку, листаю Миддендорфа. Ура, есть подтверждение! Раскопал библиографическую редкость, Третьякова о Туруханском крае, — то же!.. Представь, у Элизе Реклю, и у того нахожу упоминание о подземных пожарах угля!..

Я молчал, любуясь его счастливым волнением. По-видимому, он истолковал мое молчание иначе, смущенно покашлял, прошелся по комнате и, остановившись подле моей кровати, с неуклюжей заботливостью поправил сбившиеся подушки.

— Как же ты, дружище (он сказал это совсем тихо), сам-то как прозевал разгадку... Был, можно сказать, на пороге, шаг бы еще, и — вот она, наша Зеленая страна!.. А не угадал, не сделал этого шага...

Он зажег электричество. Присев на край кровати, расправил на одеяле карту Таймыра.

— Взгляни на эту часть тундры, — тон его был уже сух и деловит. — С запада — Енисей, с востока — Хатанга, на юге горный кряж Путорана, он же Большой Камень, и вот на севере таинственные ущелья Бырранга. Посредине на сотни километров раскинулись моховые равнины и лайды^[1]. Унылый пейзаж, скажу тебе: снег, вода, мох, камень. Чем дальше на север, тем больше этого камня, гористее местность. За 75-м градусом северной широты каменистые голые сопки сливаются,

[1] Лайда — в условиях Таймырского полуострова представляет собой ложбины с водой.

наконец, в скалистые вершины Бырранга. Тут, по данным позапрошлого года, считался предел человеческого обитания на Таймыре. И то летом, заметь. К южному склону Бырранга летом прикочевывало с юга несколько десятков нганасан месяца на два, рыбачили на озере. Вот оно, озеро. Как ты, наверное, догадываешься, мы с тобой находимся именно здесь!..

Красным карандашом Андрей обвел кружок в том месте, где озеро заливом вдавалось в горы.

— Наша экспедиция двинулась отсюда, — продолжал он, рисуя толстые стрелки, направленные острием на север, — от Большого Камня, точнее, края леса, где проходит Хатангский тракт, соединяющий Дудинку с Хатангой, и тянется почти по самой «опушке» цепь станов-зимовий. Тут живут эвенки и долгане (сахы). Нганасане называют их «лесными людьми». Из этого можно заключить, что сами нганасане расположились еще севернее. Наш этнограф назвал их пышно — аванпост человечества на Крайнем Севере. До революции их называли иначе — самоеды, самоедь. Зимуют они на границе леса и тундры, летовать уходят в такую тундровую глушь, куда не рискнет забраться ни один эвенк. Ну, у нас и возник план: проникнуть в глубь Таймыра с их кочевьем.

— Умно придумано.

— Слушай дальше. Еще в Дудинке порекомендовали мне переводчика. Знаменитый охотник, следопыт, долго жил среди русских, зимовал на Новой Земле, на Челюскине. Меня поразила его наружность: прямой нос, тонкие губы, настоящий индеец. Потом оказалось, что это обычный тип нганасанина.

— Старик?

— Да. Но кряжистый. В ходьбе и беге неустоим.

— Не переносит запах бензина? Ворчит: тундру про-

воняли бензином?

— Точно.

— Тынты Куркин?

— Он.

— Старый знакомый, — засмеялся я, — вместе зимовали на Челюскине. Потянуло, значит, на лето в родную тундру. А я думал, тундра всюду тундра.

— Для нас с тобой... Но погоди-ка. Острова ископаемого льда открыты были в сентябре? Значит, «Нерпа» лавировала еще во льдах, а мы с Куркиным уже распрягали оленей в ущелье, где на следующий год появилась Зеленая Страна...

И следя за карандашом Андрея, медленно прочерчивавшим зигзагообразную линию на карте, я представил себе ожидание в зимовье и затем путь к далеким горам на севере.

...Западные и юго-западные ветры во второй половине мая приносят в тундру долгожданную весну. Дождь идет попеременно со снегом. Все заволакивает сырая мгла.

Народ нга начинает тогда готовиться к летнему кочевью.

А ветры дуют все сильнее. Темный полог туч раздвинулся, показалось солнце. Озера и лужи, до того свинцовые, мрачные, вдруг получили праздничный блеск. Редкий лес, — сквозь него просвечивала тундра вдаль, — одевшись листвой, сразу стал казаться гуще.

И вот Андрей дает сигнал к отправлению экспедиции. Длиннейшая вереница санок и нарт, запряженных оленями, потянулась на север. Полоса редколесья осталась за спиной. Впереди кирпично-красная гладь тундры и множество маленьких озер.

Весна! Весна! Нигде не радуются так теплу и свету, как на Крайнем Севере. Народ нга, насчитывающий

всего 500–700 человек, не видящий солнца по много месяцев, именует себя гордо «детьми солнца». Это наивно и трогательно.

Солнечные лучи, по верованиям нганасан, — это нити, с помощью которых солнце вытягивает растения наверх, из земли. Понятно, это нелегко — земля так тверда — и это не всегда хорошо удается. В нганасанском Олимпе поэтому одно из самых последних мест отведено хозяину растений, одинокому убогому старику, который ютится в непосредственном соседстве с оледенелым царством мертвых.

Все дальше на север продвигалась экспедиция вместе с кочующим народом нга.

Наступило лето. Ночи стали совсем короткими. Они прозрачно-светлы, похожи скорее на сумерки или рассвет, чем на ночь, и продолжаются не более двух часов. Притихшая тундра кажется зачарованной в эти часы.

В июле в тундре появились первые цветы. Нежных оттенков, как бы прикрытые фатой, они сплошным ковром устилают землю. Ботаник экспедиции заинтересовался их названиями. Оказалось, что на языке нга для них нет названий.

И ни деревца, ни куста впереди. Лиственница — единственное дерево, известное нганасанам, осталось далеко позади на юге. Впереди только равнинная гладь тундры, над которой колеблется розоватый туман, — «тундра дышит», как говорит Тынты Куркин.

Для остальных нганасан неясно еще, зачем столько русских едет к Бырранге, но Куркин, бывалый человек, хорошо понял, что именно интересует экспедицию.

На одном из перегонов Тынты остановил головные санки, на которых ехал вместе с Андреем. Прислушался.

— Олени бегут, — сказал он.

Но как ни напрягал Андрей зрение, он не видел ничего. Тундра вокруг была пустынна.

— Закрой глаза, слушай, — сказал Тынты.

Вскоре до Андрея донесся далекий топот.

— Тихо у нас, — с удовольствием сказал Тынты, — слышно очень хорошо... Подожди-ка, начальник. Считай: один, два, три... О, много оленей бежит. И в упряжке есть, и табуном бегут. Это, верно аргиш (олений обоз) из того зимовья, где старый Люрюлюё живет.

Действительно, на следующем перегоне их догнали нганасане.

Вечером Тынты сказал Андрею значительно:

— Я о Люрюлюё в Дудинке говорил. Люрюлюё нужный для тебя человек. Пойдем, он расскажет, как от оспы убежал. В оба уха впускай, все замечай.

Люрюлюё выглядел совсем дряхлым. Кожа на лице его была сморщена, глаза, как подернутая ледком вода, но волосы по-старинному заплетены на голове в две тугие косицы и перевязаны ленточкой.

Взаимный обмен приветствиями занял довольно много времени. Разговаривать нужно было с паузами, тихо — нганасане, привыкшие в тундре к тишине, не выносят громкого разговора, суеты, окриков.

Люрюлюё говорил вяло, с передышками; пока он курил, Тынты переводил его рассказ.

Много лет назад, когда Люрюлюё был молод, лесными тропами пришла в тундру оспа. Люди мерли целыми семьями, трупы некому было убирать, собаки выли возле умирающих, и упряжные олени бродили вокруг опустевших чумов. Оспа поразила и род Нерхо, к которому принадлежал Люрюлюё, но сам Люрюлюё уцелел. С утра до вечера он пропадал в тундре на охоте, а так как на лыжах он бежал очень хорошо, то оспа

не могла его догнать.

Она схватила его во сне. Он увидел женщину с золотистыми волосами^[1], которая сидела подле его ложа и смотрела на него. Сердце его похолодело, — она была в черном. Если бы ее одежда была красной, у Люрюлюё еще могла бы быть надежда на выздоровление.

Он закричал и проснулся. Никто не отозвался на его крик. В чуме было темно и тихо. Он подполз к жене, лежавшей поодаль. Она была мертва и прижимала к груди мертвого ребенка. В углу у догоревшего костра недвижно лежал его тесть.

Люрюлюё встал. Колени его подгибались. Он чувствовал непривычную слабость, шум в ушах. Собаки завывали у входа. Он вышел, запряг самых быстроногих оленей и, не оглядываясь, помчался на север.

Он давал роздых оленям только на очень короткое время. Он привязал себя к санкам, как делают нганасане обычно в пургу, чтобы не вывалиться. И он ехал и ехал, размахивая своим хореем, понукая оленей диким голосом, потому что очень боялся гнавшейся за ним по пятам болезни.

Когда перед ним поднялись скалы Бырранги, Люрюлюё удивился, что так быстро доехал, и обрадовался, — в ущельях было легче спрятаться, чем в открытой тундре.

Он проник очень далеко в горы. Так далеко не проникал еще никто из его соплеменников. И он усмехнулся про себя, представляя, как мечется и злится женщина в черном, ища его между скалами.

На дне ущелья шумел поток. Люрюлюё осмотрелся и увидел несколько листовенниц, между которыми пробивалась высокая, ярко-зеленая трава и цвели кусты шиповника и жимолости. Люрюлюё остановил оленей.

[1] Так нганасане представляют себе осу

...Они вступили, наконец, в скалистый лабиринт...

Что это? Может быть, спасаясь в полубреду от смерти, он сбился с пути и попал не на север тундры, к Бырранге, а на юг, к Большому Камню. Не околдован ли он?

Вокруг лежал еще толстым слоем снег. А на склоне горы снег давно стоял, и земля была мягкой и теплой на ощупь.

Пройдя с полкилометра, Люрюлюё нашел моховое болото, обильно поросшее морошкой, голубикой, черникой и княженикой. В болоте из-под земли били теплые родники.

Дальше идти было трудно: горячо стало ногам, а впереди из расселин вырывались клубы черного дыма.

В этом удивительном ущелье Люрюлюё прожил до глубокой осени и, вернувшись в зимовье, рассказал о случившемся родичам.

Нганасане не знают лжи. Вдобавок, Люрюлюё был уважаемым человеком, ему поверили безусловно. Но хотя соблазн был велик, никто не решился проникнуть по следам Люрюлюё в ущелье, — шаман объяснил, что Люрюлюё забрел в жилище хозяина огня и избежал наказания только потому, что хозяин в то время был в отлучке.

— Услышь я все это много лет назад, — задумчиво сказал Андрей, когда члены экспедиции возвратились к себе, — я голову б дал наотрез, что там вулкан. Теперь я иначе смотрю на вещи. О вулканах на Таймыре речи быть не может. Есть только одно объяснение, и оно нас устраивает, как нельзя более: горел пласт угля. Горит ли он сейчас? Посмотрим.

И вот, спустя много дней пути, они вступили, наконец, в скалистый лабиринт, преддверие Бырранги, где молодой Люрюлюё из рода Нерхо когда-то играл в прятки со смертью.

Здесь пути разделились. Народ нга двинулся по берегу озера Таймыр, богатого рыбой, а экспедиция Андрея с Тынты Куркиным углубилась в неизведанные ущелья.

ГЛАВА 7

— Что мы знали о Бырранге, — говорил Андрей, откалывая куски камня, и с любопытством их рассматривая. — В Москве меня напутствовали словами: Бырранга похожа на Пай-Хой. А что такое Пай — Хой? Горная страна, северное продолжение Урала. Из этого делалось предположение о богатствах недр Бырранги...

Закладывая разведочные шурфы на южном склоне, экспедиция подолгу скиталась в скалистых лабиринтах Бырранги, взбиралась на плоские вершины, двигалась узкими распадками и, покружив в горах, каким-нибудь ущельем неожиданно выходила снова к глубокому озеру. Там устраивалась обычно дневка. Озеро кишмя кишело рыбой; блеск рыбьей чешуи и солнечной ряби слепил глаза. А за спиной громоздились серые камни, глыбы камней, занесенные снегом.

— А Куркин наш все принимает: не тянет ли откуда дымком, — сказал, улыбаясь, ботаник, — и все приглядывается: нет ли среди скал травы и деревьев.

— Правильно, — невозмутимо подтвердил старый охотник, раскуривая трубку, — я хорошо начальника понял. По следу гари под землей уголь найду. Где пожар под землей горит, там, значит, много угля есть!

Но кончался уже и август, а нигде не попадалось еще описанное Лютюлюё ущелье с жимолостью, шиповником и целой рощицей лиственниц. Скалы были по-прежнему угрюмы, скаты ущелий безлесны, и снег лежал на дне горных долин.

Андрей и его спутники подступили к подножью центрального, самого высокого хребта.

Снеговое облако, зацепившись за острые зубья скал, вяло перевалило через хребет и поползло вниз, сея мокрые снежинки. Когда же белесая пелена раз-

дернулась, Андрей увидел в нескольких шагах перед собой что-то черное.

Это были огромные закоптевшие камни.

...Руки Андрея дрожали от волнения...

Раздались голоса других участников экспедиции, шедших широким фронтом по ущелью.

— Андрей Иванович, сюда, скорей, — звали они. — Нашли стоянку первобытного народа! Удивительное открытие! Остатки кузнечного производства!

— Не верю глазам своим! — бормотал этнограф, ползая на четвереньках по земле и разглядывая в лупу комки шлакообразной массы. — Не верю! Помилуйте, железный век, и где, за 75-ой параллелью. Эвенки, и те кузнечных печей не видали в глаза до прихода русских. Всюду на Севере до самого последнего времени каменный век был, каменный!..

— Тогда метеориты может быть. Расплавилась от трения и... В Гренландии, например...

— Успокойтесь, друзья, — сказал Андрей, подходя. Руки его, однако, дрожали от волнения, и он выронил комок шлака, едва подняв его с земли. — О, легкий совсем! Я так и думал. Вглядитесь-ка получше. Железной окалины нет, зерен чугуна также. Этот шлак не имеет никакого отношения к кузнечным печам. Я обрадую тебя, Тынты. Мы дошли, по-видимому, до ущелья Люрюлюё!

Тынты с удивлением огляделся. Ни деревьев, ни травы, ни ягод не было. Вокруг громоздились те же серые скалы, лежал тот же смерзшийся снег.

А Андрей уже проворно взбирался на гору, не отрывая взгляда от земли. Широкая красная полоса, след перегоревших горных пород, уводила его все дальше вглубь ущелья.

Так дошли они до места, где Люрюлюё видел когда-то ягодные болота. Характер местности, расположение скал, горный рельеф — все совпадало в точности с описанием. Но как пусто и голо здесь теперь. Куски

черного шлака разбросаны повсюду, ущелье напоминает двор заброшенного металлургического завода.

— Это путь, по которому двигался огонь, — сказал Андрей, — пласт выгорал постепенно. Судя по всему, пожар длился много лет.

Пройдя еще с десятков метров, он указал на ручей, мирно журчавший среди камней.

— Вот то, что требовалось для полноты картины. Вода породила огонь.

В угольных пластах всегда встречаются серные колчеданы. Притекая к ним с поверхности, вода разлагает их и от этого получается избыток тепла. Все выше и выше поднимается температура пласта, пока, наконец, он не начинает гореть. Тяга воздуха из появившихся трещин убыстряет течение огненной реки, бушующей в своих тесных берегах. В подземном тигле возникают новые минералы: нашатырь, квасцы, сера. Меняется цвет горных пород: пласты, содержащие железо, делаются пестрыми; каменноугольный песчаник — полосатым, бело-красным; каменноугольный сланец и глина — сплошь красными, как обожженный кирпич. В оставшиеся после прогоревшего угля пустоты проваливается земля, соседние горизонты оседают, преобразуется рельеф местности.

Все это так сходно по результатам с вулканическими извержениями, что явления подземных пожаров получили название ложно-вулканических.

Вечером на бивуаке Андрей рассказывал, как он пришел к своей идее.

— Долгое время я, подобно многим наивным исследователям прошлого, допускал наличие в Сибири действующих вулканов. Первым высказал предположение об их существовании у истоков Енисея Исаак Масса^[1] в своем латинском трактате, изданном в 1612 году. Его

поддержал Риттер^[2] и, как ни странно, Гумбольдт^[3]. Против выступили Шренк^[4] и затем Семенов-Тян-Шанский^[5]. Население, по-видимому, принимало за вулкан подземные гари.

В начале XVIII века недалеко от устья Хатанги под 73°30' северной широты горел пласт и обметал трещины нашатырем, который употребляется енисейскими и туруханскими лудильщиками. Лаптев^[6] не упоминает об этом ни слова. Значит, в то время пожар уже потух. Гмелин^[7] не нашел след этого пожара, но напал на другой, на реке Таймыре. Этот продолжался полтора столетия. О нем упоминает Витзен^[8], а Миддендорф отыскал очевидца, который лет за десять до его приезда побывал на пожарище и сушил там свое платье. Подземные пожары в Сибири повсеместны.

[1] Масса (Исаак) родился в 1587 г., итальянец, жил в Голландии. С торговыми целями приезжал в Москву и Архангельск. Заинтересовавшись Сибирью, собрал о ней ценные сведения и издал книгу.

[2] Риттер Карл (1779–1859) — крупный германский географ.

[3] Гумбольдт Александр-Фридрих-Вильгельм (1769–1859) — знаменитый географ и естествоиспытатель, основоположник научного страноведения.

[4] Шренк Леопольд Иванович (1830–1894) — известный русский ученый, работавший в области этнографии Сибири, антропологии и зоогеографии.

[5] Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827–1914) — географ, ученый и путешественник.

[6] Лаптевы Харитон и Дмитрий — братья, исследователи полярных берегов Сибири (XVIII век).

[7] Гмелин Иоганн Георг (1709–1755) — академик, исследователь Сибири.

[8] Витзен Николай Корнелий (1641–1717) — голландский ученый и государственный деятель, посетивший Россию в 1664 году.

1. Путь экспедиции Савчука.
2. «Зеленая страна».
3. Архипелаг Исчезающих Островов.
4. Полярные станции.
5. Изобаты.
6. Горы и возвышенности.
7. Тундра.

По мнению Миддендорфа, угли в Сибири самовозгораются чаще, чем на юге по двум причинам: оледенелая почва задерживает тепло раскаляющегося пласта, и нужная для поддержки горения вода сама является из почвы от таяния.

Меня поразило название одной реки, впадающей в Нижнюю Тунгуску — Горелая! В работе Третьякова я нашел указание, что в конце XVIII века там существовали подземные пожары. Отсюда и возникло название реки. Уголь, подумал я, это тепло. На месте подземных пожаров должна быть пышная растительность.

Слушатели плотнее придвинулись к Андрею.

— Припоминаю, — продолжал он, — как Эйхвальд описывал места подземных пожаров по реке Таймыре. Он отметил, что под влиянием подземного тепла окрестности покрылись тучными лугами, густыми кустами малины, рябиной, березой. Таких растений поблизости не было.

Тынты, весь день бывший в дурном настроении, приставил ладонь лопаточкой к уху, чтобы не проронить ни слова.

— Описание гари, — рассказывал далее Андрей, — приведено и в книге «Туруханский край», изданной еще в 1871 году. Снег там не держится в течение целой зимы. В каменистых расселинах не очень высокого, но крутого берега Тунгуски длинной палкой с трутом на конце достают из этой гари огонь. В окрестностях гари растут березник, ольха и хвойный лес, а верст 30 южнее, на правом берегу Таймыры на месте такой же гари, растет даже боярышник.

— Северный оазис, — пробормотал кто-то.

Над бивуаком замерцали звезды, и участники экспедиции, утомленные переходом, разошлись «по спальням», по своим теплым спальным мешкам. Ночи

в августе стали темными и холодными. Уже и Андрей, занеся в журнал экспедиции все события прошедшего дня, собрался было спать, когда увидел, что Тынты Куркин сидит по-прежнему у костра, погруженный в глубокую задумчивость.

— Ты что, Тынты? — спросил Андрей.

— О хорошем рассказал ты, начальник, — сказал Тынты, не сводя глаз с тлеющего моха. — Жаль, потух пожар здесь. Опоздали мы. Повезло Люрюлюё, нам нет.

Сейчас только понял Андрей причину подавленного настроения своего спутника. Он засмеялся и обнял Тынты за плечи.

— Не горюй, Тынты, — прошептал он ему на ухо, — увидишь еще на Бырранге и цветы, и деревья!

Он выпрямился и обвел рукой вокруг. Притихшему нганасанину представилось вдруг, что Андрей творит заклинание.

— Мы подожжем угли Бырранги, Тынты! Мы будем управлять подземным пожаром! Мы направим его в нужное русло. И тогда, ты увидишь это своими глазами, Тынты, в одном из этих серых ущелий расцветет сад!..

ГЛАВА 8

Нет. Когда я сказал Тынты, что ущелье зазеленеет, это не было хвастовством. Я знал, что это можно сделать. И знал, как это сделать. Не забывай, я горный инженер.

Андрей устроился поудобнее на подоконнике, продолжая задумчиво смотреть в темноту. Часы мерно тикали, стрелка давно перевалила за полночь, но он не замечал этого, увлеченный рассказом.

— Знаешь ли ты о подземной газификации? — неожиданно спросил он.

— В общих чертах, конечно, — ответил я.

— Первым эту идею предложил Менделеев, так? Рамзэй сконструировал подземный газогенератор, но проект его исчез бесследно.

— Конечно, техническая революция в производстве означала разорение для шахтовладельцев...

— Да... Потом Ленин. Его знаменитая статья «Одна из великих побед техники». Идея подземной газификации снова тревожит умы. В годы первой сталинской пятилетки советские инженеры получают, наконец, газ от подожженного пласта... Ну, а что ты знаешь о применении газа?

— Это форменный экзамен, — засмеялся я. — Мне известно, что газ вертит газотурбины, сжигается в топках, двигает газогенераторные автомобили. В смеси со светильным или коксовым газом служит для бытового потребления. Кроме того, это ценное химическое сырье. Из него можно вырабатывать аммиак, бензин, спирты...

— Все?

— Как будто...

Андрей засмеялся:

— Вот и видно, что несколько лет ты провел на каких-то Исчезающих Островах. Сведения неполны и явно устарели.

Он полюбовался моим недоумевающим видом, затем сказал уже серьезным тоном:

— Мы решили отеплить одно из ущелий Бырранги.

Андрей надышал на стекло и пальцем быстро начертил нечто вроде калорифера парового отопления.

— Мне, конечно, пришлось выдержать не один бой. И на страницах журналов, и на технических совещаниях меня атаковали многочисленные оппоненты. «Нерентабельно. Это будет нерентабельно». Вот на что они упирали. Пришлось, скрепя сердце, взяться за бухгалтерские расчеты. Сальдо, как говорят, было в мою пользу.

Видишь ли, из множества цифр мне удалось уловить главное. На Таймыре за последнее время были открыты богатейшие месторождения ценных ископаемых, начали возникать индустриальные очаги, которые в ближайшем будущем должны стать крупными центрами заполярной промышленности.

— На побережье?

— Да, освоение полуострова началось, как тебе известно, со стороны моря. Затем уж начали расшифровывать белое пятно в центре Таймыра и наша экспедиция сыграла в этом большую роль...

Итак, для новой заполярной промышленности нужна будет дешевая энергия, которую по нашему проекту и должны были дать специальные подземные газогенераторы. Кроме того, для жителей новых населенных пунктов в большом количестве нужны будут овощи, фрукты, ягоды. Вот и решено было создать овощную и плодовую базу в одном из ущелий Бырран-

ги, вблизи подоженного угольного пласта. Подземная грелка. Нечто вроде гигантского парника...

* * *

Еще прокладывалась насыпная дорога через болотистую тундру, еще шли из Хатанги и Дудинки везеходы со сложным оборудованием и разборными бараками, а нетерпеливый Андрей уже зажигал опытный огневой забой.

Участок угля окружили стеной из шлакобетона, чтобы локализовать пожар. В стене внизу выбрали три узких «печки» и заложили легко воспламеняющейся смесью: опилками, паклей, щедро политыми смазочными маслами. Внутри такого своеобразного «костра» находились патрон и спираль, соединенная с проводником электрического тока.

Андрей стал к рубильнику. Он перевел дух, оглянулся. В окно дощатого барака, где расположили временно пульт управления, видны были сумрачные силуэты гор, нависших над котловиной.

Снег никогда не сходил с вершин. По склонам громоздились скалы. Казалось, маленькая группа людей, дерзко проникших в заповедную глушь Бырранги, была стиснута со всех сторон, запрятана в каменный мешок, в ловушку.

Андрей включил рубильник. Ток побежал вниз, накалилась спираль и вспыхнули «костры», разложенные в угольном массиве.

Теперь главное внимание строителей было приковано к тому, что совершалось у них под ногами, в недрах земли.

Бывало, что и ночью охваченный беспокойством Андрей вскакивал с постели и бежал проверять показания термометров. Термометры были вставлены в

Андрей включил рубильник.

землю, трубы газового отопления проходили как раз под ними. Ниже труб находился слой вечной мерзлоты, еще ниже — сам горящий пласт.

...При свете прожекторов люди двигались, как призраки.

Оснований к беспокойству не было, столбик ртути бодро взбирался вверх.

Наступила зима. Полярный мрак сгущался над Арктикой. В надвигающихся сумерках неясно видны были вдали белые вершины Бырранги, но в самом ущелье снега уже не было. При свете прожекторов, установленных на высоких мачтах, люди двигались, как призраки, то возникая из темноты, то снова скрываясь за чертой освещенного пространства.

Визжала электропила, гудели автогенные аппараты, в ущелье вырастали белые кубики жилых домов и служебных помещений.

Это был поселок, непривычный для глаз шахтера, — здесь не было ни шахтных копров, ни сортиро-

вочной, ни рельсовых путей для откатки. Подземная газификация производилась наиболее совершенным способом, бесшахтным. С помощью гидравлических буровых станков сверху проходили все необходимые выработки. Прямо с поверхности уходили вниз две скважины, глубиной в двести метров, соединяющиеся под землей.

В одно отверстие мощные компрессоры подавали воздух, в другое выходил газ и распределялся по газопроводным трубам. Регулирование подачи воздуха позволяло управлять подземным пожаром, по желанию усиливая его, ускоряя или замедляя.

На лето резко сократили количество горящих участков-панелей. Земля прогревалась теперь не только снизу, но и сверху. Солнце медленно покатилося по небу, прожекторы и лампы в домах были потушены до осени.

* * *

— Ростки, Андрей Иванович! Ростки показались! — Агроном бурей ворвался в кабинет начальника но-востройки.

На тщательно взрыхленной и удобренной грядке, действительно, робко показались зеленые листочки. Люди сидели вокруг на корточках, и когда Андрей сделал движение, чтобы прикоснуться к росткам, на него замахали руками, как на святотатца.

Одним из главнейших видов удобрений в Бырранге была углекислота, полученная в результате подземной газификации. Углерод — это пища растений. Обогащение атмосферы углекислотой повышает в умеренных широтах урожай вдвое. Здесь, на крайнем севере, эффект должен был быть еще разительнее.

Солнечное облучение удлинилось, — солнце почти не сходило с горизонта, — растение работало интенсивнее и более жадно поглощало и усваивало углерод.

В конце лета был собран первый урожай овощей. Он оказался действительно богатым.

На второй год существования Заполярного Сада (так стали называть зазеленевшее ущелье в горах) агроном заканчивал для научного журнала статью, в которой с гордостью перечислял идеальные условия для жизни растений, созданные на Бырранге.

...На Заполярный Сад налетела пурга.

ГЛАВА 9

Но строителям Сада нужно было пройти еще через много испытаний, прежде чем получить право сказать, что дело их рук хорошо и создано прочно.

В одну из счастливых весен, когда ничто, казалось, не предвещало беды, и молодой агроном ходил триумфатором, — недавно посадили деревья, привезенные с юга, — новостройке пришлось выдержать первую атаку стихии. На Заполярный Сад налетела пурга.

Это случается нередко в тундре и в таймырских горах и по стремительности и неожиданности напоминает торнадо.

Накануне синоптики предупреждали о небольших ветрах северных румбов, но это не встревожило никого, потому что район был надежно защищен от северного ветра скалистым хребтом.

Прогноз оказался ошибочным. Когда на метеостанции забили тревогу, было уже поздно. Над молодым садом вертелись белые вихри, свистя и воя, точно всадники, наскочившие врасплох на вражеский лагерь.

Андрей в это время осматривал молодые посадки. Он бросился к пункту управления, но пурга прижала его к земле. Он лежал лицом вниз и плакал от бешенства.

Потом что-то мокрое поползло ему за воротник. Андрей огляделся. Небо скрывал мрак, над головой гроыхало и завывал ветер. Но снежных хлопьев уже не было видно — они таяли, не долетев до земли.

Это заместитель Андрея, дежуривший на пункте управления, открыл запасные клапаны, выводившие выхлопные дымовые газы. Теплый воздух вступил в единоборство с пургой, налетевшей из тундры.

Постепенно светлело. Андрей не узнавал места, где стоял. Зеленая листва, розовые лепестки цветов исчезли, будто дунул на них злой волшебник, позавидовавший могуществу человека. Деревья и кусты опустили к земле изломанные голые ветви, трава была уничтожена.

По счастью, вторжение холодных масс воздуха благодаря принятым мерам было слишком кратковременно, чтобы причинить непоправимые повреждения. Большую часть посадок удалось спасти, но агроном посидел за эти несколько минут, точно летающие снежинки, коснувшись его волос, так и остались там навсегда...

Уже миновало то время, когда на строительстве Заполярного Сада существовали разрозненные обособленные землячества, — общая работа сблизила всех.

Говорят, ничто не сплачивает так, как общий враг и общие опасности. А люди в ущелье Бырранги чувствовали себя осажденными враждебной и непокорной стихией. Арктика с ее морозами и ветрами, с ее непрочной мерзлой почвой сторожила каждый их шаг. Огненная река, бушевавшая в своем оледенелом русле под ногами, тоже грозила в любой момент выйти из повиновения. Только зазевайся, ослабь внимание, и весь грандиозный опыт сорвался.

Любому рабочему на строительстве известно было, что для равномерного выгазовывания угля необходимо регулярно менять направление дутья, реверсировать его. В то отверстие, откуда выходил газ, нужно было направлять поток воздуха. Но предварительно следовало продуть газодутьевую скважину паром. Иначе от соединения остатков углекислого газа с подаваемым кислородом воздуха могла образоваться опаснейшая гремучая смесь.

Однажды, когда Андрей был вызван по делу в Хатангу, его заместитель недосмотрел, а неопытный панельщик перед реверсом забыл пропарить газовую скважину. Раздался оглушительный взрыв, многократно повторенный горным эхо. Клапаны и задвижки отводной трубы, весившие десятки килограммов, отлетели на 50 метров в стороны. Из скважины стало выбрасывать черные клубы дыма и обуглившиеся комки на 20–30 метров вверх. Панельщик чудом остался жив.

Эту аварию надолго запомнили на строительстве.

К середине лета на территорию Сада, крадучись, проник новый хитрый и увертливый враг — подземная вода.

Она подошла к горящему пласту и потушила его.

Пришлось в специально пробуренных скважинах установить гидроэлеваторы, новое и очень остроумное приспособление для откачки воды.

Однако еще рано было торжествовать победу над водой.

Постепенно оттаивал мощный пласт вечной мерзлоты, расположенный в соседстве с трубами газопровода. Разогретые подземные ручьи размывали глину и песок, и растворяли каменную соль и гипс, которые имелись в тех местах в изобилии. Недостаточно осторожно производилось также обрушение земли в пласте выгоревшего угля. Все вместе взятое привело к трещинам и провалам в грунте и вызвало катастрофу на юго-западных террасах.

Однажды рабочие, проводившие окулировку в питомнике, услышали зловещий гул, выходивший из недр земли. Камни и корзины покатались по склону вниз. Деревья зашатались, как от сильного ветра, хотя вечерний воздух был неподвижен.

— Землетрясение! — раздались голоса.

Спотыкаясь и падая, хватаясь за качающиеся ветви, рабочие сбежали со склона на шоссе. Там они почувствовали себя снова на прочной земле. С тревогой следили они за тем, как часть склона с кустами, деревьями, грядками ползла все быстрее вниз к озеру.

Андрей примчался на грузовике.

Помочь было нечем. Можно было только молча, стиснув до боли челюсти, смотреть, как гибнет труд сотен людей, — на этих террасах культивировали особый сорт карликовых яблонь «Бырранга».

Озеро ударило о берег волной. Огромная глыба доползла до воды, перевернулась, показав черную землю с торчащими корнями, и затонула. Вслед за ней плюхнулись в воду вторая, третья.

Андрей отвернулся.

Всю ночь слышен был подземный гул и шум прибоя. Казалось, что весь район Заполярного Сада обречен на гибель в волнах Таймыра.

Однако, дело ограничилось одним оползнем, который, подобно леднику, оставил после себя глубокое ложе — рытвину, обрывавшуюся у самой воды.

Катастрофа на юго-западных террасах Бырранги явилась откровением для сейсмологов. Она подтвердила связь сибирских землетрясений с подземными пожарами и, в частности, пролила свет на загадочное землетрясение в 1863 году, захватившее Байкал, Иркутск, Верхнеудинск, Кяхту и вызвавшее грандиозное наводнение в окрестностях Нерчинского завода.

Что же касается практических выводов для Бырранги, то было решено заполнять образующиеся пустоты песком и галькой, создавая, таким образом, искусственный фундамент для расцветающего Заполярного Сада.

А Сад продолжал расцветать. Он расцветал, несмотря на пургу, налетавшую из холодной тундры; несмотря на неизбежные ошибки и промахи новаторов-инженеров, бывших новичками в своем деле; несмотря на трудности и препятствия, возникавшие на пути.

Трудности еще не были преодолены, строительство не окончено. И начальник Заполярного Сада, запершись в своем кабинете после шумного и хлопотливого дня, щедро смачивал холодной водой полотенце и повязывал им голову, как чалмой. Предстояло работать всю ночь над чертежами, сводками, планами. На сон была отведена жесткая норма — три часа, и полотенце приходилось смачивать неоднократно.

Особенно хотелось спать под утро. Андрей таращил слипающиеся глаза, всматриваясь в цветные эскизы Заполярного Сада, висевшие на стене против письменного стола. Круги ходили перед ним; временами казалось, что годы стройки миновали уже и цветные эскизы не эскизы вовсе, а широко открытое окно, за которым переливается нежными красками, шумит листвой сказочно-пышный сад...

ГЛАВА 10

Андрей закончил рассказ и, повернувшись ко мне спиной, сильным движением распахнул окно. Потянуло ароматом мокрой травы, предрассветной свежестью и чуть слышным запахом гари.

Тут только я заметил, что за окном уже посветлело и рама видна на сероватом фоне довольно отчетливо. За разговором незаметно прошла ночь.

Так в детстве, жадно листая увлекательный роман, я поднимал глаза от книжки, лишь когда брезжил рассвет и за тонкой перегородкой начинали скрипеть половицы под ногами домочадцев.

— Теперь спать, спать, спать, — сказал Андрей, с ужасом взглянув на часы. — Доктор убьет меня, если узнает... Немедленно спать!

Он ушел. Туман за окном начинал постепенно редеть, и слабый ветерок шевельнул шторы.

Мне показалось, что я только успел коснуться головой подушки и закрыть глаза, как кто-то вдруг позвал меня. Я вскочил. Солнце светило прямо в лицо, створки окна были раскрыты настежь и, лежа грудью на подоконнике, в комнату заглядывал бортмеханик.

— Мощно спите! — сказал он укоризненно. — Бужу, бужу. Солнце вон где уже, а он спит, как сурок.

Я поспешно оделся и вышел к нему. Он выложил новости.

— С самолетом все в порядке. И наш летчик здесь. Еще вечером доставили. Как нога? Но где мы, скажите? Теплынь, зелень, весна. А в Тикси снегу на полметра...

Мы медленно шли по широкой аллее. Сад расположен был в узкой долине, окруженной со всех сторон горами. Снег на вершинах ослепительно блестел, и от

этого еще праздничнее выглядела зеленая листва. Точно стеклярус, сверкали и переливались на ней крупные капли утренней росы.

В сочетании снеговых гор и яркой зелени было что-то общее с черноморским побережьем Кавказа, только деревья здесь были очень низкорослые, по грудь человеку. Они раздались вширь, ветви их стлались по земле, прижимались к ней, ища защиты от зимней стужи и ветров.

Бортмеханик в своих высоких унтах выглядел особенно нелепо в этом саду. Он был похож на Гулливера, попавшего в Лиллипутию. Это сходство стало просто иллюзией, когда мы вышли на овальную площадку. Вокруг клумбы с фиалками бегали, играя, дети.

Нужно непрерывно провести несколько лет на зимовке, где детский звонкий смех можно слышать только по радио, чтобы понять охватившее меня волнение.

Маленькие дети здесь, в отрогах когда-то неприступной Бырранги, на 75-м градусе северной широты! Краснощекие, смеющиеся, толстые, беспечно играющие в классы или мячик, совсем как на Чистых или Пионерских прудах в Москве!..

Мы отдохнули на скамейке у клумбы, пощурились на солнце, перебросились несколькими фразами с молодой женщиной, сидевшей рядом.

— Надолго сюда? — поинтересовался бортмеханик. — Контракт у мужа на год, на два?

— Надолго? — удивилась соседка. — Насовсем. Муж с первого года тут, старожил, а я из Горловки к нему прошлым летом приехала. Я здесь на химическом заводе работаю.

Итак, век зимовок приходил к концу. Арктику обжиwali прочно, обосновывались здесь всерьез и надолго.

Что ж, это закономерный процесс, продолжение поступательного движения человечества на Север. Древние египтяне не допускали и мысли о том, что в северной части Средиземноморья — в Италии — когда-нибудь может возникнуть культура. Им казалось, что там слишком холодно. Римляне перенесли черту цивилизации несколько севернее. Тацит утверждал, что туманный климат Британии помешает развитию населявших ее варварских народов. Черта человеческого обитания в царской России пролегла уже через тундру, в пустынном крае «пегой орды», как именовали эскимосов, ненцев, эвенков. Где теперь эта черта обитания, если и на Северном полюсе побывали советские люди?..

Разговаривая об этом, мы свернули в боковую аллею, где подле цветочной клумбы на корточках спиной к нам сидел человек. Я подошел ближе.

Ко мне обернулось худое морщинистое лицо.

— Тынты?

Тынты поднялся, стряхивая с колен землю, и пожал мне руку так спокойно, точно мы расстались только вчера.

— Цветы, — сказал он кратко, — сам сажал.

— Прекрасные цветы, — подтвердил я.

Тынты удовлетворенно посипел неизменной трубкой.

— Ты здесь? А я ищу тебя!

Андрей вышел из-за поворота и поздоровался с нами.

— Любуетесь сыном солнца? Теперь название это уже не звучит так смешно? Правда?.. Что за куст, Тынты?

— Розовый, — ответил Тынты с достоинством.

— Помнишь, — Андрей обернулся ко мне, — мы чи-

тали у Нансена о терпении эскимосов? Кто-то послал их выкосить траву на острове. Они вернулись через полтора месяца. «Трава была еще маленькой, — сказали они, — мы ждали, пока она вырастет». Вот и Тынты, терпеливый сын солнца, дождался, когда выросли розы на Бырранге. Он сам вырастил их...

Мы пошли дальше по аллее.

Я показал на слабо мерцающие большие шары, висевшие над деревьями. Они располагались правильными рядами и как бы парили в воздухе, — так тонка, почти неприметна была проволока, поддерживавшая их.

— Это? Наши искусственные солнца. Мощные электролампы.

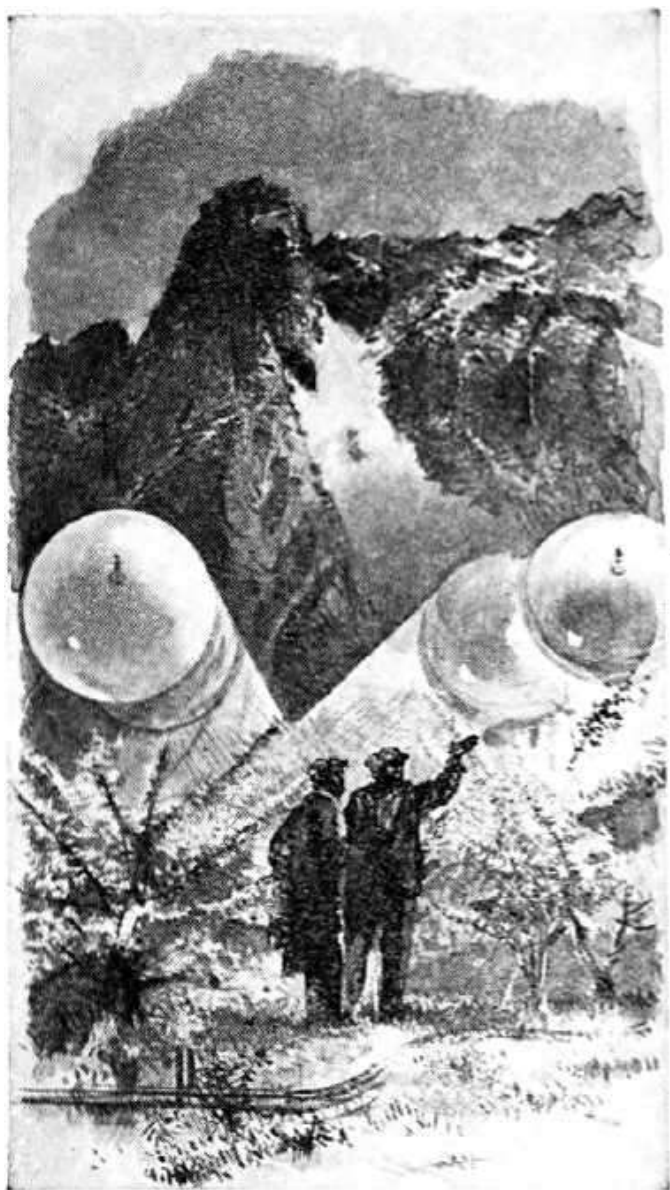
Мы подошли поближе и остановились, запрокинув головы.

— Видишь ли, — продолжал Андрей, — мы уже отказались от примитивного способа пускать горючий газ непосредственно для отопления. Сейчас газотурбины переводят тепловую энергию в электрическую, а по трубам подземного калорифера идет только выхлопной газ, отходы производства. Это дало возможность зажечь зимой над территорией Сада тысячи электрических солнц.

— Над Садам никогда не заходит солнце?!

— Так должно было быть. Ведь мы расхрабрились настолько, что занялись разведением особых морозостойчивых сортов винограда. Но, повторяю, проблема эта еще не решена.

Тебе могло с первого взгляда показаться, что все уже сделано и нам осталось только пожинать плоды. Нет. Чем дальше, тем сложнее работа, тем больше возникает новых вопросов, догадок, проектов...

...Я показал на слабо мерцающие большие шары, висевшие над деревьями.

И он повел меня в святая святых Заполярного Сада, в экспериментальную теплицу, где проводились опыты с цитрусовыми. Сквозь стеклянную стену в яркозеленой листве блеснуло несколько золотых пятен.

...Сад не был осмотрен и наполовину, когда нас догнал бортмеханик и сказал, что к вылету все готово.

«Дневка» в оазисе кончилась. Надо было продолжать путь на Москву.

Заревели моторы самолета. Стартер переложил из руки в руку флажок, которым дают сигнал к отправлению. Я нервно оглянулся по сторонам. В группе провожающих не было Андрея.

Куда мог он запропасться? Только что шел рядом со мной, толковал о баснословных урожаях, о новых оазисах, которые предполагалось создать вдоль побережья, уславливался насчет сроков своего приезда в Москву. Только что заботливо подсаживал меня на крыло, советуя потеплее укутать больную ногу. Где же?..

— Подождите! — закричал я, выглядывая в окно. — Вот он бежит.

Андрей бежал по асфальтированной дорожке. В руках у него был небольшой ящик.

— Чуть было не забыл, — прокричал он, шумно переводя дыхание. — На, держи. Нет, это не тебе. Это поручение.

Он передал мне ящик.

— Здесь ранняя земляника, — пояснил он. — Прилетишь в Москву, сразу же с аэродрома поезжай на Петровку (он сказал номер дома и квартиры). Там живет писатель, романом которого о земле онкилонов мы зачитывались когда-то. Передай ему на словах вот что: очень давно мы прочли в вашей книге о теплой земле среди льдов и всем сердцем поверили в нее. Мы иска-

ли ее в далеких северных морях и не нашли. И тогда мы создали ее сами!..

Моторы заревели громче. Стартер взмахнул флажком. Подрагивая, машина покатила по мягкому травяному настилу.

Просто не верилось, что еще несколько минут — и под крылом снова сверкнет снег и потянется бесконечная серая тундра...

Научная фантастика и приключения

Л. Платов

КАМЕННЫЙ ХОЛМ

Рассказы

Издательство ЦК ВЛКСМ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1952

КАМЕННЫЙ ХОЛМ

Научно-фантастический рассказ

Каменный холм: *Научно-фантастическая повесть*.
Журнал «Наша страна», 1941, №3

То же: *Рассказ*. Рис. А. Ливанова. Журнал «Вокруг света», 1948, №11.

То же: *Рассказ*. Л. Платов. Каменный холм: Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1952. Печатается по этому изданию.

КАМЕННЫЙ ХОЛМ

Участники геологоразведочной партии увидели этот холм под вечер, когда миражи в степи уже не так ярки.

Призрачные озера вставали на горизонте по утрам, медленно тускнели после полудня и совсем исчезали к вечеру. Такова природа миражей в Голодной степи. Это отблески солнца. Талая вода скопляется весной в пологих впадинах и отшлифовывает их глинистые стенки и дно. Летом пересохшие водоемы, называемые здесь такырами, превращаются как бы в огромные вогнутые зеркала.

В зыбком знойном мареве колышется вдали вода, сверкает, искрится, манит и вдруг "испаряется" без следа, едва лишь путники приблизятся к такыру.

Глаза устают от этого постоянного, дразнящего мерцания...

Тем летом гидро-геологоразведочная партия Бикчетаева колесила по Бет-Пак-Дала (Голодной степи).

Давно уже велись работы по созданию здесь устойчивой кормовой базы для развития отгонного живот-

новодства. В центре Бет-Пак-Дала поднялись здания опытной станции. Верхом и на машинах двигались через степь по всем направлениям зоотехники и гидрогеологи.

Группа Бикчетаева изучала вопрос о возможности использования реки Чу, пересекающей Бек-Пак-Дала. Предполагалось перегородить Чу двумя плотинами, на которых построить гидроэлектростанцию, а воды реки направить по каналам на северо-восток и оросить десятки тысяч гектаров новых пастбищ.

— Геологи впереди! Геологи всегда впереди! — восклицала Ия Адрианова, стоя во весь рост в кузове головной машины. — А уж за нами все остальные идут: проектировщики, бульдозеристы, экскаваторщики, гидротехники, монтажники. Двигаются тысячи человек, сотни механизмов!..

— Все верно, только сядь, пожалуйста! — говорил Гриша Топчиев, с беспокойством следя за ее размашистыми движениями. — Тряхнет на ухабе — как пробка, вылетишь...

— Или ветром подхватит, за Балхаш куда-нибудь унесет, — с улыбкой добавил Семен Мухин и придержал Ию за хлястик пыльника. — Будь же взрослым человеком наконец! Сядь, Ийка!

Все геологи называли девушку дружелюбно — Ийка. "Ну что за имя у тебя? спрашивал с неудовольствием Семен. — И-я!.. Не имя, а вздох... А Ийка хорошо!" Это действительно подходило к ней. Тоненькая, небольшого роста, с круглым, очень добрым, приветливым лицом, она была энергична и проворна, как рыбка.

Случилось так, что грузовик, в котором находились Ия Адрианова, Топчиев и Мухин, отделился от колонны. На двух остальных машинах сразу спустили три ската, и шоферы, чертыхаясь, принялись орудовать подле них с домкратами и насосами.

— Езжай дальше, молодежь! Догоним! — бросил Бикчетаев, деятельно помогавший шоферам. И про-

кричал вдогонку мухинскому грузовику: — Местечко для ночлега присмотрите! Там хорошее есть местечко!..

— А где его найти, это местечко? — недоумевающе спросил Мухин товарищей. Он вытащил из полевой сумки карту и аккуратно разгладил ее на побелевших сгибах. — До ближайшего колодца полтора дня пути. Разве свернуть в сторону, к реке?

— Ну что ты! Крюк делать...

— Не беспокойтесь, ребята, — сказал Топчиев. — Уж если Бикчетаев сказал: местечко, значит, есть такое где-нибудь. Увидим. Найдем.

— А не найдем, похлебаем теплой водички из бака. На третьей машине бак еще не почат. Хочешь пить, Ийка?

— Не очень, — храбро соврала Ия. И, облизнув пересохшие губы, сказала: — В Кара-Кумах, наверное, еще труднее...

Этим летом она мечтала попасть не в Голодную степь, а в Кара-Кумы, и с особым воодушевлением толковала о них. "Тахиа-Таш! Тахиа-Таш!" — это название так и прыгало в кузове, как мячик.

Вот и сейчас, чтобы не думать о воде, Ия заговорила о Кара-Кумах.

— Тысяча сто километров — канал, подумать только! Почти одна тридцатая длины экватора!

— А у нас будут самые большие в мире искусственные водохранилища, — с достоинством сказал Семен, который был родом с Поволжья. — Пятьсот километров на сорок! Как разгуляется на таком море шторм, да как...

— И в Кара-Кумах запроектировано море! А вокруг — поля, поля, хлопковые поля! Новая хлопководческая

страна восстает из бесплодных песков!.. Ты пойми, Семен: огромная территория, второй Узбекистан!..

Гриша Топчиев вступился за Голодную степь.

— А чем плохо здесь, скажи?

Широким жестом хозяина он обвел бурые сопки, волнообразно покачивающиеся вокруг, — грузовик немилосердно подбрасывало и кидало на ухабах.

— Скоро вместо этих миражей настоящая вода заблестит! Сады зацветут! От овечьих отар тесно станет между сопками! Тогда и новое название придумаем для степи. Почему Голодная? Богатая, Сытая, Счастливая степь!..

— Правильно, Гриша!

— А потом и сибирские реки повернем на юг, — мечтательно добавил Топчиев. — Всю Среднюю Азию напоим водой! Пей, разводи хлопок, плавай по каналам взад и вперед!.. Хорошо! — И он зажмурился, будто ослепленный зрелищем полноводных рек, которые вскоре, по слову большевиков, по указанию партии Ленина-Сталина, потекут в пустыни Средней Азии.

А когда он открыл глаза, впереди была вода.

Товарищи его молчали, оцепенев от удивления. Вдали среди кустов спиреантуса маячила невысокая сопка странных очертаний. Все подножье ее было залито водой.

— Вода? — не веря себе, спросил Топчиев.

— Вот еще! Откуда здесь вода? — пробасил Семен, но голос его дрогнул. Такыр!.. Но очень странный...

— Я еще никогда не видала таких такыров, — пробормотала Ия.

Все трое стояли рядом, держась за верхнюю часть кабины, не в силах оторваться от удивительного зрелища.

Ждали, что и этот мираж начнет тускнеть по мере приближения, как уже случалось не раз, но сияющая пелена все разрасталась. Сопка будто плавала в воде.

Да это и в самом деле была вода! Радужные брызги разлетелись из-под колес грузовика. Он остановился, ткнувшись в солончак.

— Ну и ну! — только и смог выговорить Семен.

Молодые геологи поспешно, один за другим выпрыгнули из машины.

Земля вокруг была покрыта коркой соли, а из каменистого отверстия вытекала вода, образуя небольшое озеро.

— Холм насыпной, ясно, как день, — объявил Семен, постукивая по камням геологическим молотком. — Хитро уложено. Но зачем? И почему родник?...

Каменный холм имел кое-где тонкий покров из песка и земли, поросший бурой травой. Когда сняли в одном месте слой земли, обнажилась кладка. Она была очень тщательной и замысловатой и напоминала соты улья.

Пока Семен и Гриша осматривали сопку внизу, Ия проворно поднялась на вершину, легла и приложила ухо к камням. Из недр сопки донеслось слабое журчание и перезвон капель.

— Ийка! Спускайся скорей! — окликнули девушку. — Плиту нашли!..

В кустах спиреантуса, у самого выхода родника, торчал серый камень, до половины врытый в землю. Его гладкая поверхность была вся испещрена вязью арабских букв, тщательно вырезанных каким-то острым предметом.

Топчиев нагнулся над плитой.

— Отдельные слова... Что-то о засухе, это понял... Разрыв... Какие-то предсказания... Нет, трудно понять. Многие буквы стерлись.

Он снова стал читать про себя, то и дело прерывая чтение удивленным хмыканьем.

— Да что ты под нос себе бормочешь! — рассердилась Ия. — Нам с Мухиным тоже интересно! И шоферу интересно!

— Вслух, вслух! — поддержали шофер и Мухин.

Но Гриша, все еще в сомнении, топтался у плиты.

— Кочующий миф, а? — спросил он сам себя. Потом продолжал увереннее: — Ну, ясно, кочующий!.. — Он обернулся к товарищам. — Помните легенду о пророке, который совершил чудо в пустыне? Ударил по камню железом, и потекла вода. Этнография знает множество подобных кочующих мифов...

Топчиев до геологического института проучился год на историческом факультете и рад был щегольнуть перед друзьями познаниями по истории и литературе.

— Ну, Гришка, же! — дернула его за рукав нетерпеливая Ия. — Брось ты свои гипотезы. Сами пойдем. Прочти все, что удалось разобрать.

Она с любопытством заглянула через его плечо.

— "В год 1293-й, — начал, запинаясь, Топчиев. — Засуха... степь... Однако человек... (надо думать, это имя — Петлукин) умея заклинать... (что? Не ясно), приказал... холм из камней. И сделали втайне... (от кого?).

— Дальше, дальше!

— А дальше совсем не понять... "И камень дал воду... согласно предсказанию..."

— Да, странно.

— Просто ребус какой-то!

— Но ведь в самом деле вода вытекает из камней.

— То-то и странно.

— Что же умел заклинять Петлукин? И почему холм сооружали втайне?...

Мухин в раздумье посмотрел на своих друзей, но тут его прервал шофер. Он успел уже набрать во флягу воды, попробовал ее и теперь тыльной стороной руки отирал рот.

— Так как же, товарищ Мухин? Здесь, значит, и будем стоянку делать? Вода холодная, чистая, лучше не найти...

— Да, да! Конечно, здесь! Где же еще?

— Вот оно, местечко, о котором говорил Бикчетаев! — сказала Ия.

— Стало быть, знал об этом роднике?

— По-видимому, знал...

Бикчетаев был легок на помине.

Едва лишь молодые геологи утолили жажду и умылись с дороги, как из-за сопок показались отставшие машины. Их как бы несло по степи облако пыли. Потом рядом со стоянкой геологов заскрипели тормоза и из рассеявшегося облака, отряхиваясь, выскочил Бикчетаев.

— Ну, умницы! Хвалю! — закричал он. — Правильное место выбрали!

— А мы плиту с надписью нашли, товарищ Бикчетаев! Ломали над нею головы, ломали...

— Нить брошена из глубины веков, — глубокомысленно объявил Топчиев.

— Откуда, ты говоришь, нить? — Бикчетаев изумленно посмотрел на него.

— Из глубины...

— Из средневековья, — подсказала Ия.

— Эге, куда забрались! — Бикчетаев засмеялся. — При чем тут средневековье?

— А как же! — запротестовал смущенный Топчиев. — Сами посмотрите на плиту. Там написано — 1293 год. Значит, конец тринадцатого столетия, канун четырнадцатого...

— Канун!.. Эх ты, историк! Забыл, что мусульманское летосчисление не совпадает с христианским? Тото и оно! 1293 год от Хиджры соответствует 1915-му от рождества христово. В 1915 году надо Петлукина искать. Он почти наш современник, — вот что интересно!

— Товарищ Бикчетаев! Вы знаете, кто такой Петлукин! — заявила Ия убежденно.

— Угадала. Слышал о нем.

— Товарищ Бикчетаев!..

— Потом, потом! Умыться дайте с дороги. Чаю попить. Замучились со скатами этими!

Умывался Бикчетаев, словно назло, дольше всех. Давно уже участники экспедиции, прибывшие с ним, осмотрели плиту с надписью, подивились на хитроумную кладку холма, некоторые под руководством Ии даже побывали на вершине его, а начальник геолого-разведочной партии все еще плескался и фыркал у родника, будто слон на водопое. Только тот, кто странствовал по засушливой степи летом, понимает, какое это наслаждение на исходе дня добраться к ручейку с прохладной прозрачной водой!

Но вот, утолив жажду, умывшись, почистившись, будто помолодев на десять лет, Бикчетаев явился к костру.

Поужинали. Напились чаю.

И все это почти в молчании, перебрасываясь только самыми необходимыми застольными репликами: "Еще кружечку?", "Да, пожалуй", "А передай-ка нам, Гриша, эту коробку с консервами! Спасибо, милый!"

Наконец начальник геологоразведочной партии лег на траву и принялся неторопливо скручивать папиросу. Лицо его было серьезно.

Некоторое время он шурился на огромный красный диск, медленно спускавшийся к горизонту, будто припоминая подробности того, что собирался рассказать, потом начал так:

— Петлукин — это неправильно. Настоящая фамилия его — Ветлугин. Был такой большевик, отбывал в 1915 году ссылку в Акмолинской губернии. Казахи не могли правильно выговорить его фамилию и переименовали ее на свой лад...

Так, шаг за шагом, со всей последовательностью восстановлена была история каменного холма в Голодной степи.

...Ветлугина привезли в Акмолинск осенью.

В городе его не оставили. Было ли на этот счет указание в сопроводительной бумаге, выражение ли нахмуренного лобастого лица показалось строптивым, ссыльного повезли дальше, в глубь степи.

Таратайку кидало и подбрасывало на ухабах. Горизонт колыхался впереди, как мертвая зыбь.

Днем отчаянно пекло, а ночью становилось так холодно, что Ветлугин и сопровождавший его унтер сядились спинами друг к другу, чтобы согреться.

Даже привычная степная земля не выдерживала лихорадочной смены температур. Об этом свидетельствовали зигзаги трещин, пересекавшие ее во всех направлениях, будто после землетрясения.

"Битва гигантов, которым нет дела до того, что происходит с человеком, думал Ветлугин. — Извечная борьба тепла и холода, особенно ожесточенная в пустынях..."

Пока Ветлугин добирался до затерянного в степи села Дозорного, где назначено было ему жить, он упорно размышлял над проблемами метеорологии. Это помотало ему не думать о грустном: о прерванной работе, о разлуке с близкими.

Ветлугин отличался разносторонностью научных интересов. Он кончил физико-математический факультет университета, специальностью своей избрал географию, мечтал о путешествиях, об удивительных географических открытиях. Но жизнь его сложилась иначе. Пришлось, как шутил Ветлугин, завершать образование в "закрытых учебных заведениях": на "бутырских высших курсах", а теперь вот и в "западносибирской академии".

Еще в Москве, случалось, некоторые товарищи жалели, что он предпочел беспокойную судьбу подпольщика размеренному мирному существованию кабинетного ученого.

— Ты же ученый, Петя! — втолковывали ему. — Типичный исследователь, холодный, аналитический ум!.. Ведь вот же написал свою "Географию будущего"! Не хочешь, не можешь расстаться с ней!..

И обличающим перстом указывали на верхнюю полку книжного шкафа, где лежала незаконченная ветлугинская рукопись.

— Написал, да, — отвечал Ветлугин, сняв с полки толстую папку и нетерпеливо постукивая по ней ладонью. — Храню до лучших времен. Что из того, что лет через десять-двадцать эта работа даст эффект? Я чувствую внутреннюю необходимость помочь людям немедленно, сейчас! Можем ли мы думать о победе над стихией, пока не уничтожен капитализм, пока существует класс эксплуататоров? Сейчас идет война, классовая война! А во время войны все честные люди,

независимо от профессии, становятся солдатами. Вот почему я отложил свою "Географию будущего" и корректирую прокламация, а также составляю краски для шапирографа. Конечно же, все это имеет прямое отношение к моей рукописи...

Он досадовал, если его понимали не сразу.

— Ну, как же!.. Революция сделает человека невиданно сильным. Самые дерзкие замыслы станут реальными. А я, признаюсь, нетерпелив. Я хочу приблизить это счастливое время. Тогда и займемся по-настоящему "Географией будущего". Тогда наступит ее черед!.. — И, бережно смахнув пыль с папки, возвращал рукопись на место, на верхнюю полку.

В ночь своего ареста Ветлугин раньше обычного кончил работу.

Можно бы, казалось, перелистать "Географию будущего", терпеливо ожидавшую, когда обратит на нее внимание хозяин. Но, постояв в задумчивости у полок, Ветлугин отошел. Сегодня было как-то не по себе. Чувствовалась усталость, непонятное беспокойство.

Он осторожно отогнул занавеску, выглянул в окно. Улица была пуста.

Он лег на диван. Сон не шел.

Чудились шаги под окном, поскрипывание снега, приглушенные голоса, словно бы даже стук в дверь.

Ветлугин укрывшись с головой.

В комнате были стенные часы с мерным гулким боем и маленькие, карманные, лежавшие на тумбочке у кровати. Они тикали вразнобой. Похоже было: взрослый шагает по тротуару, а рядом, держась за руку, семенит ребенок.

Под хлопотливое постукивание детских каблучков начали расплываться и затихать призрачные звуки. Ветлугин подоткнул под спину сползший было плед,

свернулся калачиком. И когда стал уже засыпать, раздался стук в дверь, на этот раз настоящий.

...В наспех наброшенном пальто Ветлугин стоял у стола, смотря, как жандармы роются в шкафах и поднимают половицы в поисках листовок.

Самый длинный из них просматривал книги на полках, небрежно выдергивая одну за другой. Сверху, распластав страницы, сорвалась "География будущего". Ветлугин рванулся к рукописи.

— Куда? — прикрикнул ротмистр, руководивший обыском. — Стоять, где стоите!..

Последнее, что видел Ветлугин, когда его уводили, были листы заветной рукописи, устилавшие пол. Перед тем как упасть, они кружились, точно хлопья снега.

Теперь это вспоминалось всегда, когда смотрел в окно.

Снег в Дозорном выпал в октябре. Стоило переступить порог, и вот уже поземка клубится под ногами.

Дальше все было серо и зыбко. Горизонт наглухо задернула мгла.

Лежа ничком на скрипучем топчане, Ветлугин прислушивался к вою бурана за стеной. Вой тянулся без пауз, без роздыха. Пол содрогался, стакан дребезжал на подоконнике. Нельзя было спокойно думать под этот шум. Мысли неслись, обгоняя друг друга, будто подхваченные вихрем.

Ветлугин пробовал занять себя отвлеченными математическими расчетами, придумывал и решал головоломные задачи. Но это были всего лишь упражнения, гимнастика ума, тогда как он привык к труду целесообразному, полезному.

Если бы еще у него был товарищ! Но он был один. Разорванная в клочья "География будущего" стала

сниться ее автору по ночам. Целые страницы оживали перед ним. Он видел себя за письменным столом, лампа под зеленым абажуром бросала круг света на бумагу.

Он просыпался и, глядя в окно, за которым бесновалась метель, припоминал написанное, строчка за строчкой.

Надо было продолжать работу над рукописью. Хотя бы ради того, чтобы не развинтиться, не раскиснуть. Продолжать, во что бы то ни стало. Без выписок. Без справочной литературы. Полагаясь только на память.

Что ж, борьба! Но в этом была жизнь, спасение.

Ветлугин научился писать мельчайшим почерком, экономя синюю оберточную бумагу, которую он покупал в лавке за неимением другой. Математические выкладки делал на полу или стене.

"Кабинетный ученый, — улыбался он, старательно вычерчивая кривые углем на полу. — Вот я и стал кабинетным ученым. Посмотрели бы на меня сейчас жандармы в Акмолинске..."

Ему нравилось думать, что он перехитрил своих врагов в Акмолинске. Он ссыльный, невидимыми цепями прикованный к Дозорному. Но мысль его была свободна. Она странствовала в будущем. Кружила над казахскими степями, уносилась к Ледовитому океану. Открывала новые острова, переделывала географию России, передвигала реки и моря, дерзко вмешивалась в грандиозные атмосферные процессы, стараясь обратить их на пользу человеку.

Попробуй, свяжи мысль, запрети ее!..

Как-то днем само собой возникло решение одной очень сложной проблемы, над которой он давно ломал голову. Ветлугин кинулся записать, проверить. Как назло, под рукой не оказалось бумаги. Тут только

вспомнил, что бумага кончилась. С утра еще надо было позаботиться о возобновлении запасов.

Ветлугин очень дорожил такими мгновениями творческого озарения. "В первом наитии сила", — любил повторять он некрасовские слова. Поэтому, набросив тулуп, проворно шагнул за порог.

Стена бурана встала перед ним.

Когда в степи разыгрывался такой буран, жители Дозорного предпочитали отсиживаться дома.

Но ведь лавочник жил всего за пять домов. Нелепо было ждать, пока уляжется ветер. Нагнув голову, Ветлугин вышел за ворота, споткнулся, побрел.

Лавка была шагах в восьмидесяти. Он прошел сто и оглянулся: все было бело от снега. Ну да, ветер дул сначала в лицо, теперь задувал справа. Надо было, значит, повернуть и пройти назад двадцать шагов. Он сделал это, но не наткнулся на изгородь, как ожидал.

Быть может, ветер переменял направление?

Он посмотрел вверх. Солнца видно не было, — только белый полог летящего снега.

Ему стало страшно. Неужели он свернул в переулок к огородам и оказался в степи? Некстати пришел на память рассказ о человеке, который отправился в буран на другой конец поселка. Труп его нашли только весной далеко в степи...

Не думать об этом, не думать! Не поддаваться страху, не распускаться! Кто потерял присутствие духа — все потерял!..

Он бормотал про себя эти слова, как делал на допросе и в тюремном карцере. Привычное упрямое озлобление охватило его. Не мог же он так глупо погибнуть, отойдя всего на несколько шагов от дома.

Вначале Ветлугин шел с протянутыми вперед руками, как слепой. Ждал: вот-вот упрется в изгороди

или глиняную стену дома.

Потом брел уже по инерции. Слепящая белая пустота окружала его. Сомнений не было: он заблудился в буране.

А ведь степь простиралась на сотни километров вокруг Дозорного.

Тулуп не грел. Словно бы ватага хохочущих всадников носилась вокруг, свистя ледяными бичами. Удары падали на спину, на грудь; он все шел, с трудом сгибая колени.

С новым порывом ветра донесся до него слабый звон.

Начинались, видно, слуховые галлюцинации.

Он снова протянул руки, качнулся вперед. Пальцы скользнули по чему-то шерстистому, теплomu. Над самым ухом зазвенел колокольчик...

Ветлугина крепко взяли подмышки и потащили вверх.

Открыв глаза, он удивился: он как бы плыл по пенистому морю, тускло освещенному солнцем. Вдали виднелись округлые вершины сопok, торчавшие подобно островам. Вблизи в клубах снежной пыли то появлялись, то исчезали головы верблюдов. К изогнутым шеям были подвязаны колокольчики.

Снег несея низко над землей.

Такова метель в Казахстане. Пешехода она покрывает с головой, но всадники на верблюдах возвышаются над нею, и смело продвигаются вперед.

— Сиди, ваше благородие, сиди, — услышал Ветлугин голос с успокоительными интонациями. — Нельзя пешком в буран. Пропасть мог.

Море клубящейся снежной пыли раздвинулось перед ними. Караван тронулся дальше.

Как сквозь сон, ощутил Ветлугин, что его снимают с верблюда, вносят на руках в дом. Тот же озабоченный добрый голос говорил:

— В холодный сени клади! В теплый комната не вноси, нельзя. Сразу в теплый комната внесешь — умрет. Сильно замерз.

После перенесенного Ветлугин провалялся на своем топчане несколько недель. Во время болезни его навещал новый знакомый, Сабир Мухтамаев.

Это был очень общительный и веселый человек, привязавшийся к ссыльному, как обычно привязываются люди к тем, кому оказали важную услугу.

— Не скучай, ваше благородие, — утешал он его, держа на раздвинутых пальцах плоскую чашку, наполненную солоноватым чаем. — Скоро весна будет. Степь тогда красивой станет, очень красивой, красной...

И впрямь весна в Казахстане искупает безрадостное однообразие других времен года. Сплошь покрыта тогда степь цветами, и больше всего в ней тюльпанов.

— Пурпур, багрянец, алый!.. — восторженно перечислял Ветлугин оттенки, а тюльпаны перед ним колыхались и кланялись, сгибаясь от ветра, и казалось, это огоньки мигают и вспыхивают в зеленой траве.

— Смотри, смотри, — поощрительно говорил Сабир. — Летом не увидишь цветов. И травы не будет. По-нашему, Бет-Пак-Дала значит — неодетая, голая степь...

По целым дням теперь выздоравливавший Ветлугин пропадал в степи. С серьезностью, удивлявшей Сабира, он мог часами наблюдать за передвижениями муравья или созерцать голубое небо и проплывающие над степью облака.

"Вот эти снежно-белые, напоминающие кисточки или пряди волос, — вспоминал он, — называются пери-

стыми — цирусами. Они проходят на очень большой высоте и состоят из ледяных кристаллов — игл, что придает им такую прозрачность. А резко ограниченные, плотные, с вершиной в виде купола — кумулюсы, или кучевые, образующиеся из теплых потоков воздуха, которые поднимаются над разогретой землей".

Следя за кумулюсами, Ветлугин отмечал, что это признак устойчивой ясной погоды, а видя, как небо заволакивается пеленой перисто-слоистых облаков, понимал, что надвигается ненастье.

Однажды Сабир, отыскивавший друга в степи, увидел, что тот сидит на земле в задумчивости.

— Гадаешь? — спросил Сабир, присаживаясь рядом на корточки. — А что угадать хочешь? Когда домой отпустят, да?

Ветлугин указал на муравьев, проявлявших беспокойство.

— Дождь будет завтра. Смотри, как муравьи волнуются, все к муравейнику тащат...

Сабир кивнул.

— Я мимо реки шел, — сказал он. — Правильно, дождь будет. Птицы летают низко над водой, и рыбки скачут. А почему так?

Между двумя звеньями — поведением птиц и надвигающимся ненастьем Ветлугин обнаружил связующее звено — насекомых. Воздух сделался более влажным: крылышки насекомых, пушок, волоски, покрывающие их, впитали влагу и отяжелели. Насекомые стали летать ниже. Спустились и птицы, преследующие их, а рыбы в погоне за стрекозами стали выскакивать из воды.

Подле ветлугинского жилища появились первые самодельные метеоприборы флюгеры, гигроскоп, дождемер.

Любая деталь, от крылатки флюгера до винтика в гигроскопе, досталась ссыльному ценой упорного труда, уловок, ухищрений.

У старого, заброшенного источника они поставили с Сабиром ветрячок ветлугинской конструкции, и в ветреные дни тот старательно качал воду. Сыновья Сабера, считавшие ветряк собственностью своего семейства, с достоинством давали объяснения.

— Наш русский (так, в отличие от исправника, урядника и купцов-прасолов "чужих русских", называли Ветлугина в Дозорном), наш русский привязал ветер к крыльям, — говорили они. — Ветер теперь должен таскать воду со дна.

Казахов очень забавляло также запускание воздушных змеев, с помощью которых, за неимением шаров-пилотов, Ветлугин изучал направление ветра в верхних слоях атмосферы. Усевшись в сторонке, степные жители наслаждались удивительным зрелищем.

— Наш русский — хитрый человек, приманивает ветер. Глядите-ка, подул!..

Люди приезжали в Дозорный издалека, чтобы полюбоваться на ветряк, и флюгер, и солнечные часы, а также посоветоваться о том, снежная ли, по мнению Петлукина, будет зима, утеплять или нет сараи в аулах для скота?

Соблюдая сосредоточенное, почти благоговейное молчание, усаживались приезжие в круг подле маленького самодельного гигроскопа.

Из соломинки длиной в пятнадцать сантиметров Ветлугин вырезал две узкие полоски шириной не более полутора миллиметров и сложил так, что свободные концы разошлись наподобие усиков таракана. Сложенные концы были укреплены неподвижно.

Когда в воздухе появлялось много влаги, что было предвестием дождя, соломинки сближались. Когда воздух делался суше, усики снова расходились в разные стороны. Для измерения влажности воздуха служил разграфленный деревянный щиток, по которому усики двигались, как стрелки по циферблату.

После того как гости, удовлетворив любопытство, принимались за чай, Ветлугин приступал к ним, в свою очередь, с расспросами. Когда начинаются заморозки в их местах? Рано ли выгорает трава? Каких направлений ветры преобладают? Сабир не успевал переводить.

А пока Ветлугин заносил драгоценные для метеоролога сведения в тетрадь из синей оберточной бумаги, Сабир вполголоса распространялся о высоких добродетелях своего друга.

— Царь боится его, — таинственно шептал он гостям в пушистых малахаях. Поэтому держит далеко от себя.

— А почему боится царь?

— Потому, что род Петлукина желает людям добра...

Гости оживленно поворачивались в сторону Ветлугина.

— А чего желает нам Петлукин?

Ветлугину переводили вопрос. Он с доброй улыбкой смотрел на обращенные к нему заинтересованные лица. Кое-где из-за спины взрослого выглядывал ребенок в пестрой тюбетейке, поблескивая черными, как бусы, глазенками. Дети любили Ветлугина и не боялись его.

"Такой вот, — думал Ветлугин, — когда-нибудь будет управлять погодой в казахской степи, останавливать ветер на всем скаку, как коня, и на невидимом аркане притягивать тучу с дождем к земле..."

Одним простым словом можно было ответить на заданный Ветлугину вопрос. Было такое слово, почти синоним счастья в Средней Азии.

Ветлугин прислушался. Вдали поскрипывал чигирь. Донеслась однообразная песня, на единой ноте, печально-тягучая.

— Мы хотим, — ответил он казахам, — чтобы вода была в степи, много воды!

И пушистые малахаи удовлетворенно кивали.

Той весной у жилища Сабира иногда останавливались всадники, сидевшие чуть боком в седле. Свесившись с коня и поигрывая нагайкой, они сообщали новость, передававшуюся по степи от юрты к юрте:

— Начальник едет из Акмолинска. Спешит, ух! Хочет Петлукина накрыть. Скажешь Петлукину?...

В Акмолинске нервничали.

Доподлинно известно было, что ссыльный большевик Ветлугин занимается опытами во вред государственному престижу. Но что за опыты? О каких приборах идет речь?

Простирали в степь карающую десницу, — та захватывала пустоту, воздух! Ни разу не удавалось посланному в Дозорный нагрянуть врасплох. Неизменно встречали его презрительной усмешкой, отмалчивались, отворачивались, пока он, ругаясь, обшаривал углы.

А когда жандармская таратайка и выгоревший на солнце просаленный верх фуражки скрывались за кустами спиреантуса, Ветлугин доставал из тайника свою самодельную метеостанцию.

Лицо его принимало озабоченное выражение. Показания приборов были неутешительны.

Он переводил взгляд на небо, но и небо не радовало. Оно было прекрасного изумрудного цвета.

"В верхних слоях атмосферы, — соображал Ветлугин, — очень мало влаги. Такое небо предвещает засуху".

Закаты также были тревожны. В тот самый момент, когда солнце скрывалось за горизонтом, вдруг, будто меч, выхваченный из ножен, вырывался вверх ярко-зеленый луч.

Зрелище было эффектным, но Ветлугин знал, что означает этот зловещий признак.

— Плохое лето будет, — говорил он Сабиру, и тот мрачно кивал головой. Меч засухи был занесен над степью.

Летом казахи, зимовавшие у Дозорного, откочевывали южнее, к берегам небольшой реки, где пастбища лучше. Но река пересохла.

И в обычные годы она превращалась летом в цепь мелких плесов, а сейчас и тех не осталось. Колодец же в урочище с каждым днем давал воды все меньше. Введена была строгая норма. Сначала воду, — она была еще прозрачна, — получали дети. Взрослым доставалась мутная, глинистого оттенка вода, которую кипятили и пили в виде чая; горячая вода лучше утоляет жажду. Наконец к желобам подводили жалобно блеющих овец и вытягивавших шеи лошадей.

А ведь был лишь июнь. Что ждало степь в июле и в августе?

Ветлугин, живший летом в юрте Сабира, обнаружил, что стал центром внимания в урочище. За ним ходили неотступно, ловили его взгляды, будто ждали чего-то.

Однажды вечером, выпроводив из юрты жену и детей, Сабир подсел к Ветлугину.

— На, — сказал он и, оглянувшись, протянул на ладони две соломинки и свежевystруганную дощечку.

— Зачем это, Сабир?

— Сделай так, как ты делал весной. Людям нужен дождь, Петлукин. Ничего, если это будет маленький дождь.

Ветлугин промолчал. Сабир сказал, заглядывая в лицо:

— Почему молчишь, Петлукин?

Ветлугин продолжал молчать.

Рассердившись, Сабир вскочил на ноги. Тень в широкополой шляпе метнулась по стене.

— Я видел: ты смотрел на соломинки и шептал над ними — они сходились. Тогда шел дождь. Иногда дождь шел целый день. Почему ты не хочешь вызвать дождь сейчас?

Ветлугин сделал движение, чтобы ответить, но Сабир остановил его. Он отбросил войлочную дверь юрты. Ночь была звездной и ясной, без облачка. Над урочищем стоял жалобный рев, слышны были ржанье, блеянье, плач детей.

Что мог на это ответить Ветлугин?

Как объяснить, что все, о чем он мечтал вслух при Сабире, было правдой, но правдой завтрашнего дня? Пока что метеорологические приборы умели лишь предсказывать, но не предотвращать несчастья.

Некуда было бежать от несчастья. Негде было спрятаться от зеленого меча, поднимавшегося над горизонтом...

Из-под Каркаралинска привезли старуху, умеющую заговаривать кровь, лечить травами и знавшую, по слухам, заклятье против засухи. Сын ее, дюжий, с одутловатым сонным лицом, растолкал толпу и провел мать к Сабире.

Ветлугин ушел в степь, лег ничком в траву. Вскоре до него донесся топот множества ног и завывание.

Что делала сейчас каркаралинская колдунья? Развязывала узелки на веревке либо расплетала седые косы, что должно было, согласно колдовскому ритуалу, знаменовать освобождение стихии?

И что делал Сабир, его опора, друг, помощник? На четвереньках вместе со всеми полз за колдуньей, отбивал поклоны, кричал и кривлялся, вымаливая у скупого бога хоть каплю влаги?...

Шум затих, на небе высыпали звезды, а Ветлугин продолжал неподвижно лежать, не замечая холода.

Во всем теле была странная легкость.

Со вчерашнего дня он ничего не пил, днем очень мучился от жажды, но сейчас пить не хотелось. Так бывало с ним перед болезнью. Голова была ясна и свежа, он отчетливо представлял себе всю грозную реальность происходящего.

Степь на сотни километров вокруг была охвачена медленным пожаром засухи.

Чем помочь, что придумать для спасения?

— Людям нужен дождь, Петлукин, — сказал Сабир. — Дождь, дождь! Как вырвать его у равнодушного звездного неба?

Ночь неслышно текла над степью, над уснувшим стойбищем, над Ветлугиным, лежавшим ничком на земле, которая была изрезана зигзагами глубоких трещин.

Ему приснился сон. Ночью в пустыне он шел, бесконечно усталый, с трудом передвигая ноги, увязая в песке. Он знал, что это Египет, — на горизонте проступали смутные контуры пирамид.

Он споткнулся, поднял голову, увидел, что стоит у подножья статуи. То была фигура сидящего человека, высеченная могучим резцом из сплошного камня. Поодаль темнел другой силуэт. Огромные руки также

сложены на коленях, лицо с грубыми чертами обращено на восток.

Оба колосса были схожи, как близнецы, только у первого верхняя часть туловища обвалилась, голова и плечи лежали у постамента. Теперь Ветлугин понял, что он вблизи Фив, а колосс, возвышавшийся над ним, носит имя Мемнона.

Быстро светлело на востоке. Зашуршали пески, подул предутренний ветер. Желтый диск показался над барханами. Тотчас над самым ухом Ветлугина раздался торжественный басовый звук. Он был протяжен и долго вибрировал затихая.

Ветлугин обернулся. Обезглавленная фигура колосса была позолочена лучами солнца.

Ветлугин помнил этот удивительный феномен, о котором упоминали в университете на лекциях по метеорологии.

При землетрясении 27 года до нашей эры верхняя часть статуи обвалилась, и на рассвете колосс начал издавать звук, напоминавший звук замирающей струны. Предполагалось, что Мемнон, бывший, согласно мифу, сыном Зари, приветствует так появление своей матери. Римский император Септимий Север приказал реставрировать статую, надеясь, что она будет петь еще лучше. Но после реставрации статуя онемела.

Почему это произошло? И какое отношение имело это к Голодной степи, к ждущим помощи казахам, о которых Ветлугин не мог забыть даже во сне?

Он не знал. Он знал только, что задачу надо решить, что надо сделать это во что бы то ни стало.

Перед ним замелькали какие-то цифры, вычисления. Потом на листе синей оберточной бумаги он увидел строчки, написанные его собственным упрямо разгонистым почерком.

"Воздух пустыни, — прочел Ветлугин, — проникая глубоко в трещины охлажденного камня, осаждал влагу. При первых лучах солнца происходило бурное испарение, камень распирало, разрывало изнутри, он звучал! Стоило закрыть трещины, исправить повреждения, и удивительный колосс Мемнона умолк..."

Откуда это?

А, ну конечно, — начало третьей главы его "Географии будущего", посвященной росе — дождю пустынь.

Ветлугин поднял голову, чтобы всмотреться в лицо колосса, но вместо желтых барханов увидел бурую гладь степи. Солнце было уже высоко над степью.

Ладонью он провел по щеке. Что это? Влага? Он плакал во сне? Нет. Как будто нет...

Он рассеянно следил за юрким тушканчиком, который, осмелев, подскочил к груде камней, заменявших Ветлугину изголовье, и принялся вылизывать расщелины.

Ветлугин потер лоб. Надо обдумать это все до конца, связать разорванные звенья в одну логическую цепь. Почему он вспомнил о статуе Мемнона? Разве это так важно сейчас?

"Воздух пустыни, проникая в трещины охлажденного камня..." Там оседала роса... Утром происходило бурное испарение...

Ветлугин склонился над грудой камней, подле которой провел ночь. Да, конечно, влага уже испарилась отсюда, но если построить целый холм из камней, расположив камни в особом порядке... Так или лучше так...

— Петлукин, — донеслось издалека, — я искал тебя ночью.

Со стороны урочища шел Сабир.

— Ты болен, друг, — участливо сказал он. — Ты не привык без воды. Тебе труднее, чем нам. На, пей!

Он протянул Ветлугину кувшин, на дне которого плескалась коричневая жижа.

Ветлугин поднялся с колен.

— Камень! — пробормотал он. — Слушай, камень даст нам воду! Мы заставим камни дать нам воду!..

Сабир взглянул на друга, как на безумного.

— Где же ты будешь копать, Петлукин?

— Нигде. Я выжму воду из камня. Камень поможет мне столкнуть холод и зной, холодную ночь и знойный день. И я скажу тогда: пей, Сабир! Это роса!..

Так, подгоняемый надвигающимся бедствием засухи, человек вмешался в битву гигантов над своей головой.

Удивительная весть облетела урочище. Петлукин нашел воду в степи. Источник воды таился не в земле, а в воздухе.

— Поднимайтесь, выходите в степь! — сзывал людей Сабир, обходя юрты. Петлукин приказал собирать камни. Все выходите: женщины, старики, дети!

В земле, по указанию Ветлугина, было вырыто и тщательно уложено мелкими камнями чашеобразное углубление — водоем, куда должна была стекать вода. Узкий желоб выводил воду наружу.

Над сводами водоема начали насыпать камни. Их предварительно раздробляли, чтобы гора была, возможно, более пористой. Весь секрет был в особой укладке камней.

По замыслу Ветлугина, насыпная гора должна была представлять собой гигантскую каменную губку. Мало того, что гора вбирала ночью влагу из воздуха и сберегала охлажденную росу до утра, — она препятствовала ее испарению.

Ветлугин видел в мечтах уже целую вереницу холмов — воздушных колодцев, протянувшуюся через всю Голодную степь.

Он окидывал взглядом равнину: похоже было на развороченный муравейник. Всюду копошились люди: маленькие дети, и те не отставали от взрослых, таща в подолах груды щебня.

А вдали, у самой черты горизонта, чернели силуэты неподвижных всадников. То были пикеты, выдвинутые далеко в степь, в ту сторону, откуда невзначай могли нагрянуть царские чиновники.

Каменный холм был построен в последние дни июля. Сотни людей съехались со всех сторон посмотреть на степное диво. Мало кто спал в эту ночь, многие разложили свои кошмы прямо на земле, вокруг холма, — они хотели первыми увидеть долгожданную воду.

Раньше всех о ее появлении узнал Сабир.

— Звенит, — прошептал он Ветлугину, лежавшему рядом с ним у самого подножья холма.

За каменной преградой слышался мерный перезвон капель.

Солнце поднялось над степью. Ветлугин отвалил плиту, закрывавшую выход водоема. По каменному желобу, торопливо стуча, побежала струя.

— Вода, вода!..

— Остановитесь! — раздался визгливый голос. — Не пейте! Вода нечистая!

Из задних рядов, размахивая руками, проталкивался мулла из отдаленного аула Актасты, приехавший в Дозорный накануне.

— Остановитесь! — кричал мулла. — Вспомните, русские — наши враги! Заклинаю вас Кораном, не пейте этой воды! Ее дал вам русский!..

— Старый человек, — укоризненно сказал Сабир, — старый человек, зачем кричишь?

Он зачерпнул чашкой воду из желоба и протянул самому младшему из своих сыновей.

...Вскоре весть о недозволенном дошла окольными путями до Акмолинска. Целый кортеж — несколько бричек с чиновниками и жандармами — спешно пересекал степь.

Миражи возникали слева и справа, как блески на струящихся воздушных завесах.

На них косились с опаской. Проклятый ссыльный, говорят, обучил инородцев низводить эту призрачную, неуловимую воду с небес на землю.

Каково? Ссыльный облагодетельствовал инородцев! Черт знает что! Страшно подумать о нагоняе, ожидавшемся из Петербурга...

Акмолинская комиссия не слишком вникала в суть метеорологического феномена.

Холм приказано было скрыть, приборы уничтожить. Самого Ветлугина посадили между двумя жандармами с шашками наголо и увезли в Акмолинск.

Вскоре исчезли и юрты подле холма. Казахи откочевали в другое место. Холм же с плитой уцелел. Казахи не выполнили приказа властей. Ни у кого не поднялась рука на этот удивительный "воздушный колодец", и он по-прежнему стоит в степи, далеко видный, как бы плавающий на сверкающей светлой пелене...

Очень тихо было у подножья каменного холма, когда Бикчетаев умолк.

На землю пала ночь, — именно пала, а не спустилась, — без всяких переходов, почти без сумерек. Млечный путь, как арка, выгнулся над степью. В воздухе сразу похолодало.

Ия Адрианова вздохнула глубоко, будто перевела дух после быстрого бега.

— А дальше что? — как-то совсем по-детски спросила она.

— Дальше?... Ну, что ж дальше? Вот мы с тобой прокладываем дорогу строительству, готовим грандиозное обводнение Голодной степи...

— Я понимаю. Я не о том. А Ветлугин? Нашли его след?

— Как же! В музее в отдельной витрине даже "Дело" его есть. Удалось отыскать в архиве жандармского управления. Помню, одна страница начинается так: "Продолжая свою революционную работу на поселении и имея целью подрыв государственного престижа России в Голодной степи..."

— А сам-то он? Уцелел? Дожил до наших дней?

— Нет. Говорят, что нет. Внук Сабира, штурман дальнего плавания, сообщил деду, — старик жив до сих пор, — что Ветлугин в 1916 году находился на поселении где-то в устье Лены, — вон куда загнали из Акмолинска... Нетерпение мучило его. Деятельный был человек, энергичный...

— Спешил помочь людям, — вставил Топчиев.

— Да, помочь... Обязательно хотел принять участие в надвигавшейся революции. А уж было ясно, что революция надвигается. Он пытался бежать с места ссылки...

— Ну и...

— Говорят, погиб не то в тундре, не то в море во время побега...

— Как жаль его! — негромко, словно про себя, сказала Ия.

Все помолчали.

— А ведь ветлугинская идея нашла свое воплощение не только в каменном холме, — подал голос из темноты Семен Мухин. — Возьмите хотя бы траншейное огородничество. Принцип тот же. Конденсация и использование росы, заменяющей дождь в зоне пустынь.

— Ну, скоро уже и зоны такой не будет вовсе, — поправил кто-то.

Гриша Топчиев высоко поднял над костром граненый стакан с водой и посмотрел на свет.

— Ты что? — удивился Семен. — Вода чистая, хорошая.

— Когда пьешь воду, — медленно сказал Гриша, — не забывай об источнике...

— Откуда это?

— Есть такая восточная пословица.

— Хорошая пословица...

Бикчетаев встал, отошел к машинам, отдал распоряжение насчет ночлега и опять подсел к костру. Спать никому не хотелось.

— А я и не знала, что истоки так далеко, — задумчиво сказала Ия.

— Ну, как же! — рассудительно заметил Семен. — О счастье народа думали лучшие люди России. А ведь большевики были всегда лучшими людьми России!..

Снова все замолчали.

А ночное, очень глубокое казахстанское небо медленно двигалось над ними. Звезды были яркими и какими-то мохнатыми, как иней, — к ненастью. И все время мерно позванивала вода, вытекая тоненькой струйкой из родника...

ПТИЦА МАУК

Научно-фантастическая киноповесть

Журнал «Вокруг света» № 1, № 2, №3, 1947 г.

Л. ПЛАТОВ

Рис. Э. Тейлора

Научно-фантастическая киноповесть

Одной из наиболее увлекательных загадок Арктики в течение долгого времени была так называемая «Земля Санникова». Еще совсем недавно, в мае 1946 года, в научных кругах была высказана новая догадка по поводу появления и исчезновения этой таинственной земли.

Предлагаемая вниманию читателя киноповесть «Птица Маук» написана по мотивам научно-фантастического романа академика В. А. Обручева «Земля Санникова». Сюжет сценария значительно изменен по сравнению с сюжетом романа.

Общая научная редакция киноповести осуществлена академиком В. Обручевым, консультация по вопросам истории материальной культуры — доктором исторических наук В. Никольским.

ПРОЛОГ

Ясный полярный день. Среди льдин по морю плывет шар.

Шар швыряет из стороны в сторону. В причудливых ракурсах отражается небо, покрытое быстро бегущими

облаками, и ледяная пленка, собирающаяся складками на воде.

Шар приближается.

Это гидрографический буй. Он вылит целиком из стекла. Внутри его темнеет капсуль.

В Арктике такие буи применяют для изучения дрейфа льдов. Вместе со льдами они пересекают из конца в конец «белую пустыню», начиная свой путь где-нибудь вблизи северных берегов Сибири, в Карском море или в море Лаптевых и заканчивая его, спустя год или два, в Гренландском море, уже в преддверии Атлантики.

Много загадок удалось разрешить с помощью этих своеобразных разведчиков.

Их можно было бы назвать также гонцами. Внутри, в капсуле, надежно укрытом от воды, они несут свернутую трубочкой записку. В записке объясняется назначение стеклянного шара и указывается адрес научного учреждения, сотрудники которого спускали буй на воду. Нашедшего обычно просят сообщить координаты места встречи с бумом, для того чтобы ученые могли проследить весь пройденный им путь.

Вот сейчас произошла такая встреча.

Стеклянный шар покачивается на длинной волне, которую развел за собой могучий ледокол. Темный высокий борт судна вздымается из воды. На нем надпись золочеными буквами:

«Федоръ Горюновъ».

Корабль этот представляет собой плавучий научно-исследовательский институт.

Все население ледокола охвачено вдохновением научной работы, живет «от пробы до пробы», от одной

гидрологической станции до другой.

Гидрогеологи сосредоточенно разглядывают пробы грунта. Только что, изучая расположение минералов на дне моря в этом участке, они обнаружили новое, неизвестное ранее придонное течение.

Гидрохимики склонились над пробирками. Каждая проба воды, поднятая батометрами с обследуемого горизонта, подвергается разнообразным анализам: на кислород, на азот, на кремний, на соли. Важно установить, где берет начало течение, какого происхождения оно: атлантического, арктического или речного?

Гидробиологи сортируют пинцетами свой пестрый богатый улов. Рачки-калянусы, в пунцовых жилетах, очень маленькие, похожие издали на мелкозернистую икру, шевелят длиннейшими усами. Рядом в тазу лежат микроскопические водоросли, которые способствуют разрушению льдов, скапливаясь на их поверхности.

Эхолот показывает глубины — 54, 61, 76. «Федор Горюнов» идет пока еще по краю материковой отмели, и на регистрационной ленте прочерчивается волнообразный, без резких зигзагов след.

В кают-компании ледакола — три человека. Один, у стола, курит трубку, двое других стоят у иллюминатора, провожая взглядом остающийся за кормой буй. Плавание в пустынном океане всегда однообразно. Появление по курсу судна обыкновенного гидрографического буйа — почти событие.

— И они пропадают? — спрашивает молодой человек с крылышками пилота на петлицах кителя.

— Бесследно.

— Но только те, что сброшены поблизости?

— Да.

— А остальные?

— Проходят через весь Полярный бассейн. Как «Фрам», как «Седов».

— Значит, новое неразгаданное течение?

— Или отмель, преграда течению.

С шорохом расступается, раздвигаемый ледоколом, битый лед, мелкое крошево.

Через переборку из кубрика, где помещается команда, доносятся звуки песни: «Нелюдимо наше море». Мужественная, простая мелодия сливается с ровным гулом моторов, со скрежетом и шорохом льдины, являясь как бы музыкальным фоном продолжающегося в кают-компании разговора.

Летчик творит задумчиво:

— Хотелось бы верить, что там — земля.

Глаза его прищурены, устремлены вдаль. На лице мечтательная улыбка. Он развивает свою мысль:

— Исчезающие буи прибывает к берегу. Они встают на мертвый якорь в таинственной гавани...

— Много лет уже никто не вспоминает об этой земле, — прерывает его, вынув трубку изо рта, сидящий у стола широкоплечий человек со спокойными глазами помора — капитан ледокола.

— Но в прошлом столетии ее видели несколько раз, — не сдается летчик. — В ясную погоду и всегда в одном и том же месте: на северо-северо-восток от мыса Иркапий. Как объяснить это?

— Обычный арктический мираж, — снисходительно бросает третий собеседник, начальник гидрографической экспедиции. Он средних лет, в пенсне. У него худое, усталое лицо ученого. — Помните горы Крокера? — продолжает он. — Они даже были нанесены на карту, хотя только привиделись Россу, когда он искал северо-западный проход. Из тумана вдруг появился горный кряж и преградил ему дорогу. И Росс повернул обрат-

но, а ведь перед ним была чистая вода.

— Нет, здесь что-то другое. Не мог же остров привидеться нескольким людям подряд? Тем более на одном и том же месте?!

Капитан снова вынул трубку изо рта.

— В районе предполагаемой Земли Горюнова — я был однажды. Там не было ничего... Ничего! Лед. Туман.

Начальник экспедиции дружески обнимает летчика за плечи.

— В вашем возрасте я также мечтал об этой земле. Верил в нее не меньше самого Горюнова. Не задумываясь, пошел бы пешком по льдам, лишь бы добраться до нее. Но Горюнов погнался за миражем, поверил в аберрацию, в обман зрения.

Начальник экспедиции делает жест, показывая на портрет, висящий над столом на стене. На нем изображен молодой человек примерно того же возраста, что и летчик. Он одет в студенческую тужурку и косоворотку. У него высокий, чуть лысеющий, куполообразный лоб, очень ясные, светлые глаза. Отпечаток хорошей, молодой восторженности лежит на этом лице.

— А какой талант был, — печально покачав головой, продолжает начальник экспедиции. — Вы знаете, наверное, что ссылка помешала ему кончить университет. Но даже на поселении, в Сибири, не прекращал он научной работы. Посмертный его труд об ископаемых льдах до сих пор считается классическим.

— Как могли разрешить экспедицию политическому ссыльному?

— Он отбыл срок к тому времени. Было это в период первой мировой войны, за год или за два до революции. На материк, однако, вернулся только его каюр. Горюнова у него на глазах унесло в открытое море на

оторвавшейся льдине, когда они пытались переплыть большую полынью.

— Да, я читал об этом...

Медленно удаляется стеклянный шар, ловя отблески неяркого полярного солнца.

С причитаниями вьются над шаром чайки.

Ослепительно сверкает на солнце искрящийся мелкобитый лед, Вдали, за кормой ледокола, темнеет угрюмый мыс Иркапий — скала, один из створных знаков, по которым берут направление корабли, уходящие отсюда к высоким широтам.

Крепнет, заглушая гул моторов, свист ветра и шорох льда, сумрачная, мужественная песня:

*Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед погребено...*

У штурвала, с сосредоточенным лицом, стоит рулевой. Ледокол, носящий имя безвременно погибшего полярного путешественника, направляется к высоким широтам, в район, куда стремился когда-то и сам Горюнов.

Штурман, подойдя к рулевому, склоняется над компасом. Курс ледокола «Федор Горюнов» — норд-норд-ост (северо-северо-восток)...

Глава первая ПО СЛЕДУ ПТИЦ...

Но погиб ли действительно Горюнов?.. Не была ли к нему судьба более милостива, чем думали, и не вознаградила ли его за все лишения так, как только может быть вознагражден истый исследователь — открыватель новых земель?

Потемнело небо — ниже спустились облака. Все вокруг неуловимо и тревожно изменилось. Теперь перед нами очень мрачный, гнетущий своим однообразием пейзаж. Серое с белым море. Серое с белым небо. Линия горизонта стерлась. Между ними — бездна!

И в эту бездну, отверстую темную пасть, неотвратимо увлекаются дрейфующие льдины, поток льдин, сталкивающихся, подгоняемых ветром.

Посреди белого пространства темнеет единственное маленькое пятнышко.

Вот пятно дрогнуло, пошевелилось. От толчка льдина поворачивается на ней человек. Он лежит ничком. Волосы его спутаны. Лицо очень худое, глаза ввалились.

Человек приподнялся на руках, огляделся. Пусто. Ничего, кроме льдов. Опять опустил голову, чтобы не видеть пустынного океана, в котором он один, один...

Это Горюнов.

Прошло — кажется ему — бесконечно много времени с тех пор, как льдина унесла его в море, разлучив с другими участниками экспедиции. Одежда, его превратилась в отрепья. Силы на исходе. Надежды на спасение нет.

Горюнов даже не замечает, что движение льдин замедлилось, а потом и прекратилось совсем. Их прибило к неподвижному ледяному полю. Что ему до это-

го? Так же безотрадно было все вокруг. Глубже и глубже погружается он в оцепенение — вялую дремоту.

Но вдруг в монотонный шорох льдин и посвист ветра вплетается новая, резкая нота — крик перелетных птиц.

Горюнов запрокидывает голову. Сначала ему представляется, что небо над ним исчеркано вдоль и поперек. Постепенно возвращается ясность зрения: высоко над ледяными полями летят птицы.

Горюнов смотрит на них, точно в бред...

Горюнов смотрит на них, точно в бреду, повторяя:
— «Гусей — крикливых — караван — тянулся к югу — приближалось...»

Осеннее солнце совсем низко над горизонтом.

На фоне огромного солнечного диска четко вырисовываются силуэты птиц.

«Да, сейчас осень. Гуси возвращаются на материк после летовки. Но это значит, что они летовали где-то

в океане! Значит, там есть место, где они могли находить корм, гнездовать, выводить птенцов».

«Земля?..»

С усилием Горюнов встал. Колени дрожат. Он стискивает челюсти.

«Земля... Я смогу... Птицы там... Значит — земля!..»

Караваны птиц тянутся по небу.

Налетает ветер, надвигается мгла. Низкое солнце чуть видно сквозь белесую пелену.

Человек дышит трудно, прерывисто. Согнутая спина его то возникает, то пропадает среди торосов... Слабый упрямый голос прорывается сквозь вой пурги:

— Гусей!.. Крикливых!.. Караван!..

Горюнов всползает по крутому склону. Катится вниз. Выступ помог удержаться. «Что это чернеет?» Он жадно разгребает снег. Ближе к глазам подносит ладонь, на которой, в комке снега, — несколько темных крупинок.

«Земля!»

Горюнов продолжает ползти вверх. Вот, наконец, он и на гребне горы. Его шатает от усталости.

Внезапный порыв ветра разрывает туман. Точно занавес раздернулся. Туман редет, расползается в стороны. Открывается огромная котловина, замкнутая со всех сторон горами. На дне котловины лес, лужайки. Над далекими озерами поднимаются испарения.

Резкий, ошеломляющий контраст: оазис среди льдов! Хрипло дыша, Горюнов опускается в снег: силы иссякли. Он закрывает лицо руками.

«Мираж!..»

Робко раздвинул пальцы. Сейчас снова увидит снег, торосы. Нет! Туман продолжает редеть. Зеленая долина проступила все ярче, рельефнее.

Горюнов спускается по зеленому склону вниз, в котловину. По мере удаления от вершин, покрытых снегом, меняется растительность. Вместо моха под ногами зашуршала трава, запестрели цветы. Возникают стелющиеся кусты полярной березы, ивы, ольхи. Распластались по земле, будто ползут следом за Горюновым.

Появляются и деревья. Делаются все выше и выше. Сначала они по пояс Горюнову. Вот поднялись вровень с ним. Зашумели ветвями над его головой.

Горюнов останавливается, прислушивается к щебетанию птиц. Над травой мелькают бабочки. Бабочки... Горюнов опускается на землю, трогает листья, траву, мох, еще не веря в реальность окружающего.

«Одуванчик!»

Широко раскрытыми глазами Горюнов смотрит через цветок на мир, открывшийся перед ним. Одуванчик облетел. Горюнов оглядывается испуганно, — не исчезнет ли так и все вокруг?

Раздвинув кусты, он видит родник. Струя воды бьет из-под мха и растекается по земле.

Горюнов опускается на колени, поспешно зачерпывает в горсть, резко отдергивает руку. Это — горячий источник!

Над невысоким конусом, сложенным из снежно-белого кремнистого туфа, поднимаются пузырьки пара. Горюнов едва успевает отскочить: из конуса с грохотом вырывается фонтан кипящей воды.

Это очень важная деталь ландшафта. Вдали на фоне яркой зелени, то вздымаясь, то опадал, серебрятся гейзеры — фантастические стражи этого удивительного мира.

Горюнов стоит посреди поляны, прислушиваясь. Будто ливень проходит над лесом. Нарастающий гроз-

ный гул. Треск сучьев, хруст, топот. Мимо порскнули зайцы, длинными прыжками пронесся олень, протрусил кабан. Гул приближается.

Горюнов оглянулся по сторонам, ища убежища, прикрытия. В глаза бросилась груда скал посреди поляны; метнулся к ней, быстро взобрался наверх.

Лег между камнями в углублении, поросшем вереском.

Опушка Леса зияет тревожным провалом. Нарастают топот, трубный рев. Ломая ветви, выбегает из леса мамонт. Длинная шерсть его сбилась клоچьями, хобот вытянут. Неуклюжими прыжками пересекает поляну, уходя от преследования.

Неуклюжими прыжками мамонт пересекает поляну, уходя от преследования.

Загонщики следуют за ним на почтительном расстоянии, размахивая трещотками, колотя в колотушки, завывая и вопя. Они — в меховых шкурах, у них раскрашенные лица, ожерелья из когтей и зубов.

Мужчины с дротиками опережают мамонта, преграждают ему путь. Мамонт шарахнулся в сторону, исчез.

Ликующие клики. Он пойман! Он провалился в яму, прикрытую ветвями!

Над ловушкой возвышаются только голова с развевающимися космами, похожими на длинную траву, и страшные, круто загнутые бивни. Великан пленен пигмеями.

Люди в шкурах мечут в своего пленника дротики, швыряют, острые камни. В разноголосом вое Горюнов с удивлением различает странные выкрики, похожие на заклинание:

— Умри! Длиннозубый брат наш, умри! Не пугай нас! Умри!.

Но вдруг над толпой, свиваясь кольцами, точно толстая серая змея, поднялся хобот. Мгновенье — и один из охотников подброшен высоко в воздух. Толпа откатывается от ямы.

Разъяренный мамонт силится выбраться из ловушки. Дротики торчат в его спине, как иглы ежа. Могу-чим броском он вскидывает свое тело. Еще одно усилие, и он стоит на земле, на краю ямы. Раскидывает, расшвыривает наседающих на него людей с копьями и топорами и скрывается в лесу.

Поляна опустела. Охотники унесли с собой убитых и раненых. Выждав, пока не скроется последний из островитян, Горюнов медленно спускается со скалы. Остановился у ямы, присев на корточки, склоняется над оброненным каменным топором.

По способу обработки камня можно узнать, на сколько же сотен тысяч лет отбросила Горюнова судьба из современности в далекое прошлое, в доисторию человечества...

Глава вторая БОЛЬШОЙ ДАР

У подножья горы колыхается взволнованная толпа. Неподвижны только несколько женских фигур на заднем плане, склонившиеся над мертвыми. Слышны крики:

— Голод! Маук! Птица Маук! Страшен гнев Птицы Маук!..

Видны отдельные искаженные ужасом лица.

Охотник, отшвырнув топор, лежит ничком на земле.

— Разве мало было даров?.. Самых лучших оленей — тебе. Первую долю добычи — тебе, Маук!

Из гомона выделяются возгласы:

— Нерхо!.. Говори, Нерхо!.. Пусть говорит Нерхо!.. Нерхо-охотник, руководивший облавой на мамонта, — стоит в задумчивости. Рау, колдун с морщинистым подвижным лицом, выглянул из-за его спины, визгливо кричит, потрясая магической погремушкой:

— Маук — Большой Дар!

Дрожь проходит по толпе.

— Мы скупилась на дары, — продолжает Рау настойчиво.

— Но ей давали оленей, — раздаются жалобные голоса. — Самых лучших оленей!..

— Только — оленей!

Нерхо выпрямляется, приняв решение. Тяжелое слово падает, как удар:

— Большой Дар!

Женщины мечутся по стойбищу.

Внутренность пещеры. Воин, откинув шкуру, заменяющую дверь, встает у порога. Мать прижимает к себе двух сыновей. Кого отдать? Толкает одного к воину,

но, раздумав, быстро притягивает назад к себе. Толкает другого, снова крепко прижимает обоих.

Воин шагнул, взял ребенка за руку, потащил.

Стойбище. Воины вырывают детей из рук женщин. Рау стоит среди испуганных мальчиков, предназначенных в жертву Маук.

Это и есть Большой Дар.

Горюнов выглянул из-за скалы и снова спрятался, не замеченный никем.

От груди молодой женщины воин отрывает ребенка. Женщина падает, ползет. Подняв исковерканное злобой лицо, она кричит:

— А где твой сын Нерхо? Ты обрек наших детей Маук и спрятал своего сына! Где твой сын? Где Кеюлькан?

Нерхо положил руку на голову маленького мальчика, пугливо прижавшегося к его коленям. По лицу Нерхо текут слезы.

— Вот Кеюлькан!

Каменистая площадка в ущелье. Внизу перебегают причудливые огоньки и змеится дым, выходящий из множества расщелин. Еще дальше, на скате горы, сквозь струящуюся пелену дыма то появляется, то исчезает скала странной формы.

Дети — у края пропасти. Пылают факелы. С гор сползает туман. Все происходящее представляется Горюнову какой-то фантазмагорией, кошмаром.

Рау, подняв руки, поворачивается к скале.

— О, грозная Птица Маук! О, великая Птица! Хозяйка бурь, голода и страха! Я, Рау, говорю с тобой. Вот дар. Лучшее — тебе. Возьми этих детей, оставь жизнь другим. Наполни нам животы. Дай удачу в охоте!

Ритмический стук трещоток. Эхо повторяет обрывки заклинания.

— Сними с топоров заклятье! — восклицает Рау. — Расколдуй копыя! Пусть будет удача в охоте!

Люди, охваченные экстазом, повторяют за ним:

— Пусть будет удача в охоте!

Никто не замечает Горюнова, который бегом спускается с горы. «Прими Большой Дар, Птица Маук! — доносятся, подгоняя его, зловещие выкрики. — Веселись сегодня, Птица Маук! Разжигай подземные костры, ешь, громовая Птица!»

Сложенными накрест копиями воины оттесняют детей к пропасти. Пронзительный крик. Кеюлькан, стоящий у самого края, судорожно цепляется за камни. Ноги его висят над пропастью. Внизу по дну ущелья перебегают огоньки. Нерхо отвернулся, закрыл лицо полой мехового плаща, чтобы не видеть гибели сына.

Вдруг в освещенном факелами круге показывается рука и отводит копьё, нависшее над Кеюльканом.

Горюнов встает перед толпой.

— Откуда этот человек, кто он?

Рау, оскалив зубы бросается к Горюнову:

— Прочь! Это отдано Маук!

Он вырывает у оторопевшего воина копьё. Горюнов швыряет колдуна на землю. Отнимает копьё.

— Маук сожжет тебя! — крикнул Рау с земли.

Пелена дыма рассеялась. Далекая скала видна вся, от подножья до вершины. Странные угловатые очертания ее действительно напоминают злобно нахохлившуюся птицу. Из расщелины поднимается дым, точно внизу курятся жертвенные костры.

Дикари, распростершись ничком, лежат на каменистой площадке. Горюнов стоит неподвижно, держа копьё. Силуэт его четко выделяется на фоне струящегося из пропасти дыма и отсветов пламени.

Дикари поднимают головы. Нет! Смельчак неведим.

Они нерешительно приближаются к нему, смыкая круг, притягиваемые любопытством.

Нерхо тронул Горюнова за руку.

— Кто ты?

Горюнов всматривается в его лицо. Это хорошее, смышленное и доброе лицо. В нем нет злобы, только удивление и робость.

— Я твой друг, охотник! Что это?

— Маук. Птица Маук.

Горюнов оборачивается к камню, которому приносят жертвы, но его уже снова затянула пелена дыма.

Нерхо, проследив его взгляд, говорит, изумленный:

— Ты отнял дар у Маук!

— Да.

— И ты не боишься Маук?..

Оправившись от поражения, Рау протискивается сквозь толпу. У него спутанные седые волосы, морщинистое и подвижное лицо с темными, беспокойными, глубоко запавшими глазами. Он смотрит на Горюнова снизу вверх, злобно усмехаясь, гримасничая, разевая рот, чтобы казаться страшнее.

— Ты отнял дар у Маук. Так! Кто же теперь даст нам удачу в охоте?..

Горюнов внимательно следит за его движениями, готовый к отпору. Но колдун изменил тактику. Он хочет осмеять своего соперника. Кривляясь, выгибая колесом грудь и нелепо приседая, он передразнивает гордую осанку Горюнова. Вдруг движением фокусника выхватывает у него из рук копье.

Толпа колыхнулась. В свете факелов тускло блеснул кремневый наконечник.

— Ты отнял дар у Маук. Так! Кто же теперь даст нам удачу и охоте?

— Вот копье, — кричит Рау торжествуя. — Раскол-
дуй! Пусть летит далеко. Дай вместо Маук удачу в охо-
те!

Он швыряет копье под ноги Горюнову.
Толпа снова придвинулась к пришельцу.

У воина, стоящего рядом, Рау вырвал топор. Согнулся под его тяжестью. Непочтительный смешок в толпе. Рау злобно оглядывается. Смех тотчас смолкает.

Колдун бросил топор к ногам Горюнова.

— Топор тяжел. Сделай его легким. Сделай его острым. Дай удачу в охоте!

Гул голосов. Мелькнуло озабоченное лицо Нерхо.

Мстительный хохот Рау. Ущелье наполняется разноголосым шумом, будто множество камней сорвалось вниз. Все вокруг гудит, грохочет.

Сжав губы, Горюнов идет на оробевшую толпу островитян, шаг за шагом оттесняя ее от пропасти.

Глава третья

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА ОБИТАНИЯ

Горюнов поднял голову со шкуры медведя, на которой лежал. Где он? Над ним нависли сумрачные своды пещеры. Рядом чадит фитиль, плавающий в каменной площадке. Пещера очень велика, края ее теряются во мгле, хотя посредине пылает несколько Костров.

Прямо перед собой Горюнов различает огромные угловатые тени. Это на противоположной стене раскачиваются странные силуэты человеческих фигур с косматыми головами и сутуловатыми плечами.

Горюнов жмурится, встряхивает головой, чтобы прогнать наваждение, снова открывает глаза. Нет, видение не пропадает.

— Выпей отвара, — раздается голос над ухом. — Ты говорил о непонятном. Твоя душа была далеко.

Повернувшись на локте, Горюнов видит человека, сидящего неподалеку в углу и при тусклом свете каменной площадки обрабатывающего камнем камень. Склоненное лицо его, по которому перебегают отсветы пламени, сосредоточенно и спокойно.

«А!.. Ведь это Нерхо!..»

И все пережитое вспомнилось сразу.

На зеленый остров-оазис среди льдов Горюнов добрался уже осенью, к концу полярного дня. Вскоре зашло солнце, взошла луна. Наступила зима, ночь.

На зиму островитяне забираются в пещеры, как медведи в свое логово. Живет племя преимущественно теми запасами, которые собраны за лето. Мужчины готовятся к весенней охоте, изготавливают оружие: каменные топоры, ножи из обсидиана, кремневые наконечники для дротиков. Костяными иглами и кишками животных женщины сшивают шкуры — одежду.

Горюнов видит человека, при свете каменной илочки обра-
батывающего камнем камень.

У костров тянется томительно-долгая ночь. Уродливые тени раскачиваются на стенах. Плывет под сводами, как дым от костра, тоненькая, заунывно-монотонная мелодия песни. Похоже на сон, на тяжелую дрему.

И вправду — Горюнову казалось вначале, что это все чудится ему в каком-то диковинном, необычайно затянувшемся сне. Возможно, объяснялось это тем, что он был болен: скитания на льдине, в потоке дрейфующих льдов не прошли для него даром. Ноги были отморожены. Удалось сохранить их только стараниями доброго Нерхо.

— Ты враг Маук, — объяснял ему Нерхо, поя его целебным отваром из трав. — Значит, ты друг наш.

Подвиг пришельца, осмелившегося отнять Большой Дар у грозной Птицы, чрезвычайно поразил воображение островитян. По отдельным отрывочным фразам, по особой почтительной робости обращения Горюнов догадался: с нетерпением ждут лета, чтобы увидеть, сумеет ли он расколдовать заговоренные копы.

Горюнову было непонятно вначале и другое: почему он стал сразу изъясняться на языке этих первобытных людей? Потом понял: в языке у них было много общих корней с чукотским, который Горюнов изучал еще на поселении.

— Лучше стало. Спасибо, Нерхо! — бормочет он, снова опускаясь на шкуры. — Продолжай свою песню. Ты дошел до Большой воды и остановился со своим племенем в мысе Иркапий.

Это очень длинная песня, почти без мотива, эпический речитатив, однообразный, как тундра, потому что предки островитян были жителями тундры, — переда-

ющийся из поколения в поколение рассказ об исходе, о бегстве народа онкилонов с Большой земли.

Подумать только, что об онкилонах Горюнов читал перед самым своим арестом еще в Петербурге, в университетской библиотеке! Небрежно листал «Плавание на „Веге“» Норденшельда, проглядывал краем глаза картинки: плохо исполненные изображения разрушенных землянок, фотографии найденных Норденшельдом каменных топоров и кремневых наконечников. Для чего ему это понадобилось тогда? Для какой-то справки в студенческом реферате...

Мог ли он знать, что спустя несколько лет будет наблюдать, как сгибаются и разгибаются над своими изделиями каменотесы-оружейники, лежа у первобытного костра в пещере, и слушать, как онкилон напевает тонким голосом:

«...И увидели перед собой воду и лед. Но по пятам за ними шли оленные чукчи. А за спиной чукчей были люди Грома...»

Итак, Норденшельд ошибся: народ онкилонов жив. Развалины жилищ из китовой кости на мысе Иркапий, которые посетил и срисовал Иорденшельд, проходя на «Веге» вдоль северных берегов Евразии, были предпоследней, а не последней стоянкой племени!

На долю Горюнова выпало проследить дальнейший путь онкилонов по льду в глубь Арктики. Когда он вернется в Петербург, если он вернется в Петербург! — его сообщение в Академии наук положит конец спору об онкилонах, который ведется более столетия.

Всех ближе на поверку оказался к истине адмирал Врангель^[1].

[1] Адмирал Врангель – выдающийся русский путешественник, исследователь Крайнего Севера.

Известно, что в конце XVII века загадочный народ онкилонов занимал весь азиатский берег от Шелагского мыса до Берингова пролива. Уже к началу XVIII века всякие упоминания об онкилонах прекращаются, — они как в воду канули.

Врангель предположил, что онкилоны бежали от чукчей на гипотетическую землю, существование которой довольно точно указал, и которая впоследствии была открыта и названа его именем, однако следов пребывания там беглецов не обнаружено.

Почему? Да потому, что, вступив на лед, онкилоны взяли направление не на северо-восток, что вывело бы их на остров Врангеля, а на северо-северо-восток, так как впереди — и они знали это — тоже был острое.

По-иному выглядела отсюда, из пещеры, в отвесах костров, и трагедия народа, потерявшегося на бескрайнем побережье Ледовитого океана.

Правильно, что оленным чукчам и онкилонам было тесно рядом. Убогая фауна и флора тундры, не могли прокормить их. Чукчи оказались сильнее в борьбе. Шаг за шагом они оттесняли противников со старых, привычных охотничьих угодий, гнали к морю...

Но было еще действующее лицо в этой трагедии, кроме чукчей и онкилонов.

«За спиной чукчей шли люди Грома...» — так было в песне.

Да, с юга надвигались на оленных чукчей скупщики пушнины, золотоискатели, казаки. Они были снабжены оружием огнестрельного боя. Онкилоны знали о них понаслышке, только по рассказам оленных чукчей и наделяли, естественно, самыми пугающими свойствами.

Слушая с закрытыми глазами монотонное пение Нерхо, Горюнов совершенно ясно представляет себе

схему этой миграции:

«...И увидели перед собой воду и лед».

Все сходилось. Это была Большая Вода — океан.

Норденшельд считал, что именно здесь, на берегу водной пустыни, закончился последний акт трагедии онкилонов, которым не хватило места на земле.

Но с мыса Иркапий, по словам песни, беглецы, уцелевшие от истребления, увидели на горизонте темную полосу — это была земля, надежда.

Со всем своим скарбом, с женщинами и детьми онкилоны вступили на лед и тронулись к острову, руководимые безошибочным, почти звериным инстинктом. В песне не упоминалось, каких трудов стоило беглецам добраться до манившей их земли. Эпически повествовалось лишь о том, что:

«...когда, наконец, отцы наших отцов и матери наших матерей дошли до гор и спустились внутрь котловины, то увидели, что в лесах много мяса, а вода в озерах чиста и приятна на вкус».

Вот что произошло более двухсот лет назад в Арктике. Последнюю черту обитания человека онкилоны продвинули от побережья Ледовитого океана к высоким широтам, где среди льдов, окутанный туманом, поднимался со дна остров-загадка с его удивительно теплым климатом.

Глава четвертая

ПОИСКИ МАУК

С полночи, то есть с середины зимы, Горюнов был уже на ногах. Неизвестно, что подняло его с одра болезни: целебные ли отвары Иерхо, или вдруг овладевший им азарт ученого-исследователя. Слишком много тайн было вокруг, чтобы оставаться в бездействии.

Почему на острове было тепло? Почему весна, по рассказам онкилонов, наступала тут значительно раньше, чем это было южнее, на материке? Почему здесь леса, тогда как в прибрежной тундре можно найти один лишь мох? Почему в этом удивительном мирке наряду с другими животными уцелел мамонт?

Что такое, наконец, эта Маук?

Странный культ ее пронизывал всю жизнь онкилонов. Зловещая Птица, распластав крылья, как бы незримо парила над островом.

Многое в культе окружалось особой, ритуальной таинственностью и было доступно только Рау и старейшинам, оставаясь под запретом для остальных членов племени.

Сам Нерхо, обычно словоохотливый и доброжелательно настроенный, на все расспросы о Маук отделывался угрюмыми обиняками.

Быть может, поэтому у Горюнова зародилась мысль, что, разгадав тайну Маук, он получит ключ ко всем остальным тайнам острова и сможет правильно ориентироваться в происходящем.

Он терпеливо соединял воедино разрозненные сведения о Маук.

Известно было, что злое влияние Маук преследовало онкилонов еще до их прихода на остров. Затем она отыскала и догнала их здесь.

Что могло это значить?

Горюнов долго размышлял над подслушанной как-то фразой: «Догнала в сопровождении мертвых». Но смысл этих слов продолжал оставаться темным.

Он помнил, что легендарная гигантская птица встречается также в фольклоре якутов, остяков и тунгусов. Есть ли тут какая-нибудь связь?

Общий ли это миф, или Маук онкилонов стоит особняком в мифологии народов Крайнего Севера?

Чтобы попытаться разъяснить это, Горюнов отправился в свою первую после болезни подземную экспедицию. То, что осталось недосказанным в песне и рассказах.

Нерхо, не доскажут ли, не объяснят ли рисунки на стенах?

Пещера, в «устье» которой располагались на зиму онкилоны, проникала далеко в глубь горы. Это был настоящий лабиринт со множеством переходов, тупиков и сводчатых зал. Один каменный коридор, примыкавший к жилым помещениям, представлял собой нечто вроде первобытной картинной галереи. Все стены в нем были испещрены рисунками, воспроизводившими различные моменты охоты и рыбной ловли.

Еще пробуя ходить, Горюнов забредал сюда. Он с интересом наблюдал за тем, как при свете плашек празднично принаряженные художники, в ожерельях из звериных зубов и раковин, устроившись на высоких подставках, расписывают стены и своды пещеры. В руках у них каменные палитры и костяные флакончики с порошком красной охры. Работая, они сохраняют благовеиное молчание.

Это первобытная иконопись. Почти все изображения зверей помечены крестом, углом или крышевидными значками, что определяет магический характер

Взяв в руки горящий факел, отправился на поиски Маук.

фресок. Это картины будущей удачной охоты, — иначе говоря, ворожба углем и красками, обрядовая живопись.

Ведь в первобытном мире, — Горюнов помнил об этом, — искусство должно было предварять, опережать жизнь. Онкилоны желали, чтобы с настоящими животными произошло во время охоты то же, что с их изображениями на стенах пещер.

Но среди убегающих мамонтов, оленей с закинутыми назад рогами, горбатых кабанов с торчащими в спине дротиками Горюнов не видел ничего похожего на птицу.

Однажды, когда все спали, он поднялся, перешагнул через лежащего рядом Нерхо и, взяв в руки горящий факел, отправился на поиски Маук.

...Шаги его гулко отдаются под сводами. Немеет рука, потому что приходится все время высоко поднимать факел. Жуткие косматые лики глядят на него со стен. Некоторые животные исполнены с такой экспрессией, с такой убедительной силой, что кажется: вот-вот сорвутся с места, застучат, забьют копытами, понесутся вперед, увлекая за собой Горюнова. То же, наверное, должен чувствовать человек, попавший в середину стада разъяренных быков.

Маук на стенах нет.

И вдруг, почти отчаявшись, Горюнов заметил под сводами край черного крыла.

Сначала ему показалось, что это летучая мышь. Он присмотрелся.

Это, видимо, очень давнее, не подновлявшееся изображение, так как в отдельных местах краска сошла. Встав на цыпочки, Горюнов присветил себе факелом. Можно различить когти, держащие не то змей, не то ветки. Хотя нет, это скорее молнии. Да, совершенно

точно, пучок молний. Над сохранившимся крылом — какой-то странный нарост.

Пройдя еще несколько шагов, Горюнов увидел второе, потом третье изображение птицы, несомненно, более позднего происхождения. Изменилась манера письма. Первое изображение было натуралистическим, детали были старательно отделаны. Горюнов готов был биться об заклад, что художник рисовал с натуры, имея перед глазами оригинал или, в худшем случае, срисовывая по памяти. Последующие изображения, к сожалению, делались постепенно все более и более схематическими, как, впрочем, и все остальные фрески. Таково было закономерное развитие первобытной живописи, переход к условным значкам, буквам.

Теперь Маук воспроизводилась на стене всего двумя-тремя беглыми мазками — черный контур птицы, один абрис крыла. Очевидно, священный ужас охватывал онкилонов даже перед условным знаком Маук.

Но для исследователя, конечно, этого было мало.

Переноса свой дымящийся факел от одной стены к другой и приглядываясь к рисункам, Горюнов прошел весь коридор из конца в конец. Дальше ход был завален камнями.

Вот и все результаты подземной экспедиции. Немного!

Однако, вернувшись в жилую пещеру и размышляя о виденном, Горюнов вспомнил важную подробность: крышевидных магических значков на птице не было. Стало быть, островитяне никогда не охотились на нее и не собирались охотиться. Наоборот, на одном рисунке человечки с копьями убегали от нее.

Да полно, была ли в действительности такая птица?

Между тем, в предании называли трех онкилонов,

которые видели ее, прежде чем она превратилась в камень. Двое тут же умерли, ослепленные исходящим от нее страшный блеском. Третий уцелел, но жил недолго, потому что нельзя безнаказанно видеть Маук. Не был ли этот смельчак тем давно умершим художником, который нарисовал на стене пещеры первое изображение птицы?

Глава пятая

ПОХИЩЕНИЕ КРЫЛА

Но что мог он сделать, чтобы победить Маук?

Даже Робинзон, испытаниям которого он так сочувствовал в детстве, был гораздо лучше снабжен, чем он. Ружье, порох, припасы, охотничий нож оставались в нарте, когда Горюнов пытался столкнуть байдару в воду. Он пришел на остров с пустыми руками.

Как помочь онкилонам в их борьбе с враждебной и непонятной им природой?..

В отверстие пещеры видно: медленно падают, кружась в воздухе, снежные хлопья. Сквозь них, как сквозь сетку, уже можно различить озера и столбы гейзеров.

Снег очень быстро тает. Сначала чернеют, потом начинают зеленеть пологие склоны котловины.

Опушка леса. Выходит одинокий странный зверь: будто олень, но на коротеньких ногах. Следом вприпрыжку выбежал медведь. Не обращая на него внимания, олень продолжает мирно пастись. На опушке появилось еще несколько животных. Некоторые напоминают кабанов, другие коз.

Видно, как со всех концов поляны подползают, прячась за кустами, охотники. Удивительно, что и охотников не замечают странные животные. Кольцо сомкнулось. Воинственный клич! В воздух полетели копья и дротики.

Свалив зверя, онкилон отступает на шаг и произносит установленную формулу:

— Прости, брат с серым лицом, за то, что я должен убить тебя. Мои дети ждут еды.

Он взмахивает топором, но прежде чем топор опустился, из-под звериной шкуры появляется улыбаю-

щееся лицо. Это — «ряженные». Они вылезают из шкур, снимают звериные морды — маски. Закончена обязательная театральная интермедия, предшествующая первобытной охоте. Подобно живописи на стенах пещеры, такая «репетиция», по представлениям онкилонов, должна повлиять в желательном смысле на животных, «подготовить» их к охоте.

Процессия ряженных, во главе которой шествует, приплясывая и выкрикивая заклинания, Рау, минует жилище Горюнова.

В глубине пещеры Нерхо готовит оружие для охоты. У ног его свалены грудой приготовленные для охоты костяные гарпуны, ножи из обсидиана, неуклюжие копьеметалки.

Провожая взглядом процессию, Нерхо поясняет:

— Рау заколдовал зверей, чтобы сами шли под топор и копье.

— Но они не идут?

— Нет.

Горюнов заканчивает укрепление тетивы на древке. Лук готов.

— Рау — плохой колдун, — говорит он небрежно.

— Ты заставишь зверей повиноваться тебе?

— Нет! Я заставлю копье.

На поляну неподалеку от стойбища вышли Горюнов, Рау, Нерхо, несколько охотников.

Горюнов обращается к своим спутникам:

— Ну, кто метнет копье дальше всех?

В руках у него копьеметалка — узкая деревянная дощечка с желобком, имеющая на заднем конце выступ. На нее онкилоны кладут копье и мечут метров на пятьдесят-семьдесят.

Горюнов обводит взглядом охотников.

— Вот цель. Кто попадет?

Высоко на склоне горы — уступ. На нем прилепился горный баран, который с полнейшим равнодушием наблюдает людей, зная, что недосыгаем для копий.

Охотники смущены, переглядываются.

— Так далеко?

Горюнов кивнул.

Рау азартно хватает копьё и, укрепив на копьёметалке, бросает вверх. Вслед за ним разом мечут копья остальные.

Копья не долетели до уступа. Горный баран начинает взбираться по осыпающимся камням.

— Пусть летит заговоренное копьё! — торопливо говорит Нерхо, предвкушая триумф Горюнова.

Горюнов сгибает изготовленный им лук, прицеливается.

Баран на мгновение остановился на скале перед прыжком, четко выделяясь на фоне неба. Звон тетивы. Баран прыгнул, сорвался, цепляясь рогами за камни, катится вниз.

— Красное копьё, — какговорил Нерхо, поднимая на вытянутых руках стрелу.

Охотники сбегаются к месту его падения.

— Крылатое копьё, — благоговейно сказал Нерхо, подняв на вытянутых руках стрелу с пестрым пышным оперением. — Вот оно — крылатое копьё, которое взлетает выше птиц!

Испуганный и восторженный шёпот среди охотников:

— Горюн отнял часть силы у Маук. Похитил ее крыло!

Вытянув шеи, все разглядывают лук, лежащий в траве.

Это огромное событие в жизни первобытного народа — рождение новой, невиданной до того вещи. Да, лук похож на птицу. Древко его изогнуто, как крылья. И, так же как птица, он роняет в полете стрелы — перья.

— Колдовство Горюна, — замечает Нерхо, стараясь быть беспристрастным, — сильнее твоего колдовства, Рау!

Лицо Рау перекосила злобная гримаса. Из-под насупленных бровей он глядит на Горюнова. Но любопытство превозмогло. Он несмело приближается к диковинному созданию, которое, убив зверя, присмирело и неподвижно лежит у ног Горюнова. Неуверенно улыбаясь, колдун трогает тетиву лука. Тетива звенит...

Теперь этот звук сопутствует онкилонам всюду: на охоте и на рыбной ловле.

Кабан на водопое. Поднимает морду — с нее капает вода. Прислушивается. Звон тетивы. Кабан тяжело падает. Над зарослями поднимается торжествующий охотник.

С челна рыболовы стреляют в воду. Звон тетивы. На поверхность озера всплывает большая рыба. Стрела качается в ее боку.

Звон тетивы. Первобытная оружейная мастерская. Горюнов заканчивает изготовление нового лука. Нерхо рядом оттачивает стрелы.

— Да, ты правду сказал, Горюн, — кивает Нерхо. —
Завтра племя будет пировать!

Глава шестая

ЧТО ДЕРЕВО СКАЗАЛО ГОРЮНУ

Онкилоны пируют после удачной охоты. Пылают праздничные костры. В сосуды из кожи и пузырей, в выдолбленные стволы деревьев, в которых готовится мясо, женщины опускают раскаленные на огне камни, — таков примитивный способ приготовления пищи. Пар валит из чанов.

Нечасто приходится онкилонам наесться досыта. Поэтому в еде они жадны, спешат, выхватывают из груды мяса огромные куски. Рау, сидящий на почетном месте, удивляет Горюнова своим аппетитом. Этот щуплый, кривляющийся старик в несколько мгновений до блеска обглодал козью ногу, отшвырнул кость, хвастливо подмигнул Горюнову, потянулся за другой. За его спиной выросла горка костей.

Но вот раздалась музыка. Между кострами возникла вереница танцоров. Сначала мужчины танцуют свой военный танец. Они держатся за плечи. Поднимая то одну ногу, то другую, с силой опускают их на землю.

Оркестр состоит из барабанщиков, выбивающих на стволе поваленного дерева, отчетливо-резкую дробь.

В неподвижном вечернем воздухе вытянулись столбы дыма от пиршественных костров.

В отблесках пламени мелькают смуглые мускулистые тела. Земля дрожит от ритмичного топота множества ног. Танцуют теперь не только воины, но и женщины.

В группе онкилонов Рау гадает на костях. Он раскладывает их на срубе дерева, как пасьянс, сосредоточенно рассматривает, гнусава под нос, сохраняя свойственный ему глупо-торжественный вид.

...Рассказать жуткая. Между кострами оживили веревки трупов.

— Бойся рыбьей чешуи и лунного света, — наставительно говорит он плечистому воину, сидящему перед ним. — В них твоя смерть.

Воин кивает головой. Он расстроен и угнетен. Уступает место другому вопрошателю судьбы.

Нерхо с удовольствием поясняет Горюнову эту сцену:

— Он может угадывать будущее по костям.

Рау покосился на Горюнова, еще быстрее забормотал над костями.

— Ты бы смог так? — спрашивает Нерхо простодуш-
но.

Горюнов подумал, улыбнулся.

— Лучше.

Рау поднял голову, нахмурился.

— Убери это, — указал Горюнов на кости. — Ты га-
дал на костях, я буду на дереве.

Пляска приостановилась. Круг теснится подле поваленного дерева, на котором играли музыканты.

Горюнов наклонился над пнем. На срезе его — концентрические круги различной толщины. Это кольца древесины. Каждое из них нарастает в течение одного летнего вегетационного периода.

— Я узнаю сейчас, как жили здесь раньше, — сказал Горюнов, приглядываясь к кольцам. — Хорошо ли пригревало солнце, часто ли шел дождь...

— Тебя не было здесь, — раздается недоверчивый голос я толпе.

— Дерево было. Оно скажет.

— Оно не вспомнит...

— Почему не вспомнит?.. Дерево старое... Сколько колец? Раз, два, три, четыре. Ну вот четыре года назад... Кольца широкие. Значит лето было длинное, теплое. Теплее, чем в этом году...

Онкилоны улыбаются, довольны правильным ответом.

Рау протолкался вперед, лег у дерева, приложил ладонь рожком к уху: не удастся ли ему подслушать, как дерево разговаривает с Горюновым?

— А десять лет назад, можешь сказать?

— Могу... Еще теплее...

Восторженные возгласы:

— Дерево помнит... Теплее!.. А пять лет назад?.. А два года назад?

Но Горюнов нагнулся к стволу, молча водит пальцем по срезу, точно неожиданно вычитал там что-то страшное. На срезе видно: чем дальше от сердцевины ствола, тем уже и уже концентрические кольца. Это значит, что с каждым годом лето на острове делается все короче и короче. Разрывов, скачков нет. В этом — закономерность!

Горюнов поднимает глаза к горам, оцепившим котловину. Не слушает одобрительного гула, пытливо всматриваясь в снеговое кольцо на вершине гребня, в белые концы ледников, которые нависли над долиной, как занесенные мечи.

— Снег? Ближе? С каждым годом все ближе, да?..

Нерхо кивнул. Удивленно спросил:

— Тоже дерево сказало?

Рау с удовольствием подтверждает:

— О, раньше снег лежал далеко...

Онкилоны не замечают перемены, которая вдруг происходит с Горюновым. Его веселья как не бывало. Брови нахмурены, губы плотно сжаты.

Из толпы снова спрашивают с детской готовностью продолжать магическую игру-гадание:

— А будущее? Ты не сказал нам о будущем. Каким будет лето теперь?

Горюнов по-прежнему глядит на снеговое кольцо в горах. Ответил неохотно:

— Холодным...

— А через три года? Через пять?

— Еще холоднее...

Он садится на свое место, погруженный в задумчивость. Вокруг по-прежнему кипит веселье. Возобновляются пляски.

Взгляд Горюнова рассеянно блуждает по долине, потом, словно завороченный, поднимается к снеговым вершинам, где за белыми зазубринами гребня повисло солнце. Да, первое ощущение не обмануло его. Когда он поднялся на гребень, и удивительная зеленая котловина впервые открылась перед ним, ему представилось, что все вокруг эфемерно, как мираж.

Так оно и было. Мир этот был похож на одуванчик. Дунь на него — и нет его!..

Глава седьмая ИСЧЕЗАЮЩИЙ МИР

...С порога пещеры, расположенной несколько выше дна котловины, открывается широкая перспектива.

Вдали, будто дразня, то появляются, то исчезают серебристые столбы гейзеров. Курятся испарения над озерами. Ветра почти нет. Покой разлит в воздухе.

В нише пещеры самодельные водяные часы. С хрустальным звоном падают капли, отсчитывая время. Горюнов, сидящий у порога, склонился над бивнем мамонта. Медленно, с видимым усилием, он высекает буквы. Через его плечо можно прочесть продолжение надписи:

«...кажущееся спокойствие, затишье перед бурей».

Это очень кропотливая работа — такое примитивное письмо. Костяное долото соскакивает, буквы получаются острые, угловатые. Ни одному ученому, наверное, не давалось так мучительно его произведение, как Горюнову. Это не только умственный, но и физический труд.

Однако только так можно сохранить для науки важные наблюдения. Мысль о том, что даже после его смерти найдут и прочтут эти записи, поддерживает, ободряет Горюнова.

Когда станет ясно, что конец близок, что время существования острова измеряется не годами уже, а часами, драгоценный бивень будет со всеми предосторожностями уложен в яму, внутри поросшую мхом. Пропитавшись водой, — а воды на острове будет тогда избыток, — мох превратится в губку, которая преградит доступ воздуху. А сверху будет навален курган из камней.

Когда это будет? Очень скоро, может быть.

Горюнов склонился над бивнем мамонта.

...Непрочность, странную иллюзорность всего окружающего Горюнов ощутил сразу после прихода на остров. Тогда еще при виде пышной зелени, при виде ярких цветов и бабочек им овладела боязнь, что все вдруг исчезнет, рассеется, как мираж. Первое ощущение! И оно, как всегда, было правильным.

Перед ним был исчезающий мир, теряющий яркость своих красок, тускнеющий на глазах...

«Остров онкилонов — не что иное, как кратер потухшего вулкана, недра которого еще сберегают тепло. Все сходится: форма котловины, наличие вулканических пород, горячие источники, наконец, фумаролы—струи дыма, выходящие из расщелин на дне ущелья, где приносят жертвы.

Кратер вулкана принято называть в геологии кальдерой. По-испански кальдера — котел. Определение это особенно точно в данном случае. „Котел“ подогревается снизу. Крышкой же, которая прикрывает его, служат туманы, которые постоянно висят над островом и препятствуют рассеиванию тепла.

Воздух в котловине вдобавок обильно насыщен углекислотой — результат вулканической деятельности. Редким сочетанием случайностей создалось подобие теплицы. Теплый и влажный климат в этом странном уголке в какой-то степени повторяет климат далекой от нас геологической эпохи...»

Записав это, Горюнов сидит некоторое время в раздумьи.

Удивительно, что мысль об этом не пришла ему в голову раньше. Ведь ряд островов в Арктике сформирован из вулканических пород. Мало того: в Исландии, на Камчатке и Аляске вулканы действуют и по сей день. Над снежными куполами Геклы, Ключевской

сопки, вулкана Врангеля^[1] до сих пор выются зловещие черные дымки.

Многое из того, на что Горюнов не обращал раньше внимания, стало ясно ему отсюда, с острова онкилонов. И то, почему вблизи Камчатки бьют из-под снега горячие источники. И то, нечему на Аляске, под 61 градусом северной широты, водятся птички, близкие к роду тропических колибри. Тепло земных недр, вырывающееся наружу, самым неожиданным образом меняет климатические пояса.

Но на острове Горюнова влияние вулканизма на климат, конечно, нашло наиболее причудливое выражение.

В недрах Арктики возник оазис, во мраке полярной ночи затеплился, замерцал огонек.

Однако льды по-прежнему вокруг. Их холодное, мертвящее дыхание не ослабевает. Все сильнее и сильнее колеблется огонек, вот-вот готовый погаснуть. Кончаются запасы тепла, земля под ногами остывает.

Это написано постепенно утончающимися, концентрическими кругами на срезе дерева. Разгадка острова. Его история. Его будущее...

Тогда, под стук праздничных барабанов, под одобрительный гул онкилонов, довольных удачным гаданьем, сразу все открылось перед Горюновым: они — на дне кальдеры, «котел» подогревается все меньше и меньше, гибель фантастического мирка неизбежна.

Это означало гибель и самого Горюнова: он понял и это. Мог ли он пытаться уйти отсюда тем же путем, что и пришел: больной, с искалеченными ногами? Вокруг на сотни километров расстиралась ледяная пустыня. Он не прошел бы и десяти километров.

[1] Самый высокий вулкан Аляски (4900 м.), назван по имени адмирала Врангеля, который одно время управлял русской североамериканской колонией

А что бы он делал, если бы встретилась полынья? На острове много деревьев, из которых можно построить лодку, — но не с каменным же топором браться за ее сооружение?..

Осознав, что он пленник острова, Горюнов ощутил вместе с тем ни с чем не сравнимую гордость ученого. На его долю выпало счастье сделать за такой короткий срок два выдающихся географических открытия. Найден народ, считавшийся погибшим. Обнаружена в глубине Полярного бассейна земля, нахождение которой он предсказал.

Быть может, и тайна Маук как-то связана с этими двумя уже разгаданными загадками.

Представим себе, — размышлял Горюнов, — что Птица Маук — некое символическое обобщение, воплощение злых, враждебных человеку сил природы. Что может противопоставить природе онкилон? С какими возможностями вступает он ежедневно, ежечасно в борьбу с нею? Его оружие несовершенно. Его топор тяжел. Его копья часто ломаются, настигают зверя лишь на самом близком расстоянии.

Быть может, — продолжал размышлять Горюнов, — в мрачном культе Птицы воплощено также и ожидание. Известно, что животные зачастую инстинктивно чувствуют приближение опасности: крысы бегут с тонущего корабля, рыба уходит на глубину, чуя приближение бури. Подобно им, не чуют ли первобытные люди, что их остров обречен?

То, что из расщелин в ущелье выходит дым, онкилоны объясняют так — Маук варит пищу. Отсюда — ритуальные жертвоприношения. Ход рассуждений очень прост: чем больше пищи у Маук, тем теплее должно быть на острове. Ведь даже наступление ночи онкилоны связывают все с той же всеобъемлющей Маук. Счи-

тают, что прожорливая Птица проглатывает солнце, и оно, потускневшее, уменьшившееся в размере, просвечивает сквозь ее брюхо в виде луны.

Но почему тогда это птица? Не рыба? Не медведь? Не мамонт? Почему это воплощение зла по мифу приняло облик именно птицы, прежде чем превратиться в скалу, перед которой приносят жертвы?

И, наконец, почему самое первое из ее изображений, известных Горюнову, исполнено так реалистично и так мучительно напоминает ему что-то знакомое, уже виденное?..

...Через плечо Горюнова видно окончание надписи на бивне мамонта:

«...нет, я не ушел отсюда, и жизнь онкилонов стала моей жизнью».

Годы, прошедшие с того дня, когда дрейфующую льдину с Горюновым прибило к острову, были наполнены яростной борьбой с Маук.

Вслед за луком, который смастерил Горюнов, он ввел много других преобразований в жизнь онкилонов. Он помогал им жить, помогал им думать. Теперь гораздо более важным представлялось ему не столько объяснить этот исчезающий мир, сколько, по мере сил, отсрочить его гибель.

И все же с каждым годом труднее и труднее становилось добывать пищу. Зимы стали такими холодными, что некоторые животные, не приспособясь к перемене обстановки, вымирали. Птиц на остров прилетало все меньше.

Можно было бы испробовать земледелие. Это бы дало возможность продержаться еще несколько лет. Но густые леса в котловине были неуязвимы для каменных топоров. А железа, как ни искал Горюнов, на острове не было.

Нет, теперь он не бросил бы онкилонов, даже если бы представилась возможность уйти одному.

Ведь онкилоны безгранично верили в его доброту и могущество. По существу, они были детьми и доверяли ему, как дети доверяют взрослому.

Мог ли он теперь отступить от них, оставить на произвол судьбы? Мог ли отказаться от единоборства с Маук?..

Глава восьмая

ЗАВЕЩАНИЕ ГОРЮНОВА

Группа зевак сидит на корточках перед входом в пещеру. С напряженным любопытством они смотрят на вход, задернутый меховой шкурой.

Рау вытягивает шею, поднимается на цыпочки, пробует заглянуть внутрь, колеблется. Каждый раз, когда он делает движение к пещере, оттуда вылетают осколки камня, и он поспешно отскакивает.

Онкилоны возбужденно переговариваются:

— Что делал Горюн?

— Ходил по горам, собирал камни.

— Новое колдовство?

Нерхо, стоящий среди зевак, пожимает плечами. Несмотря на то, что он признанный друг Горюна, Нерхо так же мало осведомлен, как и все, и очень обижен этим.

— Никого не пускает к себе. Не пускает даже меня.

Рау, которого просто сводят судороги от любопытства, выталкивает вперед Кеюлькана.

— Пусть пойдет Кеюлькан. Он любит Кеюлькана больше всех.

Много лет назад Кеюлькан, сын Нерхо, был в числе мальчиков, обреченных в жертву Маук. Сейчас это подросток, хорошо сложенный, широкоплечий, с очень живым, открытым лицом и порывистыми движениями.

Откинув шкуру, прикрывающую вход, он быстро входит в жилище Горюнова.

Посреди пещеры возвышается груда осколков. Здесь есть кремний, есть обсидиан, кварц. Но Горюнов, повернувшись спиной к бесполезным камням, рисует

что-то на земле. Он погружен в такую задумчивость, что не слышит шагов Кеюлькана.

Некоторое время Кеюлькан стоит неподвижно, с детским любопытством следя за тем, как Горюнов, бормоча непонятное, рисует, стирает, снова рисует. Но что же это? Кеюлькан вытянул шею. Показалось или на самом деле это запретные очертания птицы? Горюнов оглянулся, поспешно стер рисунок, встал.

Кеюлькан встал, сказал решительно: «Я сделаю, Горюнов».

— Я ждал тебя, Кеюлькан.

Он плотнее задернул шкуру у входа, вернулся на свое место, сказал вполголоса:

— Нужна твоя помощь.

Кеюлькан нетерпеливо подался вперед.

— Я собираюсь на охоту, — продолжает Горюнов. — Она опасна.

— Я с тобой.

— Нельзя.

- Я понесу твой лук.
- Нет, я пойду без лука.
- Тогда топор.
- Я не возьму топор.

Кеюлькан недоверчиво усмехнулся.

— Охота не на зверя, — коротко поясняет Горюнов, — Охота за камнем!

Рука Кеюлькана крепко сжимает рукоять кинжала — он догадывается, о каком камне идет речь.

— Представь, я умер. Меня нет...

Кеюлькан отрицательно качает головой, не спуская с Горюнова глаз.

— Но я также могу умереть, как и все. Если умру, сохрани этот бивень. Это очень важно, Кеюлькан!

— Зачем он?

— Я сумею после смерти говорить с другими людьми, — просто отвечает Горюнов.

Кеюлькан широко раскрытыми глазами смотрит на бивень. Нет предела могуществу Горюна!

— Закопай его в надежном месте, которое я тебе указывал, навали камни, чтобы легко было найти потом.

Кеюлькан старается не упустить ничего.

— Кто должен его найти?

— Не знаю. Когда-нибудь за ним приедут. Разыщут остров, разроют курган из камней. К тому времени, Кеюлькан, остров будет пуст. На нем не будет ни лесов, ни озер, ни людей. Туман, висевший над ним, рассеется. И люди, проходящие мимо на больших лодках, увидят его и подойдут к нему. Кто же расскажет им о нас? О Кеюлькане? О Нерхо? О Маук?

Кеюлькан встал, сказал решительно:

— Я сделаю, Горюн.

— Хорошо, Кеюлькан.

Мальчик вышел из пещеры. Зеваки бросились к нему.

— Ну!

Лицо Кеюлькана непроницаемо:

— Молчал, сердился на меня...

Глава девятая

У ПОДНОЖИЯ СВЯЩЕННОГО КАМНЯ

Догорают уголья костра. Похоже, будто засыпающий зверь лениво жмурят светящиеся во тьме глаза. Видны фигуры лежащих вповалку онкилонов.

Со шкур в углу поднимается человек. Очень медленно и осторожно переступает через спящих и зажигает факел от костра. Это Горюнов.

Приблизил факел к лицу Нерхо. Тот спит, раскинув мускулистые руки, спокойно, мерно дыша. Рядом — его изделия: полуобработанный камень, недоконченные гарпуны, наконечники для копий.

Кто-то заворочался во сне. Горюнов замер прислушиваясь. Нет, почудилось.

Освещая себе дорогу факелом, он углубляется в коридор, стены которого украшены магической росписью.

Быстро сменяются, проплывая по стене, картины первобытной охоты. Горюнов идет, почти не останавливаясь. Над ним возникает то ветвистый рог убегающего оленя, то горбатая спина кабана со вздыбленной шерстью. Пятно света чуть задевает их и скользит дальше.

В перспективе длинного мрачного коридора удаляется, раскачиваясь, огонек. Остановился. Подняв факел, Горюнов рассматривает рисунки. Высоко на стене — черное распластанное крыло.

Если бы краска сохранилась лучше, а камень не потрескался так! Этот нарост над крылом, рядом с хищной головой... Не может быть, чтобы художник приделал его случайно. Горюнов мысленно продолжает незаконченный штрих, дорисовывает изображение пти-

цы. Да, получается голова. Вторая голова! Догадка об этом появилась у Горюнова недавно. Но если догадка верна, то все мгновенно становится на свое место. Заполняются пробелы в истории онкилонов. Понятным делается, почему зловещая птица была обнаружена другими исследователями — предшественниками Горюнова — также в мифологии тунгусов, остяков и якутов. Находится объяснение и для непонятных слов мифа: «Догнала в сопровождении мертвых».

И главное — сейчас это важнее всех других открытий — на острове есть железо. На острове должно быть железо!

Свет факела уперся в стену. Груда беспорядочно набросанных камней. Тупик? Нет. Здесь должен быть выход. Он был раньше. Потом онкилоны завалили его камнями.

С лихорадочной поспешностью Горюнов расшвыривает камни, расчищая себе путь.

В просвете между камнями открылось ущелье. Клубясь, ползут струи дыма из расщелин. Впереди — и очень близко — знакомые очертания скалы.

Итак, первая часть гипотезы оправдалась. Коридор с магическими рисунками вывел Горюнова, как он и ожидал, на дно ущелья, к самому подножию Птицы-Камня.

Почти над ухом слышалось прерывистое дыхание. Преследователь. Кто же это? Ну, в бой! Поединок ради железа на самом пороге тайны!

Горюнов поднимает факел над головой. Совсем рядом из-за камня поднимается во весь рост Кеюлькан.

— Зачем, Горюн?

— Я же говорил, охота будет опасной.

— Не ходи... Ее жилище там... Ее костры горят... — Мальчика трясет мелкая дрожь.

Тогда с мужеством отчаяния мальчик шагнул вперед и, заслонив Горюнова, спускал тетиву...

Ведь, на взгляд онкилона, Горюнов совершает величайшее святотатство. Все, что касается Маук, находится под строгим табу — запретом. Даже пребывание здесь, в преддверии зловещего ущелья, наказывается смертью.

Горюнова растрогало волнение его маленького друга. Ласково, но решительно он отстранил его, шагнул к пропасти.

Голова Горюнова скрылась за камнями.

— Лук! — кричит вслед Кеюлькан. — Ты не взял даже лук!

Мучительна борьба между чувством жестокого страха перед Маук и самоотверженной привязанностью к Горюнову.

— С одним копьём против Маук!..

Кеюлькан схватил лук, решительно полез следом за Горюновым.

Обрыв. Кеюлькан спускается по узкой тропинке.

Дно зловещего ущелья — наиболее глубокая впадина в кальдере. Это Тартар онкилонов — жилище мертвых. Земля растрескалась от внутреннего жара. Из расщелин клубится дым. Горюнов идет, пылливо приглядываясь к земле под ногами, иногда вонзает в нее копьё. Кеюлькан, державший лук наготове, идет сзади, тревожно озираясь по сторонам.

— Зачем идешь? — ворчит Горюнов. — Сказал: не ходи.

Зубы Кеюлькана стучат от страха.

— Нельзя не ходить, — бормочет он. — Может ударить тебя в спину...

Вспыхивают призрачные огоньки по краям ущелья.

Кеюлькан все чаще оглядывается. Может быть, на него действуют испарения, ядовитый дым? Глаза расширены, пальцы нервно сжимают лук. Что-то начина-

ет мерещиться Кеюлькану. Пейзаж вокруг меняется, делается причудливо-фантастическим. Столбы дыма — не дым вовсе, а хоботы огромных призрачных мамонтов. Порыв ветра — столб упал, хобот изогнулся, преграждая путь. Вскрикнув, Кеюлькан закрыл глаза:

— Мамонт!

Горюнов оборачивается:

— Где, Кеюлькан? Это дым.

Кеюлькан открыл глаза. И вправду — дым.

Идут дальше, преодолевая крутой подъем. Над ними нависла Птица-Камень. Под ногами осыпаются камни, перекатываются в ущелье.

Кеюлькан боязливо оглядывается. Камни ли это? Нет. Это серые медведи, вставшие на дыбы. Они только притворяются камнями. Кеюлькан поспешно кладет стрелу на тетиву.

— Что случилось, Кеюлькан?

— Звери... там...

— Это камни, Кеюлькан... Только камни...

Кеюлькан вглядывается. Да, он ошибся: камни.

Путники задыхаются в испарениях ущелья. Горюнов закашлялся, упал. Кеюлькан взглядывает вверх.

Скала сейчас потеряла очертания птицы. Вблизи это бесформенный серый камень, ничего больше. Но Кеюлькан понимает: это только новое колдовство. Он ждет, сжимая лук, готовый к отпору.

И вдруг полог дыма, раскачивавшийся над головой, разорвался. Луч пронизал его. И тогда на земле, у подножия Камня, Кеюлькан увидел сидящую Маук.

Она сжалась, уменьшилась в размере. Крылья раскинуты. В цепких когтях сжимает пучок молний. У нее две головы, повернутые в разные стороны, а в разинутых хищных клювах изгибаются язычки.

Но самое пугающее в ней — это блеск. Странное слепящее сияние исходит от нее. Глаза начинают болеть и слезиться.

Правду сказали старики: человеку не дано безнаказанно видеть страшную Птицу!

Горюнов сидит на земле, тяжело дыша, держась за грудь. Тогда с мужеством отчаяния мальчик шагнул вперед и, заслонив его, спустил тетиву.

Станный звон пронесся по ущелью.

Кеюлькан смотрит: Птица не шевельнулась. Замирает эхо звона. Горюнов, очнувшись, схватил Кеюлькана за руку.

— Что это было, мальчик?

Кеюлькан поднял стрелу, отскочившую от Маук: костяной наконечник сломался.

Горюнов бросается к Птице, с силой ударяет в нее копьем. Звон металла, непередаваемо прекрасный, протяжный, как гул колокола, плывет по ущелью, подхваченный эхом.

Глава десятая

ЭМБЛЕМА НА ЩИТЕ

Таково последнее перевоплощение Маук. Такова разгадка тайны, мучившей Горюнова на протяжении многих лет пребывания на острове.

Сейчас у ног его свалены неуклюжие старинные доспехи: две скомканные кольчуги, стволы пищалей, несколько заржавленных бердышей. Древки, одежда, человеческие кости в жару ущелья превратились в пепел.

Кем же были люди, добравшиеся намного раньше Горюнова до его земли? Когда и как проникли сюда?

Горюнов нагнулся, поднял медную монету, — куча монет рассыпана на земле. По ободку выбита дата — «1682 год». Итак, неизвестные землепроходцы — вернее всего, казаки Сулейского острога — попали на остров в конце XVII столетия, то есть, идя почти по пятам онкилонов.

Да, так и должно было быть согласно преданию.

Страшная Птица, известная онкилонам только по описаниям чукчей, изгнав их с Большой земли, догнала беглецов на острове «...в сопровождении мертвых», — было сказано в предании.

Из этого можно было заключить, что казакам, — их было, повидимому, немного, не более десяти человек, — не повезло. Было ли их утлое суденышко раздавлено льдами, и они добирались до видневшейся на горизонте земли пешком, унесло ли их на дрейфующей льдине так же, как Горюнова, — ясно одно: дойти до острова живыми им не удалось.

Горюнову представилось очень ярко, будто он присутствовал при этом и видел все своими глазами:

...Однажды онкилоны, уже обживясь на острове, находят выброшенный на берег корабль или баркас. Мачты его обледенели. Он лежит на боку. Шпангоуты торчат, как ребра какого-то большого морского животного.

Это корабль мертвых. Люди, превратившиеся в ледяные статуи, одеты в странные одежды и странно вооружены.

Но онкилоны почти не смотрят на них. Они охвачены священным трепетом, потому что видят на корабле Маук. Нет сомнений: это та самая Птица, о которой рассказывали пленные чукчи, а покрытые льдом и снегом мертвецы — ее конвой.

В действительности, конечно, это не что иное, как щит, — тот самый круглый щит, который сейчас стоит перед Горюновым, бережно прислоненный к камню. Эмблема российского царизма изображена на нем: двуглавый орел, распластавший хищные крылья, держащий в когтях пучок молний.

Гипотеза, объяснявшая удивительный миф таким образом, доказана.

Отсюда, с появления корабля, начинается удивительный культ онкилонов.

Щит и мертвецов доставляют со всеми подобающими церемониями на дно ущелья. Наверное, вначале там же приносят и жертвы. Потом ущелье — жилище мертвых — и примыкающая к нему часть пещеры объявляются «табу», запретными. Культ делается все сложнее, таинственнее, строже.

Спустя несколько десятков лет, уже, по-видимому, во втором или в третьем поколении, три онкилона, охваченные непреодолимым любопытством, нарушают «табу» и проникают на дно ущелья.

В зловещих отсветах пламени, которое выходит из расщелины, предстает перед ними двуглавая Птица, сидящая у подножия скалы. Блеск металла ослепляет смельчаков, повергает ниц.

Предание гласит, что два онкилона умерли в ущелье. Вернулся лишь один из них, который и передал потомству облик Птицы. С первого натуралистического изображения позднейшие художники только снимали копии, упрощая и искажая его.

Как удивительно в этом культе столкнулись две различные эпохи: железный и каменный века.

Для первобытных людей, вытесненных из тундры на лед океана, эмблема царизма стала воплощением всего злого, что окружало и страшило их. Отныне они жили на своем маленьком островке в тени огромного, черного, нависшего над ними крыла. Маук для онкилонов была их судьбой, неумолимой и непонятной.

И отрадно было сознавать, что можно еще исправить эту ошибку.

В силах Горюнова было по-новому столкнуться на острове железный и каменный века. Ведь то, что он упорно искал много лет и не находил, сейчас было у его ног: железо — целые «залежи» железа!

Глава одиннадцатая

ПОЕДИНОК

У входа в пещеру сгрудились, шепчутся старики — старейшины племени. Один за другим появляются запыхавшиеся гонцы.

- Он разжигает костер.
- Он сделал большой каменный молот.
- Он швырнул в огонь мясо птицы.
- Слушайте!

Слышны удары молота по наковальне — это Горюнов стучится в плотно закрытые двери каменного века, стремясь вырваться наружу.

— Птица Маук не может умереть, — сказал Рау убежденно. — Маук сбросила оперение и улетела. Она вернется.

Старики, сгорбленные, зловещие, растерянно переглядываются.

- Маук вернется, — бормочет один старик.
- Гнев Птицы страшен, — вторит другой.
- Как спастись от гнева Птицы?

Очень долгая пауза. Рау роняет, глядя в сторону:

- Убить Горюна.

Нерхо, сидящий в углу среди своих топоров, луков, костяных гарпунов, поднял голову и снова опустил ее.

Один из стариков, косясь на Нерхо, притворно вздыхает:

- Кому по силам бороться с ним?

Чувствуя на себе взгляды собравшихся, Нерхо медленно сказал:

- Он мой друг.
- Но он нарушил запрет.
- Он подарил нам крылатое копье.
- Но нарушил запрет.

— Он спас Кеюлькана, — слабо возражает Нерхо.

— Он навлек на нас гнев Маук, — резко говорит Рау.

Нерхо опустил голову.

— Кто дороже тебе: сын или племя?

Гонец в дверях:

— Горюнов делает топор из крыльев Маук.

Нерхо решительно поднялся, выбирает из своего арсенала оружие.

— Я готов.

...Пещера, где живет Рау. Из расщелины наверху падает сноп света.

Журчит вода, стекая по осклизлым сводам.

На земляном полу старики сосредоточенно пере-
кладывают чуринги — веретенообразные гальки, по-
меченные особыми волшебными знаками.

Нерхо стоит в стороне, опершись на топор, мрачно наблюдая за церемонией.

Это одна из самых странных особенностей перво-
бытного мышления, — душа человека, по представле-
нию онкилонов, отделена от него и существует само-
стоятельно. Здесь — святилище племени, тайное тай-
ных, склад душ.

Старики бормочут, перекладывая чуринги:

— Душа Нерхо... Душа Куа... Душа Нярга... Душа
Нуху... Душа Нырши...

Рау замечает пренебрежительно:

— Души обыкновенных людей, онкилонов. Но слу-
шайте, вот тайна, — здесь, в жилище душ, есть душа
Горюна.

Старики обернулись к нему. Удивленный Нерхо
подступил ближе.

— Ты шутишь, колдун.

— Нет, его душа в моих руках.

Один из стариков недоверчиво смотрит на Рау.

— Где ты взял ее?

— Море выбросило ее на берег. На льду, у самого берега, я увидел это. Оно было, как лед, но круглое, душа Горюна догнала его, но я нашел ее и спрятал от него. Я стерегу ее ночью и днем. Что он может сделать против меня, если его душа здесь?

Старики расступились. На земле лежит стеклянный шар. Луч света падает на него сверху. Поворачиваемый Рау, шар начинает испускать странное сияние.

Приглушенные возгласы:

— Лед! Белый!

— Какой свет исходит от него.

— Не тает.

— Прозрачен, как вода.

Мерный стук барабана.

Старики раскачиваются в такт, бормоча заклинания. Рау бросает пучок травы в тлеющий костер, кричит приплясывая:

— Пусть его храбрость исчезнет, как дым! Пусть он падет раньше, чем поднимет топор! Пусть его сердце треснет надвое!

Он высоко поднял волшебный шар, с силой бросил наземь, но литое стекло прочно, шар не разбился.

Нерхо по-прежнему стоит неподвижно, не сводя глаз с шара, тяжело опираясь на топор.

— Отважный Нерхо встал на тропу мести, — торжественно произносит Рау, распоряжаясь церемонией. — Наденьте на него обувь мстителя.

Нерхо обувают в особые, магические туфли с привязанными к ним перышками, которые будут замечать его следы.

— Он пройдет, не оставляя следов. Духи, оберегающие Горюна, не увидят его.

Рау напутствует Нерхо:

Гирюнон бьет каменным молотом. Борода его кажется огненной, тень, расклевывающаяся под сводами, — огромной.

— Убей его сразу. Убей его сзади.

Нерхо обернулся с порога. Сказал гордо:

— Я убиваю, глядя в глаза.

...Закоулок пещеры, превращенный в кузницу. Блики пламени на стенах. Кеюлькан держит щипцами раскаленное железо. Горюнов бьет каменным молотом. Борода его кажется огненной, тень, раскачивающаяся под сводами, — огромной. Это новый Прометей, похитивший у злых духов их сокровище, чтобы осчастливить людей.

Любопытные сгрудились у входа.

Топор выкован и брошен в лохань с водой. Вода зашипела. Горюнов вынул топор, оттачивает на оселке, попробовал, — хорош! Обвел глазами пещеру. Увидел у входа Нерхо в полном боевом убранстве.

Толпа расступилась.

Они идут навстречу друг другу. У Нерхо в руке каменный топор, у Горюнова — железный. Сошлись. Взглянули друг другу в глаза.

— Вот, я сделал топор, Нерхо, — сказал Горюнов.

— Хорошо, — ответил Нерхо. — Значит, ты вооружен.

— Почему ты в боевом уборе, Нерхо?

— Потому, что я пришел сражаться.

— С кем?

— С тобой. Лучше тебе умереть, чем нам всем.

Горюнов понял, постоял в раздумьи.

— Так, Нерхо. У тебя и у меня топоры в руках. Я выбираю место. Там лес. Густая чаща. Пойдем туда и померяемся силой.

Сопровождаемые толпой любопытных, Нерхо и Горюнов вышли к опушке леса, где когда-то опробовали первый лук, сделанный Горюновым.

Горюнов сказал:

— Кто победит, будет властен над жизнью другого.
Из-за спины Нерхо выглянуло гримасничающее лицо
Рау:

— Да! Да!

Склон котловины усеян зрителями. Лицом к лесу
стоит Горюнов, поодаль Нерхо, за ним ряд отборных
воинов с топорами в руках.

Склон котловины усеян зрителями.

Встревоженный Кеюлькан, оценив невыгодное соотношение сил, подошел к Горюнову, стал рядом с ним, воинственно подняв свой каменный топорик.

— Что тебе, Кеюлькан? — обернулся Горюнов. Увидел топорик, усмехнулся. — Я сам...

Рау подал сигнал. Топоры поднялись и опустились. Сверкнуло лезвие горюновского топора.

Шумя ветвями, падают деревья.

Лица зрителей напряжены. Это не только поединок между Нерхо и Горюновым. Это состязание камня и железа.

Верхушки деревьев качаются, как бы раздвигаемые могучим порывом ветра. Падают, образуя просеку. Горюнов ожесточенно рубит.

Разогнул спину, выпрямился, оглянулся. Никого нет. Он один посреди вырубки.

Поляна заполнилась взволнованной толпой.

— Ты победил! Ты!

На опушке леса, где началось состязание, измученный Нерхо и его помощники продолжают махать тупыми каменными топорами. После них лежит несколько деревьев.

Горюнов подошел к Нерхо. Тот стоит, выпрямившись, без страха глядя ему в глаза.

— Ты победил, — коротко говорит Нерхо. Убей.

Мелькнуло испуганное лицо Рау. Он спрятался за дерево.

Горюнов протянул побежденному противнику железный топор:

— На.

— Твой топор?..

— Я его дарю тебе.

— Мне, топор?... Из крыла Маук? Но тогда я стану тебя...

Горюнов улыбнулся. Нерхо подбросил топор, поймал на лету, захохотал от радости. Оглянулся по сторонам. С силой рубанул по дереву, над которым трудился столько времени попусту. Дерево зашаталось, упало, шумя ветвями, Рау едва успел увернуться и отскочить.

Таков результат этого поединка.

Ведя народ онкилонов на сближение с современностью, оставляя на пути груды тесаного, сколотого и полированного камня, Горюнов, наконец, привел островитян на порог нового века — металлического.

Глава двенадцатая «ТВОЯ ДУША СПРЯТАНА ЗДЕСЬ»

Сидя на пороге пещеры, Горюнов наблюдает за тем, как шеренга женщин вдаль проходит по полю. Они равномерно сгибаются и разгибаются, будто отвешивая поясной поклон. Над их головами вспыхивает блеск мотыг.

Водяные часы в нише монотонно отсчитывают время.

Да, земля на острове остывает, но, вооруженные железом, онкилоны выжимают из нее теперь больше, чем раньше. Железными топорами врубились в непроходимые до того леса в глубине острова, железными мотыгами стали обрабатывать поля.

Баланс уравновешен. Надолго ли?..

В каждой радостной победе Горюнова неизменно скрыта горечь этого вопроса: «Надолго ли?..» Ни на минуту нельзя забыть о том, что остров — в осаде, что льды год за годом все туже стягивают белую петлю и не в силах Горюнова предотвратить надвигающуюся гибель, — только отсрочить ее.

Рядом с Горюновым опустился на землю Нерхо. Губы его решительно сжаты, брови нахмурены. Оглянувшись.

Пещера пуста.

— Я хотел предупредить, — пробормотал Нерхо. — Остерегайся колдовства, Горюн.

В глубине пещеры из-под медвежьих шкур вынырнула голова Кеюлькана, скрылась.

Нерхо придвинулся к Горюнову, склонился к уху. Кеюлькан лежит, ловя каждое слово.

— Ты подарил мне новый топор, — продолжал

Нерхо вполголоса. — Так же щедро я должен отдарить тебя.

Кеюлькан слушает, напряженный, как тетива.

— Твоя душа у Рау, Горюн. Он колдует над ней.

Дрожь начинает бить Кеюлькана.

— Она прозрачна. Это — прозрачный камень. Таких нет на острове.

Но если Рау сумеет разбить его, ты умрешь.

Кеюлькан, почти теряя сознание от страха, опустил лицо на раскрытые ладони.

— Он говорит, что иссушит твоё тело, по каплям выцедит кровь.

Кеюлькан слушает: что же ответит Горюн? Пауза. Потом раздаётся смех Горюнова, негромкий, очень искренний.

Удивительный, непонятный, беспечно-храбрый человек! Душа его в руках злейшего врага, а он не придал этому значения, засмеялся. Но если так, то обязанность друга — спасти его.

Наступает час сна. Все в пещере, в лабиринте запутанных коридоров, тупичков и закоулков погружается в тишину.

В щель между шкурами виден угол жилища Рау. Станный, круглый, тускло поблескивающий предмет лежит на земле. Колдун ходит взад и вперед, погруженный в задумчивость. Остановился, очертил круг на полу. Положил в центре светящийся предмет.

До Кеюлькана, который окаменел на корточках у входа, донеслись тихие, все нарастающие звуки — рокот бубна. Рау творит заклинания.

Чадящая плошка бросает двигающиеся отсветы на эту сцену. Особенно жутко то, что Рау один. В одиночестве колдун кружится, приседает, жестами и сердитым бормотанием отгоняет кого-то невидимого.

В одиночестве колдун кружится, приседает..

Кеюлькан чувствует, как уже непроизвольно начинают подергиваться его руки и ноги. Вот-вот и он следом за Рау пустится в колдовской пляс... Но, вспомнив, что он пришел за душой Горюна, мальчик заставляет себя остаться неподвижным.

Наконец, утомившись, Рау садится на землю перед таинственным предметом. С бесчисленными предосторожностями он открывает крышку, заглядывает внутрь и вытаскивает оттуда что-то белое, похожее на кору. Что бы это могло быть? Оно испещрено такими же значками, какими Горюн пестрит бивень мамонта.

Рау рассматривает белый предмет, вздыхает. Нет, и на этот раз не помогли заклинания, — он не может разгадать душу Горюна.

В жилище Рау тихо. Кеюлькан чуть отодвигает шкуру, завешивающую вход. Колдун спит, повалившись на охапку листьев.

Кеюлькан вполз в пещеру. Осматривается. Тлеют уголья костра в углу. По стенам развешаны маски зверей, рога оленей, крылья птиц, пучки засушенных трав. Жутко!

Мерный храп колдуна.

Кеюлькан лихорадочно роется в куче шкур.

Рау лежит навзничь, разбросав руки. Кеюлькан перешагнул через него.

В углу, среди масок и амулетов что-то матово блеснуло. Кеюлькан раскидал маски. Шар! Он схватил его, поднялся. Счастливо улыбается. Улыбка медленно сползает с лица. Глаза остановились, рот открыт, — Кеюлькан прислушивается: храпа нет, тишина!

Не оглядываясь, Кеюлькан быстро втянул голову в плечи, пригнулся, упал на руки. Кинжал, брошенный Рау, просвистел над головой и впился, дрожа, в стену.

Кеюлькан обернулся. Распрямился, как пружина,

прыгнул на колдуна.

Яростная борьба. Рау — сильнее. Кеюлькан — увертливее. Все время при этом он старается держать голову так, чтобы колдун не мог увидеть его лица.

Кеюлькан очутился внизу. Рау старается дотянуться до кинжала. Под Кеюльканом — уголья костра. меховая одежда его тлеет, дымится.

Рау дотянулся до кинжала, торчащего из стены, но, улучив момент, Кеюлькан схватил горсть пепла и бросил в глаза противника.

Рау стоит, качаясь от боли, закрыв лицо ладонями.

Кеюлькан схватил волшебный шар. Фигура его мелькнула в дверях, исчезла.

Он мчится через лес. В прорези между листьями призрачно поблескивает шар.

Он переплывает ручей. Пробирается сквозь кустарники. Бережно в вытянутой руке держит драгоценную ношу, будто освещающая его путь.

...Поляна, где в день своего прихода на остров Горюнов впервые увидел охоту на мамонта.

Внимательно, как садовод, совершающий ежедневный обход сада, Горюнов осматривает ветви. Этой весной почки на некоторых деревьях не распустились. Горюнов качает головой.

Взгляд его скользнул поверх ветвей, — вдали холодно, зловеще отсвечивают ледники, спустившиеся почти к самому скату в долину.

Хруст валежника, шумное дыхание. Из лесу выбежал Кеюлькан.

Протянул Горюнову шар.

— Смотри, Горюн, — твоя душа.

Горюнов переводит взгляд с Кеюлькана на шар.

— Внутри значки, какими ты пестришь кость. Открой. Твоя душа спрятана здесь.

Записка дрожит в руках Горюнова...

Глава тринадцатая ГОНЕЦ

Горюнов берет шар обеими руками, бережно, будто боясь расплескать то, что есть в нем. Всматривается в буквы, выбитые на шаре. Повторяет озадаченно:

— СССР?..

Поворачивает шар. Лучистое мерцание исходит от него. Долина внизу, горы за спиной, — если всмотреться в шар, — предстают сейчас необычными, преобразенными.

— Что это?..

Внутри стеклянного шара чернеет капсуль.

— Зачем это?

Кеюлькан недоуменно пожимает плечами.

Непослушными пальцами Горюнов отвинчивает крышку. Вытащил металлический капсюль и вложенную в него записку. Текст на трех языках: русском, английском, норвежском.

Записка дрожит в руках:

«Этот буй спущен на воду сотрудниками гидрометеорологической станции в городе Усть-Порт. Просим нашедшего сообщить координаты, где поднят буй, что важно для изучения полярных течений и дрейфа льдов. Адрес: СССР, Ленинград, Арктический институт».

Горюнов шепчет, глядя вдаль:

— Ленинград... Ленин... град...

Кричит во всю мощь легких:

— Лени-ин!..

Остановился, словно прислушиваясь к чему-то.

— Там — революция! Если город назвали именем Ленина, в России — революция. Понимаешь, Кеюлькан?.. Нет, ты не понимаешь меня, мальчик!

Горюнов сидит на траве в позе мучительного раздумья.

— Революция. Когда же она? Когда была? В шестнадцатом? Мы ушли в шестнадцатом. Могла быть в тот же год, летом, осенью... Или позже?

Кеюлькан смотрит на юг, защищая глаза ладонью от солнца.

— Был мрак, хаос, — говорит Горюнов. — И вот вспыхнуло: Ленинград. Все осветилось вокруг. Я вижу огромную страну по ту сторону гор, вижу всю, Кеюлькан, сразу всю!

...Просека в лесу заполнена людьми в меховых костюмах: малицы, штаны, торбаса. В центре круга сидят старейшины, за ними стоят воины в парадном убранстве, дальше женщины и дети. Это сход всего племени, призванный разрешать самые важные вопросы.

— Горюн никогда не обманывал нас. Слово его одно.

— Но там Маук. Маук улетела туда. Маук вернулась на Большую землю.

— Маук нет больше, — повторяет Горюнов. — Она мертва. Весть об этом принес светлый шар.

Поднял гидрографический буй высоко над головой.

— Кто же убил ее? — недоверчиво спрашивают из толпы.

— Мои друзья...

— Когда?

— Не знаю.

— Зачем же нам уходить? Здесь хорошо.

— Смерть стережет вас. Вот снег. Сегодня он на горе, завтра будет здесь.

— Как же дойдем по льду?

— Так же, как дошли сюда. Сделаем лодки, нарты. В руках у вас железные топоры.

— Пусть кто-нибудь пойдет вперед. Пусть узнает, мертва ли Маук? Но кто решится на это?

Горюнов говорит:

— Я. Я приведу помощь.

— Нет, ты должен остаться с нами. Мы боимся: Маук вернется.

Рау, высунувшись из толпы, выкрикивает со злобой готовностью:

— Пусть идет Горюн!

— Нет! Нет! Горюн останется.

Горюнов всматривается в исковерканное мститель-

ной злобой лицо Рау. Любой ценой колдун готов избавиться от человека, отнявшего у него власть. Не сводя с него глаз, Горюнов медленно качает головой. Он переводит взгляд на других онкилонов. Как будто тень крыла снова пала на них: они скорчились, пугливо жмутся друг к другу, испуганы, как дети. На вытянутых руках женщина протягивает ребенка:

— Не оставляй нас одних, Горюн.

Плечистый воин боязливо смотрит снизу вверх на Горюнова. Бормочет:

— Мы боимся без тебя, Горюн.

Горюнов обескуражен:

— Кто же пойдет?

Молчание.

Горюнов обводит взглядом воинов:

— Ты, Нуху?.. Ты, Куа?.. Ты, Нырша?..

Все прячут глаза. Горюнов с надеждой обращается к Нерхо.

— Друг, ты?

Нерхо поднял опущенную голову.

— Я тоже боюсь Маук, — говорит он, мучительно стыдясь такого ответа.

— Ты великий колдун и могучий воин, — обращается Рау к Горюнову, — ты сделал копье крылатым и отыскал легкий топор. Ты изгнал с острова Маук. — Рау выдерживает паузу и вдруг заканчивает с лицемерным вздохом: — Но ты не мог убить страх перед Маук.

Гнетущая тишина. Горюнов медленно обводит глазами людей.

Кеюлькан скромно стоит за шеренгой воинов среди детей и женщин. Его лицо взволновано. Порывисто подается вперед. Он не может перенести унижения Горюнова.

Вот раздвинул плечом строй рослых воинов, про-

тиснулся на середину круга.

— Я! — раздался его звонкий мальчишеский голос. — Я пойду!

— Ты не воин еще! — крикнул Рау.

— Ты не дойдешь, Кеюлькан, — мягко говорит Горюнов. — Ты не найдешь Большой земли.

— Я буду идти по солнцу.

— Ты будешь голодать.

— Я возьму еду и нарты.

— Тебе преградят путь полыньи.

— Я возьму байдару. Я пойду. Я хочу дойти!

Горюнов обернулся к Рау.

— Ну? Что ты скажешь теперь, колдун?.. Вот онкилон. Он поборол в себе страх перед Маук.

...Один из стариков заканчивает праздничную раскраску тела Кеюлькана. Раскраска подчеркивает выпуклые мышцы, широкие плечи и грудь.

Протяжный звук военного рога.

У входа в пещеру раздаются голоса:

— Дорогу воину! Почет воину!

В волосах Кеюлькана укрепляют перья, на руку навешивают щит, напоминающий крылья. Нерхо привязывает к поясу сына кинжал и торжественно подает лук. Горюнов надевает на шею Кеюлькана какой-то талисман на шнурке. Лицо Кеюлькана строго, сурово, сосредоточено. Боевым кличем и стуком копий приветствуют его, юношу, только что прошедшего церемониал посвящения в воины.

На гребне вулкана стоят Горюнов, Нерхо, несколько онкилонов которые провожают Кеюлькана. Нарты быстро спустились со ската. Вдали — бескрайная белая пустыня.

Ветер взметнул снежную пыль и окутал ею группу провожающих.

Глава четырнадцатая

ГИБЕЛЬ ОСТРОВА

«Был невидим, пока его скрывала стена тумана».

Слово «тумана» не закончено. Резец, которым Горюнов высекал буквы на бивне, вдруг соскочил и провел глубокую борозду.

Горюнов встал, отбросив сидение. Что случилось? Из-под земли несется грозный нарастающий гул.

Выбежал наружу. Долгий, тягучий стон в воздухе, точно гигантский шмель бьется о стекло. Раскидистое дерево перед пещерой качается, как былинка. Люди мечутся в клубах пыли. Словно длинная черная змея, через поляну стремительно проползла трещина.

Раздаются крики:

— Горюн! Где Горюн? Маук трясет землю. Прикажи ей, Горюн.

Далекие снеговые горы будто придвинулись.

Кончено! Льды хлынули в котловину.

...Берег озера. Дождевые капли с тихим шорохом падают на воду. Поверхность озера покрыта мелкой рябью. Нерхо и Рау убирают верши.

— Время уходит, — сказал Рау.

— Да.

Сквозь пелену осеннего дождя видны белеющий вдали языки ледников.

— Что это? Гром?

Зловещий гул под ногами. Рау схватил — Нерхо за руку.

— Смотри. Там... лед!

Приближаются, сползая со склона, ледники.

Озеро выгнулось, будто зверь, готовящийся к прыжку. Высокая волна ударила о берег.

Рау и Нерхо бегут по лесу, волна обгоняет их, пенится подле деревьев, разливается мутным потоком. Топот раздаётся за спиной. Беглецы едва успели сойти с тропы. Мимо, разбрасывая фонтаны брызг, мчится стадо оленей. Свист крыльев, испуганное щебетанье, — над головами пролетает целая туча птиц. Шлепая по воде и ревя от страха, ковыляет медведь.

Со ската сползает огромный ледник, выворачивает деревья, гонит впереди себя целый ливень камней.

Рау и Нерхо бегут по щиколотку в воде.

Лесная просека превратилась в канал, по которому плывут листья, мох, сор, поднятые с земли.

С лихорадочной поспешностью беглецы свалили несколько небольших деревьев, связали поясами, двинулись на плоту, отталкиваясь шестами.

Все глубже и глубже шест уходит в воду. Волны покачивают плот.

Все глубже и глубже шест уходит в воду. Волны покачивают плот.

На образовавшихся островках жмутся друг к другу звери. Плещет, обгоняя плот, волна.

Приминая деревья, как траву, с гор ползут ледники.

— Конец земли, — бормочет Рау.

— Что ты, Рау?

— Смерть за спиной, Нерхо, смерть.

Рау и Нерхо взбираются по склону к пещере, где укрылись онкилоны. Здесь же ищут убежище уцелевшие звери.

...Багровое солнце повисло над снеговыми горами, освещая затопленную котловину, поваленный лес и льды, вплотную придвинувшиеся к воде. Все очертания необычайно четки сейчас, так как купол тумана исчез над островом, рассеялись теплые испарения.

...Рау греет иззябшие руки у костра. Мрачные, темные своды. Мерцая, затухают уголья.

Нерхо и Горюнов всматриваются в осеннее небо, затянутое тучами. Птицы покидают оледенелый остров, улетают на Большую землю. С завистью следит Нерхо за полетом птиц.

— Месть Маук, — шепотом говорит Рау.

Поднял голову, в упор взглянул на Горюнова:

— Месть Маук тебе. Ты погубил нас всех, нашу землю, наших детей.

Покосился на неподвижного Нерхо:

— И Кеюлькана ты погубил. Где Кеюлькан, который поверил тебе?

Из глубины пещеры доносится монотонный погребальный плач.

...Сумерки. Неподвижные фигуры онкилонов у затухающего костра. Невидящими глазами они смотрят на Горюнова, который сидит у входа.

Рау говорит, и даже злобы нет в его угасшем, лишённом интонации голосе:

— Маук победила тебя, Горюн. Маук победила нас всех. Мы пойманы, обречены, мертвы. Ты верил в свое колдовство, — оно не спасло нас. Маук сильнее тебя, Горюн.

Группы людей, оцепеневших в отчаянии, почти сливаются с серыми стенами пещеры. Оцепенение это перейдет потом в сон, мертвый сон в смерть, и пещера станет их каменной гробницей.

Горюнов не отвечает Рау, смотрит непрерывно туда, где зашло солнце, где еще теплится на горизонте «край дня» — узкая светлая полоска.

Глава пятнадцатая

«КТО ТЫ, МАЛЬЧИК?»

На стене каюты раскачивается портрет молодого человека в студенческой тужурке. Лампа под абажуром, наглухо прикрепленная к столу, позвякивает стеклянными подвесками. Две головы склонились над прокладкой пути. Это начальник гидрографической экспедиции и капитан ледокола «Федор Горюнов», которых мы видели в прологе.

— Осталось совсем немного, — говорит начальник экспедиции, выпрямляясь. — Последние гидрографические станции.

— Надо успеть до темноты.

— Зависит ото льда. Как разводья?..

Распахнулась дверь, и клубы холодного воздуха ворвались в каюту.

— Вернулся летчик! — крикнули с порога.

Капитан с шумом отодвинул кожаное кресло.

— Ну?..

Капитан и начальник экспедиции с напряжением смотрят на дверь.

Входит молодой пилот, держа на руках бесчувственное тело Кеюлькана. Каюта заполнилась участниками экспедиции.

Взволнованно переговариваются:

— Где нашли его?

— Совсем мальчик.

— Как попал на лед?

— Жив он?

Бережно поддерживая Кеюлькана, лежащего койке, врач поит его из фляжки.

— Полное истощение сил, — бросает врач начальнику экспедиции.

Голова Кеюлькана — глаза закрыты по-прежнему — бессильно упала на подушку.

— Спит, — произнес кто-то удивленно.

Все на цыпочках выходят.

Коридор перед дверью каюты. Взад и вперед шагает летчик, оберегая сон спасенного им человека.

То и дело в иллюминатор засматривают чьи-нибудь любопытные глаза.

— Спит?

Летчик кивает со строгим лицом, предостерегающе подняв палец.

— Еще спит?.. О!..

Палуба. Прозрачные полярные сумерки. Два матроса разматывают бухту троса. Мимо пробегает третий матрос. Они прерывают работу, чтобы спросить.

— Ну, как?

— Спит еще.

Доктор проходит через каюту гидробиологов, где те разглядывают в микроскоп свой сегодняшний улов. Все провожают доктора взглядом.

— Как ваш пациент, доктор?

— Спит.

Коридор перед дверью каюты. Летчик прислушался, осторожно приоткрыл дверь, заглянул внутрь.

Каюта снова заполнилась людьми.

Кеюлькан не шевелится. Тем больший контраст с его неподвижным вытянутым телом составляют широко открытые глаза, живые, темные, блестящие.

Начальник экспедиции присел на край постели, спросил ласково:

— Кто ты, мальчик? Эвенк? Эскимос?

Повторил тот же вопрос по-эвенкийски, по-эскимосски.

Кеюлькан молчит, переводя испытующий взгляд с

одного лица на другое.

Капитан наклонился над подушкой:

— Как ты попал туда? Так далеко от земли?

Кеюлькан продолжает молчать.

Летчик наклоняется с другой стороны подушки:

— Скажи же хоть что-нибудь? Куда ты шел?

Кеюлькан посмотрел на него, после паузы сказал, неуверенно выговаривая трудное слово:

— Ленинград.

Зрители взволнованы.

— Ленинград? Он сказал: Ленинград?

Но глаза Кеюлькана округлились от удивления. Все смотрят по направлению его взгляда. Вдоль стены лежат пустые гидрографические буи.

Кеюлькан проворно спрыгнул с койки, подбежал к стене. Сев на корточки, с лихорадочной поспешностью осматривает буи один за другим. Капсюли пусты.

Кеюлькан испуганно оглянулся. Шарит за пазухой. Лицо прояснилось. Вытащил капсюль, привешенный на шнурке, вставил в один из пустых буюв и торжественно подал пилоту. Тот, недоумевая, передал капитану. Тот, в свою очередь, — начальнику экспедиции, а он уже, при благоговейном молчании присутствующих, вытащил из капсюля записку.

Это известная записка на трех языках с просьбой адресовать ответ о координатах в Ленинград, в Арктический институт. Начальник экспедиции перевернул ее. На обороте нацарапано:

«К северо-северо-востоку от мыса Иркапий в океане народ онкилонов терпит бедствие. Если не пришлете корабль до зимы, мы погибли».

Начальник обернулся к Кеюлькану:

— Кто писал это?

— Горюн.

Кеюлькан вынул из кармана шарик, привидевшийся ему во сне, и стал в один из углов бунга торжественно поднимать его.

— Кто? Как ты сказал?

— Горюн.

— Мальчик, ты видел его? Какой он? Опиши, какой он.

Кеюлькан выпрямился. Осанка сразу стала величавой, голос окреп.

— Такого роста.

Все недоверчиво проследили взмах руки Кеюлькана.

— Такие глаза. — Кеюлькан вытаращил глаза и обвел вокруг руками. — Плечом сдвигает горы.

Кеюлькан говорит протяжно и коверкая русские слова, но это придает его речи особую, медлительную торжественность. Это не просто ответ, это эпическое повествование о необыкновенном человеке, могучем и добром чародее.

— Звери слушаются его, и деревья рассказывают ему о прошлом.

Пилот и капитан удивленно переглядываются.

— Сильнее всех. Сильнее Маук. Стоит ему протянуть руку, — и Птица роняет с неба крыло, и он делает из него копье.

Начальник переводит взгляд с Кеюлькана на раскачивающийся портрет на стене. Там изображен молодой человек в косоворотке, в расстегнутой студенческой тужурке. Худое, очень доброе лицо. Усталые светлые глаза под высоким лбом.

— Мальчик рассказывает сказки, Горюнов был человеком обыкновенного роста. Таким, как вы, как я...

Глава шестнадцатая

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ НОЧЬЮ

Падают крупные хлопья снега. Горюнов сидит на камне. Он безучастен ко всему окружающему. Снег ложится на его плечи, нависает на бровях.

Опершись подбородком на руку, Горюнов смотрит вдаль, слегка сощурясь, как бы оцепенев в своем раздумьи.

За спиной его появляется Нерхо и тихо садится рядом.

Снег перестал.

Глубокое ночное небо выгнулось над долиной. Нерхо и Горюнов неподвижны по-прежнему. И вот странный свет начинает струиться с неба. Над островерхими соснами и зубчатым гребнем гор в тишине разворачивается сияющий занавес. Складки его переливаются, темнеют, точно их шевелит ветер.

Голова Нерхо запрокинута. Горюнов не поднимает головы.

Сияние потухло. Снова темно. И вдруг какие-то пятна пробежали по небу, скрылись. Появились опять.

Нерхо сильно трясет Горюнова за плечо.

— Горюн, что это? Смотри.

— Что тебе, Нерхо?

Поднял голову. Дрожащий луч скользнул через весь небосвод. Исчез за гребнем горы.

Горюнов бежит по склону вверх, спотыкается о льдины, продираясь через бурелом, проваливаясь в снегу. Нерхо спешит за ним.

Они на гребне кратера...

Во мраке полярной ночи снова вспыхнул далекий свет. Где-то там, на горизонте, за льдами. На миг луч

осветил оцепеневших Горюнова и Нерхо, быстро уполз в сторону.

Нерхо кричит:

— Новое солнце восходит, Горюн!

— Проектор!

У входа в пещеру еще тлеет костер. Горюнов кричит Нерхо:

— Буди людей! Там помощь, друзья!

Увидел затухающие уголья костра. Бросился раздувать. С отчаянием.

Нет, мало. Не увидеть такой... Горы со всех сторон... всю котловину поджечь, тогда...

Нерхо остановился, держа в руках вязанку хвороста, бросил ее, широко развел руками.

— Что ж, Горюн? Вот лес. Жги.

Лихорадочно обламывают сухие ветви. Подтаскивают к деревьям вязанки хвороста.

— Так, Нерхо, так. Пусть весь остров пылает.

Лес запылал на корню. Подле пламени суетятся Горюнов и Нерхо. Застучали вразнобой два топора. Ветви летят в небывало грандиозный костер.

Все осветилось вокруг. Онкилоны, лежащие в пещере, очнулись от сна. Под сводами ходят длинные тени и отблески пламени. Один за другим выползают люди из своего логова, щурятся на огонь, греют руки. Они не понимают, что случилось.

— Зачем ты зажег лес, Горюн? — жалобно спрашивает Рау. — Чтобы нам согреться перед смертью?

Горюнов продолжает швырять в огонь хворост:

— Чтобы нам жить!

Пламя перебрасывается по верхушкам. Высокие ели горят, как факелы. Занялись и те деревья, которые были полузатоплены водой. Едкий дым режет глаза. Стало трудно дышать.

Со всем своим скарбом люди уходят вслед за Горюновым вверх по склону.

С гребня видно огненное нутро котловины. Кажется, будто вулкан снова ожил и забурился лавой.

...Огромное зарево поднялось над оледенелым островом.

...Палуба ледокола. Он форсирует тяжелые льды. Луч прожектора раздвигает тьму впереди. Люди на палубе не отрывают от глаз биноклей. Рядом с начальником экспедиции стоит взволнованный Кеюлькан.

Капитан докладывает начальнику:

— Лёд все плотнее, Михаил Николаевич.

Слышны скрежет, грохот, скрип. Корпус ледокола сотрясается от страшных ударов. Лицо начальника экспедиции озабочено. Кеюлькан с тревогой переводит взгляд с начальника на капитана.

Вдруг сигнальщик крикнул сверху:

— Слева по борту свет!

Совсем не там, куда они смотрели, виден мигающий огонек. Один, этот одинокий огонек мерцает во всем бескрайнем океане.

— Что это?

И ликующий возглас Кеюлькана:

— Горюн зажег костер!

Скрежет и грохот льдин. Ледокол яростно пробивается вперед.

Моряки рвут аммоналом лед. Вспышки взрывов. Испуганное лицо Кеюлькана то исчезает, то возникает в отсветах взрывов.

Мерцает вдали, затухая, костер. Круто поднявшаяся палуба закрыла далекий сигнал бедствия.

Лицо капитана очень утомлено. Висячие усы покрыты изморозью. Склонился к летчику.

— А ведь, кажется, рукой подать...

Летчик также утомлен, сердит:

— Чёртов маслопровод... Давно б туда слетал.

Палуба опустилась. Костер почти потух. Довольно явственно виден купол острова. По краям перебегают слабые отблески, причудливая огненная бахрома. Мрак придвинулся со всех сторон.

Капитан приказал:

— Включить прожектора!

Засуетились люди у прожекторов.

Стремительный луч рассек воздух, в котором кружатся миллиарды снежинок, и уперся в оледенелый скат острова.

Глава семнадцатая ДРУЗЬЯ ГОРЮНА

Берег приближается с такой быстротой, точно мы летим к нему по лучу прожектора. По скату спускаются онкилоны, вступили на береговой лед, неподвижное ледяное поле.

Впереди идет Горюнов. Волосы его и борода развеваются по ветру. Рядом шагает Нерхо, гордо выпрямившись, опираясь на копье.

Это великий исход. Мужчины несут на плечах мотыги, шкуры, топоры. Женщины тащат за руки детей. Больным помогают идти, поддерживая их за плечи.

Мелькнула согбенная фигура Рау. Он подслеповато мигает, щурится на свет.

Происходящее представляется онкилонам началом нового удивительного волшебства. Они теснятся поближе к Горюнову. Если кто-нибудь, оступившись, шагнет за пределы освещенного пространства, то с испуганным криком торопится выйти поскорее из тьмы, — там страшно, там подстерегают злые духи.

По трапу с ледокола сбегают на лед Кеюлькан, начальник экспедиции, пилот и другие, спешат навстречу шествию. Два людских потока встретились и смешались.

Палуба ледокола. Онкилоны, моряки, сотрудники экспедиции составляют сейчас одну шумную, пеструю толпу.

...Горюнов и начальник экспедиции стоят рядом на палубе.

— И вы не надеялись, — почтительно спрашивает начальник, — что остров увидят с какого-нибудь корабля?

Вот последний исход. Мучительны были на светех пытки, изурна, тоска. Женщины тайно за руки детей.

— Почти не надеялся. Ведь он окружен был туманами, как стеной. Результат теплых испарений, понимаете? Очень редко туман раздвигался. И то на мгновение. Но шапка-невидимка свалилась с острова тотчас же, как только льды заполнили котловину. Мертвый, оледенелый, он будет виден теперь издали.

Это великий исход. Мужчины несут на плечах мотыги, шкуры, топоры, Женщины тащат за руки детей.

...Кеюлькан и два робеющих онкилона вошли, осторожно ступая, в каюту капитана.

Кеюлькан подвел соплеменников к стене, где висят ружья.

— Гром, — сказал он значительно.

Онкилоны закивали головами, зашептались, боязливо косясь на стену.

Кеюлькан зажег и потушил настольную лампу, гордая своей образованностью.

— Горит без дров, — объяснил он.

Один из онкилонов обвел рукой каюту, спросил почтительным шепотом:

— Большой колдун?

— Друг Горюна, — сказал Кеюлькан.

— А... — понимающе кивнул онкилон, и успокоенно сел в широкое кожаное кресло.

Ледокол удаляется от острова. Луч прожектора медленно сползает со ската.

Опершись на леер, Горюнов долгим взглядом провожает свой остров. Начальник экспедиции заканчивает рассказ:

— А в следующем году была революция...

— В следующем? На другой год после экспедиции.

— Да.

Громада купола сливается с темным фоном, расплывается в снежном тумане.

Да полно, было ли все это с ним?.. Не причудился ли Горюнову удивительный теплый остров? Зеленели ли леса на внутренних склонах? Поднимались ли серебристые фонтаны гейзеров? И блуждал ли он когда-нибудь с факелом в руке в подземном лабиринте, высматривая на стенах изображение загадочной Птицы, пытаюсь постигнуть ее тайну?..

Но неподалеку на палубе лежат мотыги, топоры, утварь онкилонов. Донесся откуда-то бодрый голос Кеюлькана.

Горюнов вдруг засмеялся.

Начальник экспедиции спросил удивленно:

— Что вы?

— Я вспомнил Птицу Маук.

— Не понимаю. Что за Маук?

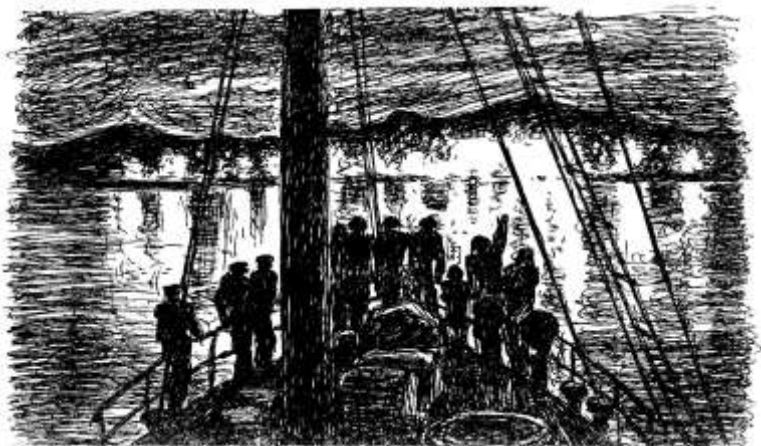
Горюнов пошарил за поясом, вытащил оттуда и подал на ладони истертую, зазубренную по краям монету, — одну из тех, что лежали на дне ущелья подле щита, пицалей и бердышей.

— Старинная гривна, — недоумевающе сказал начальник экспедиции.

— А на обороте?

— Двуглавый орел.

— Онкилоны называли его иначе — Маук. Когда-нибудь я расскажу вам подробнее об этом. А может быть, если смогу, то напишу об этом и книгу...

ЭПИЛОГ

Из репродуктора на стене доносится взволнованный голос диктора:

«...найден в глубине Арктики гидрографической экспедицией на ледоколе „Федор Горюнов“. Сам Горюнов провел среди этого первобытного народа много лет. В научных кругах с нетерпением ждут его сообщения об удивительном исчезнувшем мире. Считают, что будет пролит свет на многое, остававшееся до сих пор белым пятном в этнографии...»

...А тем временем ледокол «Федор Горюнов» подвигается все ближе к берегам Большой земли. Проекторы раздвигают снежный туман. И вот уже скалистые берега возникают впереди.

Просторный рейд, где стоит много кораблей. Сверкающая звездная россыпь огней на склоне. Это заполярный город — порт.

В кубрике команды, окруженный очарованными онкилонами, бравый гармонист растягивает на пол-

ный вздох мехи гармоники. Нарастают звуки песни
«Нелюдимо наше море:

*Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна...*

Вот она, эта блаженная страна — перед ними!

Онкилоны столпились у того борта, которым ледокол подходит к причалу. Лицо Кеюлькана восторженно.

По мокрому, сверкающему в свете фонарей причалу бегут портовые рабочие, готовясь принять концы. Капитан, свесившись с мостика, кричи: в мегафон:

— Эй, на причале!..

Ледокол «Федор Горюнов» пришвартовывается к берегу. Закончился его очередной арктический рейс.

МГНОВЕНИЕ

Научно-фантастический рассказ

Журнал «Знание – сила», №12, 1951 г.

Экспедиция прибыла к озеру ночью.

Вскоре все уже спали в наспех разбитых палатках. Только молодой археолог Федотов ворочался в углу на кошке. Радостное нетерпение мешало ему заснуть.

Стоило зажмурить глаза, как начинало казаться, что он еще покачивается в седле. Горная тропа ведет круто вверх. Вдруг скалы расступаются, и видишь все вокруг на сотни километров. Марево зноя колыхается над лесами. Однако успеваешь только бросить взгляд — и тотчас ныряешь вниз, в ущелье.

Спуск почти отвесный. Чувствуешь себя мухой, ползущей по стеклу. До отказа натягиваешь повод, откидываешься на круп лошади. И вот уже дно ущелья. Быстрый ручей бойко побренькивает галькой. И только клочок неба сияет вверху, в узком просвете между скалами...

Федотов надеялся, что до таинственного горного озера, цели путешествия, доберутся засветло. Однако ночь застала еще в пути. Скрипя седлами, негромко переговариваясь, двигались всадники, следуя верени-

цей за таджиком-проводником. Наконец что-то протяжно закричали впереди, и все остановились.

Большое водное пространство угадывалось у подножья спуска — оттуда тянуло прохладой, сыростью.

Но напрасно Федотов всматривался в темноту. Вдали виднелись не то тучи, не то горы, многоплановый фон, — чем дальше, тем светлее. Рядом чернели силуэты деревьев.

— Оно? — спросил Федотов спутника почему-то шепотом. — Где же оно?..

— А вон, внизу!

Совсем близко было долгожданное озеро — вернее, звезды, отражавшиеся в нем. Звезды были очень яркие, большие, непривычно большие; они вспыхнули сразу все, будто кто-то раскрыл сундук с жемчужными ожерельями у самых ног.

Совсем близко было долгожданное озеро, но в темноте были видны лишь смутные очертания гор и яркие звезды.

Василий Николаевич, начальник экспедиции, приказал разбивать лагерь. Здесь предстояло ждать до утра.

Но как далеко еще было до утра!

Некоторые участники экспедиции заснули сразу. Другие долго умищивались, зевая и переговариваясь сонными голосами. Василий Николаевич, сидя на корточках, копошился у радиоприемника. Он искал в эфире Москву, — обычное его занятие по вечерам.

— Привычка, — пояснял он усмехаясь. — Где бы ни был: в командировке ли, дома ли, в экспедиции, всегда, прежде чем уснуть, стараюсь услышать бой часов на Спасской башне...

Федотов сердито натянул одеяло на голову.

— Не спится? — обернулся Василий Николаевич, и карманный фонарик, стоявший на полу, осветил снизу его полное доброе озабоченное лицо. — И мне, представьте!.. Какая-то тревога в воздухе, не правда ли? Какое-то беспокойство разлито, ожидание чего-то. Как перед грозой... Это странно... Небо ясно, туч нет...

Он нагнулся над радиоприемником, продолжая вертеть верньер настройки.

Вдруг внятный женский голос сказал с протяжными, чуть гортанными интонациями:

— ...Выводите жителей из домов на площадь, разверните питательные и медицинские пункты. Центр, по нашим данным, пройдет далеко от города, однако не исключено, что...

Голос оборвался сразу, как и возник. Спокойно и размеренно передавал диктор последние известия, где-то попискивала морзянка, Лемешев пропел несколько тактов из «Снегурочки», — предостерегающий женский голос не появлялся больше, как ни вертели верньер.

Вдруг внятный женский голос сказал с протяжными, чуть гортанными интонациями: «Выводите жителей из домов на площадь...»

— К кому она обращалась? Зачем? — недоумевающе бормотал Василий Николаевич. — Какой-то центр... Далеко от города... Вы что-нибудь поняли, товарищ Федотов?

Но тут, как капли с большой высоты, упали над миром двенадцать медленных гулких ударов.

...Улегся уже и Василий Николаевич и вскоре как-то по-детски зачмокал губами во сне. Два или три раза проводник выходил проведать стреноженных коней. А молодой археолог все не мог уснуть. Над странным предостережением, перехваченным по радио, думал недолго. Мысли вернулись к озеру, притаившемуся там, внизу.

Итак, он добрался до него наконец. Не очень быстро, спустя несколько лет после того, как впервые узнал о нем. Но все-таки добрался, как обещал.

Что бы сказала об этом девушка, которая послала его к озеру?.. «Ведь вы из тех, кто ловит солнечных зайчиков на стене», — пошутила она тогда. (Кажется, это была восточная поговорка, образное определение мечтателя.) Однако вот он здесь, на берегу горного озера, а завтра поутру вместе с водолазами спустится на дно его.

Федотов постарался представить себе наружность девушки. Странно! Это долго не удавалось ему. Почему-то лучше всего запомнились брови. Тоненькой полоской они сходились у переносицы, а к вискам приподнимались, отчего лицо казалось крылатым.

Но сначала он увидел ее в профиль. Она сидела на одной с ним скамейке, уткнувшись в книгу. Губы ее забавно шевелились — наверное, зубрила что-нибудь.

Федотов не успел ничего больше заметить, потому что между ними уселся очень толстый гражданин и тотчас же, удовлетворенно вздохнув, развернул «Вечернюю Москву».

Осень в том году была ранняя, но денек выдался солнечный, и все скамейки на Тверском бульваре были заняты.

За спиной звенели трамваи. Рядом хлопотливо осваивали мир малыши. С озабоченным видом они лепили песочные куличи, возили взад и вперед игрушечные грузовики и, пронзительно визжа, прыгали через веревочку.

Толстый гражданин, сидевший рядом с Федотовым, переменил позу. На мгновение мелькнул из-за газеты девичий профиль. Сейчас учебник лежал на коленях у девушки, а она мечтательно смотрела вдаль.

Она показалась Федотову очень красивой и таинственной.

Потом на бульваре появился щенок, такой лохматый, что глаз и носа почти не было видно. Его восхищали опавшие листья, которые, шурша, носились по дорожке, и он с радостным лаем гонялся за ними.

Федотов снова искоса взглянул на девушку и ужаснулся. Она смеялась!

В панике он приподнялся со скамьи, готовый бежать. Конечно же, смеялась над ним — неуклюжим провинциальным ротозеем, который пялит на девушек глаза.

Однако, проследив за направлением ее взгляда, он успокоился. Нельзя было без смеха наблюдать за забавными прыжками щенка.

— Сколько хлопот ему осенью, — ободрившись, сказал Федотов. — Все листья шуршат...

— Что?! — Сосед с газетой внезапно встрепенулся, как от толчка, и уставился на Федотова.

— Я говорю: шуршат листья, — пробормотал тот.

— А... — сказал сосед таким тоном, точно и не ожидал услышать от него ничего более умного, и снова уткнулся в газету.

Девушка задумчиво посмотрела на Федотова. Нет, это не был бульварный пристава, искатель приключений. Просто юнец лет восемнадцати, нечто долговязое, неуклюжее, светловолосое и очень робкое. Уши у него сейчас были пунцовые, как два пиона.

— Щенку очень весело осенью, — сказала она, протяжно и твердо выговаривая слова. — Ему кажется, что все листья играют с ним...

И она опять улыбнулась.

Так завязался разговор — с помощью щенка.

— Какой лохматый! — подивилась девушка.

— Да, странный, — подтвердил Федотов. — Я еще не видел таких.

Потом он вспомнил несколько подходящих к случаю историй о собаках.

Говорить приходилось очень громко, потому что любитель «Вечорки» по-прежнему сидел между ними. По-видимому, он принадлежал к числу тех людей, которые прочитывают газету вплоть до объявлений. Федотов подумал, что они разговаривают с девушкой, как через стену.

Но не слишком удобно было и «стене». Толстяк стал раздраженно качать ногой, переброшенной через ногу. Тогда юноша и девушка скромно встали и ушли.

Федотов говорил и говорил не переставая. Он очень боялся, что его новая знакомая воспользуется первой же паузой в разговоре и скажет: «Ну, мне пора», или: «Извините, меня ждут». Нельзя было допускать пауз в разговоре.

— Я провалился на экзаменах в институт, — объявил он с места в карьер. И добавил: — Не хочу, чтобы вы думали обо мне лучше, чем я есть на самом деле...

По его словам, подвела «проклятая» математика, которая с детства не давалась ему.

— Но я одолею ее за зиму, — сказал Федотов. — Мне нужно одолеть ее! Не закончив института, я не смогу стать подводным археологом...

— Подводным?.. Никогда не слышала о такой профессии — подводный археолог.

— Все дело, может быть, в том, что я из Запорожья, — объяснил Федотов. Неподалеку от нас строили Днепрогэс. А я очень хорошо ныряю...

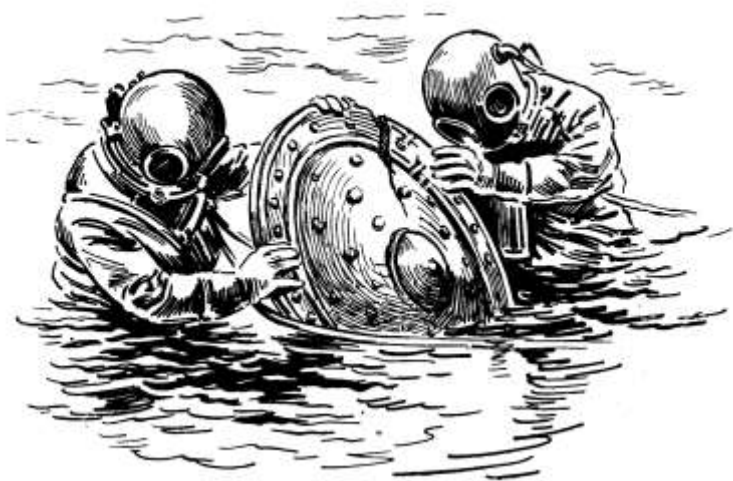
Когда начали строить Днепрогэс, Федотов был еще мальчишкой. Летом, понятно, пропадал по целым дням у реки. На спор нырял и оставался почти минуту

на дне Днепра, а для посрамления маловеров показывал вещественное доказательство — речной песок или гальку. Как-то он поднял со дна старинную русскую гривну, в другой раз — заржавленный наконечник копья.

Азарт его возрастал с каждой новой находкой. Но главный триумф был впереди. Однажды он нащупал на дне что-то тяжелое, твердое.

Именно в этом месте водолазы, расчищавшие русло для бетонных быков плотины, обнаружили целый клад. Это были доспехи времени Киевской Руси, много веков пролежавшие в речном песке. Огромный богатырский меч с длинной рукояткой едва подняли на плечи четыре школьника, а Федотов, кряхтя, покатил за ними круглый щит.

Однажды с его помощью водолазы вытянули из Днепра целый клад. Это были доспехи времен Киевской Руси.

Эта находка, обогатив местный краеведческий музей, вместе с тем определила и судьбу Федотова. Он не пошел ни в строительный техникум, ни в технологический институт, как большинство его сверстников. Он решил стать археологом, и именно подводным!..

Простодушная откровенность этого юноши подкупала. Нельзя было не ответить тем же.

— Вас тянет под воду, а меня в глубь земли, — пошутила девушка.

И она показала толстую книгу, которую держала в руках.

— «Курс сейсмологии», — вслух прочитал Федотов. — О землетрясениях... А я думал: не роман ли?

— Почему?

— У вас были такие глаза, когда вы закрыли книгу...

— Какие же?

— Мечтательные...

— Вы все подмечаете... Я думала о будущем своей профессии.

— К тому времени, когда вы станете сейсмологом...

— Я стану им очень скоро. Я на третьем курсе.

Федотов не смог удержаться от вздоха, вспомнив о «проклятой» математике.

— Но ведь я значительно старше вас, — рассудительно сказала девушка. — Мне уже двадцать лет!

Они немного поспорили о том, солидный ли это возраст — двадцать лет, или еще не очень.

За разговором не заметили, как спустились по Столешникову переулку, прошли площадь Дзержинского и площадь Ногина и очутились на набережной.

— Смотрите-ка! — удивилась девушка. — Устьинский мост!

Длинная очередь медленно двигалась вниз по гранитным ступеням к пристани речных трамваев.

— Вы катались когда-нибудь на речном трамвае? — спросил Федотов.

— Никогда.

— И я никогда. Покатаемся?

Он соврал. Катался уже, и не раз. Катание на речном трамвае предпочитал всем остальным столичным развлечениям — может быть, потому, что это напоминало о Днепре.

— Как легко с вами разговаривать! — признался Федотов, когда они уселись на верхней палубе. — Вам не кажется, что мы знакомы много лет?

— Кажется.

— А ведь я не знаю даже, как вас зовут.

— Максумэ.

— Павел.

Смущенно улыбаясь, они обменялись рукопожатиями.

— Какое у вас красивое имя — Максумэ!.. Его можно петь.

Спутница Федотова посмотрела на него, не поворачивая головы, — уголком настороженного черного глаза. Что-то уж очень он расхрабрился!..

— Как красиво на реке! — сказала она, осторожно переводя разговор на другую, более безопасную тему. — Город будто позолочен, правда?

Вертикальные сиреневые тени обозначали места, где улицы выходили к набережной. Многоэтажные дома были сплошь усыпаны блестками, — это заходящее солнце отражалось в окнах. Вода пылала; она текла медленно, тяжело, как расплавленный металл.

Но, мельком взглянув на воду, Федотов снова повернулся к девушке.

— Максумэ! — повторил он, бережно произнося понравившееся ему имя. — Это что-то восточное... Я сра-

зу понял, что вы из какой-то сказочной страны...

— Я таджичка... У нас на самом деле много красивых сказок... Вот станете археологом, приезжайте в наши горы искать затонувший город...

Федотов удивился.

— Затонувший? Я никогда не слыхал... Где? Когда?

Затонувший город, по словам Максумэ, был одной из загадок древней исчезнувшей Согдианы.

Когда-то это было могучее государство, одно из древнейших на территории СССР. Располагалось оно в бассейне реки Зеравшан, между средним течением Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Столица его называлась Мараканд и находилась в районе теперешнего Самарканда.

Согдийцы были мужественными, свободолюбивыми людьми.

*На глазах уstraшенных воинов Александра город скрылся в высоко
взмывающей кипящей пене...*

Согдийцы были мужественными, свободолюбивыми людьми. В 329 году до нашей эры в пределы страны вторгся Александр Македонский и неожиданно получил отпор.

Засев в своих горных крепостях, запиравших вход в ущелья, согдийцы под руководством умного и храброго Спитамена оказывали македонским фалангам сопротивление в течение трех долгих лет.

Особенно упорно оборонялся один город (название его утеряно), стоявший на берегу озера.

На исходе третьего года запасы продовольствия кончились, начался голод, но жители не открывали ворот, предпочитая смерть позорному плену.

В борьбу людей вмешалась стихия.

Однажды, когда македоняне готовились пойти на очередной приступ, вдруг земля заколебалась у них под ногами. Страшный подземный грохот заглушил звуки труб, бряцание оружия и воинственные клики.

Это было землетрясение. В горах Таджикистана, как известно, землетрясения очень часты.

На глазах устрешенных воинов царя Александра край берега, где стоял город, со всеми его башнями и крепостными стенами, усеянными людьми, со ступенчатыми крутыми улицами и ветвистыми деревьями медленно сполз в озеро и скрылся в высоко взметнувшейся пене...

Федотов, не отрываясь, смотрел на Максумэ.

Эта странная история поразительно гармонировала с самой рассказчицей, с ее негромким гортанным голосом, с ее гордым и сумрачным крылатым лицом.

Максумэ замолчала, а Федотов все еще неподвижно сидел и смотрел на нее.

Пылкое воображение нарисовало перед ним красочную картину: широкое горное озеро, лагерь греческих воинов, охватывающий подковой осажденный согдийский город...

...С рассветом, будя эхо в горах, раздается рев сигнальной трубы.

Из греческих шатров выбегают воины, торопливо пристегивая металлические наручни, нахлобучивая на головы шлемы. Слышен звон сталкивающихся щитов, бряцание мечей. Греки строятся. Знаменитая македонская фаланга оцетинилась длинными копьями.

В суровом молчании защитники города ждут штурма — тридцатого или пятидесятого по счету. Площадь и узкие улицы пусты. Все население, способ-

ное носить оружие, сейчас на крепостных стенах. Бородатые лучники положили стрелы на тетивы луков. Женщины в пестрых, плотно облегающих тело одеждах склонились над ковшами, доверху наполненными кипящей смолой. Старики и подростки замерли подле груд камня. Все это — стрелы, камни, кипящая смола — сразу же хлынет на осаждающих, едва лишь те приблизятся к стенам.

А в храмах идут беспрестанные моления. Оттуда доносится дребезжание молитвенных гонгов и плач маленьких детей.

Снова хрипло проревела сигнальная труба.

Двинулись! Греки двинулись на приступ!..

Звения щитами, греческая пехота спускается со склона. Она все ускоряет и ускоряет шаг. Вот уже бежит, подбадривая себя воинственными кликами, выставив вперед длинные копья.

Заскрипели приводимые в действие громоздкие осадные машины. Бегом проволокли к крепостному рву штурмовые лестницы.

Труба звучит пронзительнее, громче!..

И вдруг оборвался рев трубы. Короткая пауза. Что это?

Распался строй знаменитой фаланги. Воины Александра в ужасе разбегаются, роняя щиты и копья, падают наземь, прикрывая глаза плащом, чтобы не видеть, как страшно мстит завоевателям согдийская земля.

Скалы сдвинулись с места. Высокие деревья раскачиваются, как былинки. Все громче, все яростней подземный грохот.

Земля уходит из-под ног. Сотнями гибнут македоняне в разверзающихся зловещих трещинах и под осыпающимися с гор камнями.

А те из греков, которым удалось укрыться на вершине горы, видят, как согдийский город, приготовившийся к отражению штурма, медленно удаляется, сползает в воду и исчезает в ней...

Федотов зажмурил глаза, снова открыл их.

— Я представил себе вас на стене осажденного города, — пояснил он. — На голове у вас был конусообразный шлем, а в руке копье...

— На стенах города могли быть и женщины. Один из греческих историков, современник Александра, свидетельствует, что женщины в Согдиане сражались бок о бок с мужчинами...

— Значит, история с затонувшим городом достоверна?

— Этому верят не все... Однако я слышала, что в полдень в ясную погоду удастся увидеть развалины на дне.

— У нас в Таджикистане я слышала, что в полдень, в ясную погоду, удастся увидеть развалины на дне...

— Я бы очень хотел их увидеть, — пробормотал Федотов.

Он сидел вполоборота к девушке и задумчиво смотрел на белый гребень пены, след за кормой.

— Родные горы подоспели на помощь, — продолжал он, как бы думая вслух. Мгновение — и отважные защитники города вместе с ним ушли вглубь от поражения и плена.

— О! Вы так понимаете легенду? — Максумэ быстро повернулась к нему. — Я понимаю иначе. Горы, по моему, изменили им. Подумайте: три года подряд держаться против армии Александра, выстоять — и вдруг погибнуть от какого-то подземного толчка!..

— Вы сами сказали, что они предпочли бы смерть плену.

— И все-таки мне жаль их. Разве вам не жаль? В детстве, когда я слышала эту сказку, то воображала себя на стенах осажденного города рядом с его защитниками... Да, вы угадали. Только в руках у меня было не копье...

— А что же?

— Какой-то особый прибор, с помощью которого можно повелевать стихиями. Я предотвращала землетрясение... Вам странно, что принимаю эту старую историю так близко к сердцу?

— Что вы! Нисколько!..

— Но ведь мы, таджики, — потомки древних согдийцев, — пояснила Максумэ, словно бы извиняясь за то, что с таким волнением рассказывает о землетрясении, случившемся более двух тысяч лет назад.

Она помолчала.

— Наверное, из-за этой истории я решила стать сейсмологом. Иногда трудно понять, почему человек выбирает ту или другую профессию...

— Это верно.

— А вот и Каменный мост... Сойдем здесь?

— Нет, нет, — испугался Федотов. — Я прошу вас. Ну, пожалуйста!.. Мы доедем до конца — до Бородинского моста.

— Однако вы хорошо разбираетесь в остановках, — лукаво сказала девушка. А говорили, что не ездили на речном трамвае...

От воды потянуло прохладой.

Солнце уже село. Москву все больше окутывала синева сумерек. Город постепенно терял четкость очертаний, как бы медленно отдаляясь, уплывая в ночь. Поверхность реки стала однообразной, пепельно-серой.

Но вот зажглись уличные фонари, осветились окна в домах на набережной. Тотчас же по воде поплыли длинные желтые зигзаги и множество маленьких разноцветных веселых квадратиков. Москва-река надела свой вечерний наряд темно-синий, в блестках.

— И вы надеетесь когда-нибудь предотвращать землетрясения? — спросил Федотов, доверчиво глядя на гордое крылатое лицо, неясно белевшее в полутьме.

— Предотвращать?.. Нет. Предугадывать!.. Теперь-то я понимаю, что вмешиваться в грандиозные тектонические процессы не под силу человеку. Пока не под силу... Но можно и нужно добиваться того, чтобы отвести... Как это говорят военные? Да, «отвести угрозу внезапности», нависшую над мирными городами, поселками и деревнями. Ведь самое страшное в землетрясении — это внезапность, то, что землетрясение всегда застает врасплох. А нет на свете ничего страшнее растерянности, паники... Заметьте: землетрясения часто бывают ночью или на рассвете. Некоторые люди погибают во сне, другие не успевают выбежать из домов, прыгают из окон, спросонок мечутся по узким ко-

ридорам, топча, давя друг друга. И в довершение всего вспыхивают пожары, которые некому тушить... А как-то тем, кого катастрофа застает и пути? Поезда стремглав летят под откос, неожиданно поднявшаяся волна топит пароходы... И все это происходит в мгновение ока! В одно короткое грозное мгновение!..

— Но как предугадать это мгновение?

— Мне еще не вполне ясно это. Но я рассуждаю так. Научились же метеорологи предупреждать заранее о надвигающихся холодах, о наводнении, урагане и других стихийных бедствиях. Люди заглянули в высокие слои атмосферы, в глубь океана. Почему же они не могут заглянуть в недра земли? Вернее, не заглянуть — не то слово, — прислушаться к тому, что творится в недрах земли.

Максумэ вытащила из «Курса сейсмологии» карандаш, служивший закладкой, и подняла его, держа навесу обеими руками.

— Нагнитесь! Поближе! — скомандовала она. — Вот я стараюсь сломать карандаш. Я гну его. Раздаются похрустыванья, треск. Вы слышите?

— Да.

— То же происходит и перед землетрясением в толще земли. Все жметса, шуршит, скрипит. Мощные пласты толщиной в десятки, сотни метров прогибаются, как этот карандаш в моих руках. Хруст и шорох нарастают, приближаются...

— Шаги катастрофы, — шепотом подсказал Федотов, увлеченный описанием землетрясения.

— Да, шаги... И вот — крак!.. Пласты не выдержали чудовищного напряжения. Катастрофа! Надлом!

Она швырнула обломки карандаша за борт.

— До сих пор сейсмологи шли только по следам катастрофы. Спору нет, изучение землетрясений имеет

большое теоретическое и практическое значение. На лекции наш профессор уподобил землетрясение фонарю, который зажигается на мгновение и освещает недра земли. Но этого мало. Мне, например, мало. Я хочу заглянуть в будущее, хочу опередить катастрофу.

— Кажется, начал понимать. Пограничные заставы на путях катастрофы?

— Выразились очень удачно. Да, своеобразные пограничные заставы. Длинная вереница специальных сейсмических постов в угрожаемой зоне. Мы будем там охранять наши города, мирный труд, отдых, сон наших советских людей, чутко прислушиваясь к таинственным подземным шорохам. В случае опасности сразу же оповестим о ней, чтобы можно было приготовиться. Укажем час землетрясения, определим его возможные размеры и эпицентр... Если опасность известна, более того, высчитана, измерена, — это почти уже не опасность.

— Когда же будет так?

— Ну, не знаю. Может быть, в 1956 году. Или в 1960-м.

Даже в темноте видно было, как сияют глаза Максумэ. Такая — оживленная, порывистая, словно сбросившая оковы замкнутости, — она еще больше нравилась Федотову. Юноша подумал о том, что даже некрасивые выглядят красивыми, когда говорят о любимом деле, о своем призвании. Но что же сказать тогда о такой красавице, как Максумэ?..

Первой опомнилась девушка.

— Я совсем заговорила вас! — Она со смущенным смехом отодвинулась от Федотова. — Бедненький!.. Я просто думала вслух.

И со свойственной ей стремительностью меняя тему, воскликнула:

— Поглядите-ка налево! Это Парк культуры и отдыха! Хорошо, правда?

Слева по борту проплывали купы деревьев и сверкала гирлянда огней. Река повторяла прихотливый световой зигзаг. Желтые огоньки всплывали по пути катера, как кувшинки со дна.

С берега донеслась песня, — по воде звук летит очень далеко.

В то лето экраны столицы обошел новый фильм «Цирк». И всюду — в парках, в метро, в трамвае — москвичи напевали полюбившуюся им песенку из фильма. (Впоследствии ее начальные такты стали позывными наших радиостанций.)

Широка страна моя родная...

На нижней палубе катера тотчас же подхватили песню и, как мяч, перебросили вверх:

Много в ней лесов, полей и рек...

— Что же вы? Помогайте, девушка! — крикнул разбитной парень в красной спортивной майке.

Максумэ весело закивала и присоединилась к хору неожиданно сильным и высоким, металлического тембра, голосом.

— Складно! Очень хорошо! Теперь пойдет! — одобритительно заговорили вокруг. Федотов выпятил грудь, гордясь своей спутницей.

А речной трамвай все бежал и бежал вверх по Москве-реке. Мелькали тени деревьев, светлые квадраты окон. И по воде неслась песня:

Широка страна моя родная.

*Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...*

Так, с песней, они добрались до Бородинского моста.

— Вам куда? — спросила Максумэ Федотова, стоя на гранитных ступенях набережной.

— Я живу в общежитии туристов, на углу Смоленской площади.

— А я на Потылихе. Значит, в разные стороны... Нет, нет, провожать не надо! Ну, спасибо за хороший вечер!..

— Это я должен благодарить вас, — неуклюже пробормотал Федотов, задерживая в своей руке ее теплую маленькую руку. И вдруг добавил: — Я обязательно увижу затонувший город, о котором вы рассказывали!..

— О! — Девушка улыбнулась. В голосе ее прозвучали поддразнивающие нотки. Значит, вы не из тех, кто ловит солнечных зайчиков на стене? Хозяин своего слова, настойчивый, волевой?.. Ну-ну!..

Легкой поступью она пересекла улицу и стала удаляться, энергично размахивая «Курсом сейсмологии». Федотов неподвижно стоял на тротуаре и смотрел ей вслед. Почувствовав его взгляд, Максумэ оглянулась и еще раз ласково кивнула.

— До свиданья, Павел, — донеслось до Федотова. Это в первый и последний раз за вечер она назвала его по имени...

Беспечность молодости! Он даже не узнал ее фамилии, не спросил адрес или телефон. Просто был слишком уверен в том, что найдет ее и без адреса. Судьба так он считал — была на их стороне...

Федотов вернулся в Москву через год. Он блестяще выдержал вступительные экзамены и был принят в институт.

Но с Максумэ он не встретился.

Напрасно гулял юноша по бульвару, где впервые увидел девушку с крылатым лицом. Напрасно высматривал ее в библиотеке Ленина, в которой занимаются студенты самых различных вузов. Напрасно дежурил у ворот университета в часы, когда заканчивались лекции.

Однажды в фойе театра ему показалось, что мимо прошла Максумэ. Он бросился за ней, расталкивая толпу, бормоча извинения, спотыкаясь о ноги сидевших на стульях вдоль стены.

— Максумэ! — позвал он.

На оклик обернулось удивленное женское лицо со светлыми реденькими бровями.

— Простите! Я ошибся... — пробормотал обескураженный Федотов.

Оказывается, Москва была слишком велика для него. Все получалось здесь не так, как в простоте своей воображал он в родном Запорожье.

Ему вспомнился толстяк с газетой, который в прошлом году сидел между ним и Максумэ на бульваре. Приходилось разговаривать тогда, как через стену. Может быть, и теперь их разделяет стена? Но уже настоящая, каменная? Разве нельзя предположить, что они живут в одном доме, только на разных квартирах, разгороженных капитальной стеной?..

Мысль об этом показалась Федотову такой обидной, что он решился, наконец, сделать то, с чего, собственно говоря, полагалось начать. Он пошел в канцелярию университета, где училась Максумэ.

— Вам что, товарищ? — сухо спросила заведующая

канцелярией, вскидывая на него глаза.

— Я бы хотел узнать... затруднить, — пробормотал Федотов. — Мне нужен адрес одной вашей студентки... Она из Таджикистана, учится на четвертом курсе...

— Фамилия?

— Вот тут как раз затруднение... Я... я не знаю ее фамилии...

Он сказал это почти шепотом, пригнувшись к столу.

— Громче! Не слышу.

Федотов сделал судорожное глотательное движение. Ему показалось, что все девушки, сидящие в канцелярии, оторвались, от бумаг, насторожились и иронически, вопросительно смотрят на него.

— Не знаю фамилии, — повторил он громче. — Зовут Максумэ. Она, видите ли, из Таджикистана и...

Он замолчал.

Заведующая открыла рот, чтобы сказать, что надо сначала узнать фамилию, а потом уже приходить за справкой, но, подняв глаза, встретила такой отчаянный, умоляющий взгляд, что, неожиданно для себя, смягчилась.

— Хорошо. Я посмотрю в карточках...

Вскоре из закоулка между шкапами раздался ее скрипучий голос:

— Каюмова Максумэ, тысяча девятьсот шестнадцатого года рождения... Подходит это вам?

— Да, да... Именно шестнадцатого года!..

— Каюмова у нас не учится. Перевелась в Ташкентский университет по семейным обстоятельствам...

Вначале с этим было трудно, почти невозможно примириться. Федотов собирался писать в Ташкент, но подоспели зачеты, — так и не собрался. Потом поехал на практику, впервые участвовал в археологической

*Его видели у Чудского озера, когда, похожий в
своем скафандре на былинного богатыря, он
поднимал со дна доспехи тевтонов.*

экспедиции. Нахлынули новые яркие впечатления.

С годами воспоминание о девушке с крылатым лицом потускнело, он уже неясно представлял себе ее, зато все ярче, будто поднимаясь из воды, возникал перед его умственным взором таинственный затонувший город, одна из загадок древней Согдианы. Так получилось: девушка забылась, легенда — нет...

Федотов закончил институт и одновременно курсы Эпрона, ушел в армию (началась война), воевал, был ранен, демобилизовался, возвратился к прерванному войной любимому делу — к подводной археологии, новой отрасли советской археологии.

Федотова видели после войны на Черном море в районе древней Ольвии, отыскивающего под водой затонувшую старинную гавань. Его видели в Феодосии, рассматривающего мраморных львов, которых шквал выбросил на берег. Его видели у Чудского озера, когда он поднимал со дна заржавелые кольчуги тевтонов.

Так, шагая по дну рек, морей и озер, молодой археолог добрал и до прозрачного горного озера в горах Таджикистана. Он шел к нему издалека, в течение многих лет.

Предпринятые Федотовым розыски убедили его в том, что в основе легенды о затонувшем городе лежит исторический факт. Город действительно существовал. Однако затонул ли он? На этот счет высказывались сомнения. Предполагалось, что он был осажден воинами Александра, пал и после разграбления, в отместку за слишком упорное сопротивление, был разрушен. Его начисто сравнивали с землей.

Так ли это?..

До утра, до спуска на дно оставалось всего несколько часов, но, как всегда бывает, они были самыми томительными.

Солнце только поднималось из-за гор.

Федотов с завистью прислушался к разноголосому храпу, от которого сотрясался брезентовый полог палатки.

Озеро, там внизу, под горой, волновалось, — это было слышно. Наверное, ветер поднимался в горах. Волны глухо ударяли о берег. Что-то необычное чудилось Федотову в звуках прибоя.

Что же?..

Ага, прибой был не ритмичным, а каким-то лихорадочно-прерывистым, с паузами — как пульс у больного.

Очень медленно стал светлеть полог палатки, постепенно окрашиваясь в бледно-желтый, затем в розовый цвет. Можно было вообразить, что находишься внутри пестрой морской раковины.

И эта раковина звучала! Все сильнее, все громче!.. Озеро, видно, разыгралось не на шутку.

Федотов не выдержал. Поспешно натянул сапоги, перебросил через плечо ремень с «Фэдом», — с фотоаппаратом не расставался никогда, — перешагнул через разметавшегося на кошке Василия Николаевича и вышел наружу.

Солнце только поднималось из-за гор. Лучи его еще не достигли озера, лежавшего в глубокой котловине, как бы в чаше. Со всех сторон подступали к нему крутые горы. Лес начинался у самой воды.

Туман, висевший над озером, придавал еще больше сказочного очарования зрелищу, которое открылось перед Федотовым. Туман колыхался, ходил ходуном, свивался в кольца.

С удивлением увидел Федотов, что верхушки сосен и скал светятся вокруг. Свечение было неярким, спокойным, ровным. Как будто чья-то невидимая рука иллюминировала лес, развесив на деревьях и скалах фо-

нарики. Если бы они горели в море, на верхушках мачт, Федотов с уверенностью сказал бы, что это огни святого Эльма, то есть небольшие скопления атмосферного электричества.

Он не успел вникнуть в суть странного явления. Внимание было отвлечено. Солнце, наконец, озарило котловину.

Клубясь, медленно расходился туман. Все больше приоткрывалась поверхность озера. Цвет его менялся на глазах. Сначала оно было черным, как грифельная доска, потом начало светлеть, синеть, вдруг пробежала по нему золотистая рябь, и вот, пронизанное до дна косыми лучами, оно сделалось ослепительно голубым и прозрачным.

Федотов нагнулся над водой.

Нет, пока не видно еще. Рано! Проводник говорил, что бывает видно только в полдень, когда солнечные лучи падают почти отвесно. И даже в полдень удастся увидеть не всегда. Поверхность воды для этого должна быть совершенно гладкой, зеркально-гладкой.

Сказочное видение возникает тогда в хрустальной синеве. Покачиваются в такт колебаниям рыбацкой лодки полуразрушенные крепостные башни, белеют еле различимые прямоугольники домов.

Но видение смутно, расплывчато. Да и появляется оно только на миг. Потянуло ветром с гор, набежала быстрая рябь, и все исчезло внизу, без следа, как подводный мираж.

Может быть, это и впрямь мираж, обман зрения? За развалины города легко принять причудливые обломки скал, нагромождения подводных камней, вокруг которых раскачиваются густые заросли водорослей.

Только спустившись на дно, можно решить эту загадку.

*Он ясно представил себе, как бредет по улицам
затонувшего города...*

Федотов нетерпеливо взглянул на часы-браслет.

Ну, недолго уже осталось ждать! Через полчаса побудка, затем завтрак, и вот, наконец, Федотов и его помощники наденут водолазные скафандры, чтобы прямо с берега двинуться широким фронтом в глубь озера.

Он ясно представил себе, как бредет по улицам затонувшего города. Это будет удивительное путешествие — не только по дну озера, но и во времени.

Двадцатый век останется наверху, за сомкнувшейся над головой хрустально-синей преградой. Здесь, под водой, в зыбком струящемся сумраке, все еще четвертый век до нашей эры.

Водолазы осторожно ступают сапогами со свинцовыми подошвами по скользким, покрытым илом плитам древней мостовой. Подходят к домам, наполовину зарывшимся в песок. Распугивая рыб, раздвигают водоросли, закрывающие вход. Проникают внутрь, включают свет прожекторов, чтобы прочесть письма на стенах.

Потом бережно поднимают наверх бесценный археологический улов: оружие, черепки посуды, обломки камня с орнаментом и надписями...

Обидно, конечно, что тайну придется раскрывать по частям, отламывать, так сказать, по кусочкам. Насколько счастливее в этом отношении собратья Федотова по профессии — «сухопутные» археологи! Труд их бывает награжден сторицей, когда, отрытые с кропотливой тщательностью из-под пепла или из земли, предстают пред ними древние, исчезнувшие на карте города — все целиком, от крыш до плит мостовой.

Федотов подумал о том, что, может быть, на этом горном озере устроят когда-нибудь каскад, подобный тому, который создали на Севане в Армении. Вода за-

струится вниз в равнины по ступеням гигантской лестницы. Уровень озера понизится. И тогда... О, тогда расступятся, наконец, зеркальные стены, ревниво оберегающие тайну! Вдруг прихлынет к берегу волна и вынесет затонувший город на песок, как большую сверкающую серебряной чешуей рыбу!

Молодой археолог так ушел в свои мечты, что забыл об окружающем. Вдруг отражение его пошло кругами в воде, замутилось.

Федотов в изумлении откинулся на скале, на которой сидел. Он ясно видел, что озеро мелеет.

С раскатом, подобным пушечному залпу, волна отпрянула от берега. Обнажились песок и длинные космы водорослей, тянувшиеся по песку за быстро убегавшей водой.

Город всплывал на поверхность.

Все, что произошло вслед за этим, было похоже на сон.

Город всплывал на поверхность!

Первыми из яростных завихрений пены вынырнули башни, грозные даже сейчас. Потом под яркими лучами солнца засверкали купола странной конической формы. С берега Федотов не мог определить: металл ли это, особо ли искусная облицовка.

На площади торчали какие-то обелиски, а рядом, повалившись набок, лежали каменные изображения не то грифов, не то крылатых быков.

Улицы города были круты, узки. Большинство домов ушло в ил почти до половины, но некоторые, построенные на холмах, были видны очень хорошо. Подросли обвивали их, как плющ. Кое-где из-под зеленого покрова проступали багряные и оранжевые пятна. Наверное, стены домов были обложены разноцветным камнем. Стайка синих и красных рыбок, — теперь рыбы владели городом, — билась на плитах мостовой, пытаясь перепрыгнуть в уцелевшие лужи...

Да, несомненно, это была Согдиана! Древняя, сказочная Согдиана, отделенная от нас двумя десятками столетий...

Федотов заметил, что сидит в неудобной позе на земле. Его будто ветром сдуло со скалы, которая сместилась со своего места. Предостерегающее ворчание раздавалось под ногами.

Впечатление было такое, что где-то глубоко в недрах земли двигаются грузовики, целая колонна грузовиков. Она приближается. Вот уже совсем близко...

И снова толчок! словно бы кто-то рывком потянул землю из-под Федотова. Потом отпустил. И опять потянул.

Боковым зрением Федотов видел, как раскачиваются деревья. Со свистом катились мимо камни. Вдруг, будто юркая черная змейка, совсем рядом пробежала глубокая трещина.

Он понимал, что происходит, но почти не думал об опасности. Обеими руками очень крепко держал свой фотоаппарат и, наведя объектив на древний город, нажимал кнопку затвора, поворачивал барабанчик кассеты и снова нажимал... Федотов делал это в каком-то самозабвении, почти так же машинально, как нажимает гашетку пулеметчик в бою.

Три подземных толчка следовали очень быстро, один за другим. Последний толчок был самым сильным. Под ногами прокатился такой протяжный, все нарастающий рев, как будто горы раскололись до основания.

Вертясь волчком в тесной котловине, отталкиваясь от ее склонов, с размаху налетая на них, горное эхо многократно повторило зловещие подземные удары.

От верхушки горы на противоположном берегу озера отделилось облачко и покатилося вниз, оставляя за собой широкую просеку в лесу.

Среди грома и треска Федотов все же различил слабый голос человека:

— ...тоу... я-агте же... я-агте!.. — Это кричал сверху Василий Николаевич. — Федотов!.. Лягте же! Лягте!..

Все совершавшееся вокруг скользило как бы по краю сознания. Федотов не думал о себе, не мог думать в это мгновение. Весь, без остатка, ушел в созерцание города, стараясь запомнить мельчайшую деталь. Успел даже подумать, что крылатые изображения на площади подтверждают догадку о влиянии Согдианы на культуру соседних с нею стран.

Чаша снова качнулась, — на этот раз в сторону Федотова. Грозная темно-синяя волна шла на берег. Она была совершенно отвесной и достигала пяти или шести метров в высоту. По гребню ее, как огоньки, перебегали злые белые языки.

Она все больше перегибалась вперед, роняя клочья пены на песок. С грохотом обрушилась на парапет древней плотины, перевалила через нее, подмяла под себя.

Вода неслась теперь по узким крутым улицам, взлетая по ступенькам лестниц, заскакивая во дворы, вертясь в них с гиком, визгом, как вражеская конница, ворвавшаяся в город.

Город, ямзванный землетрясением на свет после двух с лишним тысячелетий, опять исчез под водой...

Зашатались и упали, точно кегли от толчка,obelisks на площади. В водоворотах пены в последний раз сверкнули конические купола.

Город, вызванный землетрясением на свет после двух с лишним тысячелетий, опять — со всеми своими дворцами, домами, крепостными башнями — исчез под водой...

Только тогда опомнился Федотов.

— Бегите!.. Бегите же!.. Смоет! — кричали ему из лагеря.

Федотов увидел приближение опасности и кинулся бежать прочь от озера.

Он мчался широкими прыжками, помогая себе руками, хватаясь за кустарник. Но и сейчас, когда озеро догоняло его, не забывал о своем фотоаппарате, придерживал, прижимал к груди, стараясь не задеть за дерево или камень.

Вода настигла Федотова на половине склона и с шипением обвила вокруг ног.

Он сделал отчаянный бросок, поскользнулся в густой траве, едва не упал, но сверху протянулись к нему руки друзей и подхватили его.

У самого подножья палаток вода остановилась, как будто поняв, что уже не вернуть похищенную тайну. Она медленно, неохотно растекалась между деревьями. Потом поползла вниз.

— Счастье ваше, что берег крутой, — сказал кто-то. — Был бы отлогий, утащило бы вас в озеро, к черту на рога!..

Федотов оглянулся с недоумением, будто просыпаясь.

— Вы сумасшедший, — накинулся на него Василий Николаевич. — Так рисковать!.. Скала рядом ходуном ходила... Понимаете, ходуном! И камни с горы!..

*Вода настигла Федотова и с шипеньем обвилась
вокруг ног.*

— А ведь он еще фотографировал, Василий Николаевич! Наверное, полную кассету снял!

— Товарищ Федотов! Да вы ранены, голубчик!

Рубашка на Федотове была порвана в клочья, из раны в плече текла кровь. Только сейчас он заметил это и ощутил боль.

Встревожившийся Василий Николаевич приказал немедленно уложить Федотова на кошму в палатке и оказать медицинскую помощь.

Пока вокруг хлопотали с примочками и бинтами, археолог улыбался, отмалчивался. Весь еще был полон удивительным, неповторимым зрелищем.

Появление города, вынырнувшего со дна, напоминало миг вдохновенья. Так бывает чаще всего под утро, после бессонной ночи, проведенной за письменным столом. Вдруг неожиданно возникает мысль, догадка, долго не дававшаяся в руки, и мгновенно все озаряется ослепительно ярким светом!..

Снаружи звучали возбужденные голоса участников экспедиции, обменивавшихся впечатлениями.

Один еще ночью заметил, что нити электроскопа трепещут, поднимаясь и опадая, как крылья стрекозы. Другой обратил внимание на то, что в котловине почему-то нет птиц, но не придавал этому значения. Василий Николаевич вспомнил о тревоге, овладевшей им с вечера. Все это, видимо, были вестники надвигающейся катастрофы.

«А голос? — хотел сказать Федотов. — Мы же слышали предостерегающий голос по радио?»

Но в этот момент раздался приближающийся конский топот. Кто-то карьером взлетел на гору. Гортанно перекликаясь, забегали проводники. Наконец им удалось схватить коня под уздцы, и всадник легко соскочил наземь.

Наконец проводнику удалось схватить коня под уздцы.

— Все ли благополучно у вас? Никто не пострадал? — спросил задыхающийся взволнованный женский голос. — Водолазы не спускались под воду? Нет?..

Женщина с облегчением перевела дух.

— Я так боялась, что землетрясение застанет ваших работников под водой!..

— Послушайте! — сказал Василий Николаевич с удивлением. — А ведь я узнал вас! Вернее, голос! Это вы вчера говорили по радио?

— Да. Но я тогда еще не знала, что к озеру прибыла экспедиция. Нас поздно предупредили. Из Самарканда позвонили по телефону только полчаса назад.

Участники экспедиции взволнованно загомонили, перебивая друг друга. Федотов представил себя, как они обступили и забрасывают вопросами женщину,

прискакавшую в лагерь. Наконец разноголосую сумятицу покрыл густой рокочущий бас Василия Николаевича.

— Но кто же вы? — закричал он почти сердито. — Почему сообщили о землетрясении еще вчера?

— Я сейсмолог, — просто ответила женщина. — Я обязана знать о землетрясении заранее.

— И вы знали?..

— Не я одна. Я начальник центрального поста. Ко мне стекаются сообщения из других постов, расположенных на моем участке. Они, видите ли, разбиты в шахматном порядке, на расстоянии пятидесяти километров друг от друга. Так удобнее пеленговать и...

Федотов не расслышал вопроса.

— Конечно, — ответила женщина. — Бурят скважину. Глубоко! До двух километров! На дне ее устанавливают звукоприемник, прибор, который улавливает звуки различных тонов. Они передаются по проводам, выходящим из скважины на поверхность, при помощи светового луча записываются на фотопленку...

— Землетрясение фотографируют?

— Не только землетрясение, даже приближение его! Землетрясение предвещают звуки низкой частоты — шумы, гул. Понимаете, поверхности пластов начинают скользить, трение увеличивается... Вчера вечером на фотопленке были замечены зловещие зигзаги. Размах подземного маятника делался все длиннее и длиннее. Кроме того, мы стали получать сообщения и о других побочных признаках. Увеличилось число ионов в атмосфере, усилилось напряжение электрического поля. Все, как говорится, одно к одному... Землетрясение приближалось... Тогда я и сделала свое предупреждение по радио...

Кто-то нетерпеливо спросил:

— Вы были уверены не только во времени, но и в районе будущего землетрясения?

— Вполне. Важно, чтобы наблюдение велось непрерывно и охватывало возможно более обширную территорию... О, с нашими горами нужно держать ухо востро! Они у нас молодые, по молодости лет шалят...

Женщина засмеялась. Смех показался Федотову знакомым.

— Разумеется, относительно молодые, — пояснила женщина. — Их возраст всего каких-нибудь несколько миллионов лет. Но они еще продолжают формироваться.

— А Урал?

— Ну, Урал — старичок. Он совершенно безопасен. Опасны горы, которые входят в пояс разлома, в ту складку, которая опоясывает весь земной шар и тянется к нам от Пиренеев через Альпы, Карпаты, Крым, Кавказ, Копет-Даг...

Видимо, Василий Николаевич собирался подступить к сейсмологу с новым мудреным вопросом, но на него зашикали:

— Да подождите вы, Василий Николаевич! Дайте самое важное узнать... Скажите, товарищ сейсмолог: благополучно ли все обошлось, не было ли жертв?

— Нет! — По голосу Федотов понял, что женщина оживилась. — Нет, не было! Эпицентр землетрясения прошел юго-восточнее одного из городов. Я так и предполагала. По телефону сообщили: есть разрушения, из людей не пострадал никто. Ведь мы предупредили всех еще в полночь, за несколько часов до землетрясения. Конечно, эти часы были тревожными. Провести их пришлось под открытым небом на бульварах и площадях. Но ведь ночи еще теплые.

— Я встану, — сказал Федотов слабым, но решительным голосом и отстранил поддерживавших его товарищей. — Нет, нет! Я обязательно встану. Я чувствую себя уже хорошо...

— Да ты в уме? Ты ранен. У тебя поднимется температура...

— Черт с ней, с температурой! Нет, братцы, не могу лежать! Пустите! Я потом объясню. Вы не понимаете ничего!..

Пошатываясь, он вышел из палатки и остановился на пороге, придерживаясь за брезент.

Да, это была Максумэ. Он сразу же узнал ее, хотя в черных косах появились серебристые пряди.

Голова ее была не покрыта — видно, выбежала из дому, как была.

На Максумэ был белый халат, придававший ей вид врача. «Стетоскопа в кармане не хватает», — подумал Федотов.

Она смотрела на Федотова широко раскрытыми, ясными глазами, не узнавая его.

— О! Есть раненый! — воскликнула Максумэ с огорчением.

— Я видел затонувший город, — сказал Федотов вместо приветствия. — Я добрался до города!

— Не понимаю.

Ей принялись наперебой объяснять, почему у Федотова забинтованы плечо и голова, показывали то на фотоаппарат, по-прежнему висевший у него на шее, то на колыхавшееся внизу озеро. Максумэ только вертела из стороны в сторону головой, недоумевающе улыбалась, пожимала плечами.

— Я сам объясню, без комментаторов, — сказал Федотов сердито и, шагнув вперед, отстранил археологов, теснившихся подле Максумэ.

— Вы просто не узнали меня, — произнес он мягко, обращаясь к ней. — Я Павел. Помните?

И, к изумлению Василия Николаевича и других, принялся перечислять, не спуская глаз с девушки:

— Москва, 1936 год, лохматый щенок на бульваре, гражданин с газетой, потом речной трамвай, разговор о Согдиане и о будущей вашей профессии, сломанный карандаш, полетевший за борт, и, наконец...

— А! Довольно! Я узнала вас!..

Максумэ не тронулась с места, но глаза ее под высоко вскинутыми широкими бровями засияли.

— Значит, вы добрались до озера?

— Как видите.

— Теперь сможете спокойно работать под водой...

— Конечно. Будете охранять меня.

— Да. Если возникнет опасность, я сразу же сообщу в ваш лагерь. Но, судя по ряду признаков, грозное мгновение повторится не скоро...

— А ведь я остановил мгновение, Максумэ! — сказал Федотов, не отрывая взгляда от милого крылатого лица. Снова, как много лет назад на Москве-реке, почти не замечал окружающих людей, будто на берегу пустынного горного озера остались только двое: он и Максумэ. — Я запечатлел на фото пленке то, что неповторимо.

— Затонувший город?

— Да. Вот он — здесь!..

И молодой археолог поднял на ладони и показал Максумэ фотоаппарат, на отполированной поверхности которого скользнул быстрый солнечный зайчик.

ОПАСНЫЙ ГРУЗ

Рассказ

Леонид Платов

ОПАСНЫЙ ГРУЗ

Рассказ, 1939 (?)год

Печатается по изданию: Л. Платов. Каменный холм:

Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1952

Рисунки Г. Балашова

О П А С Н Ы Й Г Р У З

Курс лекций в этом году профессор начинал в старом здании (после нескольких лет эвакуации военноморское училище вернулось в Ленинград).

С нарочитой медлительностью раскладывая свои заметки на столе, — тем временем стихали шелест тетрадей, настороженный шепот, скрип стульев, капитан первого ранга Грибов поймал себя на странном ощущении. Показалось на мгновение, что не произошло, не изменилось ничего, что все еще 1940 год — те же стены вокруг, тот же привычный пейзаж за окном: гранит, Нева, туман над Невой.

Конечно, это было иллюзией. Даже стены были сейчас не те. Под нанесенным недавно слоем штукатурки скрывались следы блокады, — недаром здание стояло на той стороне улицы, где надписи когда-то предостерегали прохожих: «Наиболее опасна во время артиллерийского обстрела!»

И люди в старых стенах были другие — много фронтовиков, среди них бывшие курсанты, ушедшие в 1941 году в морскую пехоту и вернувшиеся теперь доучиваться в родное училище.

Некоторые даже отпустили на фронте усы, как принято среди гвардейцев. А ведь он помнит их еще безусыми, совсем юными, со стриженными под машинку головами и круглыми румяными щеками...

С чего начать ему курс? Как с первых же слов овладеть вниманием своих слушателей, которых в течение последних нескольких лет учила война?..

Удивительно ли, что он испытывает некоторое волнение, тревогу, почти робость, точно это первая его лекция вообще, профессорский дебют...

Тетради раскрыты, карандаши очинены, десятки молодых блестящих глаз с ожиданием устремлены на профессора.

Внешне он, понятно, невозмутим и спокоен, как всегда. Ради сегодняшнего торжественного дня больше обычного занимался своим туалетом: седеющая борода подстрижена с особой тщательностью, волосок к волоску, погоны и нарукавные знаки внушительно отливают золотом. Когда профессор склоняется над установленным в классе нактоузом, его пенсне начинает излучать свет, — это падает снизу отблеск от стекла компаса.

Сколько раз так же вот склонялся Грибов над нактоузом, только установленным не в классе рядом с кафедрой, а на командирском мостике корабля!..

Курсанты гордились тем, что их профессор плавал «по дуге большого круга», то есть пересекал океаны. Курсантам импонировало, что, поискав в памяти нужный пример, он запросто говорил на лекции: «Как-то, определяясь по глубинам в Молуккском проливе», или: «Однажды, огибая мыс Доброй Надежды...»

В молодости, окончив училище. Грибов вышел в сибирский флотский экипаж. У сибиряков, рассуждал он, под боком Великий океан, неподалеку Индийский, а учиться плавать, говорят, надо на глубоком месте.

Молодой офицер никогда не имел случая пожалеть о своем выборе. Сразу открылись перед ним перспективы такой разнообразной, самостоятельной морской

практики, о которой начинающий штурман мог только мечтать. В течение первых же лет, неся дозорную службу и проводя гидрографические работы, он исходил вдоль и поперек пространство между Беринговым проливом, Мадагаскаром и Калифорнией.

Но это было только началом.

Грибову довелось побывать впоследствии в Атлантическом и в Ледовитом океанах. В Баренцевом море на посыльном судне «Бакан» он разыскивал не обозначенную на картах губу Пропащую, с грузом мин в первую мировую войну прокрадывался во вражескую данцигскую бухту и, наконец, шхерами выводил советские военные корабли в их первый триумфальный заграничный поход.

Да, он мог с достоинством сказать о себе: «Жизнь вспоминается, когда смотришь на карту мира...»

Но в этой фразе проницательный собеседник угадал бы и что-то печальное, услышал бы грустные нотки.

Вспоминается! Жизнь прошла и вспоминается...

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, профессор отворачивался от карты и вытаскивал из кармана толстую записную книжку, заботливо перетянутую резиночкой. Сюда, год от году, заносились фамилии грибовских учеников, вышедших в офицеры. (Кое-кто уже стал и адмиралом.)

Список был длинный. К концу войны набралось 3228 фамилий.

По вечерам старый штурман любил перелистывать эту записную книжку, негромко, про себя, повторяя фамилии, затем, полузакрыв глаза, начинал представлять себе своих бывших учеников.

Коньков?.. Ну, как же! Сухощавый, импульсивный, с быстрыми угловатыми движениями. Не было у него, к сожалению, усидчивости, терпения. Все брал с лету,

все давалось легко. «А я хочу, чтобы не только знали мой предмет, сказал ему Грибов, — но чтобы и свой характер изменили!» Говорят: сейчас командир бригады, отлично воюет на Балтике...

Донченко?.. А, тот, с ленцой! Три раза подряд пришлось «провалить» его, пока, рассердившись, он не взял себя самого за шиворот, не посадил за учебники и не сдал зачет с подлинным блеском. Умница, талант! Заезжал во время войны повидаться, благодарил: «Спасибо за то, что были такой строгий»...

Что ж, несомненно, и это жизнь, пусть отраженная. Вполне закономерно то, что профессор живет в своих, учениках, в этих трех тысячах офицеров флота, которые сражаются и побеждают на Баренцевом, Балтийском и Черном морях.

Вот и сейчас новое пополнение — несколько десятков курсантов сидят перед ним, аккуратно разложив на столах остро отточенные карандаши и раскрытые общие тетради. Страницы пока еще чисты.

Что же будет записано под красиво выведенным заглавием: «Лекция первая»?..

Если бы в этот момент кто-нибудь шепнул профессору на ухо, что слушатели знают, с чего он начнет лекцию, больше того, знают жест, которым будет сопровождаться первая фраза!

Известно заранее, что профессор выпрямится, округлым движением поправит свои манжеты со старомодными запонками, затем скажет размеренным, несколько монотонным голосом:

«Еще в тысяча девятьсот двадцать девятом году, когда покойный Николай Александрович Сакеллари...»

Старшекурсники охотно пояснят новичку, с чем это связано. С очень давним спором, скажут они, относящимся еще ко времени, когда некоторым штурманам

казалось, что введение гирокомпасов делает ненужным дальнейшее применение магнитных. За магнитный компас вступились тогда Сакеллари и его ученик Грибов. Естественно, что разгоревшаяся полемика нашла отражение и в грибовских лекциях.

Поход вокруг Европы линкора «Севастополь» окончательно реабилитировал магнитные компасы. Сакеллари, назначенный флаг-штурманом, настоял на том, чтобы, наряду с электромеханическими компасами, были на корабле и магнитные. Это было разумной предосторожностью. В Бискайском заливе корабль попал в сильнейший шторм, гирокомпасы вышли из меридиана. Выручили магнитные.

В то время (тысяча девятьсот двадцать девятый год!) пример был кстати, он сразу вводил молодежь в напряженную атмосферу спора, борьбы умов. С годами он, однако, утратил свое значение. Стихли самые отдаленные отголоски полемики, а профессор по-прежнему метал со своей кафедры громы и молнии, не замечая, что давно уже спорит впустую.

И на этот раз все клонилось, по-видимому, к тому же традиционному примеру.

Профессор выпрямился, машинально поправил белоснежные манжеты, помолчал, думая о своем, глядя поверх голов, будто всматриваясь в прошлое. Карандаши опустились на бумагу. Но Сакеллари не был назван.

— Моя сегодняшняя вступительная лекция, — произнес профессор, — будет иметь скорее характер беседы. Я хочу поговорить с вами не столько о приборах, сколько о хозяине приборов — человеке... Советском человеке, — подчеркнул профессор. — Так вот — Кры-

лов... Был такой в числе моих учеников. Крылов Борис! Впоследствии катерник, североморец...

Мало кому известна была история взаимоотношений Грибова и Крылова.

Когда-то, еще до войны, Крылов был одним из самых одаренных и потому любимых учеников Грибова. Профессору удалось добиться разрешения оставить его при кафедре. Ко всеобщему удивлению, Крылов отказался. Профессор принял это как проявление черной неблагодарности, почти как отступничество. Отношения между ними прервались.

Началась война. Фамилия Крылова замелькала в газетах. Он воевал умно, уверенно, смело, — сначала на Балтике, потом на Баренцевом море. Издали профессор с волнением, с отцовской гордостью и беспокойством следил за его успехами.

Война повернула на вторую половину. Советская Армия и Военно-Морской Флот, измотав врага, перешли в наступление.

Начал двигаться вперед и правый фланг гигантского фронта. Советские войска устремились на запад по северному краю Европы, с боями освобождая Норвегию, а с моря их по-прежнему поддерживали корабли бесстрашных североморцев.

Однажды в сумрачную и холодную холостяцкую квартиру Грибова вошли три офицера-североморца, его бывшие ученики.

— Прибыли в командировку, решили навестить своего профессора, — сказали они.

Профессор не удивился этому. Так бывало уже не раз. Он усадил дорогих гостей и принялся расспрашивать обо всем, что могло интересовать его. Будто к слову, вскользь, спросил о Крылове. Оказалось, что с

Борей Крыловым нехорошо: дикая история — дважды посадил свой катер на камни.

Толчок о камни торпедного катера где-то за Полярным кругом больно отдался в сердце старого профессора. Уже второй раз любимый ученик причинял ему боль.

С минуту Грибов ошеломленно смотрел на своих гостей.

— Простите, но это чушь! — вскричал он, поднимаясь из-за стола. — Крылов и дважды на камни?! Не верю! Несообразно! Не может быть!..

— Мы тоже думаем так, товарищ капитан первого ранга, — осторожно заметил кто-то из гостей. — Однако факты какие-то странные, все как-то, знаете, одно к одному...

— Изложите более толково, по порядку, — сердито приказал профессор. Он сдернул с носа пенсне и стал тщательно, округлыми движениями протирать его, это успокаивало в минуты волнения.

Обстоятельства аварии действительно были странными.

Катер, которым командовал Крылов, возвращался ночью на базу. Крылов вел его, прижимаясь к берегу.

Голо, беспринутно было на чужом берегу: скалы, снег, одиноко торчащие сосны. Не пейзаж — схема пейзажа, как бывает на детских неумелых рисунках. И все только в карандаше: черное на белом. Зато стоило повернуться лицом на север — и вот бескрайное море под бескрайним небом, где медленно разгорается северное сияние.

Вначале это легкая кисея волшебной радужной расцветки. Складки ее раскачиваются точно от порывов невидимого ветра. Они становятся все ярче, рельефнее, закрывая почти треть неба.

Постепенно сияние как бы тяжелеет, отвердевает. Небо напоминает сейчас свод пещеры, с которого свешиваются сталактиты. Вереница сверкающих разноцветных арок уводит куда-то вдаль, к таинственно темнеющей черте горизонта.

Всегда это зрелище грозной красоты обостряло в Крылове жажду подвига, воодушевляло, будоражило, будто природа бросала ему вызов на единоборство.

Вдруг он услышал с бака предостерегающий возглас:

— Камни!.. Прямо по курсу камни!..

Крылов торопливо дернул на себя ручки машинного телеграфа.

Рядом сверкнул бурун. За ним в темноте возник второй, третий. Катер тряхнуло с такой силой, что люди едва удержались на ногах.

Это была гряда камней, которая высывала из воды хищные острые зубы и, по расчетам, должна была бы остаться далеко справа от курса.

Крылов обследовал повреждения. Хорошо еще, что камень был подводный, катер только скользнул по нему, не пропоров днища. Гребные винты, впрочем, были повреждены. Домой катерники «догребли» кое-как, кляня северное сияние последними словами.

Никто из моряков не усомнился в том, что их увело на камни северное сияние. Со старых времен сохранилась поморская примета: «Матка (компас) дурит на назорях», то есть при северном сиянии. Ведь сполохи подобны зарницам: те возвещают о грозе, эти — о магнитной буре. Невидимое «дуновение» коснулось магнитной стрелки крыловского компаса и отклонило ее, а вслед за ней и катер в сторону от фарватера.

Не о подобных ли случаях предупреждал когда-то Грибов в училище?

«На войне и на море, — говорил он, — пейзаж перестает существовать сам по себе. Все, что совершается вокруг в природе, может повлиять на ход событий и должно обязательно учитываться навигатором...»

Но не успели еще в бригаде до конца исчерпать эту тему, на разные лады осуждая диковинные каверзы земного магнетизма, как Крылов снова потерпел аварию, и в том же районе.

Сияние на этот раз было ни при чем. Не было никаких электромагнитных эффектов на небе. День был самый обыкновенный, серенький. И все же чудом каким-то Крылов очутился вплотную у того же проклятого мыса, хотя считал себя совсем в другом месте.

Авария, тем более повторная, является случаем из ряда вон. Вдобавок, виновником аварии оказался опытный морской офицер, служивший до недавнего времени образцом для остальных. Комбриг рассудил правильно: «Кому много дано, с того много и спросится». А Крылову было много дано: от таланта до орден. И спрошено с него было поэтому полной мерой: комбриг отрешил его от должности впредь до выяснения обстоятельств дела...

Сбивчивый, хоть и живописный пересказ событий не удовлетворил профессора.

— Что-то вы путаете, товарищи, — придиричливо сказал он. — Или недоговариваете... Само собой, по незнанию. Слишком уж просто все. Схема событий! Думается мне, что-нибудь важное, хоть и не очень приметное, упустили из виду. Знаете, как в детских загадочных картинках: «Где заяц?» А заяц — за спиной у охотника в ягдташе или у самых его ног в кустах... Так и тут! Все не так просто, как кажется с первого взгляда. Далеко не просто, нет...

Североморцы поднялись и стали откланиваться. Профессор довольно рассеянno и даже не очень вежливо пожал им руки. Потом, затворив за гостями дверь, снова зашагал, почти забегал по комнате из угла в угол. Чрезвычайное происшествие за Полярным кругом, как ни верти, оставалось для него неясным. Слишком мало было фактов. Да и что это были за факты?..

Наконец он присел к письменному столу. Махнув рукой на старые обиды, Грибов решил написать Крылову первый.

«Обращаюсь к вам, — было в письме, — как ваш бывший учитель, которого вы, быть может, еще помните. Прошу вас объяснить, как это могло про-

изойти. Надеюсь, вы поймете, что происшествие близко касается и меня. Вы, который получали у меня всегда — и вполне заслуженно — лучшие отметки...»

Все письмо было в таком же роде, написано аккуратнейшим и мельчайшим, так называемым штурманским почерком, и только нервные росчерки на концах фраз выдавали смятение души писавшего.

Однако Грибову не пришлось отсылать это письмо. На другой день он узнал, что предстоит командировка. Куда? На Северный флот, в Северную Норвегию. Зачем? Для участия в качестве эксперта в расследовании одного сложного дела, связанного со служебной репутацией боевого офицера флота.

— Фамилия офицера Крылов?

— Да.

Сначала Грибова удивило это совпадение. Вчера только приезжие рассказали ему случай с Крыловым, и вот уже сегодня, пожалуйста, командировка на место происшествия!

По зрелом размышлении он пришел к выводу, что ничего удивительного в этом нет. Репутация советского офицера очень дорога. Прежде чем принять то или иное решение, необходимо тщательно изучить и выяснить все обстоятельства дела, в особенности если оно сомнительно, как в данном случае.

Вполне естественно и то, что именно его, Грибова, назначили экспертом. На подозрении, кроме Крылова, компас. А на флоте Грибов — признанный авторитет по вопросам девиации компаса.

Профессор вспомнил озабоченные лица своих вчерашних гостей и подумал, что визит был неспроста. Возможно, что именно сослуживцы Крылова, заботясь о тщательном расследовании обстоятельств аварии, «сосватали» Грибову командировку на Северный флот.

«Что ж! Тем лучше! Разберемся во всем на флоте!..»

Он не утерпел и начал разбираться уже в самолете. Усевшись на свое место, тотчас же вытащил из записной книжки десятка полтора обведенных красным карандашом вырезок, как бы заключенных в праздничную рамку, и, разложив на коленях, погрузился в их изучение.

Это можно было бы назвать материалами к военной биографии Крылова. Здесь было собрано все, что печаталось о нем в газетах и журналах: статьи, очерки, выписки из приказов о награждении, даже коротенькие корреспонденции первых дней войны, когда, по выражению очеркистов, «его звезда только восходила».

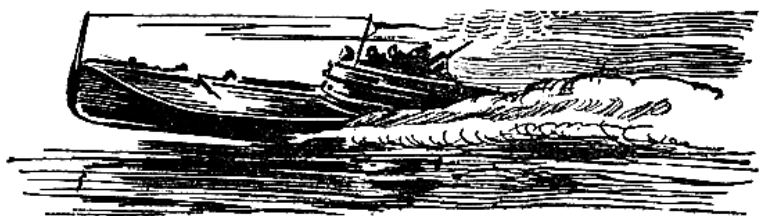
Сейчас он, как живой, поднялся перед своим профессором с этих узеньких листков газетной бумаги. Широкоплечий, невысокий. В чуть сдвинутой набок фуражке. С веселыми, узкими, как бы постоянно прищуренными глазами и почти прямой линией плотно сжатого, твердого рта. Подвижной, очень подтянутый. Пример дисциплинированности. Бесстрашный, лихой морской офицер!

«Сорок девять пробоин»!

Что это?

А! Одна из первых по времени газетных заметок о Крылове.

В те дни Краснознаменный Балтийский флот вел яростные оборонительные бои, защищая подступы к Ленинграду. Торпедный катер Крылова получил сорок девять пробоин. Мотористы поспешно заделали некоторые из них. Остальные были в таранном отсеке, который поднимается над водой на большой скорости катера. Итак, скорость как средство спасти катер от затопления!

Крылов выжал из моторов все, что мог. «Во весь опор погнал свой табун лошадей (лошадиных сил), — образно рассказывал он потом. — Представляете? Целый табун с развевающимися белыми гривами!..»

Казалось бы, надо, не мешкая, уходить на базу. Но бой еще не был кончен. Подле вражеского крейсера еще кружили советские торпедные катеры, — вцепившись мертвой хваткой, не выпускали добычу.

И вдруг все с изумлением увидели, что подбитый катер Крылова выходит в новую торпедную атаку.

Он шел на редане, задрал нос, вздымая за кормой высокий бурун. Струи воды били из пробоин во все стороны, как фонтаны знаменитой статуи Самсона в Петродворце.

Только выпустив свои торпеды во врага, Крылов отвернул и на той же скорости умчался на базу.

Служба в москитном флоте — лихой коннице моря — была военно-морским призванием Крылова.

— Торпедные катеры по мне, — признавался он товарищам. — Чем быстрее идешь, тем больший подъем чувствуешь... Даже и соображаешь как-то быстрее, верно! Тут ведь нельзя зевать! Мозг должен работать в такт с оборотами мотора!..

«Шестое чувство моряка» — так называлась статья о Крылове как воспитателе молодых командиров.

Торпедный катер совершает странные на первый взгляд эволюции на рейде. Бесконечное число раз то

подскакивает к какой-нибудь вешке, то отскакивает от нее. Это Крылов, пользуясь кратким перерывом между боями, отрабатывает у офицеров своего отряда (он уже командует отрядом катеров) лихой подход к пирсу.

— Учит морячков расписываться, — усмехается стоящий на берегу начальник штаба бригады. — У меня, говорит, офицер, мало того что понимать, чувствовать должен свой катер!.. Вот и воспитывает это шестое чувство...

Воспитателем молодых офицеров Крылов был придирчивым, педантично-строгим. (Тут Грибов мог заслуженно гордиться — уж это наверняка было от него!)

— Хорошее есть слово — «надо», — повторял Крылов полюбившуюся ему грибовскую мысль. — Сделайте это слово первым в своем лексиконе — тогда и на войне и в жизни все у вас пойдет, как положено!..

Сам он воспринимал приказ не только умом, но и сердцем. Поэтому выполнение приказа делалось для него внутренней необходимостью.

С особым удовольствием читал и перечитывал Грибов очерк о своем ученике, называвшийся: «Правдивость офицера».

— Если бы мне предложили определить одним словом Крылова, — сказал бывший его начальник, адмирал Колпин, — я бы сказал: правдивый...

Что может это означать в применении к военному человеку, офицеру?

То, что он не позволяет себе приукрашивать подробности боя, в котором участвовал? Но это ясно и так.

Адмирал понимал слово «правдивый» шире. Это та педантичность в выполнении боевого приказа, благодаря которой именно Крылову поручали особо трудные операции, прозванные катерниками «ювелирной

работой», — постановку мин в шхерах.

Точный на войне и есть правдивый!

Коль скоро прикажут ему пройти заданным курсом девять минут, не отвернет через восемь с половиной, как бы трудно ни пришлось. Ни секунды не утаит, хоть за спиной не стоит никто и не проверяет его по хронометру.

Вместе с тем, Крылов отличался богатством выдумки и воображения, направленными на то, чтобы в точности выполнить приказ.

Адмирал приводил такой пример.

Ночью случилось Крылову очутиться в непосредственной близости к вражескому берегу, буквально под дулами фашистских батарей.

Появление советских моряков в этих водах показалось гитлеровцам невероятным. Проблеском они стали требовать опознавательные.

— Мигай в ответ, — приказал Крылов боцману.

— Что мигать? — оторопел тот.

— А что на ум придет! Бессмыслицу. Вздор. Абракадабру какую-нибудь...

Вернувшись на базу по выполнению задания, он объяснил команде свой не совсем обычный приказ:

— Я должен был лежать на курсе девять минут. Когда нас заметили гитлеровцы, мне оставалось еще три. Пока на берегу разгадывали боцманскую головоломку, мы к нужному месту и подгребли...

Укладывая газетные вырезки обратно в свою записную книжку и бережно перетягивая резиночкой, чтобы, храни бог, не растерять, профессор удовлетворенно кивал головой.

Да, бывший начальник Крылова метко охарактеризовал его. Именно правдивый, то есть точный в выполнении приказа!

И такой совершает вдруг вопиющую небрежность, два раза подряд сажает свой катер на камни?

Не ясно ли, что в этом есть какое-то противоречие, какая-то загадка, которую надо во что бы то ни стало разгадать.

Прибыв на место назначения — в маленький норвежский поселок, где находилась стоянка торпедных катеров, Грибов прямо с аэродрома отправился к командиру бригады.

Это оказался также один из его учеников, только на три или на четыре выпуска старше Крылова. Лицо было у него утомленное, озабоченное, помятое, под глазами темнели круги.

— Представьте, третью ночь не сплю, времени нет, — пожаловался он, но тотчас оживился, заулыбался. — Наступаем, товарищ капитан первого ранга, наступаем!.. Северный флот поддерживает с фланга продвижение доблестной Советской Армии!.. По секрету скажу: скоро будем менять стоянку, переходить на новую. Прилетели бы дня на два позже, могли бы уже и не застать здесь...

Он опять нахмурился:

— Дел, доложу вам, по горло! Катера все время в бою, в работе... А тут еще эта нелепая история с Борей Крыловым. Лучший мой командир отряда! Просто плюнешь с досады, руками разведешь...

В отношении обстоятельств дела командир бригады не смог сообщить ничего нового. Да, повторная авария, примерно в одном и том же месте. Какое-то залятое место, черт бы его побрал!..

Грибов спросил о вешках. Нет, банка не была ограждена вешками. Снесло штормом. Сейчас наши гидрографы восстанавливают ограждение. Да ведь Крылов шел в тумане, по счислению.

— Завтра утречком сходим туда на моторке, — сказал командир бригады. Поглядим вблизи на эту банку. — Он всмотрелся в пасмурное лицо Грибова, добавил заботливо: — А теперь отдохните с дороги, товарищ капитан первого ранга. Для вас отвели квартиру Расмуссена, бывшего лоцмана. Лучшее помещение в поселке. Тут фашисты сожгли много домов при отходе. А у Расмуссена хорошо отдохнете после перелета. Такой перелет в ваши годы совершить, — это, знаете ли!..

— А я не устал, — сухо сказал профессор (он не любил, когда ему напоминали о его годах).

Грибов отказался и от провожатого:

— Знаю поселок. Бывал несколько раз до революции, когда ходил на «Бакане».

Он попросил лишь прислать к нему на квартиру кого-нибудь из команды крыловского катера, лучше всего боцмана.

— Потом зайду к Крылову. Нет, нет, вызывать не надо. Сам зайду. Так лучше! Какой адрес у него?..

Грибов неторопливо шел вдоль единственной улицы поселка.

Он помнил ее совсем другой. Когда-то этот рыбацкий поселок был на редкость чистеньким и аккуратным, каким-то игрушечным (по субботам хозяйки с мылом оттирали мостовую перед домами). Весело

сверкали медные ручки на дверях. Четырехугольная башенка кирпичи поднималась над острыми черепичными крышами.

Сейчас в поселке осталось не более полутора десятков домов. На месте кирпичи, взорванной фашистами, виднелась груда щебня.

Мрачно и пусто было вокруг. На снежных склонах, как зловещие черные пни, торчали обгоревшие трубы. Внизу в воде темнели сваи повалившегося набок причала.

Недавно еще отправлялись отсюда длинные караваны транспортов на запад. Спешно морем вывозились в фашистскую Германию богатства Северной Норвегии: запасы трески, железная руда, мачтовый лес.

Теперь тут была зона пустыни. Даже телеграфные столбы спилили гитлеровцы отступая. Не брезговали и проволокой. Проволока завершала длинный список награбленного. Все подметали под метелочку...

Но с приходом советских людей пустыня начала оживать.

По склону берега расхаживали среди деревьев саперы, держа перед собой миноискатели. Двое вели на поводке собаку, которая по запаху тола распознавала зарытые в земле мины. То и дело она останавливалась и коротко взлаивала.

Связисты, весело переговариваясь, волокли через улицу телефонный провод. Самый шустрый из них, — видимо, ротный шутник и балагур, — сбив набекрень пилотку, бойко объяснял что-то двум улыбавшимся норвежским девушкам, которые вышли на порог дома покрасоваться своими высокими чепцами и праздничными красивыми передниками.

А у повалившегося набок причала стояли и сидели на корточках рыбаки. Покуривая коротенькие трубоч-

ки, они с явным одобрением наблюдали за тем, что творится на море.

Оттуда доносились по временам глухие раскаты, и над серой водной гладью поднимались и медленно опадали черно-белые фонтаны взрывов.

Это советские минеры тралили фарватер, расчищая подходы к гавани.

Грибов залюбовался четкой слаженностью их трудной и опасной работы.

Три тральщика с поставленными электромагнитными тралами шли строем уступа. Они проходили вдоль берега, круто разворачивались, возвращались, опять разворачивались. Нужно было основательно «разутюжить» море в этом районе, прежде чем объявить его безопасным для плавания.

Снова и снова водяные столбы вставали за кормой. Эхо грохотало и перекачивалось в скалах обрывистого берега. Гитлеровцы не жалели мин при отходе. Даже море пытались омертвить. Наглухо закупорив гавань, обрекали на голод, на голодную смерть жителей рыбацкого поселка.

«Вот два мира и две армии, — думал Грибов. — Гитлеровцы несли разорение и смерть народу Норвегии. Даже после своего поражения цеплялись за живых, старались утащить за собой в могилу. Советские же воины, придя в Северную Норвегию как друзья, как освободители, изгоняют сейчас смерть из недр норвежской земли и из пучины Норвежского моря!»

— Разрешите пройти, товарищ капитан первого ранга? — услышал Грибов.

Он оглянулся. На ступенях узкой каменной лестницы, которая вела от поселка к причалу, стоял молодой матрос и выжидательно смотрел на него.

— С тральщика?

— Так точно. С бригады траления.

— Добром вас помянут норвежцы, а? На совесть расчищаете море!

Матрос с готовностью улыбнулся.

— Обрубаем когти тигру, товарищ капитан первого ранга! — сказал он весело.

Разыскивая назначенную ему квартиру. Грибов все время старался припомнить, где же он слышал или читал это выражение. Когти тигра? Какие когти?..

Только когда поднялся на крыльцо и дернул за старомодный колокольчик у двери, вдруг осенило: «Гейне! Конечно же, это сказал Гейне: „Тигр умрет, но останутся когти тигра...“»

Матрос с советского тральщика назвал фашистские мины когтями тигра. Правильно, матрос! Толковая поправка к афоризму! И тигр умрет, и когти обрубим фашистскому тигру!..

Лоцмана не было дома. Грибова встретила опрятная старушка, его жена, и с самыми вежливыми поклонами препроводила в отведенную для почетного постояльца комнату.

Усевшись у окна и прихлебывая очень крепкий, почти черный — флотский чай, старый штурман продолжал размышлять о «когтях тигра».

Да, Крылова могли подвести притаившиеся на дне фашистские мины. Компасы врут на минных полях, — это общеизвестно. Крылову достаточно было пройти вблизи минного поля, чтобы чувствительная магнитная стрелка слегка отклонилась в сторону. Постепенно угол расхождения с правильным курсом увеличивался, ошибка нарастала, и вот под килем — камни, в то время как командир считает, что там 20 или 25 метров глубины!

Удивительно ли, что катер Крылова не подорвался на минах? Ничуть! Ведь это торпедный катер, а не какая-нибудь тихоходная баржа! Он проскакивает над минами на слишком большой скорости, — магнитный замыкатель попросту не успевает сработать.

Критически сощурясь, профессор и так и этак поворачивал вариант решения. Признаться, оно не очень нравилось ему. Слишком уж напрашивалось, близко лежало — руку протянуть.

Почему же тогда на бригаде сами не додумались до такого решения, если оно было верным?..

На пороге комнаты возник могучего телосложения старшина с обветренным, красным, очень взволнованным лицом.

— Товарищ капитан первого ранга! Старшина первой статьи Фаддеичев прибыл по вашему приказанию!

Это был боцман с крыловского катера.

С первого же взгляда на его простодушное открытое лицо можно было понять, что он «переживает» за своего командира (так же, по-видимому, как и матросы), всей душой хотел бы ему помочь, и безусловно убежден, что никакой вины за ним нет.

Вначале Грибов задавал вопросы, потом замолчал и слушал, не прерывая, машинально постукивая карандашом по столу.

Многое из того, что рассказывал боц-

ман, не имело отношения к девиации компаса, зато помогало еще лучше уяснить главное — характер Крылова.

— Туман был, как молоко, товарищ капитан первого ранга, в десяти метрах не видно ничего. Ну, смотрим на компас, все очень хорошо, в открытом море идем. А на самом деле, выходит, под берегом шли. На камни и выскочили. Тут немного разошелся туман. Видим: берег от нас в кабельтове. Не иначе, как на банке у мыса Дитлеф сидим!

Это плохо. На мысе передний край фронта проходил тогда.

Видим, на берегу поднялась суeta. Пускают осветительные снаряды и вешают над нами люстры. Капитан-лейтенант сел за пулемет, команде приказал разобрать винтовки, а мне приготовить спички и топор, чтобы в случае чего прорубить бензобаки и поджечь катер.

Однако с берега окликают по-русски. Я дал опознавательный ратьером [Ратьер — особый фонарь для сигнализации]. Отвечают правильно. Второй опознавательный! Тоже верный ответ. Оказалось, это наши. А фашисты находятся чуть подальше, но тоже близко, кабельтовых в двух или трех. Нас не видят, потому что мы скалой прикрыты.

Вскоро свечерело. «Ну, — говорит командир, — нам всем тут мокнуть ни к чему. Будем вахту по очереди держать. В первой вахте — я, во второй Фаддеичев». Приказал мне взять с собой половину команды и идти к пехотинцам. Добрались до берега вброд. Вода была по пояс, но чертовски холодная. Пехотинцы, конечно, встретили нас по-братски, накормили, согрели. А через четыре часа, отдохнув, мы сменили товарищей. И командир с ними на берег ушел.

Накат был небольшой, катер на камне сидел прочно. Вычерпываем воду, негромко переговариваемся. На переднем крае совсем тихо, только иногда ракета сверкнет. Прошло минут двадцать, не больше. Вдруг слышим: захлюпала, забулькала вода. Кто-то идет от берега. «Стой! Кто идет?» — «Командир!» — «Что же не спите, товарищ командир?» — «Не спится, Фаддеичев...»

Ходит вокруг катера и все ногами пробует: на какие тот точки сел. «Не так уж плохо дело, Фаддеичев! — И, слышу, повеселел. — Катер удачно сел: реданом. И пробоин только две, не очень большие. Можно, по моему, в тихую погоду снять. Если, конечно, гитлеровцы не потопят утром».

С тем и ночь прошла. Погода стихла, светло. Пролетел разведчик противника. Ждем час, другой. Капитан-лейтенант бледный сидит, хмурый, только губы кусает. Нет и нет обстрела. Очень хорошо! Значит, не заметили наш катер.

На следующую ночь — аврал! Работали так, что в холодной воде жарко было. Выгрузили торпеды на плоты, чтобы облегчить катер, откачали воду, осушили баки, подвели с бортов резиновые понтоны. И катер всплыл!

Перед рассветом пришел с базы рейдовый катерок для отбуксировки. Завели концы. Кому же теперь на нашем катере идти? Он только одного человека и может поднять. Сам-то больше на честном слове, чем на понтонах, держится. Просились на свой катер, можно сказать, все. И я просился. Но капитан-лейтенант никого не пустил. «Ты не пререкайся со мной, Фаддеичев, — говорит. — Я командир катера. Я его в беде не могу оставить...»

И пошел! А до базы не близко. А в открытом море

волна. Понтоны начали от хода всплывать. Катер, видим, погружается больше и больше. «Сейчас подойдем, товарищ капитан-лейтенант! — кричим ему. — Снимать вас надо». — «Подождите, отвечает. — Рано. Может, еще чего придумаю». А думать надо быстро...

Понимаем: очень нашему командиру обидно. Из-под носа у немцев вытащил катер, совсем уже было довел и... Вот замечаем: захлопотал на катере, отшвартовал один из понтонов, — все равно бесполезный, — выпустил из него воздух. Потом, видим, тащит его в машинный отсек, где полно воды. Ну, тут уж поняли матросы его уловку. Он, стало быть, решил понтоны уложить в трюм и снова накачать в них воздух, чтобы они раздулись и вытеснили через пробоины воду. Так, по его, и вышло!

Видим: на плаву катер, жив, не тонет! Ну, закричали тут «ура» — и мы закричали и команда рейдового катера. А капитан-лейтенант присел у штурвала, платочком шею обтирает. Умаялся.

— Довел ли катер до базы?

— Конечно, довел... Ведь Крылов, товарищ капитан первого ранга... — Боцман сказал это с особой убедительностью и даже подался немного вперед. — Наш командир — настоящий советский моряк. Он к своему катеру душой прирос!..

Отпустив боцмана, Грибов отправился на квартиру к Крылову.

Тот был один.

Тускло светила керосиновая лампа, но не было охоты встать и поправить фитиль. Усталость клонила Крылова к подушке, а сон не шел. Только в последнее время по-настоящему начал осознавать случившееся. Схлынуло возбуждение, связанное со спасением тонувшего катера. Наступила реакция.

Он знал, что вся бригада — от комбрига до любого матроса — глубоко переживает его позор, который вместе с тем является позором бригады. Аварию обсуждают со всех точек зрения. Некоторые офицеры рубят сплеча: «Захвалили Крылова, зазнался, стал небрежен, развинтился, начал полагаться на удачу, на „авось“». Друзья Крылова молчат, им нечего ответить. Факты против них.

Понятно, легче всего было бы покаяться, промямлить что-нибудь вроде: «Повинную голову и меч не сечет...»

По-честному он не мог сделать так. Слишком прочна была его вера в себя, чтобы он мог поступиться ею без борьбы.

Он не был суеверен, но, воюя не первый год, знал, как важна на войне инерция удачи, привычка к счастью. Нельзя было допускать необоснованных сомнений в себе, колебаний, излишнего самоанализа и рефлексий. Именно это как раз развинчивало, размагничивало офицера.

Зазнайство, самомнение? Нет, совсем не то. Он, Крылов, был просто очень уверен в своем профессиональном умении, в своей щепетильной штурманской добросовестности, в своем таланте моряка наконец.

И он верил в своих учителей.

Вспомнился Грибов. (О нем всегда вспоминал во всех трудных случаях жизни.)

Что, если бы его профессор узнал об аварии?..

Крылову представилось, как он, со своей обычной рассеянной манерой глядя поверх голов, сказал бы:

— Разберем необычайный случай с Крыловым. Будем последовательно исключать одно возможное решение за другим...

Крылов задумался. Он не чувствует за собой вины. Так.

Если виноват не он, то кто же тогда? Рулевой? Он стоял все время рядом с рулевым. Значит, компас?..

В ушах зазвучал размеренный, чуть монотонный голос Грибова.

— Очень большое значение я придаю дисциплине ума. Офицер должен уметь думать, весь сосредоточиваясь на решении поставленной перед ним задачи.

Но сосредоточиться помешал настойчивый стук в дверь.

— Кто там?.. Открыто! — с досадой крикнул Крылов и тотчас же спрыгнул с койки, торопливо застегивая китель.

В дверях стоял его профессор!

— Здравствуйте, товарищ капитан-лейтенант!

— Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга!..

Усевшись друг против друга, некоторое время молчали.

Для Крылова появление Грибова было полной неожиданностью, особенно в такой поздний час и не в официальной обстановке. Машинально капитан-лейтенант то и дело приглаживал волосы. Черт бы их побрал! Торчат, наверно, проклятые!

Между тем Грибов принялся методично вытаскивать из карманов и раскладывать на столе карандаш, записную книжку, портсигар, зажигалку. Разговор, видимо, предстоял долгий.

Так профессор делал обычно на экзамене, если видел, что экзаменуемый нервничает, — давал ему время успокоиться, собраться с мыслями.

Это и впрямь походило на экзамен.

— Ну-с, товарищ капитан-лейтенант, — начал профессор. — Нам с вами надо обстоятельно поговорить...

Он привстал со стула, осторожно выкрутил фитиль керосиновой лампы и, увеличив ее свет, заглянул в лицо сидевшего перед ним в молчании молодого офицера.

Да, похудел, осунулся. Щеки ввалились. Морщины над переносицей завязались в еще более тугий узел. Но взгляд по-прежнему смелый, прямой...

Хорошо! Значит, не раскис, не упал духом.

— Кое-что уже знаю, — продолжал Грибов. — Но только, я бы сказал, общий очерк событий. Этого мало. Здесь скользить по поверхности нельзя. Желательно проникнуть поглубже, в самую суть событий.

Он раскрыл портсигар и предложил Крылову папиросу.

— Разберемся же в известных вам фактах, — сказал профессор размеренным, чуть монотонным голосом. — Будем последовательно отбрасывать одно возможное решение за другим...

Итак, северное сияние исключалось из числа улик.

Не сдвинул ли Крылов установленное на компасе мягкое железо, служащее для уничтожения четвертной девиации?

Нет. Компас был исправен. Крылов на выходе определил поправку.

Может быть, в карманах у него было что-нибудь могущее повлиять на девиацию: нож, ключи, цепочка? Припоминая, Крылов мысленно порылся в карманах. Металлического не было ничего.

Не надевал ли он фуражку во время похода? Не наклонялся ли в ней над компасом для пеленгования? Стальной круг, распирающий верх фуражки, может вызвать небольшое отклонение стрелки.

— Можно без опаски подходить к компасу только в одном случае, — пошутил профессор, — а именно: обладая железным характером!..

Крылов благодарно засмеялся. Он слышал эту остроту по меньшей мере раз двадцать. Шутки, которыми профессор считал нужным украшать свои лекции, не отличались разнообразием. Но сегодня старая острота имела успех. Крылова тронуло то, что профессор, обычно строгий, даже суховатый, разговаривает с ним так запросто.

Но и возможная улика с каркасом исключалась. Время было осеннее, моряки ходили в ушанках.

— Да, вы, конечно, опытный офицер, — задумчиво сказал Грибов. — Вы не могли бы этого сделать. Я спросил о ноже, цепочке, ключе, стальном каркасе для очистки совести, просто размышлял вслух... Теперь попробуем подойти к разгадке с другой стороны. Вы несколько раз ходили мимо мыса Дитлеф. Несчастье произошло дважды, в обоих случаях когда возвращались на базу...

— Так точно, товарищ капитан первого ранга.

— Мне доложили, что в первом случае вы вели катер вблизи берега.

— Ночь была очень светлая, товарищ капитан первого ранга. Прятался в тени берега, чтобы не заметили самолеты и батареи противника.

— И во втором случае прижимались к берегу?

— Да.

— Я так и думал. Но ведь был туман?

— Его уж потом нанесло, товарищ капитан первого ранга. Я помнил все время об этой банке у мыса Дитлеф. Сразу, как только стала плохая видимость, отвернул от берега, то есть мне казалось, что отвернул... И вел по счислению согласно прокладке.

— Не считаясь с наличием минных полей у берега?

— В том-то и дело, что мин на этом участке нет. Разведчикам-пехотинцам удалось захватить карту минных постановок. Фашисты, оказывается, заминировали только подходы к гавани. А больше не успели. Наши так на них наседали — носу не давали высушить...

Грибов помолчал.

Вот еще один отброшенный вариант! Он ждал этого. Конечно, такое решение было бы слишком примитивным.

— Покажите по карте, как шли, — сказал он.

Крылов и Грибов нагнулись над картой.

— Ясно. Значит, без происшествий дошли? Ничего до банки с вами не случилось?

— Ничего, товарищ капитан первого ранга. Ожидали: может, фашистских корректировщиков накроем. Но не накрыли.

— Каких корректировщиков?

— Думали: не прячутся ли они на затопленном фашистском транспорте? Вот здесь... (Крылов указал острием карандаша, где именно.) Наши летчики потопили этот транспорт еще в самом начале наступления. Мачты и верхняя палубная надстройка остались над водой, — там неглубоко. Ну, командование и приказало мне проверить, не имеют ли гитлеровцы на затопленном транспорте свой наблюдательный пост.

— Не обнаружили никого?

— Никого, товарищ капитан первого ранга.

— Обошли вокруг транспорта?

— Даже людей высаживал на него. Для большей точности проверки. Боцман с двумя матросами обшарил всю палубную надстройку. В трюм, конечно, не спускались. Там вода... Только и было такое происше-

ствие, товарищ капитан первого ранга... Если можно это назвать происшествием... Потом я лег на прежний курс. Отсюда уж до мыса Дитлеф рукой подать.

— Вижу.

Грибов сосредоточенно смотрел на карту.

— Ну, а как вы сами представляете себе дело?..

Капитан-лейтенант призадумался, потом понес совершеннейшую чушь.

Он начал с предположения, что там район магнитной аномалии, неизвестный до сих пор, не нанесенный на карту. Многие географические открытия совершались именно так, ненароком, случайно. В таком объяснении было даже что-то романтическое. То-то захлопочут, засуетятся гидрографы, когда узнают, что на таких-то и таких-то координатах обнаружена новая магнитная аномалия.

Грибов безжалостно остудил его пыл.

— Почему же никто до сих пор не обнаружил аномалии? Места эти хожены-перехожены. Это не какая-нибудь заполярная глушь, полюс недоступности, — это оживленная, «проезжая» морская дорога...

Обескураженный Крылов начал неуверенно бормотать что-то о новом неизвестном оружии. Грибов только крикнул.

Не изобретено ли новое средство борьбы с кораблями? Не меняют ли немцы с помощью какой-то таинственной магнитной ловушки магнитное поле вблизи берега, не уводят ли стрелку компаса, а за ней и весь корабль на камни?

Невольная ошибка могла быть совершена Крыловым еще у берега. Дальше она накапливалась, расхождение с курсом росло и привело катер на камни.

Из форточки, неплотно прикрытой, дуло, потрескивал фитиль лампы, тени раскачивались по потолку,

как длинные лапы.

Крылов продолжал развивать причудливую догадку.

Гитлеровцы спрятали на дне перед отступлением нечто вроде магнитного спрута, он угнезвился в расщелинах скал, протягивает вверх свои жадные щупальцы, косматые, как водоросли...

Грибов устало махнул рукой.

— Но ведь можно вообразить, товарищ капитан первого ранга...

— Вот именно — вообразить! А командиру не положено воображать! Командир должен обладать ясной и трезвой головой. Не воображать, а рассуждать!..

Грибов снял пенсне и белоснежным платочком принялся неторопливо, округлыми, тщательными движениями протирать выпуклые стеклышки.

Крылов впервые видел своего профессора так близко без пенсне. Глаза у него оказались очень добрые и усталые, в частой сеточке мелких стариковских морщин.

— Понимаете, не собираюсь выгораживать вас, — сказал Грибов. — Я бы не пошел против своей совести и не стал выгораживать родного сына, — если бы у меня был сын...

— Понимаю, товарищ капитан первого ранга...

— Подождите, не кончил! Еще не знаю, почему ваш катер вышел на камни, но убежден, что причина лежит вне вас. Вы действовали правильно, безукоризненно правильно, как полагается советскому офицеру. Я рад, что не обманул в своем доверии...

И он стал собирать со стола свои вещи. Экзамен был окончен.

Грибов предполагал поработать дома над картой района, которую обещал прислать командир бригады.

К сожалению, несколько драгоценных часов отнял хозяин отведенной ему квартиры.

Еще в темной передней, открывая своему жильцу дверь (видимо, не ложился спать в ожидании его возвращения), норвежец торопливо заговорил по-русски, с трудом подбирая слова:

— Добро пожаловать, господин русский офицер! Мне сказали в штабе: ваше имя — Грибов. Я служил с одним Грибов на русском судне «Бакан». Вы не есть тот Грибов?

Когда вошли в освещенную столовую, Грибов увидел рядом с собой маленького суетливого старичка со слезящимися красными глазами и сизым носом. Трудно было узнать в этой развалине бравого лоцмана Оле Расмуссена, который, по договору с русским военным министерством, когда-то проводил военные корабли через запутанный лабиринт норвежских шхер.

В те времена он держался несколько высокомерно, даже заносчиво, расхаживал по мостику с глубокомысленным и таинственным видом и то и дело заглядывал в свои лоцманские записи, которые тщательно прятал от любопытных молодых офицеров. Впрочем, в кают-компании Оле делался общительнее и мог без конца рассказывать страшные истории, — он знал их уйму, — о кладбищах кораблей, о сокровищах, награбленных пиратами и погребенных на дне морском, о призраках погибших моряков, которые иногда по ночам царапаются в стекло иллюминатора.

Помимо платы, обусловленной по договору, полагалось выставить лоцману еще несколько дюжин бутылочек странного пойла, называемого «рижским бальзамом». Оле объяснял, что растирается им во время приступов ревматизма. Грибов с сомнением смотрел на

красный нос норвежца, но приказывал постоянно держать для него целый ящик про запас.

Выяснилось, что, состарившись, Расмуссен сделался еще более словоохотливым. Напрасно Грибов зевал, вынимал и заводил часы, — старый лоцман не умолкал.

Гитлеровцы, по его словам, обездолили его, уволили сети, которые в таком-то году стоили в Бергене столько-то марок. Гитлеровцы вообще не брезговали ничем. Сколько добра вытащили они из Норвегии! Чего только не было в трюмах их транспортов!..

Старик всплеснул руками и принялся перечислять. Грибов устало кивнул головой.

— Война, война! — продолжал болтать старик. — Снарядами, минами, глубинными бомбами взбаламутили море до дна. Удивительно ли, что теперь оттуда начали подниматься призраки! — Расмуссен понизил голос: — Конечно, господин Грибов не мог слышать об этом, но пусть он расспросит местных жителей, норвежских рыбаков. Ему расскажут, что у этих берегов появился «Летучий голландец»! Да, да, корабль мертвых, который внезапно появляется в тумане и уводит моряков за собой на камни... Вот вы не верите в это, — с сожалением добавил он, заметив досадливое движение, которое сделал его слушатель. — Вы, советские, я слышал, не верите ни в бога, ни в чорта. Напрасно. Конечно, на суше я тоже не верю во многое, но на море...

В первом часу ночи Грибов извинился и, сославшись на головную боль, отправился к себе.

Но он не смог заснуть до утра.

«Летучий голландец» — корабль мертвых... А почему бы и нет? Быть может, в болтовне Расмуссена гораздо больше смысла, чем он сам подозревает?

Конечно, все эти его приметы и суеверия — муть, чепуха! Под старую моряцкую байку о «Летучем голландце» можно было подвести в данном случае строго научное обоснование.

Несколько раз в течение ночи профессор вставал, зажигал свечу под старомодным картонным колпаком и, расстелив на столе карту, измерял расстояние от затопленного фашистского транспорта до предательской банки у мыса Дитлеф. Расстояние было незначительным, что подтверждало мелькнувшую догадку.

Промерзнув, Грибов снова забирался в постель и лежал неподвижно и тихо, с открытыми глазами.

То представлялся ему нелепый магнитный спрут, о котором толковал Крылов, то корабль-призрак, накрепившийся набок, с обвисшими черными парусами, то «когти тигра» — магнитные мины, лежащие на дне, терпеливо подстерегающие добычу.

Мало-помалу три этих фантастических видения слились перед умственным его взором в одно, и это и было разгадкой!..

Утром Грибов тщательно побрился, подшил к воротнику кителя белейший, туго накрахмаленный подворотничок и, надев шинель, прямой, молодцеватый, вышел из дому.

Бывший лоцман расчищал дорожку перед крыльцом. Он вежливо снял шапку.

— Доброе утро, господин Грибов!

— Доброе утро, господин Расмуссен!

— Хорошо ли провели ночь?

— Очень хорошо. Стены вашего домика навевают удивительные сны...

Оле самодовольно хихикнул.

— Да, кстати, — сказал Грибов, остановившись на ступеньках, — вы перечисляли вчера все, что гитле-

ровцы вывозили из Норвегии перед отступлением. Повторите, пожалуйста...

Старик отставил лопату и начал с готовностью пересчитывать, загибая пальцы один за другим.

— Стоп! Все! — остановил его Грибов. — Опасный груз! Это как раз то, чего не хватало в логической цепи...

И он ушел, оставив Оле Расмуссена в недоумении: что хотел сказать русский офицер этими двумя словами — «опасный груз»?..

— К мысу Дитлеф пойдем? — спросил Грибова командир бригады, когда моторка отвалила от причала. — К месту аварии, как говорили вчера?

— Зачем? Нам, я думаю, не надо будет забираться так далеко. Разгадку увидим у берега на полпути... Пусть Крылов ведет моторку. Это очень важно! В точности выдерживайте свой старый курс, товарищ капитан-лейтенант!

Крылов встал рядом с рулевым.

День был пасмурный, как обычно в это время года. Моросил дождь. Белые космы тумана стлались низко над водой.

Все в моторке молчали, с напряженным вниманием всматривались в скалистый берег.

Прошло минут десять.

— Долго ли еще? — нетерпеливо спросил командир бригады.

Грибов поднес к глазам бинокль и коротко бросил:

— Сбавить обороты!

Нечто вроде привидения вынырнуло из тумана.

То был затонувший немецкий транспорт. Из воды, накренившись, торчали его мачты и часть палубной надстройки, через которую с шипением перекачива-

лась волна. Вокруг фока, где болтались обрывки фашистского флага, с причитаниями вились чайки.

Много раз офицеры бригады проходили мимо этого транспорта, почти не замечая его. Он примелькался, как привычная деталь пейзажа. Но сейчас моряки ощутили волнение, как бы предчувствие разгадки.

Узкий солнечный луч пронизал облака и уперся в накренившуюся мачту.

— Рекомендую, — сказал Грибов спокойно: — «Летучий голландец»! Виновник двух аварий крыловского катера!..

По приказанию командира бригады моторка стала описывать циркуляцию вокруг затонувшего корабля.

— Я был уверен, что мы увидим на полпути что-нибудь подобное, — продолжал Грибов, не отрывая бинокля от глаз. — Вот этот корабль мертвых и вывел катер Крылова на камни!

— Как? Все зло в этой старой бандуре?

— Именно! Выразились очень удачно. Все зло в ней, в ее трюме. Сегодня же пришлите сюда водолазов. Пусть спустятся в трюм и обследуют его содержимое... Впрочем, я уже сейчас могу вам сказать, что они найдут внутри транспорта...

— Что же?

— Железную руду — одно из главных богатств Северной Норвегии!.. Вот это и есть ваш спрут, — обернулся Грибов к ошеломленному Крылову. — Чудовище, однако, привередливо. Все, что сделано из дерева, пропускает беспрепятственно. Лишь к металлу, лишь к чувствительным магнитным стрелкам присасываются жадные щупальцы-невидимки!

Водолазы, в тот же день доставленные к затонувшему транспорту и проникшие внутрь его, подтверди-

ли слова Грибова. Трюм доверху был заполнен железной рудой.

Теперь транспорт представлял из себя не что иное, как огромный магнит. Приближение кораблей к нему было небезопасно.

А ведь катер Крылова подошел к затопленному транспорту вплотную, борт к борту и находился подле него довольно долго, пока Фаддеичев старательно обыскивал все закоулки палубных надстроек, возвышавшихся над водой. За это время магнитная стрелка компаса, повинувшись влиянию больших масс намагниченного железа, успела отклониться, изменив таким образом девиацию компаса. Когда Крылов, не подозревая о том, какой опасный груз находится в трюме затопленного гитлеровского транспорта, повел свой катер прежним курсом, это был уже новый, ложный курс...

В классе было очень тихо, когда профессор закончил. Но, видимо, это было еще не все. Полагалось сделать вывод.

— Каков смысл этого примера? — сказал профессор. — Смысл вот в чем. Приборы, которыми пользуются навигаторы, очень надежны. Хорош гирокомпас. Хорош магнитный компас. Но, к сожалению, и тот и другой подвержены различным внешним влияниям. Нечто еще более надежное должно быть на вооружении у офицера. Он должен сверяться не только со стрелкой магнитного компаса, но и со стрелкой, которая всегда, при всяких условиях будет показывать правильный путь. Я разумею веру командира в себя, в свои силы, в свою добросовестность и профессиональное умение.

Профессор выпрямился, помолчал.

— Прошу понять меня правильно. Наша боевая тех-

ника, наши навигационные приборы прекрасны — можно сказать, безупречны, но именно потому, что их применяют безупречные в своей работе советские люди. Я учу вас уважать технику, но не благоговеть перед ней. Война учит. Война учит нас на каждом шагу. Пример, приведенный мною только что, и вывод из него — это один из уроков войны. И я с гордостью признаю, что урок получен мною от моего бывшего ученика...

Расправив на столе свои заметки, профессор Грибов продолжал уже обычным тоном:

— Ну, а теперь обратимся к изучению предмета нашего курса, именно девиации компаса...

ПОПРАВКА К ЛОЦИИ

Рассказ

Рисунки Г. Балашова

Журнал «Краснофлотец», №21-22, 1944 г.

ПОПРАВКА К ЛОЦИИ

На одной вечеринке зашла речь о том, как удивительно меняется сейчас география нашей родины. Советские люди выращивают в пустынях леса, создают новые моря, поворачивают русла рек — в общем в мирных условиях переделывают по-своему свою землю.

— Почему же только в мирных условиях? — удивился хозяин дома, офицер флота. — И на фронте случилось, что советские люди меняли географию того или иного района.

Он уточнил с военной педантичностью:

— Если этого, конечно, требовала обстановка.

Кое-кто из гостей выразил сомнение.

— Да зачем за примером далеко ходить? — разгорячился хозяин. — Вот он вам, пример!.. Иван Акинфиевич Демин!

И указал на пожилого молчаливого моряка, который в течение всей вечеринки скромно сидел в уголке

у патефона и по указанию танцующих менял пластинки.

Все с удивлением посмотрели на него.

— Нет, правда! — продолжал хозяин. — Горы с места сдвигал!

— Уж и горы... — смущенно сказал Иван Акинфиевич. — Скалу одну в шхерах убрал, только и всего.

— А на скале на этой весь шхерный район держался, как на оси! Не из-за тебя, скажешь, пришлось в лоцию поправку вносить?

Хозяин шагнул к книжной полке, снял "Лоцию Балтийского моря" и, найдя нужную страницу, прочел вслух:

— "...в районе же банки Ранкинматала на подходах к городу К... старые створные знаки изменены в результате боевой деятельности советских военных моряков..." Не ты разве этот самый моряк?

Заинтересованные гости подступили к Ивану Акинфиевичу с расспросами.

Он попытался отделаться шуткой: "Пришел, увидел, подорвал". "А вы поярче! С подробностями!" — закричали вокруг. Тогда он принялся излагать события языком реляции: "Оценив обстановку...". "Приняв решение..." и, наконец: "Приказ командования был выполнен".

Помогать Ивану Акинфиевичу взялся хозяин дома.

В результате их соединенных усилий получился более или менее связный рассказ...

Шхерная эпопея Демина началась с вызова к контр-адмиралу.

Можно было ожидать благосклонного разговора, даже похвал, — на прошлой неделе катер Демина подбил немецкую быстроходную десантную баржу. Но был

возможен и нагоняй — на Демина нажаловался начальник санчасти, придравшийся к его коку за отсутствие гигиены в камбузе.

— Зачем меня вызывает адмирал, не знаете? — вполголоса спросил Демин начальника штаба, проходившего через приемную.

— На берег списывают, — также вполголоса ответил тот и непонятно чему усмехнулся.

Демин оторопел.

"Как на берег? За что?..."

— Ты почему сердитый? — удивился адмирал, увидев вытянувшееся лицо Демина.

— Я ему сказал, что на берег списываем, — пояснил начальник штаба, раскладывая на столе бумаги для доклада. — Он и перепугался.

— Так ведь на какой берег... На вражеский!

Адмирал подвел Демина к большой — во всю стену — карте.

— Вот, стало быть, где ты будешь находиться. В самом осином гнезде... Не беспокойся, не обленишься!

Палец его быстро прочертил зигзаг от опушки в глубь шхер и остановился в точке, которую в лоциях называют узлом, или стыком, фарватеров.

— Это продольный, это входной фарватер. Вот маяк. Разноцветные дуги вокруг — предупредительные огни маяка. Сам понимаешь: теснота, камней всяких, островов... И есть среди них один островок... — Палец чуть отодвинулся от маяка. — Безымянный, безлюдный. Куча скал и полдюжета сосенок на скалах. — Широкой ладонью контр-адмирал прикрыл островок. — Сюда и высадят тебя, понимаешь? С почестями будут высаживать, с иллюминацией. Только чествование устроят подальше, милях в пяти, на плесе перед гитлеровскими береговыми батареями...

Так и сделали.

В августе на Балтике кончается пора белых ночей, но перед батареями и летом не бывало так светло, как в ту ночь. "Люстры" качались над морем, подвешенные в несколько ярусов. Некоторые только что вспыхнули и горели, медленно опускаясь на парашютах, другие, догорев, рассыпались снопом искр над самой водой.

Гитлеровцы стреляли осветительными снарядами с перелетом, создавая светлый фон позади кораблей, подошедших к берегу. Советским артиллеристам ракеты не требовались, — на берегу загорелся лес, и с моря стали хорошо видны приземистые силуэты блокаузов.

Вдруг, развернувшись под огнем, корабли легли на обратный курс и исчезли так же внезапно, как появились.

События той ночи хвастливое немецко-фашистское командование представило, как свою победу, — русские-де не сумели высадить на побережье десант. Однако десант был высажен. Ценой большого риска со стороны отвлекающей группы одному из катеров удалось незаметно проникнуть вглубь шхер и забросить на перекресток шхерных дорог человека, который стоял в тех условиях доброго батальона морской пехоты.

Этим человеком был Демин.

Катерники знали, что в их распоряжении считанные минуты. Они проворно расчистили на острове углубление между камнями, превратив его в жилище, натянули между соснами антенну, а на рога стереотрубы накинули камуфлированную сеть.

— Пора, — предупредил Демин, взглянув на часы. Стиснул руку командиру катера. — Счастливого плаванья вам!

— И вам также!..

Всплеск. Приглушенный рокот мотора. И вот уж он один в шхерах, на клочке вражеской территории, окруженный сумрачно чернеющей водой.

Демин думал о Балтике. Умственный взор его охватывал сразу все, всю панораму балтийского театра от левого фланга на латвийском побережье до правого, упершегося в зазубрины финских шхер. Где-то справа был и он, разведчик, пост морской разведки, вынесенный далеко за линию фронта.

Он чувствовал себя частицей огромного, удивительно слаженного механизма наступления. Балтика за его спиной поднималась, готовая к броску. И это сознание своей неразрывной связи с наступающей громадой флота, с его стремительными торпедными катерами, с его морской авиацией, с его эсминцами, крейсерами, линкорами наполняло Демина гордостью.

Перед рассветом мимо прошло несколько шхун. Маяк заработал, указывая путь среди островков и банок. Демин загляделся на мигающий зрачок в ночи. Крыша маяка была конусообразной, как абажур, и ему пришли на память слова, сказанные адмиралом вместо напутствия:

— У самой лампы всего светлее...

Сидя у "лампы", Демин наблюдал день за днем, как проплывают караваны: лайбы, груженные до отказа, сидящие гораздо глубже ватерлинии, черные угольщики и нефтевозы, верткие шюцкоры, полосатые, как гиены.

Куда приятнее было бы сейчас нажать кнопку стреляющего приспособления. Но надо надавливать на радиоключ, выстукивая донесение: "точка, тире, точка, тире, тире..." Товарищи Демина, катерники, мчатся по его вызову на перехват вражеских караванов.

В наушниках слышатся шорох, свист, стрекотание морзянки, появляется и исчезает музыка. Диктор произносит размеренным голосом: "Семь часов сорок пять минут по московскому времени. Передаем последние известия..."

Демин продолжает вращать верньер настройки.

В сутолоке эфира он различает отрывистую команду на русском языке. Это командиры катеров переговариваются по радиофону.

Отголоски далекого боя доносятся до разведчика в его тайном убежище. Ловя отрывки фраз, отдельные слова, Демин старается догадаться о том, что происходит у опушки шхер. Он представляет себе, как грохочет эхо среди скал, белыми призраками встают всплески в мрачных коридорах и, запрокинувшись на корму, тонут вражеские корабли.

На обратном пути, радостные, торжествующие, катерники обмениваются впечатлениями:

— Ну и куш был!

— Не ждали нас. Как снег на голову!

— Демину нашему спасибо! Вовремя постучал на базу.

— Хорошо воюет Демин! Точный, как часы!

Гитлеровцы, конечно, не могли не слышать чужую рацию, работавшую у них под боком. Но запеленговать ее было нельзя. Едва пристраивались к волне, как та пропадала, нырнув в эфир. Настойчиво-дерзкий щебет морзянки возникал через несколько секунд на новой волне и опять пропадал.

Точно шапкой-невидимкой прикрылся разведчик на своем безымянном острове.

Он лежит в низкой пещере, — сидеть нельзя, можно только лежать. Справа от него аккумуляторы рации,

сумка с подрывным имуществом, слева запасы пищи и анкерок с водой.

Нескончаемо долго тянутся часы ожидания. Глаза разведчика слипаются и слезятся от блеска воды, от долгой бессонной вахты.

Однообразные скалы вокруг, темно-красные, с прозеленью, отвесно падающие в воду. Остроконечные камни чернеют под водой, — моряки называют их "ведьмами".

В детстве Демин учил в школе: "Шхеры — скопление у берега небольших скалистых островов с узкими проливами между ними. В Советском Союзе шхеры есть в Финском заливе и на Ладоге".

В миниатюрных размерах были здесь и мысы, и перешейки, и проливы. И все можно окинуть сразу одним взглядом.

Усыпляюще шелестит волна, обегая деминский остров.

В такое время для Демина развлечением было наблюдать через пролив своих "соседей", жителей маяка.

Поворачивал в их сторону стереотрубу, сообразуясь с тем, в какой части горизонта солнце, — не отразился бы луч от стекла объектива.

Площадка маяка была перед ним как на ладони. К башне примыкала жилая пристройка, окрашенная очень пестро, согласно финскому вкусу: стены желтым, ставни красным, двери ярко-голубым. Кусты можжевельника, заменявшего сад, стлались по двору, судорожно цепляясь корнями за землю.

Чаще всего Демин видел расхаживавшего подле дома немецкого унтер-офицера, смотрителя маяка. Что-то крысиное было в нем. Издали казалось, что передвигается на четвереньках, — сутулые плечи прида-

вали ему такой вид. Под его командой было двое солдат. Один, низкорослый, толстый, со сжатым в кулачок лицом, возился день-деньской с удочками и сетями. Второй, тощий дылда, проводил большую часть времени в доме. Выходя посидеть на солнышке, развлекался тем, что стрелял влет по чайкам. Даже на рыбную ловлю уходил, повесив автомат на шею.

Судя по всему, работы на маяке было немного. Ночью зажигали огни только при проходе кораблей. Днем башня маяка служила одним из створных знаков. Внимательно наблюдая за тем, как ложатся на створ корабли, разведчик понял, что вторым створным знаком была вершина его острова.

Иногда по вечерам Демин выбирался из своего укрытия, чтобы подышать свежим воздухом, и усаживался на скале, изборожденной трещинами, будто исписанной древними рунами, смысл которых уже нельзя было разгадать.

Он сидел, не шевелясь, обхватив колени руками, погруженный в задумчивость, сам издали похожий на камень.

Это была пауза, короткий отдых.

В ту ночь пришло в голову, что странным образом сбывается то, о чем читал в детстве. Правда, не Южный крест сияет над ним, а ковш Большой Медведицы. И не тропическое море искрится вокруг, а металлом отливают Балтийское. Но нет ли в теперешнем его положении сходства с положением Робинзона? Новый шхерный Робинзон... только без Пятницы.

Он услышал плеск, но не обратил на него внимания, думая, что это играет рыба. Потом у подножья острова что-то сверкнуло. Чешуя? Нет. Опять сверкнуло в том же месте. Предмет был круглым и покачивался на волне.

Демину почудилось, что это бутылка, которая неизменно присутствует в морских романах для того, чтобы можно было вынуть из нее послание, рассказывающее о каком-то несчастье. Он стряхнул наваждение и сбежал к воде.

Это была мина. Ее сорвало с якоря и прибило к острову.

Соседство было самым опасным. Увидев мину, гитлеровцы могли расстрелять ее с корабля или выслать за ней шлюпку и разрядить. В первом случае они разметали бы жилище разведчика впрах, во втором, подойдя к острову, обнаружили бы, что он обитаем.

Демин попытался веслом отвести мину на чистую воду, надеясь, что ее подхватит и унесет. Весло соскакивало. Демин чуть было не упал, оступившись на скользких камнях. Пришлось спускать надувную шлюпку.

В разрывах быстро бегущих облаков появлялась и исчезала луна. Действовать можно было только в той части пролива, на которую остров отбрасывал тень. Маяк был затемнен, но кто знает, не смотрели ли сейчас оттуда.

Лодка качалась, мина качалась. Потихоньку передвигая рогатый шар, похожий на череп, Демин не мог отделаться от ощущения, что это смерть его вертится у него в руках. Сорвется, ударится колпаком о камень и...

Наконец тросиком зацепил мину за рым и отбуксировал почти на середину пролива.

Утром он увидел, что приبلудная мина снова жметя к острову. Ветер не переменялся за ночь, и она вернулась на старое место.

Весь день (это был третий день его пребывания во вражеских шхерах) Демин пролежал в своей пещере с

ощущением, что шапка-невидимка совсем непрочно держится на затылке. По счастью, кораблей не было, а со стороны маяка мину, по-видимому, заслонял камень.

Ночью, по пояс в воде, разведчик подобрался к ней и с тысячью предосторожностей разрядил. Потом, ругая ее вполголоса, подвел к берегу. Мина была шхерная, небольших размеров, и после нескольких неудачных попыток ему удалось вкатить ее в свою пещеру. Это было единственное место, где можно было спрятать ее от постороннего взгляда.

Теперь ему пришлось потесниться. Ноги можно было вытягивать лишь попеременно: то одну, то другую. И как ни исхитрялся, как ни натягивал на себя шинель, спине было очень холодно от железа.

Он позволил себе роскошь — включил передачу из Москвы. Долго роскошествовать было нельзя, — приходилось экономить аккумуляторы.

Замолк голос родины. Снова слышен лишь неумолчный тоскливый вой ветра. Брызги с шипением перехлестывали через остров. Задувал зюйд-вест.

Демин заснул, потому что был вконец измучен возней на взморье.

Очнулся он от частых выстрелов. Пули стучали по камням над его головой.

Он овладел собой мгновенно. У опытных разведчиков не бывает вяло-дремотного перехода от сна к бодрствованию. Мозг Демина с места взял предельную скорость. Первым делом отстучать на базу о вынужденном прекращении передач! Потом принять бой! Когда ясно станет, что спасение невозможно, подорвать себя, рацию с часами и синхронным механизмом. Уйти с безыменного острова, не оставив следов!

Выстрелы смолкли. Не снимая пальца с ключа, Демин глянул в узкую щель.

Метрах в тридцати от него покачивалась шлюпка с двумя гитлеровскими солдатами. Толстяк смеялся, развалился на корме. Тощий дылда стоял, расставив ноги, часто мигая. В руках у него был автомат.

— А я говорю, попал, — донеслось до разведчика. — Ты проиграл!

— Сядь, Франц, — пробормотал толстяк между двумя судорожными приступами веселья. — Сядь, повернешь лодку.

— К черту! — сердито отмахнулся Франц и действительно чуть было не упал, зацепившись за удочки. — Не веришь — подъедем к этим камням. Я докажу, что попал, дурень ты!

Рывком весел он двинул шлюпку вперед. Завязалась борьба, сопровождавшаяся перебранкой. Видимо, до этого оба не раз прикладывались к фляжке.

Тощий дылда с пьяной настойчивостью порывался к острову, более трезвый толстяк отнимал у него весла, уговаривал сесть. Шлюпка раскачивалась, вертелась волчком. Течение подносило ее все ближе и ближе.

Медленно ведя за ней дуло автомата, Демин не спускал Франца с мушки. Да, так надо было сделать. Сначала его, потому что он вооружен. За ним другого...

Но когда шлюпка очутилась почти у берега, толстяку, наконец, удалось перехватить весла. Не оглядываясь, он погнал шлюпку быстрыми толчками назад к маяку.

Демин перевел дух.

Куда же все-таки метил Франц: в чайку, в ствол сосны, в приметный камень на вершине?

Хорошо еще, что не прошел очередью мину. Черной

неблагодарностью отплатила бы она тогда за оказанное ей гостеприимство.

И вдруг справа от себя Демин услышал журчание.

Так и есть! Проклятый Франц попал, и спьяну совсем не туда, куда метил. Случайная пуля пробила аккумуляторы, и драгоценная жидкость — электролит — вытекла.

Быть может, удастся еще поработать, пока хоть что-нибудь плещется на дне? Демин с лихорадочной быстротой застучал на ключе, но обнаружил, что накал ламп быстро садится.

Он стал выяснять причину. Оказалось, что фашистская пуля застряла внутри аккумулятора и замкнула пластинки электродов.

Это было самое ужасное из того, что могло произойти. Случайно, сам не подозревая об этом, пьянчуга выбил оружие из рук Демина. Разведчик был теперь нем и глух.

Что пользы в том, что он еще зрячий? (Стереотруба уцелела.) Все равно не сможет сообщить на базу об увиденном. Рядом безнаказанно станут шнырять вражеские корабли, а он будет обречен на бездействие.

Мало того. Теперь Демин не сможет вернуться домой. Катер должен был прийти за ним на пятую ночь, но ведь на базе приняли радиogramму о том, что разведчик обнаружен, что он собирается подорвать себя и рацию. Радиogramма была последней. Рация прекратила работу. Значит, Демина уже нет в живых...

Весь день разведчик не отрывался от стереотрубы. Мимо проходили караваны, — он заставлял себя не обращать на них внимания.

Сейчас его должно интересовать только то, что творится по ту сторону узкого пролива — на маяке и во дворе перед маяком. Это уже не простое любопытство,

развлечение, как было раньше. Нет, это нужно для пользы дела.

Пытливым взглядом обводил разведчик кусты лесной малины и шиповника, окружавшие дворик. Они довольно высоки. Можно незаметно проползти в кустах до самой стены.

Он внимательно осмотрел стену. Правый угол немного обвалился. Здесь удобнее всего проникнуть внутрь двора.

Потом, держась у стены, прячась в ее тени, он доберется до деревянного сарайчика, стоящего поодаль дома! Этот сарайчик привлекал особое внимание Демина. Он был почти уверен в том, что там находятся аккумуляторы.

Когда ветер дул со стороны маяка, Демин явственно различал прерывистый, с покашливанием и чиханием, стук движка. Несомненно, в сарайчике производили перезарядку аккумуляторов, которые давали энергию для питания фонаря на маяке. Возможно, что там хранились и запасные аккумуляторы для переносных фонарей. Итак, задача ясна: во что бы то ни стало добыть трофейный аккумулятор!

Для набеговой операции Демин выбрал время перед рассветом, когда сон всего крепче. Место высадки было облюбовано заранее.

Переправившись в надувной лодке через пролив, он скользнул по склону вверх. Все было тихо вокруг.

Он прополз вдоль кустарника к стене, перелез через нее. Оглянулся — никого. Прислушался — только волны мерно ударяют о берег.

В несколько прыжков Демин очутился подле сарая. Как он и ожидал, дверь была только притворена, не заперта.

Прежде чем переступить через порог, разведчик еще раз оглянулся. Двор был пуст.

Где-то в ветвях коротко вскрикнула во сне какая-то птица. И опять тишина. Из сарая на Демина пахло сыростью. Он шагнул внутрь.

Отставив в сторону автомат и присвечивая себе карманным фонариком, Демин склонился над грудями разнообразного скарба, которым запасался впрок хозяйственный смотритель маяка. Черт знает! Аккумуляторов нет.

Нетерпеливый толчок в спину заставил Демина вскочить на ноги и обернуться. Перед ним стоял тощий дылда, тотчас же отскочивший и поднявший автомат.

— Руки вверх! Руки! — невнятно бормотал он.

Демин послушно поднял руки. Одновременно приемом, разученным еще в училище, выбросил вперед и вверх ногу и носком подбил ствол автомата.

Торопливо хлестнула над головой очередь.

По-прежнему молча Демин бросился на гитлеровца.

Они стояли, качаясь, тяжело дыша, ломая друг друга, выкручивая, вырывая автомат. Потом грузно упали, не разжимая объятий. Рядом металась их тень, точно рефери, отсчитывающий секунды на ринге.

Вдруг в глазах гитлеровца мелькнула радость. Не оглядываясь, Демин понял, что кто-то новый появился во дворе.

Второй солдат навалился на Демина, с силой выкручивал руку, державшую автомат.

Разведчик почувствовал, что слабеет. От нестерпимой боли, пронизавшей руку до плеча, пальцы мало-помалу разжимались, выпускали автомат. Надежда уходила меж пальцев.

Краем глаза он заметил, что из черного провала дверей выглянул третий гитлеровец. Трое против одного!

Отчаяние подхлестнуло Демина. Головой ударил толстяка в лицо; волоча его за собой, прополз несколько метров. Высвободив левую руку, схватил лопату, стоявшую у стены, ударил наотмашь. Толстяк отвалился.

Франц, дико крича, отскочил от Демина, — в руках у того уже был автомат.

Выстрел!.. Выстрел!..

Унтер-офицер метнулся назад в дом. Каблуки его быстро простучали по лестнице.

Телефон! На маяке должен быть телефон! Демин бросился вдогонку за унтер-офицером.

Он не рассмотрел комнаты, куда вбежал. Видел перед собой только телефон на стене и гитлеровца, срывающего трубку с крючка. Выстрелил в упор. Гитлеровец пополз вниз, цепляясь за стену. Демин на лету перехватил трубку, не дал ей упасть.

Там по-комариному попискивало. Поколебавшись секунду, разведчик приблизил трубку ко рту.

— Слушаю вас, — сказал он по-немецки, сипло и с напряжением, как будто голосовые связки были сорваны.

— Шульц? — спросила трубка. — Это вы, Шульц?... Алло!..

— Слушает Шульц.

— Почему говорите так? Что с голосом?

— Простудился. Горло болит.

— Ага... Как Винтер и Штубе?

— Спят.

— Разбудите их... Вот что, Шульц! Большой караван пройдет мимо маяка через полчаса. Поняли? Проверь-

те вешки у Ранкинматала. Слышите меня?... Алло! Алло! Почему не отвечаете?

— Да. Проверить вешки у Ранкинматала.

— Правильно. Все нормально у вас на маяке?

— Да.

— Тогда все. Счастливо, Шульц.

— До свиданья.

Он долго не мог повесить трубку обратно на крючок: дрожали пальцы, а глаза были прикованы к будильнику, висевшему на стене. Часы показывали половину шестого.

Даже если бы у него были аккумуляторы и он передал бы сообщение на базу, катеры не успели бы перехватить караван.

Что же делать? Ведь он сейчас хозяин маяка!

Нет, все к черту! Все зря! Вражеский караван уйдет от облавы!

Никак нельзя было примириться с этим. Все существо моряка страстно протестовало против этого. Казалось, надо додумать, понять что-то и решение будет найдено. Оно совсем близко, под рукой.

Демин осмотрелся. Под рукой был автомат. Не с автоматом же выходить против вражеского каравана!

Эх, ночь бы сейчас — знал бы, что делать. Поднялся бы на башню маяка и посветил желтым огоньком вместо красного. Зацепив за форштевень желтым лучом, вывел бы головной корабль прямехонько на камни.

Но уже светает, каравая пройдет, когда станет совсем светло. Корабли будут ложиться на курс не по огням маяка, а по створным знакам, створя башню маяка с вершиной острова.

Створ?...

Ведь Демин был хозяином не только маяка, но и

створного механизма, особенно чувствительного в шхерах.

Испортить этот механизм, нарушить чувствительность створа — таково было его решение.

В шхерах корабли ходят буквально с оглядкой, от одного створа до другого.

Створными знаками могут быть огромные белые щиты, установленные на видном месте, пятна, намаленные белой краской на камнях, башни маяков, колокольни, высокие деревья или скалы причудливых очертаний.

По шхерным извилистым проливам корабли двигаются зигзагом, то и дело меняя курс в зависимости от створных знаков. Капитан разворачивает свой корабль, внимательно следя за тем, чтобы два створных знака, указанных в лоции для этого участка пути и отстоящих друг от друга на некотором расстоянии, постепенно сближались. Когда они совпадут, то есть окажутся на одной линии, это будет означать, что корабль лег на правильный курс и теперь ему не угрожает опасность сесть на мель или выскочить на камни. При новом повороте пользуются второй парой створных знаков, и так далее.

Здесь на одном конце створа — маяк, на другом — вершина острова.

Демин быстро прикинул. Нет, с маяком не выйдет ничего. Слишком много взрывчатки понадобилось бы для того, чтобы разрушить башню маяка. В отношении скалы, которая была вершиной острова, дело обстояло проще. Запас тола находился под ней, поджидал своего часа.

И этот час настал!..

Демин выбежал из здания маяка. Было уже совсем светло.

Вдали он увидел силуэты кораблей. Головной транспорт водоизмещением до 15 тысяч тонн медленно выплывал из голубоватой утренней дымки, висевшей над скалами.

По прямой до него было не более восьми кабельтовых, но долгий путь по шхерам. Сейчас транспорт скроется за скалой и пойдет колесить узкими протоками, делать зигзаги и петли, возьмет курс на норд, как будто возвращаясь назад, и только через двадцать-тридцать минут выйдет на плес к маяку.

Времени должно хватить!

Демин прыгнул в лодку. Несколько взмахов весла — и он уже на своем острове.

Встретить врага днем! Именно днем! И вступить с ним в единоборство. На тесном шхерном перекрестке, остановить вражеский корабль собственным своим штурманским оружием!

С лихорадочной поспешностью он выкатил мину из пещеры. Раньше не хватило бы сил поднять ее на вершину острова, — сейчас сделал это рывком, удивляясь самому себе.

Укрепил ее под нависшей скалой. Узор трещин на скале когда-то напоминал древние письмена. Их смысл был разгадан теперь, — трещины подтверждали, что гранит крошится. Тола должно было хватить.

Никто уже не просматривал остров с маяка. Но из-за поворота вот-вот должен был показаться головной транспорт. Скорее!.. Протянуть бикфордов шнур!.. Подвесить патрон!..

Он оглядел свои владения, проверяя себя. Ошибки не было. Если взрыв обрушит край скалы, ее характерные очертания изменятся, и это создаст створное отклонение не меньше чем на пять градусов. Нарушена будет чувствительность створа. Взяв влево на пять

градусов, вражеский транспорт выскочит на те вон камни.

Взрыв раздался, когда Демин, усевшись в свою надувную лодку, отгреб уже довольно далеко от острова. Звук покатился по воде, отскакивая от берегов.

Насторожит ли это вахтенного командира на транспорте? Вряд ли. Взрывы в шхерах часты. Идет война. Вокруг на побережье строят доты, углубляют фарватеры...

Приткнувшись к прибрежным скалам, Демин оглянулся. Дым оседал, быстро рассеиваясь. Наперегонки катились с вершины камни. Течение протащило мимо обрывок камуфлированной сети. Безымянный островок отслужил свое, и шапка-невидимка свалилась с него.

Эхо еще перекатывалось по скалам, когда из-за поворота появился транспорт. Заметили ли на мостике, что изменился один из створных знаков?

Не заметили... Не убавляя хода, транспорт лег на курс. Теперь все! Он сошел с фарватера, с узкой шхерной тропы. Он обречен.

Рискуя обнаружить себя, Демин выдвинул лодку из-за прикрытия, чтобы лучше видеть. Он дал лишь толчок событиям. Теперь события разворачивались сами у него на глазах. По инерции, неотвратимо, как судьба.

Страшный скрежет прокатился по шхерам.

С полного хода корабль ударился о камни и всполз на них, показав подводную часть, обросшую водорослями. Надрывно завывала сирена.

Сейчас корабль был похож на огромного зверя, попавшего в капкан, воющего от боли и страха. Яростно били винты, пеня воду за кормой. Корпус сотрясался от усилий. Гитлеровцы безуспешно пытались сорвать корабль с камней.

По-видимому, транспорт пропорол борт в нескольких местах. Из труб повалил густой черный дым.

Корабль начал быстро валиться набок...

Туг только Демин понял, до какой степени он устал, измучен. Он даже не имел сил радоваться. Наступила реакция. Сейчас ему хотелось спать. Только спать. Опустить весло. Закрыть глаза. Слушать, как журчит вода, покачивая его резиновую лодку. Отдаться этому мерному, ласковому покачиванию.

Это было запрещено. Вражеские шхеры были вокруг. Нужно было уходить из шхер.

И он оттолкнулся веслом от берега...

Шансов уйти было очень мало, он понимал это. Но упрямая вера в счастье — инстинкт победы — вела его.

Демин плыл, соблюдая все предосторожности, — только по ночам, держась в тени берега. Днем отстаивался в надежных бухтах среди камней. Путь на юг указывали яркие сентябрьские звезды.

На четвертый или пятый день пути, — время он помнил неточно, — над шхерами в финскую сторону пролетело звено советских самолетов. "Разведчики, — с удовлетворением определил Демин, провожая их взглядом. — На Котку". Однако самолеты вскоре вернулись. Они летели на бреющем, проносились над самой водой, снова возвращались, точно отыскивая что-то в шхерах. Один из них промчался над Деминым так низко, что тот увидел обращенное к нему улыбающееся лицо. Теперь все три разведчика стали кружить над ним.

Повинуясь ободряющему покачиванию крыльев, Демин выгреб на середину протоки. Самолеты улетали вперед, возвращались, делали крутые виражи. Рокот их моторов заставлял сильнее биться сердце. Демин

плыл в своей утлой лодочке, как бы привязанный к ним волшебной серебряной нитью.

Он плыл так по шхерам, среди сумрачных финских берегов, не понимая, почему молчат автоматические пулеметы, зенитки, орудия дотов и дзотов, почему гитлеровцы не обстреливают моряка, возвращающегося после операции, и его воздушный, реющий над ним конвой.

Только на базе торпедных катеров Демин узнал, что пока он скитался в шхерах, Финляндия была выведена из войны.

— Значит, транспорт в шхерах — замыкающий, — пробормотал он со слабой улыбкой и, удобно вытянувшись под хрустящей прохладной простыней, погрузился в сон, каким спят только дети и вернувшиеся домой разведчики.

Стоявшие у постели адмирал и врач переглянулись. Они знали о потоплении транспорта, но не догадывались, что его потопил именно Демин, и потопил таким необычным образом — нарушив чувствительность створа в шхерах...

.....

— А ведь и вправду, Иван Акинфиевич, горами двигали! — почтительно сказал кто-то из гостей, выслушав историю шхерного Робинзона.

— Да еще как двигал-то, — поддержали его. — Один, почти безоружный, вышел против гитлеровского каравана!

Демин смущенно покашливал.

— Я это к тому вспомнил, — пояснил хозяин, чрезвычайно довольный триумфом скромного Ивана Акинфиевича, — что случай уж очень характерный. Кто бы так еще смог поступить, кроме советского человека?... Смело скажу: никто!

— Конечно, никто.

— А почему? Потому, что в нашей стране на протяжении десятков лет, с первой сталинской пятилетки, неустанно переделывают природу. Это стало привычным, это в порядке вещей. Моряку любой другой страны такое бы и в голову никогда не пришло, а нашему Ивану Акинфиевичу пришло! Не по нему оказались шхеры, он взял да и переделал их... Твердой рукой внес свою, советскую поправку в лоцию!..

СОДЕРЖАНИЕ

СИМФОНИЯ

Рассказ

5

ДОРОГА ЦИКЛОНОВ

Фантастическая повесть

17

ТРАНСАРКТИЧЕСКИЙ ПАССАЖИР

Рассказ из недалекого будущего

65

ПРАВАЯ РУКА

Рассказ

77

АРОМАТ РЕЗЕДЫ

Фантастический рассказ

93

ГОСПОДИН БИБАБО

Фантастическая повесть

115

СЫНОВЬЯ

Рассказ

187

ВЕРШИНА СТОЛИЦЫ

Фантастический очерк

203

КОНЦЕНТРАТ СНА

Фантастическая повесть

223

СОЛЕНАЯ ВОДА

Научно-фантастический рассказ

271

ЗЕМЛЯ САВЧУКА

Научно-фантастическая повесть

291

КАМЕННЫЙ ХОЛМ

Научно-фантастический рассказ

377

ПТИЦА МАУК

Научно-фантастическая киноповесть

411

МГНОВЕНИЕ

Научно-фантастический рассказ

509

ОПАСНЫЙ ГРУЗ

Рассказ

553

ПОПРАВКА К ЛОЦИИ

Рассказ

593

